

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Кафедра политологии, международных отношений
и всеобщей истории

И.Ф. Сергеевкова

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
(1918–1945 гг.)
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Учебное пособие

Ижевск
2022

УДК 94(100)''1918/1945'':327(075.8)
ББК 63.3(0)61-6я73+63.3(0)62-6я73
С322

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: д-р ист. наук, профессор, В.А. Чиркин

Сергеенкова И.Ф.

С322 Международные отношения (1918–1945 гг.) Актуальные проблемы : учеб. пособие – Ижевск : Удмуртский университет, 2022. – 584 с.

ISBN 978-5-4312-1045-7

В пособие рассматривается история международных отношений в период между двумя мировыми войнами и в годы Второй мировой войны. Особое внимание уделяется причинам краха Версальско-Вашингтонской конференции, рассмотрению советско-германским отношениям в сентябре 1939 – июне 1941 г., формированию и деятельности антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг. Большое внимание в пособие уделяется дискуссионным проблемам. Пособие содержит задания для самостоятельной работы обучающихся, при подготовке к лекциям, практическим и семинарским занятиям, к зачетам и экзаменам.

Пособие адресовано преподавателям высших учебных заведений и обучающимся различных направлений и специальностей, изучающих дисциплины «Новая и новейшая история стран Европы и Америки», «История международных отношений», «История России».

УДК 94(100)''1918/1945'':327(075.8)
ББК 63.3(0)61-6я73+63.3(0)62-6я73

ISBN 978-5-4312-1045-7

© И.Ф. Сергеенкова, 2022
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2022

Введение

Дисциплина «История международных отношений» в соответствии с учебным планом направления 41.03.05 подготовки бакалавров относится к базовой части профессионального цикла дисциплин специальности «Международные отношения», а также является важной частью курса «Новейшая история стран Европы и Америки» по направлению подготовки 46.03.01. История.

Проблемы международных отношений в межвоенный период и в годы Второй мировой войны находятся в центре внимания историков и политиков. В последние десятилетия мы столкнулись с преднамеренной фальсификацией истории событий предвоенного времени и Второй мировой войны. Особенно активно этот процесс идет на Украине, в Молдавии, Прибалтийских государствах, в бывших социалистических странах. Искажение истории, снос памятников советским воинам, отдавшим жизнь в борьбе с фашизмом, происходит, ради того, чтобы интегрироваться в западные военно-политические и экономические структуры.

В пособии предпринята попытка дать современную оценку отдельным проблемам истории международных отношений, чему способствовала публикация новых исторических источников и ряда исследований, таких как «Системная история международных отношений в четырех томах, 1918 – 2000» Т. 1. под ред. А.Д. Богатурова, «Кризис и война. Международные отношения в центре и периферии мировой системы в 30–40-х годах», под ред. А.Д. Богатурова, «История международных отношений» учебник в 3-х томах под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского и др., что позволило подойти к изучению международных отношений как к самостоя-

тельному процессу, исследовать их специфику и особенности, понять истоки возникновения Второй мировой войны.

Повышенное внимание в пособии уделено дискуссионным проблемам периода.

В соответствии с государственным образовательным стандартом по специальности «История» студенты должны уметь осуществлять отбор необходимых концепций, исторических фактов всемирной и российской истории для прикладных, фундаментальных исследований, педагогической деятельности, знать актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, критически воспринимать и применять основные концепции развития истории России и всеобщей истории, объяснять исторические факты с учетом историографического знания и разных концепций исторического процесса.

Развивать требуемые умения можно на основе совмещения лекционного материала, с изучением историографических работ и исторических документов. Таким образом, указанные методы и приемы способствуют не только развитию необходимых умений обучающихся, но и помогают выполнению государственного и социального заказа – формированию грамотного специалиста с высоким уровнем профессиональной культуры.

В 2019 г. Издательский центр «Удмуртский государственный университет» выпустил «Хрестоматию по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Международные отношения 1918-1945 гг.». Данное пособие является важным дополнением этого издания.

Структура пособия соответствует логике изложения материала учебной дисциплины «История международных отношений»

Составной частью пособия является *Приложение*, в котором представлены статьи отечественных историков по историографии наиболее актуальных и спорных проблем международных отношений данного периода.

В конце глав даются задания для самостоятельной работы студентов, роль которой значительно возросла в процессе подготовки современных специалистов.

Тема 1. Итоги Первой мировой войны. Версальско-Вашингтонская система международных отношений

1. Социально-экономические и политические последствия мировой войны
2. Планы великих держав по мирному урегулированию и послевоенной организации мира
3. Парижская мирная конференция
4. Версальский мирный договор с Германией
5. Мирные договоры с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией
6. Русский вопрос на Парижской мирной конференции
7. Создание и начальный период деятельности Лиги Наций
8. Вашингтонская конференция 1921-1922 гг. и ее решения
9. Противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений
10. Оценки решений Парижской конференции советскими и российскими историками
11. Самостоятельная работа

1. Социально-экономические и политические последствия мировой войны

Людские и материальные потери в результате Первой мировой войны были колоссальны – 9 млн 442 тыс. Потери победителей (5,4 млн) превысили потери побежденных (4 млн). В тылу воюющих государств от голода и болезней погибло около 10 млн, было ранено и искалечено 21 млн солдат и офицеров. К 10 млн убитых в ходе войны следует прибавить и умерших в результате эпидемии испанки (гриппа) после войны. За 18 месяцев 1918–1919 гг. во всем мире от испанки умерло 20 млн чел.

Первая мировая война вызвала синдром безнаказанности и вседозволенности. Швейцарский ученый психолог Карл Густав Юнг, свидетель послевоенных лет, констатировал стресс, который охватил западное общество после Первой мировой войны. «Еще в 1918 году, – говорил он, – я заметил характерные нарушения в бессознательном моих немецких пациентов расстройства не могли быть описаны исходя из личной психологии...Налицо было расстройство коллективного бессознательного в каждом простом немецком случае. Конечно, можно объяснить нарушения ближайшей причиной, но такое объяснение склоняется к неадекватности, потому что естественнее понять архетипы, через их цели, чем через их причины. Те архетипы, что наблюдал я, выражали первобытность, насилие, жестокость. Когда я достаточно насмотреться на эти случаи, я обратил внимание на характерное умонастроение, которое стало преобладать в Германии. Всего я не видел, лишь определенную депрессию и беспокойство, но и видимое не противоречило подозрениям. В статье, в то время опубликованной, я предположил, что в беспокойной дремоте зашевелилась "белокурая бестия" и не исключен взрыв. Такое состояние дел не было каким-нибудь там тевтонским феноменом, что и стало понятным в последующие годы. Атака первобытных сил стала более или менее всеобщая».

В экономической и социальной сферах результатом перехода промышленности на выпуск оружия и военных материалов стало резкое сокращение производства предметов широкого потребления, что породило товарный голод, повышение цен, спекуляцию. Сельское хозяйство пришло в упадок. Сократилось поголовье скота, сбор хлеба в европейских странах снизился на 30–60 %. Цены выросли в два-четыре раза при сокращении реальной заработной платы на 15–20 %.

Важным итогом Первой мировой войны стал резкий рост влияния международного коммунистического движения. После победы русской революции мир раскололся на две противостоящие социально-политические системы. Началась новая эпоха – эпоха конфронтации двух систем.

В марте 1919 г. состоялся учредительный съезд Коммунистического Интернационала, в котором участвовали представители 30 стран мира.

В феврале 1919 г. был восстановлен II Интернационал. В результате его объединения с II 1/2 Интернационалом в 1923 г. возник Социалистический рабочий интернационал. К этому времени в мире насчитывалось около 60 социал-демократических и социалистических партий, объединявших более 8 млн членов. Роль социал-демократии в решении социальных вопросов и крупных международных проблем значительно возросла. Идеологическое размежевание просуществовало до конца XX в. Многие глобальные события – Вторая мировая война, противостояние СССР и США, охватившее период второй половины XX столетия – носили ярко выраженный идеологический характер.

Итогом Первой мировой войны стало крушение четырех некогда могущественных империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Провозгласили свою независимость Австрия, Венгрия, Польша, Финляндия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Литва, Латвия, Эстония.

Почти весь колониальный мир был охвачен **национально-освободительной борьбой**. Это объяснялось ростом национального самосознания и ослаблением в ходе мировой войны держав-метрополий. В 1918–1921 гг. крупные антиколониальные выступления прошли в Индии, Китае, Монголии,

Египте, Иране, Ираке, Ливии, Марокко, Афганистане и других колониальных и зависимых странах. Именно поэтому представители политической элиты Запада всерьез заговорили о «праве наций на самоопределение» и о решении колониального вопроса «с учетом интересов местного населения».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод: самая кровопролитная и разрушительная война в истории человечества вплотную подвела народы мира и политическую элиту к осознанию необходимости предотвращения подобных мировых конфликтов, создания более безопасной системы международных отношений.

«Венская система международных отношений» потерпела крах. Из пяти столпов «концерта» – одна (Австро-Венгрия) перестала существовать; Германия и Россия пережили глубокий внутренний кризис после краха монархических режимов. Остались две великие европейские державы: Англия и Франция. Казалось, что эта ситуация открывает перспективы англо-французского доминирования в мире, но реальный вес этих стран в мире (экономический, военно-технический, демографический) был явно недостаточен для того, чтобы играть такую роль.

Итогом первой мировой войны стало резкое усиление в мировой экономике позиций США. Уже в конце XIX в. Соединенные Штаты превратились в экономическую державу номер один. Темпы промышленного и технологического роста в США были значительно выше, чем в Европе. В годы войны США стали основным поставщиком оборудования, продовольствия, транспортных средств, снарядов и т. п. Без американской продукции Англия и Франция не смогли бы выстоять на протяжении тяжелейших первых двух с половиной лет мировой войны. В результате прибыли американских корпора-

ций составили 33,5 млрд долл. – цифра, превышавшая оценочную стоимость всех материальных разрушений на европейском континенте.

За годы войны США превратились из страны-должника в крупнейшего международного кредитора. Если до войны Соединенные Штаты были должны Европе 3,7 млрд долл., то после войны уже Европа задолжала США 11 млрд долл. (общая задолженность союзных государств оценивалась в 20 млрд долл.) На долю США приходилась половина мирового золотого запаса. Нью-Йорк наряду с Лондоном стал общепризнанной финансовой столицей мира.

В начале 1920-х гг. США производили на 10 % больше промышленной продукции, чем Англия, Франция, Германия, Италия и Япония, вместе взятые. Американские инвестиции за рубежом возросли в 6 раз: с 3 до 18 млрд долл.

Как известно, Соединенные Штаты вступили в войну только в апреле 1917 г., а к активным военным действиям приступили в июле 1918 г., т. е. незадолго до ее завершения. Поэтому людские потери США были относительно невелики: 50 тыс. человек убитыми (0,5 % общих потерь в войне) и 230 тыс. ранеными. Из высших офицеров погиб один полковник: будучи пьяным, упал с лошади и разбился насмерть. Территория Соединенных Штатов в отличие от европейских стран избежала разрушений.

Таким образом, была создана материальная основа для превращения США из региональной в великую мировую державу. Уже в апреле 1917 г. президент Вудро Вильсон публично провозгласил: «Перед нами стоит задача финансировать весь мир, а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром».

Но, как показывает пример США, резкий рост экономической и финансовой мощи не всегда приводит к аналогичному усилению политических позиций на международной арене.

Причины, ограничивавшие влияние США в сфере международных отношений в межвоенный период:

во-первых, американский бизнес не рвался к широкому выходу на мировую арену, т. к. еще не завершилось освоение обширного внутреннего рынка США. В начале 1920-х гг. 85–90 % производимой в США промышленной продукции потреблялось внутри страны. Что касается избыточного капитала, то он вывозился в ограниченное число стран Западного полушария;

во-вторых, в США были сильны позиции изоляционистов. Изоляционизм берет свое начало с «Прощального послания» первого президента США Джорджа Вашингтона, и сводится к отказу от каких-либо обязательств и договоров с государствами Старого Света, которые могли втянуть Соединенные Штаты в военно-политические конфликты, тем самым подорвать их самостоятельность как в области внутренней, так и внешней политики.

Изоляционисты пользовались поддержкой населения, выступавшего за отказ от внешних военных авантур и колониальных захватов. Что касается политических деятелей, то они никогда не оспаривали право США на экономическую экспансию и роль международного арбитра, но решительно выступали против участия Соединенных Штатов в каких-либо союзах и соглашениях с европейскими государствами;

в-третьих, внешняя политика любой державы, претендующей на роль мирового лидера, должна опираться не только на мощный экономический потенциал, но и потенциал во-

енный. В этой области Соединенные Штаты существенно отставали от европейских держав. Сухопутная армия США представляла собой, как иронично отмечали в Европе, «величину неопределенную». Программы по строительству современного военно-морского флота в те годы были лишь заявкой на будущее. США приходилось мириться с военно-морским превосходством Англии, силой сухопутных войск Франции, а через некоторое время и мощью военной машины Германии и Японии;

в-четвертых, у США не было необходимого опыта в сфере практической дипломатии. В этой области преимущество было на стороне Англии и Франции.

Уже первые попытки американской администрации играть руководящую роль в международных делах встретили решительный отпор со стороны искушенных в дипломатических играх правительств Англии и Франции.

Великобритания понесла огромные людские потери – 744 тыс. убитых и около 1,700 тыс. раненых. Таких военных потерь история этой страны не знала. Война нанесла весьма ощутимый урон экономике. Страна потеряла около 20 % национального богатства. Как в годы войны, так и в первые послевоенные годы продолжало сокращаться промышленное производство. В результате довоенный уровень был достигнут лишь в 1929 г. (худший показатель среди всех западных держав). Если в 1913 г. доля Великобритании в мировом промышленном производстве составляла 33,6 %, то в 1920 г. – 9 %. Огромные военные расходы превратили Великобританию из международного кредитора в страну-должника. Внешний долг оценивался в 5 млрд долл., из которых 3,7 млрд приходились на долю США. Страна потеряла 40 % своего тор-

гового фронта. В итоге английская внешняя торговля сократилась почти в два раза, а ее зарубежные инвестиции – на 25 %;

Еще одним «ударом судьбы» стал мощный подъем национально-освободительного движения в английских колониях.

Наряду с этими негативными для Великобритании последствиями Первой мировой войны были факторы, позволившие этой стране не только сохранить свои позиции великой мировой державы, но на каких-то участках даже усилить их.

Во-первых, несмотря на первые признаки кризиса Британской империи, Англии в результате войны удалось не только отстоять свою колониальную империю, но и значительно расширить ее за счет получения мандата на управление территориями, ранее принадлежавшими Германии и Турции. Если до войны на долю Англии приходилось 44,9 % колониальных владений мира, то после войны – 58 %.

Во-вторых, в первые послевоенные годы незыблемым оставался приоритет сильнейшего в мире английского военно-морского флота. Правительственные круги Англии стремились строго придерживаться ими же разработанной формулы: британский флот должен быть больше объединенного флота двух других держав.

В-третьих, ухудшение финансового положения Англии считалось временным и относительным. Долг Соединенным Штатам во многом компенсировался задолженностью Англии со стороны континентальных европейских государств, которая превышала 4,3 млрд долл.

В-четвертых, в актив Англии следует отнести разгром главного довоенного конкурента – Германии, высокий международный престиж победителя в войне, традиционно крупную роль в мировой дипломатии и огромный опыт в решении сложных международных проблем.

Франция заплатила за победу многочисленными человеческими жертвами: 1327 тыс. убитых и 2800 тыс. раненых. Огромными были и материальные потери. Почти полностью были опустошены северо-восточные департаменты Франции, разрушено более 10 тыс. промышленных предприятий и около 1 млн жилых домов. Общий объем материальных потерь оценивался в 15 млрд долл., что составляло 31 % довоенного национального богатства. Франция лишилась роли «мирового ростовщика», став государством-должником. Французский долг США и Англии превысил 7 млрд долл. Октябрьская революция нанесла мощный удар по финансовым позициям Франции: 71 % всех долгов царского и Временного правительств, аннулированных советской властью, приходилось на Россию. Внешнеторговый оборот страны сократился почти в два раза, зарубежные инвестиции уменьшились на 30 %. Во французских колониях также отмечается подъем национально-освободительного движения.

Но, как и в случае с Англией, **позитивные итоги войны превалировали над негативными для Франции.**

Во-первых, Франция значительно увеличила свою колониальную империю за счет приобретения т. н. подмандатных территорий. Её доля в колониальных владениях мира возросла с 15,1 % в 1913 г. до 29 % после окончания войны.

Во-вторых, в первый послевоенный период Французская республика имела самую сильную в мире сухопутную армию.

В-третьих, социально-экономическая нестабильность представлялась фактором временного характера. Что касалось финансового ущерба, то предполагалось компенсировать его репарациями, взимаемыми с Германии.

В-четвертых, военный разгром Германской империи создавал благоприятные условия для утверждения ведущей роли Франции на европейском континенте.

Италия—еще одна страна-победительница. До войны по праву считалась одной из слабых европейских стран. Мировая война стала для нее непосильным бременем. В годы войны Италия потеряла 580 тыс. солдат и офицеров. После сокрушительного поражения в первом для итальянцев крупном сражении при Капоретто в октябре 1917 г. итальянские войска были полностью деморализованы и в этом состоянии пребывали до самого окончания войны. Военные эксперты назвали итальянскую армию «самой пленоспособной армией мира», т. к. число дезертиров и добровольно сдавшихся в плен составило более 1 млн человек.

Экономика Италии пришли в упадок. Государственные долги превысили национальное богатство страны на 70 %. Экономический спад, социальная напряженность и финансовый хаос сопровождались глубоким политическим кризисом, проявившемся в кризисе властных структур. Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на победу в войне, Италия продолжала играть второстепенную роль в послевоенных международных отношениях.

Япония, вступившая в войну на стороне Антанты еще в августе 1914 г., активного участия в ней не принимала. Ее военные действия в основном свелись к охоте за немецкими крейсерами на Тихом и Индийском океанах. Военные потери Японии составили около 300 человек. Зато итоги войны оказались для Японии очень благоприятными. Объем внешней торговли Японии в ходе мировой войны утроился. Япония вошла в число крупнейших индустриальных держав планеты, стала крупнейшим мировым центром судостроения, построив

в 1919 г. суда водоизмещением 650 тыс. т (против 85 тыс. т) в 1914 г. Япония, подобно США, превратилась в государство-кредитора.

Японии удалось захватить германские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане. Она овладела стратегически и экономически важными районами: Маршалловыми, Каролинскими и Марианскими островами, территорией Гуанчжоу и провинцией Шаньдун с населением в 36 млн человек в Китае и предприняла первую попытку установить контроль над всем Китаем. В январе 1915 г. она предъявила временному президенту Китайской республики Юань Шикаю ультиматум, вошедший в историю под названием «21 требование». Этот документ фактически превращал Китай в японскую полуколонию. День подписания этого соглашения 9 мая 1915 г. демократической общественностью Китая был объявлен «днем национального позора». В 1915–1917 гг. Японии удалось заключить с союзниками – Англией, Францией и Россией – секретные договоры, по которым последние признавали ее «особые права и интересы» в Китае.

Еще одним выгодным для Японии результатом войны стало вытеснение с азиатских рынков западных держав, занятых войной в Европе. Это во многом объясняло чрезвычайно быстрые темпы роста японской экономики.

Так создавалась материальная основа для новой внешней политики Японии на основе концепции «Азия для азиатов» (читай: «Азия для Японии»). Таким образом, важнейшим итогом Первой мировой войны стало вхождение Японии в число великих держав. Ни одну серьезную проблему безопасности на Дальнем Востоке нельзя было решить без нее.

2. Планы великих держав по мирному урегулированию и послевоенной организации мира

Уже летом 1918 г. стало ясно, что Германия проиграла войну. В сентябре 1918 г. Австро-Венгрия запросила о мире. В октябре выходят из войны Болгария и Турция.

3 ноября в Германии началась революция. Кайзеровское правительство вынуждено было просить о перемирии.

6 ноября для переговоров с Антантой правительство Германии направляет делегацию во главе с Матиасом Эрцбергером. Выбор главы делегации был не случаен. М. Эрцбергер имел репутацию либерала. 8 ноября 1918 г. немецкая делегация прибыла в Компьен в штабной вагон верховного главнокомандующего союзными войсками маршала Ф. Фоша:

Не подав немцам руки, маршал Ф. Фош спросил:

– Чего вы хотите, господи?

– Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.

– О, у нас нет никаких предложений о перемирии, – сказал Ф. Фош. – Нам очень нравится продолжать войну...

– Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.

– Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело.

Заставив таким образом немецкую делегацию просить о перемирии, Ф. Фош продиктовал им условия перемирия.

Германия должна была:

- прекратить военные действия с момента подписания перемирия;
- передача Франции Эльзас и Лотарингии;
- вывести в 15-дневный срок германские вооруженные силы с занятых ими территорий стран Антанты, а также из Австро-Венгрии, Румынии и Турции;

- вывести вооруженные силы с левого берега Рейна, а на правом берегу создать 50-километровую демилитаризованную зону;
- вернуть захваченные трофеи (включая российское, бельгийское и румынское золото);
- освободить всех военнопленных;
- передать державам Антанты значительную часть германских вооружений и транспортных средств;
- эвакуировать войска из Восточной Африки;
- возместить убытки стран-победительниц.

Германии давалось 72 часа для ответа – до 11 часов 11 ноября. В этот день перемирие было подписано.

Компъенское перемирие позволило Германии вернуть с Западного фронта в Германию 3,5-миллионную армию, чтобы использовать ее для подавления революции.

18 января 1919 г. начала работу Парижская мирная конференция.

На конференцию для подготовки мирных договоров прибыли представители 27 стран, воевавших на стороне Антанты.

В планах послевоенного устройства мира, с которыми державы-победительницы пришли на мирную конференцию, были отражены три главных момента:

1. Итоги мировой войны.
2. Новая расстановка сил между великими державами.
3. Международное положение страны и ее национально-государственные цели и интересы.

Самым амбициозным был план Соединенных Штатов, представленный В. Вильсоном в послании конгрессу 8 января 1918 г. в виде четырнадцати пунктов.

Цели «14 пунктов»:

1. Нейтрализация эффекта, произведенного на мировую общественность Декретом о мире и публикацией, рассекреченных Советским правительством тайных договоров стран Антанты.

2. Показать Англии и Франции, что теперь они должны скорректировать свои планы и цели с новым мощным участником коалиции – США.

Программа В. Вильсона выглядела на первый взгляд очень демократично:

1. Отказ от тайной дипломатии;
2. Свобода морей и торговли в мирное и военное время;
3. Снятие таможенных барьеров;
4. Всеобщее разоружение до минимума, необходимого для сохранения внутреннего порядка;
5. Решение споров о колониях с учетом интересов их населения;
6. Эвакуация иностранных войск со всей русской территории, обеспечение России независимого определения своего политического развития и приглашение ее в сообщество свободных наций на условиях гарантии независимого выбора своих политических институтов (правда, в комментариях к этому пункту, хранящихся в «Архиве» главного советника Вильсона полковника Э.М. Хауза, подчеркивалась необходимость поддержки «демократических сил» России, к коим администрация США большевиков не относил; более того, в качестве одного из вариантов решения русского вопроса предлагалось расчленив бывшую Российскую империю на ряд самостоятельных государств и подконтрольных западным державам территорий);
7. Эвакуация и восстановление Бельгии;

8. Восстановление разрушенных областей во Франции и возвращение ей Эльзаса-Лотарингии;
9. Урегулирование границ Италии;
10. Создание независимых государств на территории Австро-Венгрии;
11. Урегулирование границ на Балканах в соответствии с историческим развитием и этнографией полуострова, с предоставлением Сербии выхода к морю. Должны быть установлены международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности различных балканских государств.
12. Турецкие части Оттоманской империи, в современном ее составе, должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями.
13. Создание независимой Польши с выходом к морю;
14. Создание Лиги Наций для сотрудничества народов в интересах мира и справедливости.

В американской и европейской прессе развернулась широкая рекламная кампания по восхвалению «Четырнадцати пунктов». Пропагандистский акцент был сделан на якобы совершенно бескорыстном стремлении Вильсона к установлению нового международного порядка, основанного на принципах свободы, демократии и справедливости. Восхищенные американцы называли В. Вильсона «великим миротворцем» и «апостолом мира». Восторженные европейцы встречали прибывшего на мирную конференцию президента США

транспарантами: «Слава Вильсону Справедливому!». Его именем были названы улицы и площади в городах Италии, Франции и других европейских странах.

Действительно, в программе В. Вильсона были выдвинуты необычные для того времени демократические и даже радикальные лозунги.

Но каково же было реальное содержание «Четырнадцати пунктов»? Какие цели скрывались за пышной демократической и пацифистской фразеологией?

Вопрос этот далеко не праздный, т. к. в исторической литературе уже долгие годы идут споры о смысле и значении «Программы мира» США. В американской историографии доминируют панегирические оценки, в то время как советские историки очень критично оценивают «Четырнадцать пунктов» как завуалированную претензию США на установление мировой гегемонии. Эти крайние точки зрения объясняются тем, что «Четырнадцать пунктов» – сложный и противоречивый внешнеполитический акт, в котором содержались требования как империалистического, так и демократического характера.

Безусловно, программа В. Вильсона представляла собой первую официальную заявку США на руководство послевоенным миром. Материальной основой устремлений США стало их превращение в ведущую промышленную и финансовую державу мира. Идеологическое обоснование было детально разработано американскими экспансионистами еще в конце XIX в. Речь, прежде всего, идет об идеях «божественного предначертания», «демократической экспансии» и установления «американского мира».

О том, что главным в программе В. Вильсона были претензии на руководящую роль в мире, свидетельствуют и комментарии к ним со стороны президента и его советников.

Центральной идеей американского плана стала идея создания Лиги Наций, в которой США должны были стать мировым «суперарбитром». В Европе цель этой инициативы В. Вильсона хорошо понимали, назвав проектируемую организацию фирмой «Янки и К°».

Лозунг открытости переговоров и отказа от тайной дипломатии означал отмену секретных договоров стран Антанты по разделу сфер влияния и переделу мира. США не участвуя в их составлении, опасались, что в этих соглашениях их интересы не учтены. Поэтому необходимо было аннулировать все прежние тайные договоры и создать новую договорную систему, в которой нашли бы свое отражение глобалистские притязания США.

Весьма миролюбиво звучащий пункт о сокращении и ограничении вооружений, объяснялся не только военным отставанием Соединенных Штатов от европейских держав, но, и тем, что принцип «максимального сокращения вооружений» делал определяющим фактором соперничества не военную, а экономическую мощь, т. е. ту область, где США, бесспорно, были сильны.

«Программа мира» США провозгласила новые методы для достижения этой цели. Соединенные Штаты не хотели мириться с тем, что большая часть территории земного шара оставалась объектом монопольного контроля со стороны их конкурентов.

Уже с конца XIX в. США выступали против классических методов колониальных захватов и военно-политической экспансии, они противопоставили им доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», что позволило бы США вытеснить иностранных конкурентов и обеспечить себе господствующее положение в мире. Таким образом, доктрина

«открытых дверей» представляла собой теорию и практику экономического колониализма, содержавшего в себе элементы неоколониалистской политики, которая окончательно сложилась после Второй мировой войны.

Доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей» полностью согласовывалась с пунктом о «свободе морей» и «свободе торговли».

Провозглашение новых международных принципов во все не означало, что США полностью отказывались от старых, проверенных временем методов – баланса сил. Президент В. Вильсон стремился не допустить чрезмерного усиления Англии и Франции. Отсюда такие его предложения, как учреждение системы мандатов Лиги Наций на бывшие владения Германии и Турции; сокращение до «предельного минимума» вооружений; «свобода мореплавания» и «свобода торговли», направленный против монополизации странами Антанты мировых рынков сбыта и источников сырья.

Концепция баланса сил определяла позицию В. Вильсона по германскому вопросу. **Соединенные Штаты выступали против максимального ослабления Германии**, как того требовала Франция. Президент США приводил следующие доводы в защиту своего мнения:

Во-первых, германское государство должно стать противовесом Франции и Советской России, чтобы стабилизировать обстановку в Европе.

Во-вторых, максимальное ослабление Германия неминуемо приведет к усилению левых сил в стране, а, возможно, и к революции. Еще в октябре 1918 г. В. Вильсон в этой связи говорил: «Если мы унизим немцев и слишком прижмем их, мы уничтожим в стране все остатки власти, и там воцарится большевизм».

Однако кроме устремлений США стать мировым лидером в программе В. Вильсона содержались либеральные, демократические принципы построения новой системы международных отношений. Президент США, будучи реалистом, в большей степени, чем лидеры других великих держав, осознавал перемены, произошедшие в послевоенном мире. Подъем массового демократического движения, усиление национально-освободительной борьбы и, конечно же, революция в России – все это заставило В. Вильсона дистанцироваться от традиционных, империалистических методов, общепринятых в мировой практике. В «Четырнадцати пунктах» это нашло выражение в таких лозунгах, как «гласность и открытость дипломатии», «экономическая демократия», «свобода морей», ограничение гонки вооружений и т. д. Другое дело, какой настоящий смысл в них вкладывался, но сам факт их провозглашения был важным шагом на пути демократизации международных отношений.

Таким образом, план переустройства мира, выдвинутый В. Вильсоном, носил двойственный характер, сочетая принципы глобализма и либерализма.

Теперь необходимо ответить еще на один вопрос: **насколько реальной была возможность осуществления плана Соединенных Штатов?**

Главной преградой на пути реализации «Четырнадцати пунктов» В. Вильсона стал изоляционизм. Американские изоляционисты оказали беспрецедентное сопротивление внешнеполитическим инициативам президента.

Другим крупным препятствием стало жесткое противодействие ведущих европейских держав Англии и Франции любым попыткам Соединенных Штатов играть роль мирового политического лидера. Премьер-министр Англии Д. Ллойд

Джордж в своих мемуарах откровенно пишет, что «Программа мира» В. Вильсона «ником из союзников не рассматривалась официально и серьезно...».

Программа послевоенного устройства мира Англии стала разрабатываться задолго до окончания войны. Основные ее положения были сформулированы в речи премьер-министра Д. Ллойд Джорджа 5 января 1918 г. перед руководителями английских профсоюзов. Принципы, выдвинутые правительством Англии, во многом совпадали с соответствующими пунктами «Программы мира» В. Вильсона. В связи с этим в исторической литературе не утихают споры об авторстве того или иного принципа мирного урегулирования, включая идею учреждения Лиги Наций. Истину установить практически невозможно, т. к. консультации между правительствами Англии и США об условиях послевоенной организации мира начались еще в 1917 г., сразу же после вступления Соединенных Штатов в Первую мировую войну.

Но в программе Д. Ллойд Джорджа содержались серьезные расхождения с «Четырнадцатью пунктами» В. Вильсона. Не было пункта об отмене тайной дипломатии. Причина понятна: Англия, в отличие от США, была связана секретными соглашениями о разделе сфер влияния, от которых не желала отказываться.

Д. Ллойд Джордж активно поддерживал предложение В. Вильсона о создании Лиги Наций, подчеркивая свой приоритет в выдвижении этого проекта. Но он видел в Лиге Наций не высшую инстанцию, регулирующую международные процессы, а инструмент английского влияния на мировой арене и сохранения Британской империи. Д. Ллойд Джордж отвергал притязания США на руководящую роль в этой миротворческой организации.

В программе Д. Ллойд Джорджа отсутствовал принцип «свободы торговли» и «устранения таможенных барьеров», хотя традиционно Англия выступала за политику фритредерства. Объясняется это тем, что Великобритания после мировой войны уступила Соединенным Штатам первенство в промышленной и финансовой области.

Д. Ллойд Джордж поддерживал доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», но с одним важным ограничением: она не должна распространяться на Британскую колониальную империю.

Сильное сопротивление в английских политических и военных кругах вызвало предложение В. Вильсона о «свободе морей». Для Англии этот пункт считался равнозначным согласию на поражение в следующем военном конфликте, т. к. морская блокада являлась главным военным средством Англии.

По-разному трактовался принцип «национального самоопределения». Англия, пытаясь сохранить колониальную империю, заявляла, что деколонизация возможна только когда местное население будет иметь «достаточный уровень» политического и культурного развития. Причем вопрос о том достигнут этот уровень или нет, должна решать страна-метрополия.

Рассмотрение английской программы позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, в годы войны Англии удалось реализовать свои внешнеполитические планы. Основной ее соперник Германия была повержена. Под контролем Великобритании и ее доминионов находилась значительная часть германских колоний и территорий Османской империи. Поэтому главная зада-

ча сводилась к тому, чтобы сохранить и юридически закрепить уже достигнутое и завоеванное.

Во-вторых, чтобы закрепить уже достигнутое, необходимо использовать традиционную английскую политику баланса сил, которая в новых условиях включала в себя два взаимосвязанных направления.

На европейском направлении для поддержания равновесия необходимо существование двух сильных держав, которые были бы способны нейтрализовать друг друга. Только в этом случае Англия могла играть руководящую роль в урегулировании всех европейских проблем. Следовательно, Великобритания не должна допускать чрезмерного усиления Франции и максимального ослабления Германии. В проведении подобной политики Англию поддерживали США. Обе страны рассматривали Германию как противовес не только Франции, но и Советской России. Накануне подписания Компъенского перемирия Д. Ллойд Джордж заявил: «Отныне главная опасность для нас не боши, а большевики».

Для поддержания баланса сил на мировом уровне Англия, опираясь на поддержку Франции, Японии, британских доминионов, боролась с гегемонистскими устремлениями США. Политика баланса сил на двух направлениях – европейском и общемировом – создавала серьезные трудности для деятельности английских дипломатов, которым приходилось использовать поддержку США в противостоянии с Францией и поддержку Франции в противостоянии с США.

Планы Франции не получили столь детального оформления, как в США и Великобритании.

Важнейшая задача – установить главенство Франции на европейском континенте. Эту задачу можно было решить только за счет максимального ослабления Германии. Откры-

вая Парижскую конференцию, президент Франции Р. Пуанкаре заявил: «Господа, ровно 48 лет тому назад в Зеркальном зале Версальского дворца было провозглашено образование Германской империи. Сегодня мы собрались здесь, чтобы разрушить и отменить то, что было создано в тот день».

План «разрушения Германии» предполагал:

- возвращение Франции Эльзаса и Восточной Лотарингии;
- расчленение Германии, отделение от нее Баварии, Рейнской области, Саара и ряда мелких государств, т. е. возвращения ее к тому состоянию, которое германские земли занимали до 1871 г.;

- передачу Франции Саарской области в качестве компенсации за материальный ущерб, нанесенный Германией французской экономике;

- установление западной границы Германии по Рейну, а на его правом берегу создание зависимой от Франции Рейнской республики;

- взыскание с Германии репараций в размере 450–480 млрд золотых марок, что в 10 раз превышало стоимость довоенного национального богатства Франции. Доля Франции в германских репарациях должна была составить 56–58 %. Реализация этих требований должна была на долгие годы ослабить экономику Германии и не допустить ее экономического возрождения, кроме того, за счет репарационных платежей улучшить экономическое положение Франции.

Для осуществления политики баланса сил Франция планировала образование на восточных границах Германии военно-политического блока малых европейских государств под своей эгидой (будущая Малая Антанта). Этот блок должен быть не только противовесом Германии, но и Советской

России. Особые надежды в этой связи возлагались на Польшу как на традиционного союзника Французской республики.

Премьер-министр Франции Жорж Клемансо, будучи представителем старой дипломатической школы, считал все рассуждения В. Вильсона о «новом, более справедливом мировом порядке» демагогией и «вредной утопией».

Идея о создании Лиги Наций в принципе не отвергалась Ж. Клемансо, который считал, что эту организацию можно использовать для укрепления международного положения Франции, утверждению ее руководящей роли в Европе.

Послевоенные планы Италии и Японии касались не общемировых, а региональных проблем.

Италия стремилась укрепить свои позиции в Средиземном море, а для этого необходимо было добиться международно-правового оформления территориальных приобретений на Адриатике. Итальянское правительство ссылалось на текст секретного Лондонского договора со странами Антанты от 26 апреля 1915 г. По этому договору в обмен на вступление Италии в войну предполагалось передать ей Южный Тироль, всю Истрию, Адриатическое побережье Австро-Венгрии с портом Фиуме и ряд других территорий. Однако реализовать свои программные установки для Италии было крайне трудно по причине очевидной слабости ее международного положения. В политических карикатурах тех лет Италию чаще всего изображали в виде шакала на пиру у крупных хищников.

Япония стремилась сохранить и юридически закрепить все приобретенное в годы войны: захваченные у Германии тихоокеанские острова, китайскую провинцию Шаньдун, «особые права» и привилегии в Китае, обозначенные в «21 требовании».

Главным оппонентом Японии были Соединение Штаты, выступавшие за признание территориальной целостности

и независимости Китая, против нового раздела мира на сферы влияния и за политику «открытых дверей». Японское правительство надеялось преодолеть сопротивление США при помощи Англии, с которой была связано союзным договором от 13 июля 1911 г. Кроме того, требования Японии содержались в секретных соглашениях 1917 г. со странами Антанты.

Сравнительный анализ программ держав-победительниц показывает, что не смотря на сходство позиций, общность интересов, они содержат принципиальные отличия. Это и предопределило острую борьбу ведущих держав на Парижской мирной конференции практически по всем вопросам послевоенного устройства мира.

3. Парижская мирная конференция

18 января 1919 г. в Зеркальном зале Большого Версальского дворца в торжественной обстановке была открыта Парижская мирная конференция. Это был самый крупный международный форум со времен Венского конгресса 1814–1815 гг. В конференции приняли участие представители 27 стран-победительниц, воевавших или объявивших войну Германии.

Важнейшая задача Парижской конференции – создание и правовое оформление новой системы международных отношений с учетом итогов мировой войны и послевоенной расстановки сил.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

1. Урегулирование германской проблемы;
2. Разработка и заключение мирных договоров с бывшими союзниками Германии: Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией;
3. Территориально-государственное переустройство в Центральной, Восточной и Южной Европе;

4. Определение статуса бывших колоний Германии и владений Османской империи;
5. Создание международной организации по обеспечению мира и безопасности народов;
6. Решение «русского вопроса», без разрешения которого невозможно было серьезно говорить о европейском мирном урегулировании.

Ведущую роль в разработке и принятии решений играли пять великих держав-победительниц: США, Англия, Франция, Италия и Япония. Был создан «Совет десяти», куда входили главы правительств и министры иностранных дел пяти держав.

Вскоре после открытия конференции круг «вершителей судеб народных» сузился. Выработка всех основных ее решений сосредоточились в неофициальном «Совете трех», в составе В. Вильсона, Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо. Они собирались каждое утро и во второй половине дня. Английский дипломат Г. Никольсон описывал, как в спорах и сомнениях «великая тройца», склонившись над расстеленной на полу географической картой, делила европейские и неевропейские территории, «словно три ведьмы в «Макбете».

Несмотря на декларации об отмене тайной дипломатии, работа конференции имела по большей части закрытый характер. Совещания «большой тройки» были секретными (на них допускался один постоянный переводчик П. Манту, а иногда обходились и без него, т. к. Ж. Клемансо хорошо знал английский язык). Вопросы мирного урегулирования с побежденными государствами обсуждались без участия их представителей. Кроме того, на конференции не было полномочных представителей Советской России, которая по всем правовым канонам относилась к числу держав-победительниц, что не со-

ответствовало провозглашенному лозунгу «открытых переговоров о мире». Причина общеизвестна – непризнание организаторами Парижской конференции советско-большевистской власти. Разрекламированный принцип широкого освещения работы конференции приобрел пародийное звучание. 150 официально зарегистрированных журналистов допускались только на пленарные заседания, где их знакомили с готовыми решениями.

Парижская мирная конференция стала ареной ожесточенной борьбы, развернувшейся между странами-победительницами, и прежде всего между США, Англией и Францией. В связи с этим необходимо хотя бы кратко охарактеризовать их внешнеполитические взгляды, стратегию и тактику ведения дипломатических переговоров.

Президент США 63-летний В. Вильсон являлся ярким представителем американской интеллектуальной элиты. Он был автором ряда работ по истории и государственному праву, занимал пост ректора Принстонского университета. В. Вильсон был глубоко религиозным человеком и считал, что является орудием самого Бога. Верил во всемогущество доллара и собственное величие. В его выступлениях было много абстрактного и весьма далекого от реальной действительности. Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо называли американского президента политиком, «оторванным от реалий сегодняшнего дня». В действительности В. Вильсон, несмотря на весь свой идеализм, хорошо осознавал «земные», практические цели США. Выступив с идеей либеральной реконструкции послевоенного миропорядка, В. Вильсон во многом опередил свое время. Чем же объясняются неудачи, постигшие американского президента на Парижской мирной конференции?

Историки-американисты справедливо указывают на целый ряд серьезных тактических ошибок Вильсона. Он не включил в состав американской делегации видных деятелей оппозиционной Республиканской партии, что усилило сопротивление его курсу в самих США, не принял во внимание тот факт, что Соединенные Штаты еще не готовы к роли мирового политического лидера, недооценил силу своих оппонентов: Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо, которые единым фронтом выступили против гегемонистских притязаний США. Учитывая популярность предложений В. Вильсона, они избрали единственно верную тактику, которая, по словам одного из американских экспертов, заключалась в том, чтобы «признавать и одобрять принципиально и отвергать фактически». В.И. Ленин, внимательно следивший за работой конференции, заметил, что «Вильсон там (на конференции) оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд Джордж вертели, как пешкой».

56-летний Д. Ллойд Джордж был самым молодым и, пожалуй, самым мудрым из лидеров «большой тройки». Начинал он свою карьеру с адвокатской практики, а затем увлекся политикой, связав свою судьбу с либеральной партией: с 1905 г. он возглавлял различные министерства, став в 1916 г. премьер-министром Великобритании. Д. Ллойд Джордж был опытным государственным деятелем и великим мастером компромисса. Английский премьер предлагал такие компромиссные решения, которые принимались всеми участниками дискуссий, хотя на деле именно Великобритания была в наибольшем выигрыше от них. Но, как только речь заходила о защите британских государственных интересов, Д. Ллойд Джорджа был непреклонен.

Ж. Клемансо, избранный председателем парижской мирной конференции, имел огромный опыт политической деятельности, став депутатом Национального собрания Франции еще в 1871 г. Являясь приверженцем традиционной дипломатической практики, он был полон решимости отстаивать интересы Франции любыми средствами. Ж. Клемансо говорил, что посвятил всю свою жизнь борьбе за реванш и отмщение Германии за унижительное поражение во Франко-прусской войне. За упорство в достижении поставленных целей его прозвали «тигром». Правда, в 1919 г. это был уже престарелый, 78-летний «тигр».

Ж. Клемансо был необычайно разносторонней личностью: серьезно занимался медициной, философией, историей, написал книгу по анатомии человека, работы о своем друге художнике-импрессионисте Клоде Моне. Он был убежденным атеистом и своими богохульными замечаниями доводил глубоко верующего американского президента до крайней степени раздражения. Французский премьер имел славу блестящего оратора, был язвительным и находчивым полемистом. Ж. Клемансо считал себя знатоком Америки, т. к. прожил там четыре года и был женат на американке. Государственный секретарь США Р. Лансинг так описывал Ж. Клемансо: «Поразительный тип человека, в котором ощущается огромная сила интеллекта, самообладание, холодная, непреклонная воля... Красноречие премьера было его главным оружием».

Согласование проекта Устава Лиги Наций проходило в ожесточенной борьбе сторон. Под давлением европейских держав Соединенные Штаты отказались от двух важных пунктов Устава: организации Международного арбитража и Международного суда. Но Англия и США совместно выступили против французского предложения об организации при

Лиге Наций международных вооруженных сил, понимая, что результатом будет чрезмерное усиление позиций Франции на европейском континенте. США и Великобритания похоронили и еще одну французскую поправку к Уставу – о жестких санкциях против его нарушителей и государств-агрессоров. В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж настояли на том, чтобы применение силы возможно лишь в крайних случаях. Как показали дальнейшие события, такая трактовка этого пункта снизила эффективность практической деятельности Лиги Наций.

Японский представитель потребовал внести в Устав Лиги Наций статью о «равенстве рас» и беспрепятственной иммиграции с Востока в Европу и Америку. С большим трудом европейцам и американцам удалось уговорить руководство японской делегации снять это предложение, пообещав сохранить за Японией Шаньдун.

Предложения США о «свободе торговли» и «равных возможностях» большинством голосов отклонили делегации малых стран. Они заподозрили США в стремлении поставить их государства в экономически зависимое положение.

Таким образом, в результате принятия поправок к Уставу Лига Наций значительно отличалась от американского проекта, приняв более приемлемые для европейских держав очертания.

Колониальный вопрос вызвал еще больший накал страстей. Столкнулись два политических курса. Первый – традиционно-аннексионистский представляли ведущие колониальные державы Англия и Франция, хотя действовали они осторожно. Их позицию, как правило, озвучивали доминионы. Второй курс – либеральный, представлял В. Вильсон. Он обосновывал свою позицию двумя причинами: ростом национально-освободительного движения; популярностью лозунга

«национального самоопределения», который провозгласила Советская Россия. Однако либеральные установки В. Вильсона были весьма противоречивыми. Призывая к освобождению колониальных стран и народов, он считал, что народы этих стран не готовы к самоуправлению и над ними необходимо установить опеку. Таким образом, отличие взглядов В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа состояло лишь в том, что первый выступал за колониальную опеку со стороны Лиги Наций, а второй – со стороны держав-метрополий. Этим противоречием в позиции американского президента воспользовались лидеры крупнейших колониальных держав. В Уставе Лиги Наций была зафиксирована т. н. мандатная система. Колонии Германии и владений Турции передавались под управление создаваемой международной организации в качестве ее подмандатных территорий, а Лига Наций выдавала мандаты державам-метрополиям на управление этими территориями, чтобы «беззащитные народы» стали на путь прогресса и процветания под опекой держав-«благодетелей». В действительности система мандатов представляла собой международно-правовое оформление колониализма. По этому поводу откровенно высказался Д. Ллойд Джордж: «Мандаты являются просто маскировкой аннексии».

Когда встал вопрос, кто получит мандаты Лиги Наций, Англия и Франция потребовали их передачи великим колониальным державам, т. е. им самим, т. к. только они имели богатый опыт «подготовки населения колоний» к независимому развитию. Они заставили В. Вильсона согласиться с тем, что мандаты следует распределить на конференции, а Лига Наций официально вручит их от своего имени.

Таким образом, в колониальном вопросе победа оказалась на стороне традиционного колониализма.

Вопрос о мирном урегулировании отношений с Германией занял важное место в работе конференции. Несмотря на единое стремление к ликвидации военной и экономической мощи Германии, будущее ее место в европейской системе международных отношений виделось по-разному. Политика США и Великобритании была направлена на сохранение достаточно сильной Германии, чтобы обеспечить традиционное равновесие сил как гарантию европейской стабильности. Веймарской республике отводилась роль противовеса как Франции, так и Советской России.

Франция, стремившаяся максимально ослабить Германию, была вынуждена пойти на серьезные уступки по целому ряду направлений.

Была отвергнута французская идея о расчленении Германии. Д. Ллойд Джордж еще в своем программном выступлении от 5 января 1918 г. твердо заявил: «Мы не намерены разрушать Германию и уничтожать ее государственность». «Прогерманская» позиция Англии вызвала возмущение Ж. Клемансо. Уже на Парижской конференции заявил Д. Ллойд Джорджу: «Я должен Вам сказать, что на следующий день после перемирия я нашел в Вашем лице врага Франции». Английский премьер спокойно ответил: «Это всегда было нашей традиционной политикой».

Снято с повестки требование Франции – проведение границы по Рейну и образование Рейнской республики. Взамен Англия и США предложили другое решение: левый берег Рейна и 50-километровая зона вдоль его правого берега получали статус демилитаризованных. В качестве компенсации Д. Ллойд Джордж и В. Вильсон пообещали Франции подписать с ней гарантийные договоры о предоставлении военной помощи в случае нападения Германии.

Отвергнуто требование Франции на присоединение Саара. Ж. Клемансо доказывал, что Германия, владея углем, будет контролировать всю металлургическую промышленность Франции. В ответ президент США с раздражением заявил, до сих пор ничего не слышал про Саар. В запальчивости Ж. Клемансо обозвал его «германофилом». И резко заявил, что ни один французский премьер-министр не подпишет такого договора, где не будет предусмотрено возвращение Саара Франции. Значит, если Франция не получит того, что она желает, – ледяным тоном заметил президент, – она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли Вы, чтобы я вернулся домой? – Я не желаю, чтобы Вы возвращались домой, – ответил Клемансо, – я намерен сделать это сам. С этими словами Ж. Клемансо стремительно вышел из кабинета В. Вильсона.

В конечном итоге после долгих и трудных согласований Франции передавались саарские угольные копи на 15 лет, а сам район переходил под управление Лиги Наций. Объясняя причины отступления от своего плана, Ж. Клемансо сказал, что при решении германского вопроса ему, к сожалению, пришлось иметь дело «с Ллойд Джорджем, возомнившим себя Наполеоном и Вильсоном, изображавшим из себя Иисуса Христа».

Репарационный вопрос вызвал еще более ожесточенные споры. Страны-победительницы были согласны с тем, что Германия несет ответственность за развязывание мировой войны и должна заплатить за нанесенный странами Антанты ущерб. На конференции использовался термин репарации (от лат. *reparatio* – восстановление), а не контрибуции (от лат. *contributio* – взимание дани, налогов). Новая терминология подчеркивала, что речь шла не о стремлении ограбить побеж-

денные государства, а о выделении ими средств на восстановление разрушенных районов.

Противоборствующими сторонами оказались Франция, с одной стороны, Англия и США – с другой. Причина уже названа – различие в базовых подходах к решению германской проблемы. Исходя из своей концепции максимального ослабления Германии, французская делегация определила сумму германских репарационных платежей в 480 млрд золотых марок. Англия и США, выступавшие против чрезмерных репарационных платежей Германии, оценивали компенсацию за нанесенный ущерб – в пределах от 50 до 100 млрд. По подсчетам известного экономиста Дж. М. Кейнса, Германия была в состоянии за 25–30 лет выплатить от 40 до 60 млрд, само же германское правительство считало приемлемой и выполнимой сумму 30–36 млрд золотых марок.

Шли споры и о долевом распределении германских репараций. Франция претендовала на 58 %, оставляя для Англии 25 %. Англия ограничивала долю Франции 50 %, увеличивая свою долю до 30 %. США предлагали компромиссный вариант: 56 % – Франции и 28 % – Англии. Согласовать столь противоречивые мнения на конференции так и не удалось. Поэтому было решено создать специальную Репарационную комиссию, которой поручалось до 1 мая 1921 г. установить окончательную сумму репараций и сроки их выплат. До этого времени Германию обязывали уплатить 20 млрд золотых марок.

Из малых европейских стран активное участие в процессе мирного урегулирования германской проблемы приняла Польша, требовавшая расширения своей территории за счет территории Германии. Премьер Игнаций Падеревский рассчитывал на поддержку великих держав, особенно Франции, которая рассматривала Польшу как противовес Германии и Со-

ветской России. Отсюда территориальные притязания польской делегации, которые Д. Ллойд Джордж назвал «экстравагантными и недопустимыми». Тем не менее значительная часть польских требований была удовлетворена. «Совет четырех» передал Польской республике Гданьский коридор, но отклонил просьбу И. Падеревского в отношении передачи Данцига.

Обсуждение мирных договоров с бывшими союзниками Германии также вызвало существенные разногласия не только между великими державами, но и среди других участников конференции. Сложность решения этих проблем определялась образованием новых государств. Великие державы стремились так определить новые границы, чтобы создать зоны собственного влияния. Все это и породило множество споров и конфликтов. Первое крупное столкновение по территориальным вопросам произошло при обсуждении мирного договора с Австрией. Страны Антанты в соглашении 1915 г. обещали передать Италии ряд австрийских и южнославянских земель. Однако в условиях 1919 г. удовлетворение этих требований Италии означало ущемление интересов вновь образовавшегося Королевства сербов, хорватов и словенцев. Поэтому «большая тройка», сочтя итальянские притязания чрезмерными, отказала Италии в праве на стратегически важный город-порт Фиуме.

Острые конфликты возникли между Польшей и Чехословакией (из-за Тешинского округа), между сербо-хорватословенским государством и Румынией (из-за Баната и Тимишоары), между Болгарией и Королевством сербов, хорватов и словенцев (из-за Македонии), между Румынией и Болгарией (из-за Южной Добруджи), между Венгрией и Румынией (из-за Трансильвании), между Чехословакией и Венгрией (из-за не-

которых районов Словакии), между Турцией и Грецией (из-за Восточной Фракии) и т. д. Ллойд Джордж позднее признавал, что при установлении новых границ вместо одного эльзаслотарингского вопроса в Европе появились десятки подобных проблем.

Как обстояли дела с принципом «национального самоопределения» и «учета интересов местного населения» ярко свидетельствует решение на конференции вопроса о судьбе Сирии. Поскольку на управление этой территорией от имени Лиги Наций претендовали Англия и Франция, было решено направить туда специальную комиссию из «нейтральных» американских экспертов, чтобы выяснить мнение местного населения. Через месяц комиссия констатировала, что сирийцы выступают либо за полную независимость, либо за установление английского протектората, но категорически против предоставления мандата Франции. «Учтя» это мнение, «большая тройка» отдала сирийский мандат французам. В основе столь удивительного решения лежала кулуарная англо-французская договоренность о «полубовном разделе» бывших владений Османской империи.

При определении своей политики в Палестине правительство Великобритании выдвинуло идею о создании на этой территории «национального очага для еврейского народа». Впервые эта идея была сформулирована в т. н. Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. (министр иностранных дел). В Палестину также была направлена комиссия, которая доложила конференции, что арабское население категорически против переселения евреев на палестинскую территорию. Однако Англия, добившись получения мандата на Палестину, получила и права на претворение в жизнь Декларации Бальфура.

По инициативе Японии на конференции был поднят Дальневосточный вопрос. Ссылаясь на секретные соглашения 1917 г., заключенные Японией с державами Антанты, она требовала признания ее прав на оккупированную китайскую провинцию Шаньдун и на международное признание «особых прав» в Китае в соответствии с «21 требованием». В ответ китайская делегация, рассчитывая на поддержку США, поставила вопрос о восстановлении суверенитета Китая над Шаньдуном. В. Вильсон оказался в затруднительной ситуации. Еще в ноябре 1917 г. США подписали с Японией договор о признании японских «особых интересов» в Китае (соглашение Лансинг-Исии). Японию поддержали Англия и Франция. В. Вильсону ничего не оставалось, как сослаться на принцип легализма, т. е. примата международного права и священности международных договоров, и заявить, что этот конфликт должен быть разрешен в пользу Японии. Удовлетворение требований Японии означало, что Соединенные Штаты отказываются от доктрины «открытых дверей и равных возможностей». Максимум, чего удалось добиться В. Вильсону – обещания японской делегации вернуть Шаньдун Китаю «в будущем».

Ж. Клемансо съязвил по этому поводу, отметив, что Вильсон при урегулировании японо-китайского конфликта «говорил как Иисус Христос, а действовал как Ллойд Джордж».

Таким образом, в решении дальневосточного вопроса В. Вильсон потерпел двойное поражение. Уступив Японии, он фактически признал приоритет империалистической политики «сфер влияния» над либеральной политикой «открытых дверей». Назвав секретные соглашения по разделу Китая легитимными, президент по существу перечеркнул им же провозглашенный лозунг «отмены тайной дипломатии».

Еще одним из дискуссионных вопросов была проблема экономического восстановления Европы.

Группа английских экспертов во главе с Дж. М. Кейнсом разработала программу финансово-экономического сотрудничества европейских стран, в которой ведущая роль по оказанию помощи Европе отводилась США. Однако Соединенные Штаты отказались принять эту программу по целому ряду причин: негативное к ней отношение со стороны американских изоляционистов; приверженность к концепции невмешательства государства в дела экономики; убежденность в том, что подобное сотрудничество приведет к усилению экономических и финансовых позиций европейских держав за счет США. Отказ от планов послевоенного экономического восстановления Европы был еще одним свидетельством неготовности США к роли мирового лидера.

Острые противоречия великих держав приводили к тому, что работа конференции не раз оказывалась под угрозой срыва, поочередно Д. Ллойд Джордж, Ж. Клемансо и В. Вильсон грозились покинуть заседания. После одного из совещаний «большой тройки» на вопрос корреспондентов, как прошли переговоры, В. Вильсон пробурчал: «Блестяще, мы разошлись по всем вопросам». После другой встречи «большой тройки» Ж. Клемансо заявил: «Легче вести войну, чем заключать мир», а премьер-министр Италии Витторио Орландо сначала заплакал на заседании «Совета четырех», когда Италии было отказано в удовлетворении всех ее территориальных требований. Затем он демонстративно покинул Париж. Его отъезд никто не заметил. Когда же в Рим сообщили, что «большая тройка» обсуждает вопрос о предоставлении Италии американского займа, В. Орландо тихо вернулся и включился в работу, как будто и не уезжал.

Несмотря на накал страстей на конференции державам-победительницам удалось принять согласованные решения. К поиску компромиссов лидеров великих держав подталкивало мощное движение в мире за создание нового, более справедливого миропорядка. В этих условиях медлить с решением насущных международных проблем означало потворствовать росту революционных настроений и «усилению большевистской угрозы». Эту причину четко выразил член американской делегации, будущий президент США Г. Гувер, когда говорил: «Призрак большевистской России почти ежедневно бродит по залам мирной конференции».

4. Версальский мирный договор с Германией

28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца германская делегация во главе с министром иностранных дел Г. Мюллером и министром юстиции И. Беллом подписала мирный договор с представителями стран-победительниц. Организаторы конференции приурочили подписание договора с Германией к пятой годовщине сараевского убийства, послужившего поводом для начала Первой мировой войны.

Версальский мирный договор представлял собой свод 440 статей, разделенных на 15 частей. Часть I (Устав Лиги Наций) и часть XIII («Труд» – о создании при Лиге Наций Международной организации труда в целях достижения «социальной справедливости») вошли и во все другие мирные договоры.

В соответствии с договором Германия сохранялась как единое суверенное государство. Однако ее границы подвергались существенным изменениям, а территория значительно уменьшалась.

Территориальные потери Германии:

1. Франции возвращались Эльзас и Лотарингия. Это была наиболее крупная территориальная потеря Германии (14,5 тыс. кв. км).

2. За Францией закреплялось право «полной и неограниченной собственности» над угольными копями Саарского бассейна. Сама Саарская область переходила под управление Лиги Наций сроком на 15 лет, после чего должен был состояться плебисцит, призванный решить ее дальнейшую государственную принадлежность.

3. К Бельгии отходили районы Эйпена, Мальмеди и Морене, населенные в основном валлонами (в 1920 г. это решение было подтверждено результатами плебисцитов).

4. Дания (также после плебисцита 1920 г.) приобретала Северный Шлезвиг с преимущественно датским населением.

5. Германия признавала независимость Люксембурга, который выходил из Германского таможенного союза.

6. Левый берег Рейна и 50-километровая полоса вдоль его правого берега подлежали демилитаризации (с запрещением Германии иметь на этой территории военные укрепления и содержать воинские контингенты). Кроме того, на западный берег Рейна вводились союзные войска. Содержание оккупационной армии возлагалось на германскую сторону.

7. Польше возвращались земли, захваченные Пруссией по знаменитым разделам Речи Посполитой. К Польше отходили районы Померании, Западной и Восточной Пруссии, Познань, восточная часть Верхней Силезии (общая площадь – 6,2 тыс. кв. км), узкая полоса балтийского побережья западнее Данцига (Гданьска), обеспечивающая ей выход к морю в районе города Гдыня и получившая название Польского, или Данцигского коридора. Этот коридор отсекал от Германии Восточ-

ную Пруссию, превращая ее в анклав. Сам Данциг провозглашался «вольным городом» под управлением Лиги Наций и включался в таможенные границы Польши.

8. Балтийский порт Мемель (Клайпеда) и Мемельская область, где большинство населения составляли литовцы, переходили под контроль Лиги Наций. По ее решению, эти территории в 1923 г. возвращались Литве.

9. На юге небольшой район Верхней Силезии – т. н. Гюльчинская земля – передавался Чехословакии.

Категорически запрещался аншлюс Австрии, т. е. объединения Германии с Австрией в любой его форме, начиная с таможенного союза.

Реки Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись свободными для международного судоходства. Германия тем самым становилась своего рода «открытой территорией».

Германия лишалась всех колоний, сферы влияния, собственности и привилегий за пределами германской территории – «в пользу главных союзных и объединившихся Держав». Таким образом, германские колониальные владения площадью в 3 млн кв. км и населением в 13 млн человек передавались на основе системы мандатов Лиги Наций державам-победительницам.

В статье 231-й фиксировалась «полная и неоспоримая ответственность» Германии и ее союзников за развязывание мировой войны, «за причинение всех потерь и всех убытков». Такова была правовая основа для взимания с Германии репарационных платежей. На Лондонской межсоюзнической конференции в мае 1921 г. была определена окончательная сумма репараций в 132 млрд золотых марок, которую Германия обязывалась выплатить за 37 лет (к 1958 г.). Было установлено

процентное соотношение репарационных платежей для каждого государства: Франция – 52 %, Англия – 22 %, Италия – 10 %, на остальных победителей пришлось 16 %. Россия по статье 116-й Версальского договора также получала право на свою долю репараций, но на какую именно репарационная комиссия ответа не дала.

Всеобщая воинская повинность в Германии упраздняялась. Комплектование германских вооруженных сил должно было проводиться только на основе добровольного найма. Численность сухопутной армии не должна была превышать 100 тыс. человек при 4 тыс. кадровых офицеров (семь пехотных и три кавалерийские дивизии). Устанавливалось, что контингент германских войск «будет предназначен исключительно для поддержания внутреннего порядка и для пограничной службы».

Распускался «большой генеральный штаб и всякие иные подобные формирования». Германии запрещалось вести военную подготовку. Практически разрушалась и вся система военного образования.

Надводный военно-морской флот сокращался до 36 кораблей: 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 миноносцев и 12 контрминоносцев. Подводный флот Германия иметь не могла.

Германская армия лишалась права на владение такими видами вооружений, как тяжелая артиллерия, танки, военная и морская авиация.

Германию обязали срыть почти все военные укрепления на ее границах. Контроль над выполнением военных постановлений возлагался на особую межсоюзническую комиссию.

На торговлю Германии с державами-победительницами распространился режим наибольшего благоприятствования.

В условиях крайнего упадка и ослабления экономики и финансов Веймарской республики это означало создание «наиболее благоприятных» условий на германском рынке для держав – авторов экономических постановлений.

Германии запрещалось вводить ограничения на импорт любых товаров из стран-победительниц. Германское правительство должно было расторгнуть все соглашения и договоры экономического характера, заключенные ранее с другими государствами.

На Германию налагалось обязательство выдать победителям золото и ценности, полученные ею от России по дополнительным соглашениям к Брестскому договору, а также от Турции и Австро-Венгрии в качестве обеспечения германских займов.

Германии предписывалось обеспечить свободный транзит через свою территорию и воздушное пространство для всех стран-победительниц.

Статья 116-я отменяла Брест-Литовский договор, «а также все другие договоры, соглашения или конвенции, заключенные Германией с максималистским (т. е. большевистским) правительством в России».

Статья 117-я обязывала Германию «признать полную силу всех договоров или соглашений, которые союзные державы заключили бы с государствами, образовавшимися или образующимися на всей или на части территории бывшей Российской империи...».

В соответствии со статьей 433-й германские войска оставались в «балтийских провинциях и Литве» до того времени, которое «правительства главных союзных и объединившихся держав сочтут уместным для их вывода, сообразуясь с внутренним положением этих территорий».

Анализируя содержание Версальского мирного договора, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, Версальский договор в целом он носил несправедливый и унижительный для Германии характер. Она потеряла 13,5 % довоенной территории, где проживало 10,5 % населения страны и находились богатые месторождения железной руды и каменного угля. Германия лишалась всех своих колоний и сфер влияния, армии и военно-морского флота. Она должна была выплачивать репарации, которые по некоторым подсчетам в три раза превышали фактический ущерб. Резко ухудшилось ее стратегическое положение. Открытость западной границы, оккупация Рейнской зоны, расчленение государственной территории на востоке, неспособность противостоять нападению противника, экономический и политический диктат победителей – все это не только подрывало великодержавные позиции Германии, но и существенным образом ограничивало ее суверенитет.

Во-вторых, после заключения Версальского договора в Германии, оказавшейся в положении «униженной и оскорбленной» страны, широкое распространение получили реваншистские настроения. Борьба за отмену ненавистного договора и отмщение державам-победительницам стали главной задачей германской внешней политики на ближайшую перспективу. Понимая это, маршал Ф. Фош, отказавшийся прийти на церемонию подписания, произнес пророческие слова: «Это не мир, а перемирие сроком на 20 лет». Иными словами, Версальский мирный договор, воспринимавшийся в Германии как символ национального унижения и глубокой несправедливости, в стратегическом плане создавал все предпосылки для борьбы за новый передел мира.

В-третьих, новые границы европейских стран вели к возникновению спорных территориальных проблем. Так, например, Польша «недополучила» около 1/3 исконно польских земель, оставленных за Германией. С другой стороны, «Данцигский коридор» разделял германское государство на две части, а ряд территорий, отошедших к Польской республике, были в основном заселены немцами. 28 июня 1919 г. между Польшей и пятью великими державами был заключен договор «о защите прав национальных меньшинств» (т. н. «Малый Версальский договор»), который обязал польское правительство уважать права более 1 млн человек немецкого меньшинства, не возложив аналогичные обязательства на Германию в отношении почти 2 млн человек польского меньшинства. Территориальные постановления Версальского мирного договора могли стать еще одним фактором дестабилизации международной обстановки.

Таким образом, Версальский договор был миной замедленного действия, ее срабатывание было лишь вопросом времени.

5. Мирные договоры с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией

Мирные договоры с бывшими союзниками Германии копировали схему Версальского мира, включая в себя Устав Лиги Наций и положения о Международной организации труда.

Мирный договор с Австрией был подписан 10 сентября 1919 г. в предместье Парижа **Сен-Жермен-ан-Ле**.

По этому договору Австрийской Республике разрешалось иметь 30-тысячную армию;

Статья 88-я Сен-Жерменского договора запрещала аншлюс. Державы-победительницы учитывали широко распро-

страненные среди австрийцев настроения в пользу объединения с Германией. Неслучайно, независимое австрийское государство, провозглашенное в ноябре 1918 г., стало называться Немецкая Австрия. Потребовалось вмешательство союзных держав для переименования ее в Австрийскую республику.

К Чехословакии отошли бывшие австрийские провинции: Богемия, Моравия и часть Силезии (в том числе и районы с преимущественно австро-немецким населением, что было чревато новыми территориальными спорами);

К Италии отходили Каринтия, Крайна и Южный Тироль.

Австрия признавалась ответственной за мировую войну и обязывалась выплатить странам-победительницам репарации. Однако общая их сумма не была установлена. В 1922 г. Австрия получила 20-лстнюю отсрочку и погашении своего так и не определенного репарационного долга, т. е. фактически полностью освобождалась от его уплаты.

Итоговую характеристику Сен-Жерменского договора можно свести к следующему: Австрии был уготован статус одной из малых, второстепенных стран Европы.

Нейский договор с Болгарией вступил в силу 9 августа 1920 г.

По этому договору Болгария теряла Западную Фракию и выход к Эгейскому морю, а также некоторые пограничные с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) территории и Южную Добруджу.

На страну налагались репарации в 2,2 млрд золотых франков;

Болгарии не позволялось иметь вооруженные силы, превышающие 20 тыс. чел. Военно-морской флот сокращался до десяти кораблей (четыре миноносца и шесть военных кате-

ров). Болгарии запрещалось иметь авиацию и любые виды тяжелого вооружения.

Таким образом, Нейский договор резко ухудшил международное положение Болгарии даже по сравнению с тем, которое она занимала после поражения во Второй Балканской войне.

Трианонский договор с Венгрией вступил в силу 26 июля 1921 г. Заключение этого договора пришлось отложить почти на год в связи с подъемом революционного движения в стране и образованием Венгерской Советской республики. В подавлении венгерской революции активное участие приняли румынские и чехословацкие войска под общим руководством Верховного Совета Антанты. Совместными усилиями интервентов и «внутренних демократических сил» в августе 1919 г. «коммунистический мятеж» в Венгрии был подавлен, а к власти пришло правительство адмирала Миклоша Хорти, с которым союзные державы возобновили переговоры о мире. Так как Венгрия являлась составной частью Австро-Венгерской монархии, многие статьи Трианонского мира дословно совпадали с аналогичными постановлениями Сен-Жерменского договора.

К Румынии отходили Трансильвания, где венгерское меньшинство составляло около 40 % населения, и восточная часть Баната.

За Королевством сербов, хорватов и словенцев закреплялись Хорватия, Бачка и западная часть Баната.

Чехословацкой республике передавались Словакия и Закарпатская Украина, несмотря на желание последней воссоединиться с Советской Украиной.

Австрия получала провинцию Бургенланд с преимущественно немецким населением.

Предельная численность венгерской армии определялась в 35 тыс. чел. Она должна была формироваться на добровольных началах. Обязательная воинская повинность отменялась. Венгрии не разрешалось иметь тяжелую артиллерию, танки и авиацию. Запрещался ввоз в страну оружия, снаряжения и военных материалов. Весь венгерский флот подлежал передаче союзникам или уничтожению.

Венгерская общественность восприняла Трианонский договор как унижительный и глубоко несправедливый, что во многом предопределило политический курс Венгрии в межвоенный период. Уже вскоре после заключения мира хортистское правительство при явном попустительстве Великобритании, рассматривавшей Венгрию как противовес французской Малой Антанте, стало проводить политику ревизии основных положений Трианонского мира.

Севрский договор. 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа) страны-победительницы заключили мирный договор с Турцией.

Турция лишалась не только своих арабских владений, но и существенной части собственной этнической территории. Общие территориальные потери превысили 75 % принадлежавших Османской империи земель.

Сирия, Ливан, Трансиордания, Палестина и Месопотамия (Ирак) переходили под мандатное управление великих держав.

Турция потеряла свои владения на Аравийском полуострове и обязалась признать независимое Королевство Хиджаз.

В Северной Африке она утрачивала все права на Судан, признавала английский протекторат над Египтом и французский – над Тунисом и Марокко.

Турецкое правительство выражало свое официальное «согласие» на аннексию Англией Кипра, осуществленную еще в 1914 г.

К Греции отходили Восточная Фракия с Адрианополем, европейский берег Дарданелл, весь Галлипольский полуостров, город Измир (Смирна) с прилегающими районами, острова Имроз и Тенедос.

Италии передавались «все турецкие права» на Додеканесские острова и Ливию.

Независимое армянское государство получало земли в Восточной Анатолии. Определение границы между Турцией и Арменией возлагалось на третейское решение президента США.

От Турции отделялся Курдистан, для установления границ которого назначалась специальная комиссия. Она должна была доложить Совету Лиги Наций об уровне «подготовленности» курдов к самоуправлению. Только после этого Курдистан мог стать «автономной территорией».

В Европе державы-победительницы оставляли Турции лишь Стамбул с узкой полосой земли – и то с условием, что в случае уклонения от соблюдения договора «союзные державы сохраняли за собой право изменить это положение».

Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми «в мирное и военное время для всех торговых и военных судов, без различия флага». Сама зона черноморских проливов, номинально остававшаяся в пределах турецкой территории, подлежала полной демилитаризации и поступала под управление специальной международной «Комиссии проливов». Эта комиссия состояла из представителей великих держав и черноморских государств – членов Лиги Наций. Получив право действовать независимо от местной власти, «Комиссия проливов» осуществляла всесторонний контроль над водами

и побережьем Дарданелл, Мраморного моря и Босфора. Такое решение значительно усиливало стратегические позиции Англии и Франции, доминировавших во вновь созданной комиссии. С другой стороны, оно существенным образом ущемляло интересы черноморских стран и прежде всего побежденных Турции и Болгарии, а также Советской России, не собиравшейся вступать в Лигу Наций.

Севрский договор устанавливал на территории Турции режим капитуляций, который предусматривал экстерриториальный статус иностранцев. Для контроля над финансами и бюджетом страны образовывалась комиссия из представителей Англии, Франции и Италии, а также турецкого представителя, но с совещательным голосом.

Репарационные обязательства Турции в договоре не конкретизировались. Это было связано, по-видимому, с тем, что его авторы-составители превысили все мыслимые пределы ограбления Турции еще в территориально-политических постановлениях.

Турция могла иметь армию, не превышающую по численности 50 тыс. человек. Налагался запрет на тяжелое вооружение и авиацию. Обладателями турецкого военноморского флота становились державы-победительницы. Турции оставляли 12 кораблей (пять миноносцев и семь сторожевых судов).

Севрский договор, таким образом, не просто ограничивал суверенитет турецкого государства, он юридически оформил его полуколониальный статус. Это и стало причиной вооруженной борьбы кемалистской Турции за восстановление своих суверенных прав и территориальной целостности страны. Вначале молниеносно была разгромлена армия султана Мехмета VI. Затем боевые действия развернулись на двух

направлениях: против армянских и греческих войск, занявших Восточную Фракию и наступавших на Анкару. Летом 1920 г. турки разбили армянские отряды и оккупировали 2/3 территории Армении. В декабре того же года в Александрополе был заключен мирный договор, по которому армянская граница отодвигалась до пригородов Еревана, а сама Армения фактически переходила под протекторат Турции. Однако Александропольский договор не вступил в силу ввиду вмешательства в конфликт России и установления советской власти в Армении. Выступая за нормализацию отношений с Советской Россией, М. Кемаль вступил в переговоры с большевистским правительством. В результате 16 марта 1921 г. в Москве между РСФСР и Турцией был подписан договор «о дружбе и братстве». Граница Турции с Закавказьем определялась по линии русско-турецкой границы 1877 г. с уступкой в пользу Грузии Батуми. Московский договор имел для турецкого правительства огромное значение как первое официальное признание независимости и суверенитета Турции, ее равноправия в отношениях с другими державами, укрепил международные позиции Турции, позволил ей продолжить борьбу за отмену унижительного Севрского договора.

В октябре 1921 г. турецкая армия нанесла сокрушительное сражение греческим войскам. В этих условиях Франция в ноябре того же года подписала с кемалистами сепаратный мирный договор, по которому признавала правительство Кемаля, и согласилась на пересмотр Севрского договора. Вскоре о необходимости заключения нового договора заговорили и в Лондоне.

К сентябрю 1922 г. турецкие войска очистили от греков всю Анатолию. Греко-турецкая война завершилась подписанием в октябре 1922 г. Муданийского перемирия (в турецком

порту Муданьи) между Турцией, с одной стороны, Англией, Францией, Италией и Грецией – с другой. В перемирии выделялись следующие положения: вывод греческих войск из Восточной Фракии и решение созвать мирную конференцию по пересмотру Севрского договора. Турция одержала двойную победу: военную и дипломатическую.

Лозаннский договор. Проблема мирного урегулирования с Турцией была окончательно разрешена на конференции в Лозанне (Швейцария), проходившей с 20 ноября 1922 по 24 июня 1923 г. Повестка дня конференции включала два взаимосвязанных вопроса: о мирном договоре с Турцией и о режиме черноморских проливов.

При обсуждении первого вопроса турецкая делегация добилась ряда серьезных уступок со стороны держав-победительниц, что и было зафиксировано в Лозаннском мирном договоре. Восстанавливался суверенитет Турции над Восточной Фракией, Анатолией, Измиром и другими этническими районами, отторгнутыми от нее по Севрскому договору. Был снят вопрос о самоопределении армян и курдов на турецкой территории. Эти статьи имели и крайне негативные последствия, превратив курдскую проблему в одну из самых острых в международной жизни на десятилетия вперед (что касается армянского населения в Турции, то после геноцида 1915 г. его там фактически не осталось).

Был отмен режим капитуляций и привилегий иностранцев, а также положения об установлении над Турцией финансового контроля. Остальные территориально-политические постановления Севрского мира, касавшиеся раздела османских владений, были сохранены.

Таким образом, Турция оказалась единственной из стран, потерпевших поражение в войне, которая в воору-

женной борьбе отстаивала свои суверенные права и заставила державы-победительницы, по выражению Ллойд Джорджа, «отступить от Севра к Лозанне».

В обсуждении второго вопроса – о черноморских проливах – приняли участие специально приглашенные на конференцию Болгария и Советский Союз. В советских предложениях подчеркивалась необходимость обеспечения интересов не великих западных держав, а черноморских государств и, прежде всего, Турции, с которой СССР был связан договором о дружбе. Программа, разработанная В.И. Лениным, содержала такие принципы, как восстановление прав турецкого народа на «принадлежавшие ему территории и водное пространство»: закрытие проливов в мирное время и в период войны для «военных и вооруженных судов всех стран, кроме Турции; полная свобода торгового мореплавания. Это был сильный дипломатический ход: выдвинув справедливые и демократические лозунги, советское правительство рассчитывало на поддержку черноморских государств.

Однако соотношение сил на конференции не позволяло надеяться даже на минимальный успех Советской страны: представители западных стран, выслушав руководителя советской делегации наркома Г.В. Чичерина, отвергли все его предложения. Глава английской делегации министр иностранных дел Джордж Керзон обвинил российского дипломата в стремлении превратить Черное море в «русское озеро».

В основу Конвенции о режиме проливов был положен английский проект. По форме, но не содержанию он представлял собой смягченный вариант соответствующего раздела Севрского договора. Режим проливов предусматривал в мирное время свободный проход торговых судов и военных кораблей с некоторыми ограничениями по тоннажу и количе-

ству. Во время войны через проливы могли проходить военные корабли только нейтральных стран. Понятно, что эти оговорки создавали лишь видимость обеспечения безопасности черноморских государств. Зона проливов подлежала демилитаризации, хотя Турции разрешалось иметь в Стамбуле 12-тысячный гарнизон, турецкому правительству было отказано в контрольных правах над проливами. Вопрос об управлении всей зоной проливов решался в пользу великих держав. Эти функции возлагались на Комиссию, создаваемую под эгидой Лиги Наций, где ведущее положение занимали Англия и Франция. Советская Россия не ратифицировала Конвенцию как «нарушающую ее законные права» и «не гарантирующую безопасность черноморских стран».

Подписанием Лозаннского мирного договора и Конвенции о режиме проливов завершился процесс послевоенного урегулирования в Европе.

Таковы были главные итоги территориально-политического урегулирования в Европе. Пять мирных договоров с Германией и ее союзниками, а также сопутствовавшие им соглашения составили правовую основу Версальской системы международных отношений.

6. Русский вопрос на Парижской мирной конференции

Хотя русский вопрос официально не значился в повестке Парижской конференции, ему было уделено самое серьезное внимание, т. к. Советская Россия и распространение коммунистических идей представляли собой угрозу мировому порядку, который создавался в Версале. Один из биографов В. Вильсона в этой связи заметил: «Париж не может быть понят без Москвы». Другими словами, эту же мысль выразил известный американский историк Т. Бейли, который доказы-

вал, что «Совет четырех» в действительности состоял из пяти человек и что «пятым его членом был Ленин, незримый и занимавший невидимое кресло. Он оказывал влияние на всю работу конференции, подстегивал и стимулировал ее».

Подход организаторов и руководителей Парижской конференции к решению русского вопроса носил ярко выраженный антисоветский характер.

Причинами враждебности было стремление не допустить распространения большевизма, ограничить его влияние на международной арене. Советское правительство провозгласило курс на разжигание мировой революции. Пугающе звучал ленинский лозунг: «уничтожение мирового капитализма и его следов», а также заявления «левых коммунистов» о праве социалистического государства на «красную интервенцию».

Кроме того, западные державы понесли огромные материальные потери в результате национализации банков, промышленных предприятий и железных дорог, в том числе и принадлежавших иностранцам, аннулирования всех иностранных займов, введения монополии на внешнюю торговлю. Достаточно привести несколько цифр. Иностранные инвестиции в экономику России на 1917 г. оценивались в 2 млрд золотых руб., что составляло 43 % совокупного торгово-промышленного и кредитного капитала; внешний долг России по иностранным займам накануне Октябрьской революции достиг суммы в 16 млрд золотых руб.

Определенное значение имели традиции внешней политики великих западноевропейских держав, стремившихся не допустить чрезмерного усиления России вне зависимости от того социально-политического строя, который в ней утвердился.

В Париже были разработаны основные направления борьбы с большевистской опасностью.

Во-первых, оказание всемерной помощи внутренним «демократическим» силам. Как заявлял государственный секретарь США Р. Лансинг: «Любое оппозиционное движение в России следует поддерживать, даже если существует мало шансов на его успех». «Совет четырех» вел переговоры с бывшим главой Временного правительства князем Г. Львовым, одним из лидеров правых эсеров Б. Савинковым и другими белоэмигрантскими политическими деятелями. В мае–июне 1919 г. «Совет четырех» обменялся нотами с адмиралом А.В. Колчаком, что было равносильно признанию его де-факто «верховным правителем российского государства».

Во-вторых, расширение вооруженной интервенции стран Антанты. На конференции обсуждались различные варианты военного давления на Советскую Россию, из которых самым грандиозным, по воспоминаниям Д. Ллойд Джорджа, был план маршала Ф. Фоша, предлагавшего направить против большевиков двухмиллионную армию.

В-третьих, активное содействие малым европейским странам – соседям России в реализации их антисоветских устремлений. Ж. Клемансо первым выдвинул лозунг о необходимости создания «санитарного кордона» против «большевистской заразы». Военный министр Англии У. Черчилль уточнил: «Советская Россия должна быть отгорожена от Западной Европы кордоном неистово ненавидящих большевизм государств». В «плане Фоша» предусматривалось максимальное вооружение «санитарно-кордонных» стран и, прежде всего Польши как ударной силы антисоветского похода.

В-четвертых, использование мер экономического воздействия. Верховный Совет Антанты принял решение об экономической блокаде России. Этот метод борьбы с советской

властью считался весьма эффективным, учитывая катастрофическое состояние экономики РСФСР.

В-пятых, политическое непризнание и дипломатическая изоляция Советской России. Пояснение этому курсу дал государственный секретарь США Бейнбридж Колби: «Мы питаем дружественные чувства к русскому народу, но не к его вождям».

Обсуждение русского вопроса на Парижской конференции выявило как единство взглядов, так и разногласия лидеров держав-победительниц. Полное взаимопонимание вызвала главная цель – необходимости ликвидировать большевистскую угрозу.

Противоречия возникали по вопросу о способах и средствах достижения поставленной цели. Ж. Клемансо, Ф. Фош, У. Черчилль настаивали на вооруженном подавлении советской власти. Наиболее активным поборником этого курса выступал английский военный министр У. Черчилль. В. Ленин охарактеризовал как «величайшего ненавистника Советской России». У. Черчилль называл большевиков «свирепыми обезьянами-бабуинами» и призывал «усмирить революцию войной», «задушить большевизм в колыбели».

Иной точки зрения придерживались В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж. Они считали, что наряду с силовыми методами, следует вступить в переговоры с советским правительством и, воспользовавшись тяжелым положением страны, продиктовать ему свои условия. Они исходили из того, что после ряда крупных побед Красной армии становилось очевидным, что советско-большевистский режим имеет поддержку в народе. Английский премьер доказывал своим оппонентам: «Большевики, что бы о них ни думали, ведут, по видимому, за собой большинство населения. Этот факт – без-

условно, факт печальный, но нельзя игнорировать факты только потому, что они неприятны».

В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж выражали большое сомнение в эффективности дальнейшего расширения вооруженной интервенции. Д. Ллойд Джордж высказался откровенно: «Я убежден, что, если мы попытаемся направить новых английских солдат в Россию, армия восстанет». В конце января 1919 г. президент США на заседании «Совета десяти» предложил начать переговоры с большевистским правительством. Его поддержал Д. Ллойд Джордж, но из-за решительного отпора Ж. Клемансо предложение было отклонено. Тем не менее по инициативе американской и английской делегаций руководящие органы Парижской конференции предложили созвать конференцию на Принцевых островах в Мраморном море, находившихся под военным контролем Антанты. 21 января 1919 г. В. Вильсон обратился ко всем воевавшим на российской территории группировкам, с предложением направить представителей на конференцию по вопросу о восстановлении мира в России. СНК РСФСР заявил о своей готовности немедленно начать переговоры как с державами Антанты, так и с белогвардейскими «правительствами» с целью прекращения военных действий и нормализации отношений с союзными государствами. Однако конференция не состоялась: белая оппозиция не пожелала участвовать в ней вместе с большевиками, а державы-победительницы получили основание для ее отмены.

В марте 1919 г. в Москву прибыл руководитель отдела информации американской делегации на Парижской конференции Уильям К. Буллит. В переговорах с ним участвовали В.И. Ленин и Г.В. Чичерин. Выработанный в результате этой встречи проект мирного урегулирования включал в себя как

англо-американские, так и советские предложения. Он предусматривал прекращение военных действий на всех фронтах в России и обсуждение на Парижской конференции вопроса о мире на следующих принципах:

- все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют свою власть и признают свою ответственность за финансовые обязательства бывшей Российской империи по отношению к иностранным державам и гражданам этих держав;
- отменяется экономическая блокада России;
- возобновляется обмен официальными представителями между Советской республикой и иностранными государствами;
- амнистия политзаключенным обеих сторон;
- немедленный вывод всех войск «Союзных и Объединившихся правительств и других нерусских правительств» из Российской республики;
- прекращение военной помощи антисоветским силам в России.

У. К. Буллит сообщал в своих телеграммах о том, что «народные массы идут за большевистскими вождями». В Париже итоги миссии У.К. Буллита были фактически отвергнуты. На восточном фронте началось наступление армии Колчака. В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж публично отреклись от своей причастности к организации переговоров с Советской Россией. Так потерпела вторая попытка мирного решения русского вопроса.

В.И. Ленин отреагировал в свойственной для него манере: «Я удивлен, как это Буллита не стащили на каторгу за тайное сочувствие большевикам».

В апреле 1919 г. знаменитый норвежский исследователь Арктики Фритьоф Нансен выступил с идеей создания

«неполитической комиссии» по оказанию продовольственной помощи населению России. В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж отнеслись к ней положительно, но при условии «держать процесс распределения помощи подальше от большевиков». «Совет четырех» одобрил составленный членом американской делегации Г. Гувером «план миссии Ф. Нансена», который содержал две важные оговорки: реализация плана должна начаться по окончании гражданской войны в России, и союзные державы должны установить контроль над российским железнодорожным транспортом.

В.И. Ленин, получив от Нансена предложения «Совета четырех», назвал этот план «недопустимым». 14 мая по радио было передано заявление СНК, в котором говорилось, что правительство РСФСР не прекратит борьбу с врагами советской власти. «Совет четырех» ответ большевистского руководства оценил как «неприемлемый» для ведения дальнейших переговоров.

Таким образом, все три попытки держав-победительниц нормализовать отношения с Советской Россией закончились безрезультатно. Главная причина заключалась в том, что в 1919 г. правительственные круги союзных держав еще продолжали надеяться на победу «демократических сил» в России и свержение советской власти.

7. Создание и начальный период деятельности Лиги Наций

В западной исторической литературе, как правило, дается высокая оценка Лиги Наций, в советской историографии напротив Лига Наций оценивается крайне негативно.

В действительности, истина находится посередине. Функционирование Лиги Наций носило двойственный харак-

тер. С одной стороны, провозглашалась благородная цель «развития сотрудничества между народами и достижения международного мира и безопасности». Но, с другой стороны, Лига Наций была призвана охранять международный порядок, который определялся интересами стран Антанты. Ведущие мировые державы – Англии и Франции – изначально не рассматривали Лигу Наций как инструмент поддержания мира, больше полагаясь на традиционные дипломатические и военные средства. Все это снижало эффективность Лиги Наций и обрекало ее на бессилие в разрешении международных проблем.

Устав Лиги Наций был подписан в 1919 г. представителями 44 государств. Он включал в себя 26 статей. Анализ их содержания позволяет понять ограниченную роль, которую Лига Наций играла на международной арене.

Центральный принцип Устава – взаимные гарантии «территориальной целостности и суверенитета» членов Лиги Наций «против всякого военного нападения». Государства, подписавшие Устав, обязались не прибегать к войне и строить свои отношения, основываясь на международном праве. Однако в Уставе отсутствовала идея полного и окончательного отказа от войны и агрессии как политического средства. Военные действия допускались в четырех случаях: невынесение арбитражного или судебного решения в «течение разумного срока» или непринятия такого решения Советом Лиги Наций в 6-месячный срок; несогласия одной из конфликтующих сторон подчиниться арбитражному или судебному решению; отказа государства руководствоваться единогласным решением Совет; неединогласного принятия решения Советом. В соответствии со статьей 15-й при отсутствии единогласия в Совете «члены Лиги оставляют за собой право поступать так, как они считают необходимым для сохранения права и правосудия».

Во всех перечисленных случаях конфликтующие стороны были обязаны лишь соблюсти определенную процедуру и выждать три месяца, отводившихся на усилия по достижению урегулирования.

В Уставе отсутствовало определение самого понятия войны, нападения, агрессии.

Серьезным недостатком Устава была процедура голосования, от которой зависело принятие решения. Статья 5-я утверждала принцип единогласия и в Совете Лиги Наций, и на Ассамблее. При этом по статье 11-й правило единогласия толковалось как включающее голоса участвовавших в споре сторон. Фактически вводился принцип «liberum veto», предоставлявший каждому государству – члену Лиги возможность аннулировать любое позитивное решение. Подобная процедура голосования превращала Лигу Наций в недееспособный орган.

Устав торжественно декларировал, что в случае войны или ее угрозы Лига Наций имела право прибегнуть к любым средствам, способным обеспечить мир. Статья 16-я предусматривала применение против государства-агрессора экономических, финансовых, дипломатических и военных санкций. Однако эта статья смягчалась двумя оговорками. Во-первых, переход к санкциям был обусловлен признанием состояния войны всеми членами Ассамблеи Лиги Наций. Во-вторых, сами санкции предназначались исключительно для воздействия на виновную сторону и не предусматривали оказания помощи стороне пострадавшей. В результате за все время существования Лиги Наций военные санкции не применялись ни разу, а экономические всего один раз – в период итало-эфиопской войны, показав свою полную неэффективность.

Важное место в Уставе занимала статья 17-я, регулировавшая отношения между членами и не членами Лиги Наций.

В случае военного конфликта между ними или нападения «извне» на любое государство, являвшееся членом международной организации. Верховным судьей провозглашался Совет Лиги Наций. Он был уполномочен объявлять санкции вплоть до «организации войны» членов Лиги Наций против «внешней угрозы». Но на практике Лига Наций не могла реализовать эти меры. Во-первых, потому что требовалось добровольное и единогласное согласие на них всех представленных в Ассамблее государств. Во-вторых, в связи с тем, что она не имела собственных вооруженных сил.

В статье 8-й говорилось о необходимости сокращения «национальных вооружений до предельного минимума, совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств». Сам по себе призыв к ограничению гонки вооружений имел положительное значение. Однако критерии ограничения наращивания военной мощи были крайне неопределенными.

Слабым местом Устава была мандатная система, которая как уже отмечалось выше, ничем не отличалась от «классической колониальной системы».

По Уставу к главным руководящим органам вновь образованной международной организации относились: Собрание представителей всех членов Лиги Наций (Ассамблея), Совет и постоянный Секретариат во главе с генеральным секретарем. Их местопребыванием была избрана Женева.

Генеральная Ассамблея созывалась один раз в год (в чрезвычайных ситуациях – чаще). Каждое государство – член Лиги располагало одним голосом. Совет Лиги Наций состоял из четырех представителей великих держав-победительниц в качестве его постоянных членов и четырех непостоянных членов, избиравшихся Ассамблеей на три года.

Совет должен был собираться на свои заседания не реже двух раз в год.

В структуру Лиги Наций входило более 20 различных комиссий, комитетов и организаций: по сокращению вооружений, защите национальных меньшинств, экономическим и социальным вопросам, постоянная мандатная комиссия. Международное бюро труда и др. Лидерство в руководящих органах Лиги Наций принадлежало Англии и Франции. Великобритания добилась принятия в Лигу пяти своих доминионов (Австралии, Ирландии, Канады, Новой Зеландии, ЮАС) и Индии, получив в Ассамблее шесть «дополнительных» голосов. Важным звеном организации, обеспечивавшим англо-французский диктат, стал Секретариат, который назначался Советом. Англичане и французы пришли к соглашению, что посты генерального секретаря и его заместителей поочередно будут занимать представители их стран. Первым Генеральным секретарем Лиги Наций был назначен профессиональный английский дипломат Эрик Друммонд (в 1933 г. его сменил француз Жорж Авеноль). Секретариат Лиги Наций размещался в Лондоне.

Таким образом, структура Лиги Наций по форме выглядела демократической и равноправной, но, на деле закрепляла главенствующую роль Англии и Франции.

Названные недостатки во многом предопределили очевидные слабости Лиги Наций в решении крупных международных проблем.

В начале 1920-х гг. Лига Наций приняла участие в разрешении ряда международных вопросов.

Одной из первых была обсуждена проблема о принадлежности и статусе Аландских островов. На них претендовали Швеция и Финляндия. Несмотря на то, что население остро-

вов на двух плебисцитах высказалось за присоединение к Швеции, Совет Лиги Наций в июне 1921 г. утвердил резолюцию о сохранении островов под суверенитетом Финляндии при условии предоставления им автономии. Такое решение не удовлетворило ни одну из сторон. В октябре 1921 г. под эгидой Лиги Наций в Женеве прошла конференция, участники которой подписали конвенцию о демилитаризации и нейтрализации Аландских островов, остававшихся в составе Финляндии.

Второй проблемой стал польско-литовский конфликт. В 1920 г. Польша захватила Вильнюс. Совет Лиги Наций направил польскому правительству «решительный протест». Однако дальнейший ход событий привел к возникновению ситуации, которую можно назвать анекдотичной, если бы речь шла не о вооруженном нападении. Лига Наций стала защищать агрессора. Это объяснялось стремлением Англии и Франции усилить польское государство как противовес Советской России. Совет Лиги назначил в октябре 1920 г. плебисцит в условиях польской оккупации всего Вильнюсского края. Это решение противоречило не только общепринятым международным нормам, но и здравому смыслу. Жесткая оппозиция со стороны общественности и некоторых членов Лиги Наций заставила руководящий Совет передать этот вопрос на рассмотрение Конференции послов, вынесшей решение: Вильнюс и Вильнюсский край переходили к Польше. Таким образом, Польша добилась международного признания захвата чужой территории. Англия и Франция укрепили позиции потенциального противника Советской России; Лига Наций сохранила свое реноме, т. к. столь позорное решение было принято не от ее имени.

Лига Наций проявила полную несостоятельность в урегулировании споров, в которых участвовали великие державы.

Например, т. н. Корфуский инцидент 1923 г. На территории Греции неизвестными злоумышленниками были убиты итальянский генерал Э. Теллини, возглавлявший международную комиссию по демаркации албано-греческой границы, а также два офицера и шофер. В ответ Б. Муссолини приказал оккупировать греческий остров Корфу. Совет Лиги пребывал в замешательстве: с одной стороны, следовало осудить территориальный захват, но с другой стороны, его осуществил постоянный член Совета Лиги Наций. Выход из положения стал уже традиционным: Лига Наций попросила разобраться в конфликте Конференцию послов. Там быстро выработали условия урегулирования: Греция должна принести извинения Италии и компенсировать нанесенный итальянской стороне ущерб. После этого Италия эвакуировала свои войска с острова Корфу. Такое решение, не содержащее осуждения силовых действий фашистской Италии, а скорее поощрявшее их, было благосклонно воспринято правящими кругами Италии.

В разрешении других территориальных конфликтов Лига Наций использовала два основных метода: полный отказ от их рассмотрения и словесные или письменные порицания.

Первый метод регулярно «применялся» ею в отношении стран Латинской Америки, хотя их представительство составляло 36 % от общего числа государств-членов Лиги Наций. Свои отказы от вмешательства в многочисленные споры латиноамериканских стран Совет Лиги аргументировал наличием в Уставе статьи 21-й, которая излагалась доктрина Монро. Подразумевалось, что верховным арбитром в Западном полушарии являлась не Лига Наций, а Соединенные Штаты.

Что касается второго метода, то, пожалуй, лучше других его описал У. Черчилль: «Лига Наций? Вот как она поступит. Между двумя странами возникают серьезные противоре-

чия, которые грозят привести к войне. Совет Лиги Наций экстренно собирается и после продолжительных дебатов решает послать обеим сторонам увещательную телеграмму, приглашая их принять меры к устранению всякой опасности вооруженного столкновения. Обе стороны продолжают угрожать друг другу. Война неизбежна. Совет вновь экстренно собирается и после продолжительного совещания решает... послать правительствам обеих стран новую телеграмму, и которой, ссылаясь на первую, предлагает немедленно разоружиться. Страны не обращают на это внимания. Начинаются военные действия. Война свирепствует. Совет Лиги Наций вновь спешно собирается и после долгих прений решает послать правительствам этих стран третью телеграмму: "Ссылаясь на первую и вторую телеграммы, уведомляю Вас, что, если Вы не прекратите немедленно войну, я ... не пошлю Вам больше ни одной телеграммы"».

Еще одним показателем недееспособности Лиги Наций как «инструмента мира» стало обсуждение проблем, связанных с сокращением вооружений и разоружением. Уже на первом пленарном заседании Ассамблеи 16 января 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Н. Керзон объявил о невозможности добиться реального ограничения гонки вооружений, что и было взято за основу дальнейшей работы Лиги в этом направлении.

При оценке роли и значения Лиги Наций наиболее важными представляются следующие выводы:

Во-первых, создание Лиги было новым словом в теории и практике международных отношений. Это была первая в истории человечества межгосударственная организация по обеспечению и охране мира. Устав Лиги Наций юридически

закреплял демократические принципы построения мирового порядка, впервые выдвинув идею коллективной безопасности всех миролюбивых стран.

Во-вторых, в конкретных условиях межвоенного периода Лига Наций включала в себя как демократические, так и империалистические методы урегулирования. Главная задача новой международной организации состояла в защите интересов держав-победительниц. При этом критерии справедливости и равноправия часто отступали на второй план.

В-третьих, отмеченные выше недостатки Устава, структуры и практической деятельности Лиги Наций превращали ее в малоэффективный и недееспособный международный орган.

8. Вашингтонская конференция 1921-1922 гг. и ее решения

В июле 1921 г. президент США Уоррен Гардинг выступил с инициативой провести в Вашингтоне международную конференцию по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам.

Вашингтонская конференция являлась своего рода продолжением конференции Парижской, не решившей некоторые важные проблемы послевоенного урегулирования.

Особое внимание к дальневосточной проблематике объяснялось тем, что после мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе сложилась новая расстановка сил и обострились противоречия между великими державами.

Соединенные Штаты, опираясь на свое экономическое могущество и политику «открытых дверей» и «равных возможностей», стремились обеспечить себе главенствующее положение на Дальнем Востоке и, прежде всего, в Китае. Эти претензии, пусть с оговорками, поддерживала Великобритания. Главной преградой на пути практической реализации

этого курса являлась Япония, которая навязав Китаю «21 требование» и добившись дипломатической победы над США на Парижской конференции, сделала крупный шаг в превращения китайской территории и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в сферу исключительно своих экономических интересов и политического контроля.

Следует отметить, что международная обстановка на Дальнем Востоке отличалась крайней сложностью, ее нельзя сводить только к американо-японскому конфликту. Великобритания, заявив о своей солидарности с американской политикой «открытых дверей», одновременно была связана с Японией союзным договором, заключенным в 1902 и возобновленным в 1911 г. Это означало, что в случае вооруженного столкновения с Японией, США будет противостоять англо-японский блок. Поэтому японское правительство стремилось сохранить союз с Англией, а американское – его разрушить. Что касается Великобритании, то она стала этим союзом тяготиться. Дело в том, что договор с Японией в момент его подписания был направлен против Германии и России. Теперь, когда Германия потерпела поражение, а Россия была ослаблена, договор потерял свой смысл. К тому же решительными противниками любого англо-японского сближения выступали британские доминионы Канада, Австралия и Новая Зеландия, опасавшиеся дальнейшей экономической и территориальной экспансии Японии. Таково было соотношение сил великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне открытия Вашингтонской конференции.

Другой особенностью международной ситуации на Дальнем Востоке стала политическая дезинтеграция Китая. На его территории существовало несколько правительств, причем центральная власть в Пекине была настолько слабой,

что не контролировала ничьих действий, кроме своих собственных. Такое положение дел вполне устраивало Японию, применявшую в своей политике по отношению к Китаю принцип «разделяй и властвуй», что никак не соответствовало внешнеполитическим установкам Соединенных Штатов. Как известно, доктрина «открытых дверей» предполагала сохранение территориальной целостности Китая и, следовательно, отвергала ее раздел на «сферы влияния».

Определенное влияние на ход обсуждения дальневосточных проблем оказывал и фактор Советской России. Это влияние следует рассматривать не столько в политическом, сколько в идеологическом аспекте. Значимую роль играло распространение коммунистических идей в Китае. В 1921 г. возникла Китайская Коммунистическая партия, а гоминьдановское правительство в Нанкине, которое возглавлял революционер-демократ Сунь Ятсен, вступило в контакт с коммунистами и налаживало связи с Москвой. Угроза «большевизации» Китая вызывала понятную обеспокоенность тихоокеанских держав и подталкивала их к скорейшему урегулированию китайской проблемы.

Важнейшей предпосылкой проведения Вашингтонской конференции стала развернувшаяся в последние годы войны и в первый послевоенный период гонка морских вооружений. В борьбу за военно-морское лидерство включились Соединенные Штаты и Япония.

В марте 1916 г., затем в 1919 г. в США были принята широкомасштабная программа военно-морского строительства, целью которой провозглашалось создание флота, «не уступающего никакому другому» и способного «защитить интересы Соединенных Штатов от любых угроз». Стратегические позиции Соединенных Штатов на морях значительно

улучшились после ввода в эксплуатацию в июле 1920 г. Панамского канала, обеспечивавшего возможность быстрой переброски американской военной флотилии из Атлантического в Тихий океан и обратно.

«Владычица морей» Великобритания оказалась не в состоянии соревноваться с Америкой в этой сфере по причине неравенства в экономической и финансовой мощи. Поэтому уже в 1920 г. английское правительство фактически отказалось от своего знаменитого «двухдержавного стандарта» и выдвинуло принцип равенства британского флота флоту сильнейшей из морских держав. По мнению английского правительства и военных кругов, эта уступка компенсировалась сохранением за Великобританией контроля над основными морскими путями (Гибралтар, Суэцкий канал, Северное море), широкой сетью военно-морских баз, а также дружественными отношениями с США.

Однако американский вызов был принят Японией. В 1920 г. она начала реализацию гигантской по тем временам программы «8–8», предполагавшей сооружение восьми линкоров, восьми крейсеров и большого количества судов обеспечения.

Невиданный размах гонки морских вооружений требовал огромных затрат, что могло привести к финансовому перенапряжению и вызвать негативную реакцию у общественности. Следовало учитывать также широкое распространение пацифистских настроений. Поэтому в правительствах союзных держав и стали разрабатываться планы ограничения военно-морских сил. Откровеннее других лидеров на этот счет высказался американский президент У. Гардинг. «Наиболее мудрой политикой США должно стать стремление добиться превосходства на море в результате сокращения вооружений».

Далеко не случайно то, что идея созыва конференции исходила от Соединенных Штатов. С приходом к власти республиканской администрации У. Гардинга во внешнеполитическом курсе США произошли существенные изменения. На смену вильсоновскому либеральному глобализму пришел неоиоляционизм, т. е. политика, направленная на обеспечение американских региональных и глобальных интересов при сохранении «полной свободы рук». В рамках этой политики первостепенную роль играло не европейское, а латиноамериканское и дальневосточное направления, что в свою очередь, предполагало усиление военно-морской мощи Соединенных Штатов. Отсюда выдвижение трех конкретных целей, которые американская дипломатия должна была реализовать на Вашингтонской конференции:

1. Не допустить нарушения статус-кво в бассейне Тихого океана, а при возможности изменить его в свою пользу.
2. Через сокращение морских вооружений достичь если не господствующего, то равного с Англией положения на морях.
3. Добиться международного признания «доктрины открытых дверей» и тем самым утвердить главенствующие позиции Соединенных Штатов в Китае.

Подготовка конференции сопровождалась шумной пропагандистской кампанией, в ходе которой прославлялось миролюбие американской администрации, сам международный форум назывался «встречей друзей», а идея сокращения морских вооружений – «великим самопожертвованием Америки». Все газеты цитировали слова У. Гардинга: «Мы надеемся установить лучший порядок, который вернет спокойствие миру».

Торжественное открытие Вашингтонской конференции состоялось 11 ноября 1921 г. – в третью годовщину подписа-

ния Компьенского перемирия. В ней приняли участие 14 стран: пять великих держав – США, Англия, Франция, Италия, Япония; четыре государства, имевшие существенные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Голландия, Бельгия, Португалия и Китай, а также пять британских доминионов. Советская Россия по официальной мотивировке – «ввиду отсутствия единого правительства» – приглашения не получила, как и Дальневосточная республика, но уже без какого-либо объяснения. В связи с этим правительства РСФСР и ДВР синхронно заявили, что не признают никаких решений конференции.

По аналогии с Версалем все значимые вопросы обсуждались на закрытых совещаниях «большой пятерки», а на открытых пленарных заседаниях официально утверждались уже готовые постановления. Председателем конференции был избран глава американской делегации государственный секретарь Чарлз Эванс Хьюз.

На Вашингтонской конференции были приняты следующие основные документы.

«Договор четырех держав». Этот договор был заключен 13 декабря 1921 г. представителями США, Англии, Франции и Японии. Он состоял всего из четырех статей и известен в истории международных отношений как «Четверной тихоокеанский трактат», или «Дальневосточная Антанта». Договор юридически закреплял статус-кво и временное равновесие четырех держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Особое значение имела статья 4-я договора, которая устанавливала, что после его ратификации автоматически теряет силу англо-японское союзное соглашение 1911 г. Это была крупная дипломатическая победа США, достигнутая в трудном противоборстве с Англией и Японией. Американцы использовали различные средства давления на Англию; от

обещаний предоставить крупные кредиты до угрозы признать Ирландскую республику. Англия после недолгого сопротивления уступила американскому натиску. Глава английской делегации член кабинета министров Артур Бальфур попытался убедить руководителя японской делегации морского министра барона Такэси Като, что Япония даже выиграла от такого решения, ибо теперь вместо одного союзника получила сразу трех. Т. Като ответил, что количество (союзников) не заменяет качество (договоров), т. к. по соглашению 1911 г. в случае нападения на Японию ей предлагалась «немедленная военная помощь», а по договору 1921 г. – только «обмен мнениями». Японский министр заявил английским дипломатам: «Вы устроили нашему союзу блестящие похороны».

«Договор пяти держав» об ограничении морских вооружений был подписан 6 февраля 1922 г. в последний день работы конференции.

Инициатива в разработке и принятии этого документа принадлежала США. В своей речи государственный секретарь США Ч. Хьюз изложил американский план.

Во-первых, предлагалось в первую очередь сократить число линейных кораблей, определявших силу военно-морского флота (к линкорам относились самые крупные военные суда водоизмещением выше 10 тыс. т и имевшие орудия калибром более 8 дюймов). Сокращение должно было осуществляться путем ликвидации кораблей, находившихся в стадии строительства, а также вывода из строя судов, уже стоявших на вооружении. Осуществление американского проекта привело бы к следующим количественным изменениям линейных флотов: Англия сохраняла из 32 линкоров 20, США увеличивали число линейных судов с 16 до 18 (при отказе от сооружения еще 11 кораблей), у Японии оставалось то же количество

– 10 линкоров (при планировавшемся увеличении до 18). Аналогичные предложения касались и других классов кораблей.

Во-вторых, предусматривалось установление «потолков» предельного тоннажа и его соотношения для пяти великих морских держав. В соответствии с этим положением в будущем замена устаревших на новые линейные корабли производилась таким образом, чтобы общий их тоннаж не превышал для США и Англии 500 тыс. т, а для Японии – 300 тыс. т, т. е. соотношение линейных флотов трех держав устанавливалось в пропорции 5:5:3.

В-третьих, запрещалось строительство линкоров водоизмещением более 35 тыс. т.

В своей вступительной речи Ч. Хьюз много и прочувствованно говорил о бедствиях мировой войны, о стремлении народов к миру, о необходимости сократить расходы на вооружения и направить освободившиеся средства на восстановление разрушенного хозяйства. Как отмечала пресса, за 35 минут, затраченных на выступление, государственный секретарь США потопил больше кораблей, чем все адмиралы прошлых веков. Речь получила восторженную оценку в прессе. Однако за этими громкими фразами скрывалась подлинная цель американской дипломатии – достичь военно-морского паритета с Великобританией и укрепить стратегические позиции США как великой морской державы.

Обсуждение американского проекта проходило в ожесточенной борьбе между «друзьями и союзниками». Результаты этой борьбы были таковы. Переговоры о сокращении линейных флотов и авианосцев, если не считать некоторых изменений в деталях, завершились для США успешно. Англия по названным выше причинам пошла навстречу американским предложениям, что и предопределило общее согласие.

Стремление США распространить разработанные в отношении линкоров принципы на все остальные категории надводного флота встретило решительное сопротивление Великобритании. Дело в том, что крейсеры, эсминцы и другие быстроходные военные корабли были крайне ей необходимы для эффективной связи с разбросанными по всему миру частями Британской империи. Непримируемость позиции английской делегации не позволила решить этот вопрос положительно.

Такая же участь ожидала англо-американский проект сокращения подводного флота. В роли его главных оппонентов выступили Франция и Италия. А. Бальфур заявил о необходимости ликвидировать все подводные лодки, назвав их самым варварским видом военно-морских сил и напомнив делегатам о той безжалостной подводной войне, которую вела Германия против союзных держав. Заместитель главы французской делегации Альбер Сарро заявил, что Франция готова уничтожить все свои подводные лодки, если Великобритания сделает то же самое со своими линкорами. В заключение А. Сарро саркастически заметил: «Правда, нам говорят, что Англия никогда не использует свои линейные корабли в военных целях. Ну, конечно же, она держит их, по всей видимости, для ловли сардин. Так пусть же она разрешит Франции иметь подводные лодки, ну, скажем, для ботанического исследования морского дна». В итоге этой дискуссии подводный флот остался неприкосновенным.

Содержание «договора пяти держав» можно свести к следующим основным положениям.

1. Соотношение линейных флотов Англии, США, Японии, Франции и Италии устанавливалось в пропорции

5:5:3:1,75:1,75. Суммарный тоннаж линкоров составил соответственно 525-525-315-175-175 тыс. т.

2. Предельный тоннаж для авианосцев пяти морских держав определялся в размерах: 135-135-81-61-61 тыс. т.

3. Водоизмещение одного линейного корабля не должно было превышать 35 тыс. т.

4. Статья 19 запрещала сооружение новых и укрепление старых военно-морских баз в центральной и западной части Тихого океана (восточнее 110-го меридиана). США и Англия не могли иметь никаких военно-морских баз на расстоянии менее 5 тыс. км от японских островов. Это постановление явилось крупным стратегическим выигрышем для Японии.

Значение «Договора пяти держав» выходило за региональные рамки, поскольку он ограничивал не тихоокеанский, а мировой флот великих держав. Договор не только приостановил опасную тенденцию к неограниченной гонке морских вооружений, он установил предельные нормы тоннажа самых крупных морских кораблей, что предполагало весьма существенное (примерно в два раза) сокращение уже построенного или строившегося линейного флота. И это, безусловно, следует оценить положительно.

Соглашение пяти держав оформило такое глобальное военно-морское равновесие, которое, пусть в разной степени, но соответствовало интересам всех его участников.

США одержали дипломатическую победу, добившись военно-морского паритета с Великобританией, максимально укрепив свои позиции на морях и сохранив стратегическое значение Панамского канала.

Англия отказалась от «стандарта двух держав», который превратился для нее в непосильно бремя, но удержала лидерство в надводном флоте по классу быстроходных судов,

что в сочетании с широкой сетью военно-морских баз обеспечивало ее преимущества как сильнейшей морской державы.

Япония, настояв на включении в договор положения ограничения военного присутствия США и Англии в зоне Тихого океана, изменила соотношение сил в этом регионе в свою пользу. Отставание от англосаксонских держав в количестве линейных кораблей и авианосцев компенсировалось выгодным географическим положением японских островов: американские военно-морские интересы распространятся на два океана, английские – на весь мир, то Япония могла сконцентрировать свой военный флот в одном стратегически важном для нее районе. Франция и Италия с их более скромными морскими возможностями получили эффективные гарантии своей безопасности, оставив за рамками ограничений и сокращений сухопутные силы и подводный флот, в чем они не уступали, а на каких-то участках и превосходили ведущие военно-морские державы мира.

Но договор «большой пятерки» не мог стать действенным средством разоружения, т. к. он содержал в себе программу не полного, а частичного сокращения вооружений. По всем направлениям, не затронутым в тексте соглашения, великие державы продолжали наращивать свою военную мощь. Это не перечеркивало достигнутое, но заметно ослабляло его значимость.

«Договор девяти держав». Участниками этого договора, подписанного 6 февраля 1922 г., стали все страны, приславшие своих представителей в Вашингтон, за исключением английских доминионов. Согласно договору стороны обязались уважать суверенитет, независимость, «территориальную целостность и неприкосновенность» Китая. Утверждался принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» для

торговой и промышленной деятельности «всех наций на всей китайской территории». Одновременно государства, заключавшие договор, брали на себя обязательство «воздерживаться от получения специальных прав и преимуществ в Китае». В соответствии с принятыми решениями Япония была вынуждена отказаться от некоторых своих привилегий: исключительного права предоставлять китайскому правительству займы на строительство железной дороги в Маньчжурии, направлять в Северо-Восточный Китай своих советников и др. Под давлением США и Англии глава японской делегации Т. Като 4 февраля 1922 г. подписал с представителями пекинского правительства специальное соглашение, по которому Япония обязалась в 6-месячный срок вывести свои войска из провинции Шаньдун и вернуть Китаю железную дорогу Циньдао-Цзинань и территорию Цзяочжоу.

Таким образом, по «договору девяти держав» доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей», провозглашенная еще в 1899 г., впервые получила международное признание. «Равные возможности» при неравенстве в экономической мощи обеспечивали Соединенным Штатам существенные преимущества в борьбе за Китай.

«Договор девяти держав» имел антияпонскую направленность и ослаблял дальневосточные позиции Японии. Подобный исход переговоров никак не мог удовлетворить Японию и неминуемо должен был привести к новому обострению американо-японских противоречий.

И наконец, соглашение девяти держав устранило лишь некоторые из многочисленных ограничений китайского суверенитета. Предложения Китая о полной отмене прав экстерриториальности иностранных граждан, «21 требования», возвращении всех арендованных территорий не были удовлетво-

рены. Англия сохраняла за собой полуостров Цзюлун и Гонконг. Япония отклонила требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньчжурии и отказалась обсуждать вопрос о принадлежности Порт-Артура и Дайрена.

Несмотря эти недостатки, договор 1922 г. следует признать крупным позитивным шагом в отношении Китая, отказом от методов его полукOLONиальной эксплуатации, столь характерными для предшествовавшей политики великих держав.

Как можно оценить основные итоги работы Вашингтонского форума?

Решения конференции стали первой крупной дипломатической победой Соединенных Штатов после окончания мировой войны. Им удалось существенно усилить свою роль в решении ряда крупных международных проблем и в какой-то мере взять реванш за неудачи в Париже.

Конференция в Вашингтоне юридически оформила новое «равновесие сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Был достигнут консенсус в отношении военно-морского баланса, взаимных гарантий региональных интересов и общих принципов дальневосточной политики.

Вместе с тем Вашингтонская система не была универсальной. Постановления конференции носили временный и компромиссный характер. Противоречия между великими державами были сглажены, но не устранены.

Завершение работы Вашингтонской конференции знаменовало собой начало функционирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

9. Противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений

Приведенный выше анализ основных постановлений Парижской и Вашингтонской конференций позволяет сделать следующие общие заключения по содержанию и характеру Версальско-Вашингтонской системы.

1. Ее создание способствовало временной стабилизации международных отношений.

2. Версальско-Вашингтонская система носила крайне сложный и противоречивый характер. В ней сочетались как демократические, справедливые, так и консервативные, империалистические принципы мирного урегулирования. На первых принципах основывались такие решения, как юридическое признание девяти вновь образовавшихся государств в Центральной и Восточной Европе; учреждение Лиги Наций; провозглашение независимости и территориальной целостности Китая; ограничение и сокращение морских вооружений и др.

Однако решающую роль в становлении послевоенной международной системы играла консервативная тенденция. Это нашло свое отражение в решении таких вопросов, как разработка и заключение мирных договоров с Германией и ее союзниками определение основных направлений антисоветской политики перераспределение колоний и др.

Явное преобладание традиционно-консервативных принципов над демократическими объяснялось тем, что в Версальско-Вашингтонской системе были юридически закреплены итоги не справедливой войны, а войны «империалистической с обеих сторон», поэтому эта система отражала не просто новую расстановку сил, а господство держав-победительниц над побежденными государствами. Отсюда

унизительный и во многом грабительский характер выработанных в Версале договоров.

Консервативно-империалистический характер послевоенной международной системы отчетливо проявился в сохранении колониальных империй. На колониальные владения приходилось 44,7 % земной суши и 31,5 % мирового населения.

Версальско-Вашингтонская система уже изначально не являлась прочной и устойчивой, т. к. она не устранила традиционные, но и способствовала появлению новых международных конфликтов.

Можно выделить пять основных групп противоречий, характерных для международной обстановки межвоенного периода.

1. Противостояние держав-победительниц и побежденных государств. Стремление Германии к реваншу было вызвано унизительным характером Версальского договора. Несмотря на всю сложность развития международных отношений в 1920–1930-е гг. именно это противоречие в конечном итоге привело ко Второй мировой войне.

2. Противоречия между самими державами-победительницами: Англией и Францией, США и Англией, Японией и США, Италией и англо-французской Антантой.

Наибольшие выгоды от решений Парижской мирной конференции получили Великобритания и Франция. Однако уже в ходе обсуждения вопросов послевоенного устройства мира между двумя ведущими европейскими державами выявились существенные разногласия.

Французское правительство исходило из того, что мир и спокойствие в Европе могут быть достигнуты путем укрепления руководящей роли Франции на континенте. Для реализации этой цели Франция использовала два основных сред-

ства: курс на максимальное ослабление Германии и создание под эгидой Франции блока малых европейских стран. В 1920–1921 гг. Франция заключила союзные соглашения с Бельгией и Польшей, а также инициировала образование т. н. Малой Антанты – военно-политического блока трех малых стран: Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев. Как отмечал в этой связи Ж. Клемансо: «Самая твердая наша гарантия от германской агрессии заключается в том, что за спиной Германии стоят Чехословакия и Польша, занимающие великолепное стратегическое положение».

Правительство Англии считало, что основой европейского международного порядка должно стать равновесие сил между Францией и Германией, что позволяло Англии играть роль арбитра и контролировать ход событий в Европе. Англия выступала за сохранение «достаточно сильной Германии» и против блоковой политики Франции.

В Италии решения Парижской конференции изображались как «обман и предательство» со стороны великих союзных держав. Итальянские газеты пестрели заголовками: «Ради чего сражались?», «Мы – побежденные среди победителей!» Миф об «урезанной победе» стал реальным фактором обострения противоречий между Италией и англо-французской Антантой. После прихода к власти фашизма борьба Италии против «плутократов и обманщиков» из Лондона и Парижа получила мощный дополнительный импульс. Б. Муссолини призывал «превратить Средиземное море в итальянское озеро» и «изгнать паразитов» из Средиземноморья. Каких паразитов он имел в виду, в Европе хорошо понимали.

Таким образом, противоречия держав-победительниц стали важной причиной дестабилизации юридически оформленного в Париже и Вашингтоне международного порядка.

3. Противоречия между Англией и Соединенными Штатами в известном смысле носили глобальный характер. Стремление Соединенных Штатов расширить свою экономическую экспансию, используя политику «открытых дверей», наталкивалось на глухое сопротивление Англии, владевшей огромной колониальной империей. Такова была первопричина многочисленных англо-американских споров и конфликтов в различных регионах мира. Вместе с тем не следует преувеличивать остроту англо-американского антагонизма. В целом преобладала англо-американская солидарность в подходе к решению наиболее значимых для того времени международных проблем (германский вопрос, «открытые двери» в Китае, отношение к Советской России и др.).

4. Что касается американо-японских противоречий, то перспективы их резкого обострения обозначились уже в процессе становления Версальско-Вашингтонской системы. Уступив Японии на Парижской конференции, Соединенные Штаты взяли реванш в Вашингтоне. Решения Вашингтонской конференции, временно стабилизировав обстановку на Дальнем Востоке, одновременно дали мощный импульс усилению борьбы за экономический и политический контроль над Азиатско-Тихоокеанским регионом. В этой борьбе Япония собиралась использовать как дипломатические, так и военные средства.

5. Еще одна группа противоречий – между малыми европейскими странами, границы между которыми были установлены исходя из геополитических интересов ведущих европейских государств, что породило множество территориальных споров и конфликтов, которые затрагивали интересы как малых стран, так и великих держав, усиливая международную напряженность и подрывая основы послевоенной Договорной системы.

Консервативный подход к разрешению колониальных проблем обострил противоречия между державами-метрополиями и колониями. Нараставшее национально-освободительное движение стало одним из важных показателей нестабильности и непрочности Версальско-Вашингтонской модели международных отношений.

Неустойчивость послевоенной международной системы проявлялась и в том, что в рамках этой системы не были выработаны эффективные средства устранения межгосударственных противоречий, блокирования действий, направленных на разрушение сложившегося равновесия сил. Такими средствами могли стать либо согласованная политика великих держав – главных субъектов международных отношений, либо общепризнанный и действенный межгосударственный орган, либо и то и другое, вместе взятое.

Что касается первого условия, то оно фактически отсутствовало. Из семи великих мировых держав три – США, Советская Россия и Германия – хотя и по разным причинам оказались вне новой международной системы. Англо-французского веса и влияния было явно недостаточно для противодействия деструктивным тенденциям и акциям по отношению к Версальско-Вашингтонскому миропорядку.

Другое условие – создание международной организации – было выполнено, но только наполовину, т. к. фактически Лига Наций не являлась ни общепризнанным, ни действенным органом.

Оценка Версальско-Вашингтонской системы как непрочной и неустойчивой нашла свое практическое подтверждение в серии международных кризисов 1920–1923 гг.

10. Оценки решений Парижской конференции советскими и российскими историками

Советские историки, руководствуясь высказывания В. И. Ленина, главную причину неустойчивости Версальско-Вашингтонской системы международных отношений видели в том, что она была империалистическим способом урегулирования международных проблем, породившим новые противоречия и источники разногласий (История Дипломатии. Т. 3. М.: Политическая литература, 1965. С. 12–54).

Большинство российских историков видят причину слабости и краха Версальско-Вашингтонской системы в разобщенности интересов ведущих держав мира: «система не могла эффективно действовать даже на Европейском континенте, не говоря уже об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обилие противоречий, характерных для Версальско-Вашингтонской системы, делало ее крайне нестабильной» (Власов Н.А. История международных отношений. М.: Юрайт, 2017).

«Решающей гарантией прочности Версальской системы ...должны были стать согласованные действия как минимум трех ведущих государств Антанты – Великобритании, Франции и США, подкрепленные системой коллективной безопасности и солидарных санкций, предусмотренных Уставом Лиги Наций. Однако отказ США от роли гаранта послевоенного мирового и европейского порядка подрывал сами его основы. Теперь главная ответственность за поддержание международной стабильности ложилась на плечи Великобритании и Франции. Однако их политического веса и влияния было недостаточно для решения этой нелегкой задачи» (История международных отношений.: учебник. В 3-х томах / под ред.

А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 2. С. 33).

По мнению Малькова В. Л.: «Двойные стандарты и искушение главных триумфаторов раз и навсегда решить собственные проблемы за счет побежденных, попутчиков и изгоев преследовало Версальскую систему с момента ее возникновения и до насильственной смерти» (Первая мировая война. Пролог XX века. / отв. ред. В.Л. Мальков. – М.: Наука, 1998. С. 202).

Важным недостатком Версальско-Вашингтонской системы был отказ держав-победительниц от восстановления континентального равновесия. «Напротив, навязанные силой побежденным государствам пять мирных договоров носили ярко выраженный репрессивный характер и имели целью закрепить франко-британское преобладание в Европе на как можно более длительный период» (История международных отношений: учебник. В 3-х томах / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 2. С. 32)

Одним из важных вопросов, связанным с функционированием Версальского миропорядка является «германский вопрос», являвшийся центральным на Парижской конференции.

По мнению В.И. Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» Германии «разбойниками с ножом в руках». Эта точка зрения закрепились в отечественной литературе. «Условия мирного договора, подписанного 28 июня 1919 года, оказались весьма тяжелыми для государств Тройственного согласия и в первую очередь для Германии. Лишив Германию 12,5 % прежней территории и более 8 % населения, оставив ее без колоний и вооруженных сил, западные державы сами заложили мину замедленного действия в фундамент

возводимого ими здания "справедливого и длительного мира"» (Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 10).

По мнению ряда исследователей условия Версальского договора, несмотря на их тяжесть, были не самыми худшими для Германии. Сторонники этой точки зрения аргументировано доказывают, что державы-победительницы были даже великодушны к ней. «Британской дипломатии при поддержке американцев удалось не допустить претворения в жизнь французского плана конфедерализации Германии с возвращением ее к границам первой половины XIX в., т. е. в эпоху до объединения страны канцлером О. фон Бисмарком «железом и кровью» (Всемирная история. С. 314) Кроме того, «задавшись целью максимально ослабить Германию, союзники добились, по существу, обратного результата. В геополитическом отношении она скорее выиграла, чем проиграла. На ее восточных и южных границах вместо России и Австро-Венгрии теперь располагались относительно слабые государства – Польша и Чехословакия. В них оказались значительные немецкие меньшинства, которые наряду с австрийскими немцами стремились к воссоединению с Германией. В этой связи Ллойд Джордж с тревогой писал Вильсону в марте 1919 г., что «не может представить себе более весомой причины для будущей войны» (История международных отношений: учебник. В 3-х томах / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 2. С. 32–34).

Профессор МГИМО А.А. Ахтамзян считает, что «материальные причины конфликта Германии с Западом [были] заложены именно в Версале», что «версальский статус Германии» «привел ко Второй мировой войне». По его мнению, внутренняя цельность указанного периода связана и с доми-

нированием антисоветского курса западных держав: «Такие события, как Версальская мирная конференция, Локарнский гарантийный пакт, Мюнхенская сделка или Фултонское выступление Черчилля, вошли в историю как попытки западных держав решить свои противоречия за счет народов и направить агрессивные устремления держав «оси» против ... Союза ССР» (Ахтамзян А.А. Профили рапалльской дипломатии (очерки). М.: МГИМО–Университет, 2009, С. 4).

В отношении другой характеристики Версальско-Вашингтонской системы международных отношений – мандатной системы, учрежденной для решения колониального вопроса в новом формате – у современных историков нет значительных расхождений с оценками советских исследователей. При рассмотрении мандатной системы обращается внимание на ее декларативный характер, в действительности она представляла лишь частичный отход от классического колониализма. В представлениях В. Вильсона мандатная система должна была обеспечить свободный доступ «больших» и «малых» стран к слабо развитым территориям с целью доведения их до самоуправления и независимости (Морозов Е.В. Африканские вопросы на Парижской мирной конференции // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. 2013. С. 87–91.). Более могущественные государств оттеснили менее влиятельные страны и получили новые территории и ресурсы. Хотя в ряде современных работ высказывается мнение, что созданная система способствовала определенным сдвигам в развитии некоторых территорий на Ближнем Востоке и «заложила основы государственности современных стран региона» и Африке (Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и но-

вейшая история. 2014. № 1. С. 17–36; Романенко В. С. Версальская система и СССР: политика на Ближнем Востоке в 1921–1927 гг. // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 106–114).

Еще одно новшество Версальско-Вашингтонской системы – Лига Наций. В начальный период советской историографии отсутствовали комплексные работы, посвященные этой международной организации. Исследователи подчеркивали ее неэффективность как инструмента поддержания международной безопасности (Илюхина Р.М. Лига наций (1919–1934). – М.: Наука, 1982). В постсоветский период интерес исследователей к этой организации значительно возрос. Авторы признают политическую и практическую важность этой организации (Васильева Н.Ю. Лига наций в фокусе современной отечественной историографии // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. 2017. Т. 3. С. 7–29.), но возлагают ответственность за его гибель на Великобританию и Францию (Наумов А.О. В Женеве все рушится: Лига Наций и кризис Версальской системы // Родина. 2011. № 6. С. 117–120.). «Санкции Лиги Наций не работали. Это была просто говорильня. Она даже не являлась площадкой для живого диалога. Там постоянно звучало мнение только одной стороны». И далее: «Единственный возможный способ сделать международную организацию эффективной – это превратить ее в площадку для компромисса. Создатели же Лиги Наций к этому не стремились. Поэтому она стала заведомо нежизнеспособным проектом» (К. Залесский. Лига Наций: история создания и итоги работы // Международная жизнь. 2022. № 1.).

В настоящее время с опорой на архивные документы разных стран, мемуарную литературу и другие материалы исследователи продолжают исследовать причины изначальной

слабости Лиги Наций, оказавшейся на практике организацией, деятельность которой была направлена не на разрешение, а на углубление конфликтов (Ковалева О.А. Лига Наций и ее роль в формировании Версальско-Вашингтонской системы международных отношений // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 70–72.).

Неудачи Лиги Наций в решении политических проблем часто заслоняют ее достижения в социальной и гуманитарной области. Лига Наций провела большую и плодотворную работу в таких сферах, как финансовое регулирование, международные сообщения и система транзита, в улучшении системы здравоохранения во многих странах мира, в научном сотрудничестве, кодификации международного права, и в других социальных и гуманитарных областях. К успехам Лиги следует отнести установление контроля над распространением опиума и работоторговлей (в основном женщинами в странах Азии). Кроме того, были достигнуты значительные успехи в защите прав и интересов молодежи (Ходнев А.С. Лига Наций в международных отношениях 1919-1939 гг.: проблемы соотношения политической и гуманитарной деятельности).

К другим дискуссионным проблемам ВВС МО относится провозглашенный на Парижской конференции президентом В. Вильсоном принцип права наций на самоопределение. Этот принцип, несмотря на всю свою декларативность на данном историческом этапе, стал элементом, качественно изменившим представления о логике развития международных отношений. В отечественной историографии по данному вопросу специалисты в целом придерживаются позиции, утвержденной еще советскими историками: главная проблема заключалась в политике «двойных стандартов» по отношению

к разным странам, продиктованной государственными интересами великих держав. Новая система международных отношений определила границы старых и новых государств. Эти границы во многом носили произвольный характер, хотя, как показало время, «установленные... границы (при некоторых изменениях после Второй мировой войны) оказались на удивление долговечными», за исключением Югославии и Чехословакии (Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 126–133.).

По такому принципу «двойных стандартов» были образованы новые государства в Восточной Европе с попытками лишь в некоторых случаях учесть интересы национальных меньшинств, при полном игнорировании интересов стран, проигравших в войне.

Следует иметь в виду, что само понятие «право наций на самоопределение» остается подвижным. Ученые и политики вкладывали и продолжают вкладывать в него различные смыслы, но именно В. Вильсон поднял этот вопрос на мировом уровне. Согласно мнению В.И. Михайленко и Т.П. Нестеровой, «трактовка Вильсона преуменьшала заложенный в принципе самоопределения разрушительный заряд и позволяла рассчитывать на совместимость практики самоопределения с конкретными интересами наиболее сильных мировых держав, включая сами Соединенные Штаты и "старые имперские» державы в лице Великобритании и Франции"» (Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Версальско-Вашингтонская система. Часть 1. Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – С. 9.).

Проведенная Д. Ллойд Джорджем, Ж. Клемансо и В. Вильсоном перекройка европейских границ стала причи-

ной возникновения нескольких локальных конфликтов: между Югославией и Италией вокруг городов Триест и Фиуме, Грецией и Болгарией вокруг Восточной Фракии, Венгрией и Румынией вокруг части Трансильвании, Польшей и Чехословакией вокруг города Тешина, Германией и Польшей вокруг Верхней Силезии, Германией и Францией вокруг Саара, Польшей и Литвой вокруг Вильно, Германией и Литвой вокруг города Мемеля, Советской Россией и Польшей вокруг западных областей Украины и Белоруссии, СССР и Румынией вокруг Бессарабии, наконец, СССР и Финляндией вокруг Аландских островов и части Карелии. Хотя часть этих территориальных споров была решена в ходе плебисцитов и референдумов 1920-х годов, большинство из них превратилось со временем в «мины замедленного действия», способные стать внутренними детонаторами коллапса Версальской системы (Всемирная история: В 6 т. Т. 6: Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1 / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 2017. С. 316.).

Таким образом, в постсоветский период историки, опираясь на более богатую, чем прежде, источниковую базу и накопленный предшественниками опыт, получили возможность делать более углубленные выводы, чем прежде, по отдельным характеристикам Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. На основе анализа публикаций по проблемам становления и функционирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений можно сделать вывод о том, что во взглядах российских исследователей на основные характеристики системы прослеживается преемственность с советской исторической школой и, в то же время, по ряду проблем российские историки дают более взвешенные оценки.

Самостоятельная работа

Работа с документами

1. Изучите содержание Версальского договора. Согласны ли вы с мнением известного американского экономиста Т. Веблен: «Версаль – это дипломатический блеф, рассчитанный на то, чтобы выиграть время, отвлечь внимание на тот период, который потребуется для восстановления Германии и создания в ней реакционного режима, то есть для воздвижения бастиона против большевизма»; док. 6, 15. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019.).

2. Изучите содержание Устава Лиги. Как он определяет органы, принципы работы, структуру, функции и обязанности членов организации? Особое внимание обратите на статью 22 Устава – она имеет большое значение с точки зрения нового мироустройства; док. 24. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019.).

3. Почему Версальский договор не был ратифицирован Сенатом США; док. 16, 17, 19. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019.).

4. Изучите документы Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений. Какое государство оказалось в более выгодной ситуации, какие потенциальные узлы противоречий зародились в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

док. 20, 21, 2.2 (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеевкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019.).

Прочитайте статьи

Нарочницкая Н. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Перспективы. Электронный журнал.

Рассмотрите противоречия между державами Антанты в отношении революции в России, большевистского режима, поддержки Белого движения, целостности российской территории.

Травкина Н. Визионерство во внешней политике США // russiancouncil.ru Какая причина, по мнению автора, обусловила хрупкость мирного урегулирования в Европе после окончания Первой мировой войны.

Гаврилов А. Ю. Версальский мир как пролог ко Второй мировой войне// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки 2019 / № 4. Приведите аргументы подтверждающие или опровергающие мнение, что «материальные причины конфликта Германии с Западом [были] заложены именно в Версале».

Вопросы для самоконтроля:

1. Назовите основные итоги Первой мировой войны для США, Великобритании и Франции?
2. Рассмотрите планы послевоенного устройства мира стран-победительниц?
3. Насколько реальной была возможность осуществления плана послевоенного устройства мира, предложенного президентом США?

4. Приведите примеры негативного отношения Франции к либеральным изысканиям Англии и США.

5. Почему Версальский мирный договор не был ратифицирован Сенатом США?

6. Почему США вернулись на позиции изоляционизма?

7. Объясните высказывание маршала Ф. Фоша по поводу Версальского мирного договора: «Это не мир, а перемирие сроком 20 лет».

8. Почему Италию после подписания Версальского договора стали считать «побежденной среди победителей»?

9. Как решался «русский вопрос» на Парижской мирной конференции?

10. Какие факторы подрывали возможности Лиги Наций реально влиять на развитие международных процессов?

11. Что Вам известно о мандатной системе Лиги Наций?

12. Какие уроки можно извлечь из деятельности Лиги Наций?

13. На какой конференции была окончательно решена проблема мирного урегулирования с Турцией? Какие статьи Севрского договора были пересмотрены?

14. Какими причинами была обусловлена Вашингтонская конференция?

15. Какие принципы международных отношений закрепились в Договоре четырех? Какие положения договора значительно снижали его эффективность?

16. Какие виды морских вооружений ограничивал Договор пяти?

17. Какие причины обусловили включение проблемы Китая в повестку дня Вашингтонской конференции?

18. В чем состояли особенности Версальско-Вашингтонского порядка? В чем его противоречия?

19. Раскройте содержание понятий: мандатная система, аннексия, контрибуция, демилитаризация, репарации.

Тест

1. Как изменилось положение США после Первой войны?

1. США превратились в должника европейских стран;
2. Экономическое влияние США в мире резко ослабло;
3. США превратились в международного кредитора;
4. Произошел спад промышленного производства в США.

2. Автором создания Лиги Наций был:

1. Жорж Клемансо;
2. Вудро Вильсон;
3. Дэвид Ллойд-Джордж;
4. Витторио Орландо.

3. Предложенные в 1918 году президентом США В. Вильсоном «14 пунктов» представляли собой:

1. Программу послевоенного урегулирования международных отношений;
2. Условия установления дипломатических отношений с Советской Россией;
3. План американской экономической помощи европейским странам;
4. Условия заключения перемирия с Германией.

4. Какой договор, принятый на Парижской мирной конференции, не вступил в силу и был пересмотрен на Лозаннской конференции в 1923 г.?

1. Сен-Жерменский;
2. Трианонский;
3. Севрский.

5. Какую процедуру голосования утверждал Устав Лиги Наций?

1. Решения принимаются простым большинством;
2. Решения принимаются квалифицированным большинством;
3. Решения принимаются единогласно.

6. Местом пребывания Лиги Наций был город:

1. Лондон;
2. Брюссель;
3. Париж;
4. Женева.

7. Какое вновь образованное после Первой мировой войны избрало монархическую форму правления?

1. Венгрия;
2. Югославия;
3. Польша;
4. Австрия.

8. В какой стране решения Парижской мирной конференции изображались как «предательство и обман»?

1. Венгрия;
2. Италия;
3. Болгария.

9. Какие три многонациональные империи распались на завершающем этапе Первой мировой войны?

1. Австро-Венгрия;
2. Великобритания;
3. Германия;
4. Россия;
5. Османская держава.

10. Установите соответствие между названиями территорий, отторгнутых после Первой мировой войны у Германии, и названиями государств, которым они были переда-

ны. К каждой позиции первого столбца подберите соответствующую ей позицию из второго столбца.

Территории	Государства
А) Эльзас и Лотарингия	1. Литва
Б) г. Мемель (Клайпеда)	2. Франция
В) Познань, часть Поморья и Верхней Силезии	3. Бельгия
Г) Северный Шлезвиг	4. Польша
Д) Эйпен и Мальмеди	5. Дания

Тема 2. Международные отношения в 1920-е гг.

1. Генуэзская конференция. Рапалльский договор
2. Рурский кризис. «План Дауэса» и «План Юнга»
3. Расстановка сил на мировой арене в 1924-1929 гг.
4. Проблемы европейской безопасности. Конференция в Локарно
5. Проблемы разоружения в Европе в 1920-е гг.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке
7. Самостоятельная работа

1. Генуэзская конференция. Рапалльский договор

Державы Антанты в начале 1920 г. отказались от экономической блокады Российской республики. Первым крупным торговым соглашением стал англо-советский договор, подписанный в марте 1921 г. Постепенно международные экономические позиции РСФСР укреплялись. Если в 1920 г. она поддерживала торговые отношения с семью государствами, то в 1923 г. – уже с 28. За этот же период внешнеторговый оборот Советской России увеличился с 24 до 276 млн руб., т. е. в 11,5 раза.

Наиболее острой во взаимоотношениях с Западом оставалась проблема национализированной иностранной собственности и аннулированных советской властью долгов. 28 октября 1921 г. Народный комиссариат по иностранным делам направил правительствам пяти союзных держав ноту, в которой говорилось о готовности признать определенные финансовые обязательства по иностранным займам и кредитам при трех условиях: политическое признание советского государства; предоставление новых кредитов для восстановления разрушенного не без участия стран Антанты народного хозяйства; установление льготных условий для погашения до-

военных долгов. Это заявление свидетельствовало об отходе советского правительства от жесткой революционно-классовой платформы к признанию общепринятых норм международного права.

В этой инициативе Д. Ллойд-Джордж усмотрел благоприятную возможность для урегулирования отношений между державами-победительницами и Советской Россией.

В январе 1922 г. в Канне состоялось совещание (конференция) Верховного Совета Антанты с участием представителей Германии и наблюдателей от США. Было принято решение провести в Генуе конференцию всех европейских государств с целью определения путей послевоенного хозяйственного восстановления Европы.

Верховный Совет Антанты направил приглашение правительству Российской республики принять участие в конференции.

Торжественное открытие Генуэзской конференции состоялось 10 апреля 1922 г. во дворце Сан-Джорджо. В ней приняли участие представители 29 европейских государств, пять английских доминионов и наблюдатели от США. Советскую делегацию возглавлял нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин.

В первый же день работы конференции было заслушано выступление Г. Чичерина, который зачитал текст на французском и английском языках. Глава российской делегации акцентировал внимание слушателей на трех основных позициях.

Во-первых, Г. Чичерин подчеркнул, что «российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного и безоговорочного признания».

Во-вторых, от имени правительства РСФСР Г. Чичерин выразил готовность признать довоенные долги и преимущественное право за большинством иностранных собственников получить в концессию или аренду ранее принадлежавшее им имущество при условии признания советского государства де-юре, оказания ему финансовой помощи и аннулирования военных долгов и процентов по ним. Затем были названы впечатлившие аудиторию цифры о задолженности России и суммарного ущерба, нанесенного ей державами Антанты (задолженность РСФСР составляла 18 млрд, 469 млн золотых руб., а ущерб – 39 млрд, т. е. державы Антанты должны были заплатить Советской России в два раза больше, чем получить от нее).

В-третьих, советская делегация внесла на обсуждение конференции вопрос о всеобщем сокращении вооружений и обеспечении политических гарантий международной безопасности (ограничение всех видов вооружений; запрещение наиболее варварских форм ведения войны и применения средств массового поражения; периодический созыв европейских конференций и Всемирного конгресса мира; пересмотр Устава Лиги Наций на принципах равноправия, «без господства одних над другими»).

Лидеры западных держав единодушно отвергли советские предложения. Тогда поздно вечером 16 апреля в советской резиденции Г.В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау подписали знаменитый Рапалльский договор, в который вошли следующие положения:

- восстановление в полном объеме дипломатических отношений;
- Германия отказывалась от претензий в связи с национализацией ее частной собственности в РСФСР;

- Советская Россия обязалась не претендовать на свою долю репараций, взимаемых с Германии;
- стороны договорились содействовать развитию торговых и экономических отношений, руководствуясь принципом наибольшего благоприятствования.

Рапальский договор имел чрезвычайно важное международное значение.

Во-первых. Это было первое крупное равноправное соглашение, построенное на принципах мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем.

Во-вторых. Советско-германский договор способствовал выходу России из дипломатической изоляции.

В-третьих. Сближение Германии и Советской республики позволило укрепить позиции обеих стран в их борьбе против диктата держав-победительниц. В этом смысле договор явился значительным дипломатическим успехом как советской, так и германской внешней политики.

Обсуждение русского вопроса на Генуэзской конференции оказалось безрезультативным. Главная причина столь неутешительных итогов крылась во взаимном недоверии друг к другу. Западные лидеры считали, что после того, как с их же помощью советская власть окрепнет, она вновь начнет бескомпромиссную революционную борьбу с империалистическим миром. По этим же мотивам безрезультатно завершилась и конференция экспертов в Гааге (июнь – июль 1922 г.). Советские представители в обмен на частичное признание долгов и компенсацию национализированной иностранной собственности в очередной раз потребовали предоставления кредитов и установления дипломатических отношений. Запад остался непреклонным.

Оценивая результаты конференции, В.И. Ленин сказал: «Мы и не мечтали о том, что вот – мы отвоевали, и наступит мир, и социалистический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся».

Вместе с тем конференция в Генуе, безусловно, заняла значимое место в истории межвоенных международных отношений.

Во-первых, сам факт приглашения и переговоров с Советской Россией означал признание ее западными державами де-факто, что предполагало уже в недалеком будущем и признание де-юре.

Во-вторых, это была первая серьезная попытка Запада наладить отношения с Российской республикой, чтобы вписать ее в Версальско-Вашингтонскую договорную систему и тем самым укрепить и стабилизировать послевоенный международный порядок.

2. Рурский кризис. «План Дауэса» и «План Юнга»

Как уже отмечалось, неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы проявилась в целой серии международных конфликтов и политических кризисов. Самым острым из них стал т. н. Рурский кризис, связанный с решением репарационного вопроса. В этом кризисе отразились как возрасставшее противодействие Германии выполнению условий Версальского Договора, так и противоречия между союзными державами.

Германия открыто провозгласила центральной задачей своей внешней политики ревизию унизительных постановлений Версаля, но, в первые послевоенные годы она не имела достаточных сил для ее осуществления. Отсюда тактика накопления экономической, военной мощи, укрепления меж-

дународных позиций и одновременного скрытого противодействия Версальскому договору.

В начале 1920-х гг. германские правительственные круги особое внимание уделяли созданию основы для восстановления военного потенциала. Согласно доктрине командующего рейхс-вером генерала Ганса фон Секта, существовавший в Веймарской республике 4-тысячный офицерский корпус рассматривались как база для быстрого развертывания крупномасштабных вооруженных сил. В Германии тайно продолжал функционировать Большой генеральный штаб. Почти полностью было сохранено военное производство. Неслучайно в 1923 г. Германия вышла на четвертое место в мире (после Англии, США и Франции) по экспорту оружия и военных материалов.

Чтобы улучшить свое международное положение германское правительство применяло два средства: использование противоречий между Францией и англо-саксонскими державами, а также сближение с Советской Россией. В первом случае Германии удалось заручиться поддержкой Англии и США в смягчении условий репарационных выплат, во втором – добиться заключения Рапалльского договора, который рассматривался в Веймарской республике как своего рода рычаг воздействия на союзные державы.

Тактика «скрытого противодействия» наиболее ярко проявилась в невыполнении Германией своих репарационных обязательств. Германское правительство с осени 1921 г. стало саботировать выплату репараций, ссылаясь на крайне тяжелое финансовое положение. Расчет на благосклонное отношение к такой линии поведения англичан и американцев полностью оправдался. В июне 1922 г. Международный комитет банкиров под председательством Дж. П. Моргана («комитет Моргана») на заседании в Париже объявил о согласии предоставить

Германии заем при условии уменьшения «до разумных пределов» суммы выплачиваемых ею репараций. Под давлением английских представителей репарационная комиссия в октябре 1922 г. освободила Веймарскую республику от платежей наличными сроком на восемь месяцев. Правительство Йозефа Вирта в ноябре того же года направило комиссии ноту, в которой выдвигалось требование объявить мораторий на четыре года и предоставить Германии крупные займы.

Требования Германии не устраивали Францию. В начале января 1923 г. французский премьер-министр Раймон Пуанкаре выдвинул ультиматум из двух пунктов.

Во-первых, он потребовал установления строгого контроля над финансами, промышленностью и внешней торговлей Германии, дабы заставить ее регулярно вносить репарационные взносы.

Во-вторых, премьер заявил, что в случае очередного срыва выплаты репараций, Франция в порядке изменения санкций оккупирует Рурскую область 9 января 1921 г.

Репарационная комиссия, в которой главную роль играли французы, констатировала преднамеренное невыполнение Германией обязательства по поставке угля Франции и 11 января, франко-бельгийские войска вошли в Рур. Так начался Рурский кризис, который резко обострил обстановку как в самой Германии, так и на международной арене.

Правительство Германии официально провозгласило политику «пассивного сопротивления», призвав население оккупированных территорий к «гражданскому неповиновению». Генерал Г. фон Сект в своем меморандуме ратовал за ведение оборонительной войны. Резкий спад в экономике привел к снижению жизненного уровня населения, усилилась социальная напряженность. С одной стороны, возникла опасность

новых революционных взрывов в Германии, а с другой – усилились реваншистские настроения. Францию в германских политических кругах стали называть «врагом № 1».

Показательно, что в это время в Веймарской республике не было ни одной партии, которая во внешнеполитической части своей программы не выдвигала бы в качестве приоритетного требование отмены унизительного договора, подписанного в Париже. Причем главным объектом пропагандистской атаки стала его 231-я статья, устанавливавшая «полную и неоспоримую ответственность» Германии за развязывание Первой мировой войны. Понятно, что ее аннулирование лишало смысла и все остальные постановления Версальского договора. Президент Веймарской республики фельдмаршал Пауль фон Гинденбург в этой связи открыто заявлял, что Германия с 1914–1918 гг. «вела справедливую борьбу за самоутверждение в мире, полном врагов». Словесные призывы к пересмотру послевоенного международного порядка сопровождались реваншистскими акциями. В 1929 г. военизированная прусская организация «Пограничная стража» сконцентрировала на германо-польской границе вооруженные отряды численностью до 30 тыс. человек. Начинало сбываться пророческое предостережение Д. Ллойд Джорджа, высказанное им еще на Парижской конференции: «Германия найдет средства отомстить своим победителям».

Рурский конфликт был урегулирован 23 ноября 1923 г. Шахтовладельцы Рура и представители франко-бельгийской контрольной комиссии подписали соглашение, по которому первые обязались возобновить поставки угля Франции, а вторые – начать вывод войск и прекратить оккупацию занятых районов. Однако это урегулирование не затронуло глубинных причин кризиса, репарационного вопроса и германской про-

блемы в целом. От решения этих задач зависело не только дальнейшее развитие, но и существование Версальско-Вашингтонской системы.

Другое важное обстоятельство, осложнявшее решение германского вопроса, состояло в том, что его нельзя было рассматривать в отрыве от еще одной крупной международной проблемы – советской. В 1920-е гг. стали очевидными два возможных варианта развития европейских международных отношений. Первый – крайне неблагоприятный для Запада – предполагал дальнейшее сближение униженной Германии и коммунистической России. Второй – наиболее приемлемый для союзных держав – предусматривал превращение Германии в противовес Советскому Союзу. Однако при реализации второго варианта возникали новые трудности: противопоставить СССР можно было только сильную Германию; это означало, что западные демократии должны были предоставить ей серьезную экономическую и финансовую помощь. Но, при этом никто не мог гарантировать, что в один прекрасный момент возрожденная Германия направит свою мощь против СССР, а не против западных держав, которые помогли ей стать сильной.

Англия и США, изначально выступавшие за сохранение «не слишком слабой Германии» как противовеса Советской России и Франции, последовательно проводили этот курс и в 1920-е гг., что нашло свое отражение в масштабном финансировании германской экономики. Французское правительство продолжало настаивать на строгом соблюдении положений Версальского договора и возражало против каких-либо существенных уступок германским реваншистам. В Париже хорошо понимали, что укрепление международных позиций Германия означало не только утрату надежд на уста-

новление французской гегемонии в Европе, но и создавало непосредственную угрозу безопасности Франции, поэтому в 1927 г. был разработан план строительства на восточных границах укрепленной линии, названной в честь военного министра Александра Мажино.

В результате рурского кризиса репарационный вопрос приобрел особую остроту. Стремясь не допустить нового революционного взрыва в Германии и стабилизировать европейский порядок, Англия и США взяли инициативу в свои руки. По их совету германское правительство в сентябре 1923 г. предложило провести конференцию по проблеме репараций. Франция была вынуждена дать согласие не только из-за мощного давления англосаксонских держав, но и по причине полного провала «акции возмездия» в Руре: оккупационные расходы, достигли к осени 1923 г. 1 млрд франков, превысив по стоимости невыплаченные Германией репарации. Франции угрожал финансово-экономический коллапс, заставивший ее искать политическое решение вопроса.

В целях подготовки конференции по предложению США был создан международный комитет экспертов во главе с американским банкиром Чарльзом Дауэсом.

В августе 1924 г. специальная межсоюзническая конференция в Лондоне утвердила в качестве своего официального решения доклад, получивший название «план Дауэса». В его содержании можно выделить следующие положения.

1. Новый более благоприятный для Германии порядок выплаты репараций. Размеры репарационных платежей ставились в зависимость от «изменений в индексе благосостояния Германии». При сохранении итоговой суммы репараций в 132 млрд марок сроки окончательной их выплаты не указывались. Обозначались лишь ежегодные взносы от 1 млрд

в 1924 до 2,5 млрд марок – начиная с 1928 г., что было значительно меньше изначального лондонского варианта (3,5 млрд марок в год).

2. Определялись основные источники погашения репараций: отчисления из государственного бюджета, а также от прибылей промышленных предприятий и железных дорог. Речь шла о введении высоких косвенных налогов и, следовательно, о повышении цен на выпускаемые товары, что ложилось тяжелым бременем на население Германии. Участие в оплате репарационных взносов крупного бизнеса должно составлять около 50 % от общей суммы.

3. Предусматривалось оказание помощи Германии для восстановления ее экономики и финансов, в связи с чем предлагалось предоставить Веймарской республике международный заем в 800 млн золотых марок.

4. Устанавливался жесткий контроль над экономикой и финансами Веймарской республики в качестве гарантий выплаты репараций. Германское правительство фактически лишалось права на управление Рейхсбанком и государственными железными дорогами. Учреждался пост Генерального агента (американец Г. Паркер), в чьи функциональные обязанности входило наблюдение за восстановлением германской промышленности и финансовой системы, а также за своевременной выплатой репараций.

План Дауэса вступил в силу 1 сентября 1924 г. Прежде всего он знаменовал усиление международных позиций Англии и США, т. к. с его принятием восторжествовала англо-американская линия в урегулировании германской проблемы. Особо следует подчеркнуть ведущую роль Соединенных Штатов как в подготовке, так и в реализации этого плана. Их доля в финансовой помощи Германии в период действия про-

граммы Дауэса превысила 70 % (в сравнении с 14 % Голландии и 10 % Англии). Следует отметить, что помимо политических дивидендов англосаксонские государства получали и вполне осязаемые экономические выгоды, поскольку их капиталовложения в германское хозяйство приносили прибыль в 9 % годовых (при среднеевропейской норме – 6,5 %).

Другим значимым итогом работы межсоюзнической конференции 1924 г. стало дипломатическое поражение Французской республики. Отправляя войска в Рур, французское правительство стремилось силовым методом решить проблему репараций и тем самым утвердить свое главенствующее положение в Европе. На Лондонской конференции были категорически отвергнуты как первое, так и второе притязание Франции.

В выигрыше от принятия плана Дауэса оказалась Германия. Это объяснялось не столько смягчением условий репарационных платежей, сколько мощной финансово-экономической поддержкой Веймарской республики со стороны англосаксонских держав. Показательно, что за шесть лет реализации новой репарационной программы Германия выплатила союзным государствам 7 млрд 533 млн марок, а получила займы и кредиты (в основном долгосрочные) на сумму в 21,2 млрд, т. е. в 3 раза больше.

Поскольку англо-американские инвестиции преимущественно направлялись в отрасли тяжелой промышленности, Германии предоставлялись широкие возможности для восстановления экономического, а в перспективе и военно-промышленного потенциала. Уже в 1931 г. французская разведка констатировала: «Германия сумела после войны значительно увеличить свою индустриальную мощь. Она целиком

обновила промышленное оборудование, равного которому по совершенству нет в Европе».

США исходили из того, что предложенная ими репарационная программа последовательно и успешно разрешит целый ряд международных экономических проблем: помощь Германии обеспечивает быстрый рост ее промышленности – производимые товары найдут рынки сбыта в СССР, что заодно подорвет начавшийся там процесс социалистической индустриализации – вырученные средства в виде репараций передаются Англии и Франции – последние выплачивают военные долги США. Как оказалось, эта цепь построений имела несколько слабых звеньев. Руководство Советского Союза, не желало отказываться от своих планов реконструкции промышленности и построения социализма. И. Сталин на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. жестко и недвусмысленно заявил: «Мы не хотим превращаться в аграрную страну для какой-либо державы, в том числе Германии».

Европейские должники США настойчиво просили аннулировать все военные задолженности. Соединенные Штаты в 1923–1926 гг. заключили 13 соглашений о долгах времен Первой мировой войны, в которых вынуждены были пойти на серьезные уступки своим должникам: сумма платежей сократилась в среднем на 51 %, сроки выплаты увеличивались с 25 до 62 лет, проценты по долгам снижались с 4,25 до 3,3-0,4 %. Тем не менее Европа продолжала уклоняться от погашения своей задолженности США.

Что касается Германии, то она, осознав лояльность и снисходительность своих англосаксонских покровителей, стала требовать новых уступок в решении вопроса о репарациях. Вскоре после вступления в силу плана Дауэса германское прави-

тельство предложило пересмотреть его, доказывая необходимость еще большего смягчения репарационных постановлений.

Расчет Германии оправдался: США и Англия пошли навстречу ее пожеланиям. В феврале 1929 г. приступил к работе новый международный комитет экспертов, который возглавил президент моргановской компании «Дженерал электрик» Оуэн Д. Юнг. Рекомендации этого комитета были окончательно утверждены 20 января 1930 г.

«План Юнга» характеризовался еще большим либерализмом в отношении Германии. Общий размер репарационных платежей определялся в 113,9 млрд марок (с учетом уже выплаченных взносов первоначально установленная в 1921 г. сумма – 132 млрд – осталась без изменений). Германия должна была выполнить свои репарационные обязательства за 59 лет (до 1989 г.), выплачивая ежегодно от 2,4 до 0,9 млрд марок, т. е. в среднем на 20 % меньше, чем по плану Дауэса.

Главными источниками погашения репараций, согласно плану Юнга, были государственный бюджет и прибыли от железных дорог. Промышленные предприятия освобождались от участия в формировании репарационного фонда, что вписывалось в стратегию обеспечения быстрого роста германской промышленности.

Упразднились все виды контроля союзных держав над финансами и экономикой Веймарской республики. Репарационная комиссия распускалась, а ее функции передавались вновь созданному Базельскому банку международных расчетов, который финансировал промышленное производство Германии.

Также было принято важное политическое решение, о досрочном (на пять лет раньше установленного срока) выводе союзных войск из Рейнской демилитаризированной зоны.

Но судьба нового репарационного плана оказалась недолговечной: он просуществовал менее двух лет. В связи с Великой депрессией, поразившей весь капиталистический мир, по предложению президента США Г. Гувера в июле 1931 г. на выплату репараций был наложен мораторий сроком на один год. Решение об отмене репарационных платежей приняла Лозаннская конференция, проходившая летом 1932 г. Окончательно похоронил репарации Адольф Гитлер, отказавшийся что-либо выплачивать государствам, которые «столько лет грабили Германию». Возражений со стороны названных государств не последовало.

Финансовые итоги политики западных держав в репарационном вопросе были таковы: за весь период существования репараций (с 1919 по июль 1931 г.) платежи Германии победителям составили 21 млрд 807 млн золотых марок, или 17,2 % первоначальной суммы, установленной Лондонской конференцией 1921 г. За это же время Веймарская республика получила финансовую помощь в виде займов и кредитов в 39 млрд марок.

3. Расстановка сил на мировой арене в 1924-1929 гг.

В 1920-е гг. правительствам великих держав удалось найти общий язык и выработать согласованную линию в решении наиболее крупных международных проблем. Послевоенный мировой порядок, юридически оформленный в Париже и Вашингтоне, был не только сохранен, но и в известном смысле упрочен. Во всяком случае, конструктивные силы в это время преобладали над деструктивными тенденциями.

Другой характерной чертой рассматриваемого периода стало широкое распространение пацифистских идей и настроений. Пожалуй, никогда ранее не выдвигалось столько миро-

творческих проектов и не проводилось столько конференций по обеспечению мира и международной безопасности, как в двадцатые годы. Неслучайно в исторической литературе третье десятилетие XX в. часто называют «эрой пацифизма». Небывалая популярность пацифистских планов и программ объяснялась несколькими причинами:

1. Трагическими последствиями Первой мировой войны и всеобщим стремлением предотвратить подобные военные конфликты в будущем.

2. Приходом к власти в ряде европейских стран политиков, стоявших на позициях пацифизма (Э. Эррио во Франции, Дж. Р. Макдональд в Англии и др.).

3. Правительственные круги всех без исключения великих держав, хотя и по разным мотивам, выступали против любых попыток силовой деформации Версальско-Вашингтонской системы, создателями которой они являлись.

4. Побежденные государства (прежде всего Германия), а также державы, считавшие себя «незаслуженно обделенными» решениями Парижской и Вашингтонской конференций (Италия и Япония), не обладали в то время достаточной мощностью для военной ревизии международного порядка и использовали дипломатические, средства и методы для реализации своих внешнеполитических целей.

5. Партийно-государственное руководство Советского Союза также стремилось укрепить международные позиции СССР на основе принципов мирного сосуществования.

Однако, несмотря на широкое распространение идей пацифизма, стабилизация в сфере международных отношений носила неустойчивый и временный характер. Под покровом пацифизма в 1920-е гг. скрывались глубокие противоречия между

европейскими странами, со временем они неминуемо должны были перерасти в открытые конфликты и столкновения.

Причиной тому стали происшедшие изменения в период стабилизации в расстановке сил на мировой арене. В 1929 г. по «долевому участию» в мировом промышленном производстве позиции ведущих стран распределились следующим образом: США – 38 % (в 1913 г. – около 30), Англия – 9 (13,6), Франция – 8 (8,4), Италия – 3 (2,5), Япония – 2,8 (1,3), Германия – 9,2 (11,8), СССР – 2,8 % (Российская империя в 1913 г. – 3,6).

Эти цифры позволяют сделать вывод о том, что в годы стабилизации еще более усилились экономические и финансовые позиции Соединенных Штатов и как следствие этого – резкая активизация финансово-экономической экспансии США, охватывавшей все новые страны и регионы. Значительно выросли заграничные капиталовложения США: за шесть лет «процветания» они увеличились почти в три раза, составив в 1929 г. 16,5 млрд, а вместе с государственными займами 28 млрд долл. По этому показателю Соединенные Штаты вплотную приблизились к Англии, чьи зарубежные инвестиции оценивались в 31 млрд долл. Главный постулат изоляционизма о неучастии США в политических союзах с европейскими странами предоставлял Соединенным Штатам «свободу рук» в финансовом завоевании мира. Убежденный изоляционист президент США Кальвин Кулидж в 1928 г. декларировал: «Наши инвестиции и торговые отношения достигли таких размеров, что почти невозможно представить себе какой бы то ни было конфликт где-нибудь на земном шаре, который не нанес бы нам серьезного ущерба».

Глобальные внешнеполитические устремления США не могли не привести к столкновению их интересов с интересами других великих держав и, прежде всего, Англии. Соеди-

ненные Штаты последовательно вытесняли Великобританию с рынков Латинской Америки, Дальнего Востока и даже британских доминионов: Канады и Австралии. В 1929 г. Англия впервые за 300 лет уступила США первенство по общему объему внешней торговли. Обострилась борьба англосаксонских держав за нефть и другие источники сырья. Усилилось морское соперничество США, Англии и Японии. Вместе с тем не следует преувеличивать ни влияние Соединенных Штатов на развитие международных отношений, ни остроту англо-американского антагонизма.

Продолжали действовать факторы, ограничивавшие роль США в мировой политике. Прежде всего, следует отметить несоответствие военной силы и внешнеполитических целей. В качестве доказательства можно привести два достаточно убедительных примера. Узаконив на Вашингтонской конференции равенство своего линейного флота с английским, Соединенные Штаты в дальнейшем стали проигрывать военно-морское соревнование не только Англии, но и Японии. Соперники США, формально придерживаясь буквы «договора пяти держав» о количественном соотношении линкоров, существенно их модернизировали и одновременно приступили к широкомасштабному строительству крейсеров и авианосцев. В итоге к началу 1930-х гг. Англия имела 73 судна этих трех классов, Япония – 38, а США 31. Если в английском военно-морском флоте насчитывалось 16 линейных кораблей со скоростью 22 узла и больше, в японском – 10, то в американском – ни одного.

В сфере экономических международных отношений, где США чувствовали себя более уверенно, обстановка также далеко не всегда складывалась в их пользу. Европейские страны, восстановив свою экономику, перешли в наступление на

мировых рынках товаров и инвестиций. Уже в 1927 г. Европа вновь, как и до войны, отправила в США больше капиталов, чем Соединенные Штаты на европейский континент. Уолл-Стрит вынужден был отказаться от мысли о подчинении экономики и финансов Европы своему контролю.

Таким образом, констатируя значительный рост удельного веса США в мировом капиталистическом хозяйстве и усиление влияния этой страны на международные процессы, необходимо отметить, что в это время по названным выше причинам Соединенные Штаты обладали весьма ограниченными возможностями для реализации своих глобалистских планов по экономическому и политическому управлению миром.

Что касается англо-американских отношений, то острые конфликты между этими державами сочетались с выработкой общей линии поведения при урегулировании наиболее значимых международных проблем (германский вопрос, политика «открытых дверей» на Дальнем Востоке и др.).

Другое чрезвычайно важное изменение в расстановке сил было связано с бурными темпами промышленного подъема Италии и Японии, т. е. тех государств, которые открыто выражали свое неудовлетворение послевоенной организацией мира. Укрепление экономических позиций сопровождалось наращиванием военного потенциала, что создавало реальную основу для последующей силовой ревизии Версальско-Вашингтонской системы.

Фашистское руководство Италии провозгласило лозунг «Воссоздание Великой Римской империи» и приступило к его практическому осуществлению. Во второй половине 1920-х гг. итальянское правительство подписало серию договоров, имевших далеко идущие последствия: договор с Румынией 1926 г. «О дружбе и сердечном сотрудничестве», Италия при-

знавала аннексию Румынией Бессарабии); Римский договор с Венгрией 1927 г. «О дружбе и согласительной процедуре» (в секретных статьях соглашения Италия обязалась оказать помощь в вооружении венгерской армии, что поощряло стремление Венгрии к пересмотру Трианонского договора 1920 г.); «Тиранский пакт» с Албанией 1927 г. (предусматривал совместные действия в случае «неспровоцированной войны» против одного из участников договора, предоставлял в распоряжение союзника все военные, финансовые и другие ресурсы, а также территорию, инициатива «совместных действий» против третьей державы целиком отдавалась Италии), договор с Эфиопией 1928 г., заключенный в Аддис-Абебе (провозглашал «постоянный мир и вечную дружбу» между Италией и ее будущей жертвой).

Что касается Японии, то она в этот период не проявляла особой активности. Однако японские правительственные круги, проводя нарочито осторожную и умеренную политику на Дальнем Востоке, одновременно разрабатывали планы завоевания Китая и всей Восточной Азии, «сокрушения Соединенных Штатов» и установления безраздельного господства Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Изменявшийся баланс сил в лагере держав-победительниц создавал осязаемые предпосылки борьбы за новый передел мира, предпосылки кризиса и разрушения Версальско-Вашингтонской системы.

Еще более существенными и «перспективными» для развития международных отношений стали перемены в соотношении сил между державами, победившими в мировой войне, и побежденной Германией. Опираясь на свой огромный внутренний потенциал, а также на финансовую помощь США и Англии, Веймарская республика к концу 1920-х гг.

значительно превзошла довоенные экономические показатели. В 1929 г. Германия вышла на второе место в мире по выпускаемой промышленной продукции и на третье после США и Англии – по объему внешней торговли. Вопреки постановлениям Версальского договора восстанавливался и военнотехнический потенциал Германии. В это время началось строительство военных кораблей (линкоров «Дойчланд», «Адмирал Шеер» и др.). Германия вновь обрела статус одного из главных субъектов международных отношений. Реваншизм, подкрепленный экономической мощью, превращался в реальность, что делало германский вопрос наиважнейшим в мировой политике.

Характеризуя расстановку сил в 1920-е гг., следует отметить возросшее значение в международной жизни советского фактора. В 1923–1928 гг. ежегодный прирост промышленной продукции в Советском Союзе превышал 24 %. В середине двадцатых годов был взят курс на социалистическую индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Все это свидетельствовало об укреплении международных позиций СССР.

Таким образом, в рассматриваемый период в отношениях Запад – Советский Союз сложилось известное равновесие. Это «временное равновесие» базировалось на осознании обеими сторонами реального положения дел: западными лидерами – невозможности уничтожения «первого в мире социалистического государства» посредством военной силы, советским руководством – несбыточности расчета на скорую победу мировой революции. Равновесное состояние вовсе не означало отказа от «идейно-классовой борьбы», но оно предполагало взаимное признание возможности и неизбежности мирного сосуществования двух систем.

Таковы были важнейшие изменения в расстановке и соотношении сил на мировой арене, которые обусловили глубокую внутреннюю противоречивость развития международных отношений в 1920-е гг. В этот период образовалось два крупных узла противоречия, или два «треугольника силы»: европейский (Англия – Франция – Германия) и дальневосточный (США – Англия – Япония). В первом из них определяющее значение имел германский вопрос.

4. Проблемы европейской безопасности. Конференция в Локарно

В 1920-е гг. появились многочисленные планы по созданию системы континентальной безопасности, ограничению гонки вооружений и разоружению. В этих планах прослеживались две исходные позиции – стремление стабилизировать международную обстановку в Европе и одновременно реализовать собственные национально-государственные интересы. Наиболее популярными стали пацифистские программы Франции и Англии.

В 1920-е гг. французское правительство связывало проблему безопасности на континенте прежде всего через призму утверждения руководящей роли Франции и урегулирования германской проблемы.

К середине 1920-х гг. стало очевидным, что курс, направленный на максимальное ослабление Германии, не имел шансов на успех. Поэтому французские лидеры вынуждены были изменить тактику. Франция путем разумных компромиссов стремилась удержать Германию в рамках Версальской системы и осуществлять контроль над ее внешней политикой на основе строгого соблюдения Парижских постановлений 1919 г.

Для поддержания европейского порядка правительственные круги Третьей республики также стремились укрепить профранцузский блок восточноевропейских государств – Малой Антанты и Польши. Франция в 1920-е гг. подписала целый ряд договоров о дружбе и сотрудничестве с: Чехословакией (1924), Румынией (1926), Королевством сербов, хорватов и словенцев (1927), инициировала заключение союзного договора между Польшей и Румынией (1926) Однако Франция столкнулась с серьезным противодействием со стороны Англии, пытавшейся Малую Антанту взять под свое покровительство, а также Италии, которая тоже заключила соглашения с восточноевропейскими странами с явно антифранцузским подтекстом.

И, наконец, третье направление внешнеполитической деятельности Французской республики – стремление усилить роль Лиги Наций, чтобы использовать ее миротворческие возможности. Французское правительство выступило с серией проектов, в которых излагались общие принципы обеспечения международной безопасности. Авторами этих проектов являлись два самых ярких и популярных политика Франции того времени Эдуард Эррио и Аристид Бриан.

Мари Эдуард Эррио, известный писатель и историк, был убежденным противником войны и силовых методов разрешения межгосударственных споров. В 1924 г. он возглавил французское правительство. Его знаменитый пацифистский план основывался на трех международно-правовых понятиях: арбитраж – безопасность – разоружение. Таким образом, Э. Эррио призывал отказаться от войны как метода урегулирования международных проблем, а решать их средствами арбитража. Что касается практической реализации плана Э. Эррио, то в условиях 1920-х гг. оно заключалось в сохранении

и защите Версальской системы при главенствующей роли Франции, осуществляемой через Лигу Наций и посредством «дипломатии конференций».

Французское правительство предложило заключить межгосударственное соглашение «О мирном урегулировании международных конфликтов». Это предложение обсуждалось на V сессии Ассамблеи Лиги Наций. 2 октября 1924 г. представители государств – членов Лиги единогласно одобрили текст соглашения, получившего название «Женевского протокола». Протокол признавал, что «наступательная война является межгосударственным преступлением».

К слабым сторонам принятого документа относились расплывчатость определений «наступательной» и «оборонительной» войны, системы санкций в отношении к государству-агрессору, параметров ограничения вооружений и разоружения. Предусматривалась очень сложная процедура официального подписания Протокола, в чем проявились скрытые глубокие противоречия между великими державами. Дело в том, что Протокол мог вступить в силу лишь после принятия решения о сокращении вооружений на специальной конференции. Эта конференция должна была открыться при условии ратификации Женевского протокола большинством постоянных членов Совета и другими членами Ассамблеи Лиги Наций. В противном случае, в соответствии со статьей 21-й, Протокол автоматически объявлялся аннулированным.

Не желая содействовать укреплению европейских позиций Франции, категорически отвергли Женевский протокол, пришедшие к власти британские консерваторы. Они выступил против принципа обязательного арбитража, коллективных санкций и региональных соглашений, т. е. основных принципов Э. Эррио.

Вскоре отказались присоединиться к Женевскому протоколу Италия и Япония, посчитав невыгодным связывать себя обязательствами по неприменению наступательных действий. В результате соглашение, одобренное в Женеве, было ратифицировано только во Франции. Отказ от принятия Протокола, странами-членами Лиги наций лишней раз свидетельствовала, насколько различными были подходы ведущих держав к проблемам развития международных отношений в Европе. Соображения национальной безопасности взяли верх над интересами безопасности коллективной, хотя уже тогда многие понимали, что обеспечение первой невозможно без организации второй.

Программа стабилизации международной обстановки в Европе, предложенная Англией, основывалась на традиционных принципах баланса сил и предполагала взаимное франко-германское уравнивание в сочетании с тезисом о примирении Франции с Германией путем изменения условий Версальского договора в пользу Веймарской республики. Взамен Франция получала твердые гарантии неизменности своих восточных границ и защиты от посягательств германских реваншистов.

Английский вариант европейской системы безопасности был изложен в секретной памятной записке «Политика Великобритании в связи с положением в Европе», составленной в феврале 1925 г. министром иностранных дел Остином Чемберленом. В преамбуле записки О. Чемберлен разделил европейские государства на «три лагеря»: победителей, побежденных и Советский Союз. Если между первыми двумя группами сотрудничество «вполне возможно», то СССР являлся деструктивным фактором и поэтому О. Чемберлен вычеркнул Советский Союз из проектируемой системы европей-

ской безопасности. Он давал ясно понять, что германская агрессия может развиваться в направлении СССР, поэтому следует поддержать инициативу правительства Германии (инспирированную британской дипломатией) о заключении многостороннего договора, гарантировавшего «территориальный статус-кво на Рейне», и принятии Веймарской республики в Лигу Наций. При осуществлении этого плана могли быть решены сразу три задачи: вернуть Германию в сообщество западноевропейских государств как равноправного участника; не допустить сближения Веймарской республики с советской Россией; успокоить Францию относительно ее восточных границ и угрозы со стороны Германии.

Новая британская программа обсуждалась на международной конференции, проходившей в швейцарском курортном городе Локарно с 5 по 16 октября 1925 г. В ней приняли участие делегации семи европейских стран: Англии, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Польши и Чехословакии. Председателем конференции стал О. Чемберлен, заявивший: «Локарно осветит сердца и умы людей». По инициативе английского министра во время конференции стало впервые проводиться неформальные собеседования глав делегаций за чаем и во время прогулок по Женевскому озеру (ранняя предтеча современных «встреч в верхах без галстуков»). За всей этой «дипломатической идиллией» скрывались острые разногласия и ожесточенная борьба мнений.

Возглавлявший французскую делегацию министр иностранных дел А. Бриан настаивал на подписании договоров о гарантиях не только западных (с Францией и Бельгией), но и восточных границ Германии (с Польшей и Чехословакией). Руководитель германского внешнеполитического ведомства Г. Штресман при молчаливой поддержке англичан наотрез

отказался даже рассматривать это предложение, назвав упомянутые А. Брианом границы «гротесковыми». Таким образом, впервые на столь представительном форуме Германия заявила о том, что будет бороться за пересмотр территориальных положений Версальского договора. Англия позитивно отнеслась к заявлению Г. Штреземана. Уступив в вопросе о восточной границе Германии, А. Бриан потребовал предоставить Франции право на ввод войск в демилитаризованную Рейнскую зону в случае германо-польской войны. И вновь последовал отказ, правда, в более гибкой форме. О. Чемберлен порекомендовал французскому министру передать его требование на рассмотрение Совета Лиги Наций, т. е. фактически похоронили идею, т. к. узаконенный в Лиге Наций принцип единогласного принятия решений не оставлял Франции никаких шансов на успех. В противоборстве с английской и германской делегациями А. Бриан проявил твердость и решительность, хотя это не принесло его стране особых политических дивидендов, но позволило достичь компромисса.

В Локарно были подписаны девять документов, главным из которых являлся Рейнский гарантийный пакт, вступивший в силу с декабря 1925 г. В содержании пакта и сопутствовавших ему соглашений можно выделить следующие основные позиции:

1. Участники Локарнского «договора безопасности» – Англия, Франция, Германия, Бельгия и Италия – взяли на себя обязательно гарантировать неприкосновенность франко-германской и германо-бельгийской границ, как они установлены по Версальскому мирному договору, а также соблюдение положений по демилитаризации Рейнской области. Участники Локарнского «договора безопасности» обязались не предпринимать нападения и не прибегать к войне друг про-

тив друга. Спорные вопросы подлежали урегулированию в соответствии с арбитражными соглашениями, подписанными одновременно с Рейнским гарантийным пактом. В случае несоблюдения какой-либо из держав принятых обязательств остальные участники Пакта предоставляли необходимую помощь той стороне, против которой будет направлен «неспровоцированный акт агрессии»;

2. Восточные границы Германии не получили гарантий неприкосновенности. Германия отказавшись от заключения гарантийных договоров с Польшей и Чехословакией, подписала с ними лишь арбитражные соглашения о процедуре урегулирования спорных вопросов;

3. По настоянию Г. Штреземана в отдельном документе фиксировалось отношение Германии к 16-й статье Устава Лиги Наций, согласно которой каждый ее член должен участвовать в санкциях против страны-агрессора. Г. Штреземан предложил не распространять эту статью на Германию, т. к. она еще слаба в экономическом и военном плане. По настоянию Г. Штреземана конференция приняла документ, в котором указывалось, каждый член Лиги Наций участвует в санкциях «в той мере, в какой это совместимо с его военным и географическим положением». Смысл этой дипломатической инициативы Г. Штреземана был очевиден: готовясь вступить в Лигу Наций, Германия заранее обеспечивала себе свободу маневра и полную самостоятельность в решении вопроса об участии в коллективных санкциях.

Как и план Дауэса, договоры, заключенные в Локарно, внесли существенные изменения в конфигурацию силового треугольника Англия – Франция – Германия.

Прежде всего, Локарнская конференция знаменовала крупный дипломатический успех Великобритании, т. к. на ней

был принят английский вариант системы континентальной безопасности, а Англия стала основным ее гарантом. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что британское правительство реализовывало свой план под флагом пацифизма, находя поддержку у европейской и мировой общности. Министр иностранных дел Англии О. Чемберлен, А. Бриан и Г. Штресман в 1925 г. были удостоены Нобелевской премии мира (не менее символично, что он разделил ее с автором репарационной программы Ч. Дауэсом, ставшим в этом году вице-президентом Соединенных Штатов).

Для Франции результаты дипломатической борьбы в Локарно оказались отрицательными. Главные потери Французской республики состояли в том, что она добилась сохранения Версальского статус-кво за счет ослабления собственных позиций. Локарнские постановления нанесли удар сразу по двум главным принципам континентальной политики Франции: осуществление полного контроля над побежденной и ослабленной Германией и усиление профранцузской группировки восточноевропейских государств. Локарнская конференция стерла различия между «победителями» и «проигравшими» в Первой мировой войне. Германия стала равноправным членом западного сообщества. Подписав Рейнский гарантийный пакт, французское правительство лишалось права оказывать силовое давление на Веймарскую республику и было обязано мирно урегулировать возникавшие конфликты при посредничестве все той же Англии. Терял свою обоснованность и второй принцип в связи с отказом Германии гарантировать границы с Польшей и Чехословакией. По словам немецкого журналиста и историка С. Хафнера, Франция начинала «играть подчиненную роль в европейской политике».

Что касается Берлина, то там говорили о дипломатической победе Германии. И на то были полные основания. Уже через семь лет после поражения в мировой войне Германия совместно и на равных с державами-победительницами решала важнейшие проблемы международной жизни. Более того, на самой конференции германский министр иностранных дел Г. Штреземан в спорах со своим французским коллегой вел себя так, что, по сообщениям журналистов, порой становилось непонятно, кто же в действительности победил в 1918 г. Конференция в Локарно была логическим продолжением плана Дауэса, укрепившего экономические позиции Германии, конференция в Локарно содействовала усилению ее политических и международных позиций.

В сентябре 1926 г. Германия вступила в Лигу Наций и получила место постоянного члена Совета. Это означало, что она официально признавалась великой мировой державой и одним из главных гарантов Версальской системы. Столь резкие перемены в международном положении Германии вызвали скандал в самой Лиге Наций. Польша, недовольная решениями Локарнской конференции, отказавшейся гарантировать ее западные границы, в качестве компенсации потребовала предоставления и ей постоянного места в Совете. В ответ Германия, рассчитывая на поддержку Англии, заявила, что не вступит в Лигу Наций, если будет удовлетворено требование польского правительства. Ситуация казалась тупиковой, но выход был найден благодаря огромному опыту английских дипломатов. Германии предоставлялось постоянное место, а Польша получала специально изобретенный для нее статус «полупостоянного члена», т. е. оставалась членом непостоянным, но постоянно избиралась в Совет. После завершения всех дебатов выяснилось, что Лигой Наций фактически стал управлять триумвират

в составе О. Чемберлена, А. Бриана и Г. Штресемана, который в прессе называли «локарнской камарильей».

Присоединение Германии к Англии и Франции – державам, определявшим политику Лиги Наций, явилось самым ярким примером, своего рода кульминацией урегулирования германской проблемы, предложенного Великобританией и одобренного на конференции в Локарно. Этот курс по вполне объяснимым причинам был продолжен Советом Лиги Наций, который вскоре принял постановления о прекращении деятельности межсоюзнической комиссии по военному контролю над Германией (декабрь 1926 г.), о выводе в течение трех месяцев французских войск из Саарской области (март 1927 г.) и др.

Таким образом, первым по важности итогом Локарнской конференции и связанных с ней международных процессов стала существенная перегруппировка сил на европейском континенте в пользу Англии и Германии при ослаблении позиций Французской республики.

Роль Локарно в развитии послевоенной международной системы нельзя оценивать однозначно и безальтернативно.

С одной стороны, многие восприняли Локарнскую конференцию как решающий шаг на пути к европейскому миру и спокойствию. Отсюда небывалый энтузиазм пацифистски настроенной общественности.

С другой стороны, достигнутый на локарнской конференции компромисс не мог стать основой долговременной стабилизации международной обстановки в Европе. Главная причина – юридически оформленное в Локарно новое соотношение сил существенным образом отличалось от того, на котором базировались постановления Парижской конференции 1919 г. Несоответствие «силового базиса» правовой

надстройке предвещало разрушение всей послевоенной договорной системы.

К тому же локарнские решения понимались западными державами и Германией по-разному. Англия и Франция видели в нем средство укрепления Версальского миропорядка, а Германия его подрыв. Добившись международных гарантий границ на западе и не допустив того же в отношении своих восточных границ, Германия наносила серьезный удар по целостности послевоенного межгосударственного порядка. Разный статус германских границ определял различную степень безопасности стран Западной и Восточной Европы. Тем самым нарушались основополагающие принципы всеобщей коллективной безопасности, заложенные в Уставе Лиги Наций. Эту же мысль в аллегорической форме выразил министр иностранных дел Польши А. Скшиньский: «Договор на Западе без гарантий на Востоке подобен дому с прекрасными гобеленами, хозяева которого заботятся лишь о них, подвергая все вещи в соседних комнатах опасности пожара».

«Антиверсальские» итоги Локарнского форума проявились также и в том, что усилившая свои позиции Германия стала все настойчивее требовать ревизии всего спектра Парижских постановлений. Уже в Локарно Г. Штреземан поставил вопрос об увеличении германской армии и добавил, обращаясь к А. Бриану: «Я не представляю, что ваши солдаты могут еще делать в оккупированной Рейнской зоне. Я не вижу причин для их пребывания там, поскольку им больше не нужно защищать безопасность Франции». Французский министр иностранных дел, как вспоминал впоследствии его немецкий коллега, чуть не упал с кресла, но затем, выйдя из шокового состояния, произнес: «С точки зрения господина Штреземана,

по-видимому, и весь Версальский договор может с таким же успехом перестать существовать».

Еще одной важной характеристикой процесса, начавшегося в Локарно, стала его вполне определенная антисоветская направленность. Инициатор созыва конференции О. Чемберлен, предложивший план создания безопасной Европы «без России и против России», рассматривал локарнский договорный комплекс как своего рода новый «Священный союз» в борьбе с большевизмом. Центральное место в английском плане отводилось Германии как «бастиону западных цивилизаций». В этом контексте становится более понятной поддержка Англией германского требования оставить открытым вопрос о границах с Польшей и Чехословакией. Такой подход объяснялся не чем иным, как желанием направить реваншистские устремления на Восток. В Форин-офис, военных кругах Англии локарнские соглашения оценивались как блок, своим острием направленный против СССР. В секретном меморандуме «Комитета имперской обороны» Англии, направленном 26 июля 1926 г. в Форин-офис, локарнские договоры рассматривались как фактор «наиболее эффективной защиты против от опасности, идущей с Востока от «русских большевистских атак». В известном смысле в Локарно были заложены основы той политики западных демократий в отношении Германии, которая в 1930-е гг. получила название «политики умиротворения». Примечательно, что сам термин «умиротворение» («appeasement») появился в 1925 г., будучи впервые применен одним из ведущих британских политиков лордом Дж. Бальфуrom в связи с его оценкой локарнских соглашений.

Вместе с тем не следует преувеличивать значимость антисоветской составляющей локарнской договорной системы. Попытки О. Чемберлена организовать нечто похожее на

единый антисоветский фронт не встретили должного понимания ни у Франции, ни у Германии. Французские руководители (Э. Эррио и А. Бриан) выступали за нормализацию франко-советских отношений и даже за «сближение с Россией». Германское правительство не хотело терять «советский козырь» в дипломатической игре с Англией и Францией. Поэтому представители Германии в Локарно не дали безоговорочного согласия на участие в возможных акциях против СССР. Германия намеревалась сохранить «свободу рук» и благоприятный для нее баланс сил между Англией, Францией и Советским Союзом. Г. Штресман четко прокомментировал эту внешнеполитическую установку: «Мы не можем стать континентальной шпагой Англии и точно так же не можем позволить себе германо-русский союз».

Безусловно, Локарнская конференция на тот момент способствовала сохранению мира в Европе, но это был мир противоречивый и конфликтный, что дает возможность охарактеризовать его как кратковременное перемирие.

5. Проблема разоружения в 1920-е гг.

В пацифистских планах двадцатых годов большое внимание уделялось проблемам сокращения вооружений. Актуальность этих проблем определялась тем, что, гонку вооружений приостановить не удалось.

В сравнении с 1913 г. к концу 1920-х гг. количество крупных кораблей трех ведущих военно-морских держав (Англии, США и Японии) увеличилось со 101 до 142, или на 40 %; численность сухопутных армий пяти великих держав (без США и СССР) возросла с 1,9 до 2,3 млн человек, или на 20 %; продолжалась разработка новых видов оружия массового уничтожения: химического и бактериологического.

Главная преграда на пути сокращения вооружений состояла в том, что в условиях обострения межгосударственных противоречий реальное разоружение считалось несовместимым с интересами национальной безопасности. Поэтому в программах по ограничению средств ведения войны главенствовал подход, направленный на получение односторонних преимуществ в обеспечении безопасности данной страны в ущерб безопасности другой.

Так, например, Англия активно выступала за сокращение сухопутных армий (что подрывало военные позиции Франции). Французское правительство в свою очередь предлагало ограничить надводный военно-морской флот (что вызывало раздражение в Великобритании). Соединенные Штаты добивались распространения положений «договора пяти держав» на все классы военных кораблей (что узаконило бы полное равенство их военно-морских сил с британскими). Правительство Веймарской республики, включившееся в дебаты, выдвинуло самый простой и одновременно наиболее хитроумный план: либо западные державы и Япония разоружаются до уровня Германии, либо Германия получает право на довооружение.

Эти разногласия отразились в жарких и длительных дискуссиях на заседаниях Подготовительной комиссии к Всеобщей конференции по разоружению. В работе Комиссии, продолжавшейся пять лет, приняли участие представители 21 государства. Самым ярким событием стало обсуждение советского предложения (текста Декларации и Конвенции) о «полном и всеобщем разоружении», внесенного на рассмотрение IV и V сессии Подготовительной комиссии в ноябре 1927 и в марте 1928 г.

Проект СССР, рассчитанный на четыре года, предусматривал роспуск вооруженных сил всех государств, уничтожение средств ведения войны, отмену обязательной воинской службы, ликвидацию военной промышленности, упразднение генеральных штабов и министерств обороны, установление строгого международного контроля над разоружением. Западная пресса назвала этот проект «большевистской пропагандой», а участники прений единодушно отвергли его как «нереалистичный». Тогда советская делегация на VI сессии в апреле 1929 г. предложила план «прогрессивно-пропорционального сокращения вооружений», согласно которому страны, имевшие вооруженные силы численностью более 200 тыс. человек, сокращали их на 1/2, от 40 до 200 тыс. – на 1/3, менее 40 тыс. – на 1/4. Обсуждение нового проекта, объявленного на Западе «маловразумительным», было отложено на неопределенный срок, после чего к нему больше не возвращались.

Отклонив предложения Советского Союза, западные страны пытались согласовать свои несогласуемые планы по ограничению вооружений. Некоторые конкретные вопросы в этой сфере были разрешены достаточно успешно.

Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств в июне 1925 г. подписали представители 37 государств. Этот международный договор вступил в силу в феврале 1928 г. и действует до настоящего времени.

Существенный прогресс был достигнут на переговорах по сокращению морских вооружений. Правда, первая попытка договориться завершилась полным провалом. В 1927 г. президент США К. Кулидж без соответствующей дипломатической

подготовки предложил участникам «договора пяти держав» провести в Женеве конференцию по военно-морским вопросам. На этой конференции предполагалось установить новые потолки суммарного тоннажа и пропорциональное соотношение для крейсеров, эсминцев и подводных лодок, т. е. тех классов военных кораблей, которые не были охвачены Вашингтонским соглашением. Франция и Италия отклонили приглашение американского президента, сославшись на чрезвычайную занятость разработкой программы разоружения в рамках Лиги наций.

Женевской военно-морская конференция проходила в 1927 г. Главная борьба развернулась между Англией и Соединенными Штатами. Английская делегация потребовала сокращения прежде всего тяжелых крейсеров, в которых были особенно заинтересованы США, испытывавшие недостаток в военно-морских базах и поэтому нуждавшиеся в кораблях, способных возить с собой большие запасы топлива. В свою очередь американские представители настаивали на ограничении числа легких крейсеров – основного класса судов британского военного флота. 45-дневные дебаты закончились торжественным закрытием конференции, которая так и не приняла никаких решений.

Лондонская морская конференция открылась в январе 1930 г. Италия выдвинула требование полного уравнения своего флота с французским. Франция отвергла итальянские притязания. В результате ни та, ни другая не взяли на себя обязательств по сокращению морских вооружений. Три ведущие военно-морские державы – Англия, США и Япония – 22 апреля 1930 г. подписали новый Морской договор. Он устанавливал следующий суммарный тоннаж в категориях крейсеров, эсминцев и подводных лодок: для Англии –

541,7, США – 526,2 и Япония 367,05 тыс. тонн. При относительном равенстве военно-морских сил англосаксонских держав Япония получала право увеличить свой флот в сравнении с флотами Англии и США до 60 % по тяжелым крейсерам, 70 % по легким крейсерам и эсминцам и 100 % по подводным лодкам. Такое решение удовлетворяло все заключившие договор государства. Япония добилась правового признания своей возросшей военно-морской мощи. Администрация США считала себя победителем, т. к. смогла формально узаконить паритет в морских вооружениях с Англией. Великобритании удалось реализовать свои цели в тех положениях договора, которые ограничивали строительство тяжелых крейсеров – приоритетных для США и Японии. В целом «Лондонский компромисс» знаменовал собой победу умеренных и либеральных сил: существенно (в 1,5 раза) сокращались морские вооружения, четко определялись ограничительные пределы военно-морского соперничества, впервые осуществлялась комплексная программа, охватывавшая все категории военных судов.

К недостаткам принятых постановлений следует отнести: отказ Франции и Италии участвовать в процессе «морского разоружения», отсутствие в соглашении упоминаний о качественных параметрах военно-морского флота (скорость дальнобойность корабельной артиллерии и др.). Тем не менее Лондонский договор стал заметным шагом вперед на пути ограничения гонки морских вооружений. Оставалось только надеяться, что он будут строго соблюдаться.

В 1920-е гг. наиболее плодотворной была деятельность Лиги Наций в гуманитарной и социальной сфере. Широкую известность и вполне заслуженный авторитет снискали себе такие автономные ведомства и учреждения Лиги Наций, как

Международная организация труда, Международная организация здравоохранения, Комитет по контролю за торговлей опиумом и опасными лекарствами. Большое влияние на развитие пацифистского движения оказывал Комитет интеллектуального сотрудничества («Лига умов» – прообраз будущей ЮНЕСКО), в который входили видные ученые: А. Бергсон, А. Эйнштейн, М. Склодовская-Кюри и др. Комитет содействовал укреплению связей между деятелями науки, образования и культуры, выступал с программными заявлениями по вопросам обеспечения мира и разоружения.

Что касается главной задачи, определенной в Уставе Лиге Наций как «защита территориальной целостности, независимости и безопасности государств», то с ней Лига Наций не справилась. Лига Наций применяла три основных вида арбитража: разрешение спорных проблем в пользу сильного – той или иной великой державы, либо страны, которую эта держава поддерживала; полный отказ от посреднических услуг; письменные или устные увещания конфликтующих сторон. Ярким примером первого варианта урегулирования стало рассмотрение англо-турецкого конфликта по вопросу о территориальной принадлежности богатого нефтью Мосульского округа, входившего до мировой войны в состав Османской империи. В 1918 г. Англия оккупировала Мосул, позже присоединив его к своей подмандатной территории – Ираку. Протесты Турции, направленные в адрес Совета Лиги Наций, не изменили ситуацию – район Мосула остался в пределах Ирака. Таким образом, Мосульский конфликт был решен в пользу Англии.

Второй метод применялся в отношении американского и азиатского регионов. Если латиноамериканским государствам отказ от посредничества в урегулировании их террито-

риальных споров объяснялся наличием в Уставе Лиги Наций положений о международном признании доктрины Монро, т. е. ответственности за спокойствие на континенте несли США, то азиатским странам обычно никакого объяснения не предлагалось. Совет Лиги Наций несколько раз отклонял жалобы Китая на силовые действия Англии и Японии. В связи с этим представитель пекинского правительства Чао Шингу заявил: «Китайский народ не ощущает руки Лиги на азиатском континенте».

Чаще всего Лига Наций в разрешении конфликтных ситуаций использовала уговоры и наставления. Когда Литва в 1927 г. потребовала вмешательства международной организации в связи с тем, что в Польше, захватившей ранее Вильнюсский край, преследуется литовское меньшинство, Совет Лиги порекомендовал ей провести переговоры с польским правительством. Такие же рекомендации были адресованы Парагваю и Боливии, между которыми в 1928 г. начался военный конфликт из-за области Чако, продолжавшийся более десяти лет. Статистические данные свидетельствуют, что в двадцатые годы из 22 межгосударственных территориальных споров в 12 случаях Лига Наций ограничилась применением «принципа увещевания».

Достижения Лиги Наций в разработке и осуществлении планов сокращения вооружений и разоружения также были невпечатляющими. Несоответствие торжественных деклараций и долгих дискуссий с реальными мерами по созданию безопасного мира подрывало престиж этой организации. Известный французский писатель А. Моруа, посетивший в 1929 г. заседание Ассамблеи, отметил: «Лига Наций – грустное зрелище».

Итогом развития пацифистского движения и пацифистской политики в 1920-е гг. стало подписание многостороннего пакта об отказе от войны как средства урегулирования международных споров. Автором этого миротворческого проекта являлся премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан. В 1926 г за свою энергичную пацифистскую деятельность он был удостоен Нобелевской премии мира.

В апреле 1927 г. он предложил администрации США заключить двусторонний договор о «вечной дружбе» и об объявлении войны вне закона. Смысл этой инициативы заключался в том, чтобы связать Соединенные Штаты с европейской политикой Франции. Однако американское правительство отвергло идею подписания сепаратного соглашения, которая не вписывалась в ее изоляционистскую политику. В ответ на обращение А. Бриана глава государственного департамента Ф. Келлог высказался в пользу многостороннего договора – «открытого для всех миролюбивых стран». Такая позиция объяснялась также тем, что США могли добиться осуществления своих целей путем диктата за столом переговоров, опираясь на финансово-экономическое преобладание над конкурентами, им не надо было обращаться к вооруженной силе.

Пакт Бриана-Келлога был подписан 15 странами 27 августа 1928 г. в Париже. Выступивший с речью А. Бриан предложил посвятить договор «памяти погибших в мировую войну». Участниками пакта стали все великие державы, включая СССР. За десять предвоенных лет к пакту присоединились 63 государства. Содержание пакта сводилось к двум главным положениям:

1. Осуждение и отказ от войны как метода решения международных споров и орудия национальной политики;

2. Принятие договаривавшимися сторонами обязательства разрешать конфликтные ситуации исключительно мирными средствами.

По сути, Пакт Бриана-Келлога был формальной Декларацией о благих намерениях по сохранению мира. В нем даже не упоминалась возможность применения санкций против нарушителей провозглашенных принципов. В этой связи один из американских сенаторов назвал его «международным поцелуем». Тем не менее, Пакт имел важное морально-политическое значение: он призывал правительства всех стран к проведению политики мира, объявлял войну вне закона.

В сентябре 1929 г. на открытии X сессии Ассамблеи Лиги Наций А. Бриан выступил с еще одной крупной инициативой: он изложил проект объединения европейских государств в «федеративный союз» – «Пан-Европу». План предусматривал экономическую интеграцию континентальных стран и их тесное политическое сотрудничество. Идея была не нова: еще в 1922 г. ее выдвинул австрийский публицист граф Р. Куденхове-Калерги, опубликовавший книгу под названием «Пан-Европа».

Концепция «европейского объединения» предполагала поэтапное развитие: от установления «федеральных уз» до «слияния в единое государство». В 1926 г. в Вене состоялся первый Паневропейский конгресс, провозгласивший образование неправительственной организации «Паневропейский союз», почетным председателем которого стал А. Бриан. В союз входили известные политические деятели (Э. Эррио, Л. Блюм, Й. Вирт), писатели (Томас и Генрих Манн), ученые (А. Эйнштейн, З. Фрейд). Однако концепции паневропеизма придерживался лишь узкий круг европейских интеллектуалов

и движение вскоре пошло на убыль. Идею возродил А. Бриан, выдвинув ее на официальный межгосударственный уровень.

В мае 1930 г. правительство Франции разослало во все столицы Европы «Меморандум об организации режима Федеративного европейского союза». В проекте содержались положения о снижении и ликвидации таможенных пошлин, о создании общего рынка товаров и услуг и другие меры, что позволяет считать предложенную программу прообразом современного Европейского Союза. А. Бриан доказывал, что его проект является эффективным средством «обеспечения мира», предотвращения революционных конфликтов и преодоления экономических трудностей. Политический смысл французского плана заключался в том, чтобы растворить набравшую силу Германию в федеральной европейской системе, усилить роль Франции как инициатора объединительного процесса.

Претворить в жизнь проект А. Бриана не удалось. Европа в конце 1920-х гг. ни экономически, ни политически не была готова к объединению, поскольку разъединявшие ее межгосударственные противоречия преобладали над интеграционными тенденциями. Ни одна из великих европейских держав, кроме Франции, не поддержала план организации федеративной «Пан-Европы».

Против выступила Англия, не желавшая ослаблять свое влияние и содействовать укреплению французских позиций на континенте. Германия, формально согласившись с проектом, фактически отказалась от его реализации, поставив в качестве условия своего участия в паневропейском союзе «установление общего равенства» его членов, т. е. отмену Версальского договора. Итальянское правительство отвергло идеи Меморандума по причине несоответствия плана создания «Пан-

Европы» и воссоздания «Великой Римской империи». Руководство СССР рассматривало французскую инициативу как очередную попытку формирования единого антисоветского фронта.

Единственным результатом проекта А. Бриана стало образование «Комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе» в Лиге Наций. Работа Комиссии была недолгой и безрезультатной. В 1932 г. незадолго до своей смерти А. Бриан в беседе с одним из французских журналистов с горечью говорил: «Боюсь, что политическая инициатива нами потеряна и что Европейский союз осуществит когда-нибудь германская армия».

Крушением планов европейской экономической и политической интеграции завершилась «эра пацифизма». К концу этого периода равновесие между миротворческими устремлениями и глубокими межгосударственными противоречиями нарушается, и последние становятся преобладающими.

6. Международные отношения на Дальнем Востоке

В этот период значение Дальнего Востока в мировой политике существенно возросло. Правовую основу международного порядка в этом районе составили постановления Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.

США выступали за строгое соблюдение «договора девяти держав» и узаконенного им принципа «открытых дверей» и «равных возможностей». В правительственных кругах полагали, что доктрина «открытых дверей» принесет наибольшие выгоды Соединенным Штатам. Поэтому целью США был не раздел Китая на новые сферы влияния, а сохранение территориальной целостности и установление полного

контроля над его экономикой и политикой. К концу 1920-х гг. по общему объему товарооборота с Китаем США вышли на второе место после Японии, опередив Великобританию.

Вместе с тем резко возросло противодействие американскому проникновению в регион со стороны Англии и Японии.

В экономической сфере это проявилось в существенном отставании Соединенных Штатов от своих главных конкурентов в размерах капиталовложений.

В области политической – в поддержке Англией и Японией антиамериканских сил в Китае и подготовке правительственными кругами Японии плана военного решения китайской проблемы.

Дальневосточная политика Англии носила двойственный характер. С одной стороны, британское правительство заявляло о своей приверженности принципам «открытых дверей» и «равных возможностей». С другой стороны, оно осознавало, что эти принципы могут нанести серьезный удар по позициям Англии на Дальнем Востоке. Дело в том, что в этот период Англия обладала наибольшими привилегиями в Китае: она контролировала китайскую таможенную службу, хранила серебряный запас страны, являлась основным кредитором пекинского правительства, имела самые крупные концессии и инвестиции. Поэтому, официально поддерживая концепцию «открытых дверей», британское правительство стремилось держать эти «двери» полуоткрытыми, чтобы сохранить свое привилегированное положение на китайской территории. Для этого Великобритания активно использовала американо-японские противоречия.

Однако политика «равновесия сил» не была успешной: Англия оказалась между двух огней. Поддерживая американскую концепцию «открытых дверей», она соглашалась на за-

ведомо неравные условия конкурентной борьбы с экономически более сильным противником, а противопоставляя США Японию – объективно поощряла жесткий наступательный курс Страны Восходящего Солнца, который представлял угрозу и для ее интересов в Китае. Следовательно, английская политика баланса сил на Дальнем Востоке способствовала ослаблению роли Великобритании в этом регионе и обострению международной напряженности.

В Японии в 1920-е гг. все чаще говорили о необходимости пересмотра Вашингтонских договоров, не соответствовавших ее национальным интересам. Японские политические и военные деятели выступали за приумножение сфер влияния в Китае вплоть до полного овладения его территорией. Стремление Японии овладеть Китаем было вызвано двумя причинами:

1. Несмотря на бурный экономический рост, Япония в технологическом плане значительно отставала от западных держав. Основными статьями ее экспорта являлись сельскохозяйственная и кустарная продукция, в то время как ввозились преимущественно промышленное оборудование и сырье. Фактически Япония находилась в том положении, что и европейские страны в период промышленной революции: требовалось постоянное расширение рынков сбыта, закрытых для иностранных конкурентов.

2. В двадцатые годы Япония имела в Китае существенные финансово-экономические привилегии (первое место по объему торговли и второе – по капиталовложениям), которые она могла потерять в случае утверждения здесь принципов свободной и равноправной конкуренции. Отсюда резко отрицательное отношение японской правящей элиты к доктрине «открытых дверей».

В 1920-е гг. в правительственных кругах Японии шла борьба двух курсов: умеренного – направленного на «приспособление» к Вашингтонской системе, и открыто экспансионистского – имевшего целью подрыв и разрушение этой системы. В конце 1920-х гг. сторонники второго курса усилили свои позиции. Свидетельством тому стал «Меморандум генерала Танаки». Возглавив правительство в 1927 г., Г. Танака представил императору «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В этом секретном документе излагалась новая доктрина, нацеленная на завоевание регионального, а в перспективе и мирового господства. Оригинальный текст «Меморандума» до сих пор не обнаружен, в связи с чем многие исследователи считают его поддельным, однако последующие действия Японии на международной арене служат достаточно веским обоснованием противоположного мнения.

Стратегическая цель и методы ее достижения определялись в «Меморандуме» весьма жестко: «Ради самозащиты и защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику "крови и железа"... Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем овладеть Китаем, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также государства южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами».

США и СССР рассматривались как главные препятствия на пути установления японской гегемонии в Азии. Преодолеть их предполагалось военными средствами «на полях сражений». «Если мы захотим взять в свои руки контроль над Китаем, – говорилось в «Меморандуме», – мы должны будем сокрушить

Соединенные Штаты». Что касается «красной России», то предлагалось вначале «тайно с ней блокироваться», но затем «вновь скрестить мечи, так как пока этот риф не будет взорван, невозможно овладеть Маньчжурией и Монголией». Таким образом «Меморандум Танаки» формулировал новую внешнеполитическую идеологию, но пока еще не программу немедленных действий, к которым Япония еще не была готова.

Не менее важные международные последствия имели революционные перемены в Китае. В мае 1925 г. в стране началась революция – демократическая и национально-освободительная по своему характеру. Лидер партии Гоминьдан (ГМД) Сунь Ятсена приоритетными задачами революционного движения в Китае считал восстановление национального суверенитета, создание единой демократической республики, ликвидация иностранного финансового и политического контроля, проведение реформ в интересах всего китайского народа. Союзниками гоминьдановцев по единому фронту были коммунисты (КПК). Выполняя установки Коминтерна, они выдвинули лозунг перерастания демократической революции и социалистическую. Эти разногласия и обусловили драматическую развязку. Маршал Чан Кайши, возглавивший гоминьдановскую партию после смерти Сунь Ятсена, весной 1927 г. подавил выступление рабочих в Шанхае, а затем в декабре того же года – восстание сторонников КПК в Гуанчжоу (Кантоне), известное в истории Китая как «Кантонская коммуна». После этого на коммунистов обрушились жесточайшие репрессии: по различным оценкам было казнено от 300 до 330 тыс. человек.

Этими событиями завершилась китайская революция, которая перешла в состояние перманентной гражданской войны между сторонниками ГМД и КПК. Еще в 1926 г. Чан Кай-

ши, будучи главнокомандующим вооруженными силами Юга (Народно-революционной армии), предпринял свой знаменитый Северный поход. Его целью было овладение Пекином и объединение китайских земель под властью гоминьдановского правительства. Этот поход закончился в целом успешно. В октябре 1928 г. после захвата Пекина правительство генералиссимуса Чан Кайши (он получил это звание за Северный поход) провозгласило себя общенациональным. Новой столицей Китайской республики был объявлен город Нанкин. Началось т. н. «нанкинское десятилетие» – полоса трудного, но динамичного развития Китая.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Чан Кайши приступил к ревизии неравноправных договоров с западными державами и Японией (восстановление таможенной автономии, отмена прав экстерриториальности, возвращение иностранных концессий). И в этой сфере были достигнуты определенные успехи. В частности, Китайской республике удалось вернуть 20 из 33 концессионных предприятий, принадлежавших иностранцам.

Столь существенные перемены в экономическом и политическом положении Китая оказали влияние на международную обстановку в регионе в двух аспектах.

С одной стороны, китайская революция, Северный поход, реформы гоминьдановского правительства содействовали укреплению Вашингтонской системы, т. к. главным итогом стало объединение Китая и его активное противодействие политике «сфер влияния», что полностью соответствовало основным положениям «договора девяти держав». Более того, независимый и суверенный Китай уравнивал Японию и СССР и тем самым превращался в важный фактор сохранения стабильного баланса сил на Дальнем Востоке. Но с другой стороны, как это ни парадоксально звучит, эти же события,

способствовали расшатыванию Вашингтонской международной модели, т. к. привели к еще большему обострению противоречий в силовом треугольнике США – Англия – Япония. Причина очевидна: революционные перемены в Китайской республике воспринимались в правительственных кругах трех ведущих держав по-разному. Они вполне устраивали США, мало устраивали Великобританию и совсем не устраивали Японию. Американская администрация первой признала гоминьдановское правительство и благосклонно отнеслась ко всем его реформам, поскольку объективно они были направлены на претворение в жизнь доктрины «открытых дверей». В свою очередь генералиссимус Чан Кайши открыто демонстрировал свои проамериканские симпатии, предоставив США ряд преимуществ в торговой и промышленной деятельности.

Великобритания и Япония оказывали ожесточенное сопротивление пересмотру неравноправных договоров. В результате Чан Кайши так и не смог отменить права экстерриториальности.

Наибольшее раздражение политика Чан Кайши вызывала у Японии, что ускорило ее подготовку к военному решению дальневосточных проблем.

Характеристика расстановки сил и международного положения на Дальнем Востоке в 1920-е гг. была бы неполной, если не отметить активизацию региональной политики Советского Союза.

Свои отношения с Китаем руководство СССР строило на основе двух противоречивших друг другу принципов: мирного сосуществования и пролетарского интернационализма. Первый из них соответствовал национальным интересам советского государства, второй – интересам так и не разразившейся мировой революции. Эта противоречивость внешнепо-

литической концепции имела столь же противоречивые практические следствия: укрепление позиций СССР как мировой державы, с одной стороны, и крупные провалы на международной арене – с другой. Обе тенденции в развитии внешней политики СССР наглядно проявились в ее подходе к решению китайской проблемы.

С 1923 г. Советское государство стало оказывать всестороннюю помощь революционному южному правительству Сунь Ятсена. В гоминьдановскую столицу Гуанчжоу (Кантон) были направлены политические (во главе с М.М. Бородиным) и военные советники (во главе с командармом В.К. Блюхером), а также более 500 гражданских специалистов – инженеров, учителей, медицинских работников. Поставлялись крупные партии оружия. Советские военспецы сыграли ключевую роль в подготовке кадров для Народно-революционной армии. В.К. Блюхер разработал план Северного похода, главнокомандующий НРА Чан Кайши тесно сотрудничал с военными советниками из СССР, называл РКП(б) «родной сестрой Гоминьдана» и даже отправил в Москву на учебу своего сына Цзян Цзинго.

В мае 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». В этом соглашении содержались статьи об установлении дипломатических отношений, отказе Советского Союза от неравноправных договоров, заключенных царским правительством, о статусе Китайско-Восточной железной дороги. КВЖД, построенная Россией на китайской территории и принадлежавшая Российской империи по договору 1896 г., отныне должна была управляться двумя странами на строго паритетных началах.

Таким образом, до середины 1920-х гг. Советский Союз в целом успешно реализовывал в Китае оба внешнеполитических принципа: пролетарского интернационализма (на Юге) и мирного сосуществования (на Севере). Однако такая двойственная политика не могла продолжаться долго. После смерти Сунь Ятсена в сплоченном блоке гоминьдановцев и коммунистов произошел раскол. КПК, чьи руководящие кадры готовились в Москве, выдвинула лозунг «перехода к гегемонии пролетариата в революции» и отстранения от участия в ней Гоминьдана. Со своей стороны новые лидеры гоминьдановской партии все более склонялись к разрыву не только с коммунистами, но и с поддерживавшей их Страной Советов. В 1927 г. произошел т. н. «антикоммунистический переворот»: репрессии против КПК, изгнание из Китая советских политических и военных советников, прекращение экономических и дипломатических связей с СССР.

Курс Коминтерна на разжигание китайской революции потерпел крах. После завершения Северного похода Чан Кайши перед советским руководством встала альтернатива: либо помогать китайским коммунистам при ухудшении отношений с общенациональным правительством, либо попытаться урегулировать отношения при забвении идеалов мировой революции. До начала 1930-х гг. преобладал первый «идейно-классовый» подход. Советский Союз отказался признать правительство «китайского Бонапарта» Чан Кайши, оказывал содействие КПК в создании т. н. «советских районов» и Красной армии, которая уже в 1929 г насчитывала более 300 тыс. бойцов. Все это не могло не привести к новым столкновениям с официальными властями Китая.

Наибольший международный резонанс вызвал советско-китайский конфликт из-за КВЖД. Советское правитель-

ство рассматривало Монголию и Маньчжурию, где и проходила КВЖД, как «буферные зоны безопасности», что было верно с точки зрения защиты геополитических интересов СССР. Вместе с тем геостратегические расчеты сочетались с революционными проектами. По образному выражению Н.И. Бухарина, КВЖД была призвана стать «главной стратегической жилой, нашим революционным пальцем, запущенным в Китай». В 1929 г. правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян по согласованию с Чан Кайши принял решение о национализации КВЖД. В июле этого года маньчжурское правительство взяло железную дорогу под свой контроль, проведя аресты и высылку советского персонала. Ответные меры не заставили себя долго ждать. В кратчайший срок была сформирована Особая дальневосточная армия под командованием В.К. Блюхера, которая уже в августе 1929 г. разгромила войска маршала Чжан Сюэляна.

Реакция великих держав на это событие была весьма интересной: США, Англия и Франция выразили озабоченность по поводу нарушения Советским Союзом пакта Бриана–Келлога; Япония, Германия и Италия не высказали никакой озабоченности. Объяснение заключалось в том, что ни одна из упомянутых держав не признала законной насильственную национализацию КВЖД, дабы не создать прецедента в отношении иностранной собственности в Китае. Как бы там ни было, авантюра маньчжурского маршала завершилась подписанием в декабре 1929 г. Хабаровского протокола о восстановлении положения на КВЖД и границы в соответствии с Соглашением 1924 г. «Конфликт на КВЖД» означал военную и дипломатическую победу СССР, но одновременно свидетельствовал о высокой степени напряженности в советско-китайских отношениях.

В целом значение советского фактора на Дальнем Востоке в 1920-е гг. существенно возросло. Однако это содействовало скорее осложнению, чем стабилизации международной обстановки в регионе. СССР оставался вне Вашингтонской системы, а его политика «расширения базы мировой революции» входила с этой системой в острое противоречие.

Таковы были главные итоги развития международных отношений на Дальнем Востоке к концу 1920-х гг. Как и на европейском континенте «эра пацифизма» в азиатско-тихоокеанском регионе близилась к своему завершению.

В целом можно отметить, что Генуэзская конференция, план Дауэса и Локарно привели к некоторой стабилизации послевоенной обстановки в Европе. Главным достижением этого периода было то, что постепенно начал налаживаться нормальный диалог между пятью великими европейскими державами – Англией, Францией, Германией, Италией и Россией. Однако нового «европейского концерта» так и не получилось: слишком велико было недоверие между лидерами европейских держав, слишком велики были идеологические разногласия, слишком мало было готовности к конструктивным уступкам.

Самостоятельная работа

Работа с документами

1. Рассмотрите План Дауэса и План Юнга и определите какую роль сыграли США в восстановлении экономической и военной мощи Германии после первой мировой войны. См. док. 39, 40, 41. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеевкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

2. Прочитайте Конвенцию об определении агрессии 1933 г. Выделите основные положения в документе. Объясни-

те, при каких обстоятельствах родилась идея подписания подобной конвенции. Какими соображениями руководствовались страны – подписанты конвенции? См. док. 53. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

3. Прочитайте Локарнский договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией См. док. 44. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. –Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019). Почему после Локарно отношения между Англией и Францией обострились?

Прочитать статьи

Ознакомиться с материалами Международной конференции, проведенной Институтом Европы РАН (Центр германских исследований) совместно с Фондом им. Розы Люксембург (Германия) 26 апреля 2002 года в г. Москве. Российско-Германские отношения – вчера, сегодня, завтра. К 80-летию Рапалльского договора.

Офицеров Д.В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. 2003. № 4.

Морозов С.В. К Вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412.

Аршинцева О.А., Глушков А.Е. Локарно, 80 лет назад // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. Сравните оценки авторов результатов Локарнской конференции.

Вопросы для самопроверки

1. С какой целью была созвана Генуэзская конференция?
2. С какими предложениями выступила советская делегация на Генуэзской конференции почему они были отклонены представителями западных стран?
3. Какое значение имел Рапалльский договор для России и Германии?
4. Назовите причины Рурского кризиса?
5. В чем заключалась тактика «скрытого сопротивления» Версальскому договору, осуществляемая Германией?
6. Почему германскую проблему западные державы увязывали с проблемой Советской России?
7. Назовите главные источники погашения Германией репарационных платежей по планам Дауэса и Юнга?
8. Почему 1920-е гг. называли «эрой пацифизма»? Какие причины обусловили популярность идей пацифизма?
9. Какие факторы в 1920-е гг. ограничивали влияние США на международной арене?
10. Решения Локарнской конференции укрепляли европейскую безопасность или подрывали ее?
11. Какие события на Дальнем Востоке в 1920-е гг. подрывали стабильность Вашингтонской системы?

Тест

1. Главная цель Генуэзской конференции, инициатором которой был премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж:

1. Попытаться заставить РСФСР признать все внешние долги царского и временного правительства и вернуть национализированную иностранную собственность;

2. Рассмотреть вопрос о предоставлении Германии отсрочки выплаты репараций;
3. Принятие резолюции о том, что западные державы не должны вступать в отдельные соглашения с Советской Россией.

2. Инициатором подписания Рапалльского договора со стороны Германии был:

1. Президент Германии Ф. Эберт;
2. Канцлер Й. Вирт;
3. Министр иностранных дел В. Ратенау.

3. План Дауэса определил главным источником выплаты репараций:

1. Повышение налога на прибыли промышленных предприятий, железных дорог и отчисления из госбюджета;
2. Отчисления из госбюджета;
3. Повышение налога на прибыли промышленных предприятий, железных дорог.

4. План Юнга определил главным источником выплаты репараций:

1. Отчисления из госбюджета и прибыли от железных дорог;
2. Налоги с населения;
3. Налоги на прибыли крупных предприятий.

5. Страна, чьи европейские позиции были ослаблены решениями Локарнской конференции:

1. Великобритания;
2. Италия;
3. Франция.

6. Политик, выступавший с проектом укрепления международной безопасности на основе «триптиха»—арбитраж, безопасность, разоружение:

1. Э. Даладьё;

2. Г. Штреземан;
3. Э. Эррио.

7. Нобелевской премии мира по результатам Локарнской конференции были удостоены:

1. Э. Эррио, Г. Штреземан, С. Болдуин;
2. А. Бриан, Э. Бенеш, Э. Вандервельде;
3. О. Чемберлен, А. Бриан, Г. Штреземан.

8. Германия вступила в Лигу Наций:

1. В 1923 г.;
2. В 1926 г.
3. В 1928 г.

9. Женевский протокол, принятый в 1925 г., запрещал применение на войне:

1. Противопехотных мин;
2. Противопехотных мин и ядовитых газов;
3. Ядовитых газов и бактериологических средств.

10 «Меморандум генерала Танаки» предусматривал:

1. Приспособление к Вашингтонской системе;
2. Требования пересмотра Вашингтонской системы;
3. Требование предоставления привилегий в Китае.

Тема 3. Развитие международных отношений и расстановка сил на мировой арене в 1930-е гг.

1. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. начало нового этапа в развитии международных отношений.
2. Проблемы международной безопасности и разоружения в годы мирового экономического кризиса
3. Образование новых очагов международной напряженности
4. Формирование «оси Берлин-Рим-Токио»
5. Самостоятельная работа

1. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. начало нового этапа в развитии международных отношений

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. положил начало новому этапу в развитии международных отношений. Этот этап характеризовался острыми межгосударственными конфликтами, образованием очагов военной опасности, крушением Версальско-Вашингтонской системы.

Стремительное нарастание негативных тенденций в международной жизни определялось следующими факторами:

1. Падение промышленного производства в результате кризиса (в развитых капиталистических странах в среднем на 44 %), сокращение мирового товарооборота (на 61 %), полное расстройство финансовой системы – все это привело к резкому обострению борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала, к торговым, таможенным и валютным войнам.

2. Последствием кризиса стало укрепление позиций праворадикальных организаций и движений, приход к власти в ряде капиталистических государств фашистских и милитаристских группировок, выдвигавших лозунги экспансии в качестве главного условия стабилизации внутривосточной обстановки и процветания страны.

3. Развитие международных отношений в предвоенное десятилетие в решающей степени зависело от расстановки сил и внешнеполитических действий великих держав. К середине 1930-х гг. сложились три центра мировой политики: блок агрессивных государств (Германия, Италия, Япония), коалиция западных демократий (Англия, Франция, США) и Советский Союз. Каждый из этих центров имел свои стратегические и тактические цели на международной арене, применяя соответствующие методы для их достижения.

Проигравшая войну «униженная и оскорбленная» Германия и считавшие себя «побежденными среди победителей» Италия и Япония в 1930-е гг. стремились не только к полной ликвидации Версальско-Вашингтонской договорной системы, но и к установлению мировой (Германия) и региональной (Италия и Япония) гегемонии, подчинение и порабощение других стран и народов. В качестве идеологического обоснования экспансионистского курса выдвигались расовые, социал-дарвинистские и геополитические теории: о «превосходстве арийцев и арийского политического гения», о «естественном отборе» и «выживании наиболее приспособленных» рас и наций, о необходимости завоевания «жизненного пространства», о «воссоздании Великой Римской империи», об «эмансипации и процветании азиатских народов» под руководством Японии. Таким образом, внешнеполитические устремления нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии представляли собой угрозу не только для соперничавших с ними великих держав, но и для всей мировой цивилизации.

Если в 1920-е гг. планы ревизии Версальско-Вашингтонских постановлений осуществлялись средствами дипломатии, то с 1931 г. дипломатические методы стали соче-

таться с масштабными военными акциями. Чрезвычайно важной особенностью политики государств «фашистского триумvirата» стало активное использование в своих интересах «советского фактора», антикоммунистических настроений правящей элиты Запада. Руководящие деятели Германии, Японии и Италии постоянно подчеркивали, что их страны являются надежным оплотом в борьбе с «красной опасностью», побуждая тем самым западные правительства идти навстречу своим все возрастающим экспансионистским требованиям.

Другой центр международной политики – гаранты Версальско-Вашингтонской системы. Логика развития межгосударственных отношений подсказывала, что именно эта коалиция должна была жестко противостоять блоку агрессивных государств. Однако правительственные круги Англии, Франции и США избрали курс, направленный на «умиротворение» агрессоров.

Политика «умиротворения» берет свое начало в 1920-е гг., когда Великобритания, Соединенные Штаты и (в меньшей степени) Франция шли на серьезные уступки Германии, активно содействовали восстановлению ее экономического потенциала, чтобы превратить Германию в мощный и устойчивый противовес Советскому Союзу и локализовать германский реваншизм на восточном направлении. В 1930-е гг. в политике держав-«умиротворительниц» произошли два качественных изменения:

1. Под давлением блока агрессивных государств западные демократии добровольно перешли от частичной модернизации основ Версальско-Вашингтонской договорной системы к поэтапной сдаче своих принципиальных позиций, зафиксированных в Парижских и Вашингтонских соглашениях.

2. Уступчивость Запада перешла от сдерживания к поощрению агрессии. Поскольку речь шла о фашизме и его борьбе за мировое господство, политику «умиротворения» нельзя охарактеризовать иначе, как политику недалководидную и ущербную.

Каковы же были причины этого курса правительств западных держав?

1. Определенную роль сыграли пацифистские настроения общественности, стремление избежать новой кровопролитной войны, «упрочить мир и международную безопасность».

2. Желание использовать умиротворяемые державы в борьбе с «коммунистической угрозой». Причем в отличие от предшествовавшего периода правительственные круги Запада рассматривали Германию и Японию уже не просто в качестве противовеса Советскому Союзу, а как вооруженную силу готовую к схватке с большевизмом.

3. Сравнить СССР и фашистские государства, дожидаться, пока они обескровят друг друга, и тем самым не только обеспечить свою собственную безопасность, но и укрепить свое главенствующее положение на мировой арене.

Откровенно определил содержание этой политики «главный умиротворитель» премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен: «Для нас, разумеется, стало бы наилучшим исходом, если бы эти бешеные псы – Гитлер и Сталин – сцепились и разорвали друг друга». Стратегический просчет «западных миротворцев» 1930-х гг. состоял в явной недооценке глобальной угрозы фашизма. Поэтому объективно политика «умиротворения» способствовала усилению блока агрессивных государств и ослаблению международных позиций западных демократий.

4. Глубокие противоречия в рамках самой «демократической коалиции» (например, англо-американские разногласия на Дальнем Востоке). Искусно играя на этих противоречиях, страны фашистского блока получали возможность беспрепятственно осуществлять свои внешнеполитические цели.

Руководство СССР придерживалось внешнеполитической концепции, в которой сочетались идейно-классовые и геостратегические установки:

1. Изображение капиталистического окружения «сплошь враждебным» по отношению к «первому в мире социалистическому государству», а фашизма – «одной из разновидностей империализма»;

2. Следование ленинскому указанию о превращении будущей империалистической войны в войну гражданскую и о «расширении базиса социализма за счет умножения числа советских республик».

Наиболее резкой критике в современной исторической литературе подвергается сталинский вывод об отсутствии принципиального отличия между фашистскими государствами и буржуазными демократиями. Действительно, положение о том, что Советскому Союзу противостояли «два одинаково реакционных блока», неправомерно принижало угрозу фашизма, которую он представлял для всей мировой цивилизации.

Обе стороны – советское руководство и правительственные круги Запада – недооценивали фашистскую опасность. Обе стороны ставили знак равенства: первая – между фашизмом и демократиями, вторая – между фашистской и коммунистической угрозой. Все это свидетельствовало о том, что Советский Союз в 1930-е гг. действовал в русле общепринятых великими державами «правил игры».

Несмотря на устрашающие революционные декларации, приоритетная роль во внешнеполитической доктрине СССР отводилась обеспечению собственной безопасности и укреплению международных позиций за счет использования «межимпериалистических противоречий». И.В. Сталин и другие советские руководители, называли эти противоречия «непримиримыми и антагонистическими», подчеркивали, что они «гораздо сильнее противоречий межформационных» и потому именно они «чреватые новой мировой войной». Предполагалось, что империалистическая война приведет к истощению всех капиталистических держав, и в результате к победе мировой социалистической революции. Еще в 1925 г., выступая на Пленуме ЦК ВКП(б), И.В. Сталин четко определил важнейшую стратегическую задачу внешней политики СССР: «Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, нам придется выступить, но выступить последними». Сочетание классовых и геостратегических установок, как это ни противоречиво звучит, обусловило и антифашистский курс Советского Союза в первой половине 1930-х гг., и его сближение с фашистской Германией в конце предвоенного десятилетия.

Таким образом, различные стратегические цели, преследуемые великими державами, разделили их на три политических центра. В этом трехстороннем соперничестве и должны были решаться судьбы мира.

Первостепенное значение для развития международной обстановки имело и соотношение сил между ведущими державами, сравнительные характеристики их экономического и военно-промышленного потенциала. Великий кризис и последующее восстановление экономики привнесли существенные изменения в силовую структуру межгосударственных от-

ношений. В сравнении с предвоенным 1913 г. уровень промышленного производства Франции составил в 1938 г. 115 %, Англии – 117, Соединенных Штатов – 142, Германии – 150, Италии – 200, Японии – 571, Советского Союза – 254 %. Удельный вес в мировом производстве промышленных товаров определялся следующими показателями: Франция – 6,0 % (в 1913 г. – 8,4), Англия – 10,0 (13,6), США – 26,5, Германия – 11,8 (11,8), Италия – 3,0, Япония – 4,5, СССР – 5,6 %. Приведенные цифры позволяют прийти к следующим заключениям.

1. Блок агрессивных держав существенно опережал своих соперников в темпах экономического роста. Львиная доля их бюджетов (от 40 до 60 %) направлялась на военные нужды, они целеустремленно создавали материальную базу глобальной вооруженной схватки за новый передел мира.

Вместе с тем не следует преувеличивать мощь стран агрессивного блока. Англия, Франция и США сохраняли свои стратегические преимущества в сырьевых ресурсах, уровне развития промышленности (42,5 % мирового промышленного производства против 19,3 у Германии, Италии и Японии), колониальных владениях (66,8 % общей территории колоний против 8,7). Названные преимущества свидетельствовали о том, что западные державы обладали достаточной мощью для обуздания агрессии.

2. В предвоенный период значительно укрепились экономические позиции Советского Союза. Успешное претворение в жизнь планов социалистической индустриализации позволило СССР удвоить свой промышленный потенциал и выйти к 1940 г. на 2-е место в мире по валовому объему производства и на 4-е – по выпуску готовой продукции после США, Германии и Англии. С 1935 г. стал осуществляться переход к кадровой системе комплектования Красной Армии,

численность которой за пять лет возросла в три раза. Вместе с тем в социально-экономическом и политическом развитии СССР проявились и крайне негативные тенденции: массовые репрессии, крупные просчеты в управлении промышленностью, оборонным производством и особенно сельским хозяйством. Все это подрывало авторитет советского государства, отрицательно сказывалось на международном положении. Однако очевидные достижения в экономике, решении социальных проблем, усилении военного могущества способствовали сохранению за Советским Союзом статуса влиятельного мирового центра.

В июле-августе 1935 г. в Москве состоялся VII Конгресс Коммунистического Интернационала, обсудивший вопросы усиления «борьбы за единство рабочего класса против фашистской агрессии и империалистической войны». Коминтерн принял решения о создании единого и народного антифашистского фронта, о мерах по предотвращению мировой войны, о самостоятельности национальных компартий и др. Большое значение имели установки Конгресса, связанные с оценкой международного положения. В докладе генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова проводилась разграничительная линия между фашистскими и демократическими государствами; утверждалось, что война против фашизма, независимо от того, кто ее будет вести, по своему характеру станет войной справедливой; главной задачей коммунистических партий является объединение со всеми антифашистскими силами, в том числе и с силами буржуазной демократии.

Однако эти программные установки (и прежде всего ее центральное положение о единстве антифашистских действий) так и не были полностью реализованы, что объяснялось целым рядом причин:

1. Традиционными противоречиями и взаимной подозрительностью, существовавшими между социал-демократами и коммунистами;
2. Негативным отношением демократической общественности Запада к сталинской диктатуре;
3. Широкомасштабной антикоммунистической пропагандой;
4. Изменениями во внешней политике СССР в конце 1930-х гг.

Главным последствием раскола левых сил состояло отсутствие серьезной преграды на пути фашистской агрессии.

Столь же ограниченную роль в международной жизни тридцатых годов играло пацифистское движение. В мае 1932 г. известные французские писатели А. Барбюс и Р. Роллан выступили с воззванием о проведении Всемирного антивоенного конгресса, который состоялся в Амстердаме в августе того же года. Амстердамский конгресс принял Манифест и избрал Международный комитет борьбы против новой мировой войны. В 1933 г. в Париже в зале Плейель собрался Европейский антифашистский рабочий конгресс, на котором был создан Антифашистский центральный комитет. Вскоре два комитета объединились, образовав единый руководящий орган движения «Амстердам-Плейель». В сентябре 1936 г. в Брюсселе был созван Конгресс мира. На нем присутствовали 4,5 тыс. делегатов из 35 государств. Брюссельский конгресс разработал Программу под названием «Мир в опасности. Мы должны его спасти». Эта Программа состояла из четырех пунктов:

1. Нерушимость мирных договоров;
2. Сокращение вооружений;
3. Укрепление Лиги наций;
4. Создание системы коллективной безопасности в Европе.

Однако, несмотря на известные успехи в организационном оформлении и пропагандистской деятельности, паци-

фистское движение 1930-х гг. не смогло превратиться в действенный фактор мировой политики.

Причины обусловившими весьма скромное место пацифизма в системе международных отношений:

- 1.Отсутствие массовой социальной базы;
2. Разногласия по вопросам практического осуществления программных установок;
3. Пестрота партийно-политических воззрений и пристрастий;
- 4.Преобладание морально-нравственного осуждения агрессии над реальными шагами по ее предотвращению.

Таковы были главные силовые компоненты и основные тенденции международного развития в критический период от Великого кризиса до Второй мировой войны.

2. Проблемы международной безопасности и разоружения в годы мирового экономического кризиса

В условиях всеобщего экономического кризиса обострились торгово-финансовые отношения капиталистических стран. Наиболее конфликтными оказались вопросы, касавшиеся военных долгов, таможенных тарифов и валютных операций.

Летом 1931 г. президент США Г. Гувер, сославшись на критическую финансовую ситуацию в мире, предложил ввести годичный мораторий на выплату репараций и международных государственных долгов. Правительства европейских стран с готовностью поддержали это предложение, после чего пришли к выводу: если можно не возвращать долги один год, зачем уплачивать их вообще.

На Лозаннской конференции 1932 г. было принято решение о приостановке выплаты германских репарационных платежей. Вслед за этим европейцы потребовали от Соединенных Штатов аннулировать все долговые обязательства

времен мировой войны (к этому времени вместе с процентами они составляли более 22 млрд долл.; на долю Англии приходилось 11,1, Франции – 5,8, Италии – 2,4 млрд). Главный аргумент заключался в том, что погашение военных долгов зависело от бесперебойной выплаты Германией репараций европейским должникам США. Следовательно, за отменой одних платежей должно последовать упразднение и других. Вашингтонская администрация признала доводы своих бывших союзников «злонамеренными», а американская пресса – «большевистскими», напомнив тем самым, как поступило с задолженностью Российской империи советское правительство. Г. Гувер выступил с заявлением о том, что необходимо выполнять финансовые обязательства при любых обстоятельствах и что никакой связи между германскими репарациями (которые США никогда не получали) и военными долгами (которые они надеялись вернуть) не существует. Президентские заявления не произвели на Европу никакого впечатления. В 1932–1933 гг. Англия, а вслед за ней еще 19 государств Старого Света прекратили долговые выплаты США. Верность своему долгу сохранила лишь Финляндия, обязавшаяся уплатить 9 млн долл., что составляло 0,05 % общеевропейской задолженности.

В Вашингтоне готовились к мощному контрудару. Его нанес новый президент США Ф.Д. Рузвельт. В 1930–1933 гг. между Америкой и Европой шла настоящая торговая война. За этот период таможенные тарифы по обе стороны Атлантического океана возросли на 30–40 %. Ситуация усугублялась тем, что великие державы и малые европейские страны отменили золотой стандарт своих валют. В результате инфляция приобрела галопирующий характер, тарифная политика ужесточалась, а конкурентная борьба за рынки еще более усилилась. Поэтому вопросы стабилизации национальных валют

и торговых тарифов превратились в наиважнейшие проблемы международных финансово-экономических отношений. Именно эти вопросы и стали центральной темой обсуждения на Всемирной экономической конференции, открывшейся в Лондоне в июне 1933 г.

В работе конференции приняли участие делегации 54 стран. Главной целью встречи был поиск путей совместного и согласованного выхода из кризиса. Понятно, что успех или неудача Лондонского форума во многом зависели от позиции Соединенных Штатов, остававшихся ведущей промышленной и финансовой державой мира. В этот момент США и провели свою «акцию возмездия» в отношении бывших должников. 3 июля 1933 г. Ф.Д. Рузвельт заявил, что не намерен идти на уступки европейским государствам по валютным и тарифным вопросам. Тем самым американский президент «торпедировал» работу конференции, которая вскоре была закрыта, так и не приняв каких-либо значимых решений.

Приведенные примеры показывают, насколько острыми в этот период стали межгосударственные противоречия в сфере экономики и финансов. Что касается политических и военных проблем, то они вызывали еще больший накал страстей.

На европейском континенте, как и в 1920-е гг., центральное место занимал германский вопрос. Воспользовавшись занятостью западных держав кризисной ситуацией, правительственные круги Веймарской республики активизировали свою политику, направленную на ревизию Версальского договора. Они действовали последовательно, добиваясь отмены репарационных статей, затем военных ограничений и, наконец, территориально-политических постановлений. Эту внешнеполитическую программу стало претворять в жизнь правительство Генриха Брюнинга, пришедшее к власти вес-

ной 1930 г. Г. Брюнинга пресса называла «красивым и изящным канцлером», а не менее изящного посла Франции в Берлине Андре Франсуа-Понсэ – «диким шовинистом, прибегающим к приемам иезуитов». В отличие от Г. Штреземана, Г. Брюнинг, плохо разбиравшийся в дипломатических хитро-сплетениях, применял методы шантажа и демонстративного неподчинения Версальским распоряжениям. Ответная реакция западных демократий носила двойственный характер: с одной стороны, отпор наиболее грубым нарушениям Парижских соглашений, но, с другой стороны, все более явственное отступление к политике «умиротворения».

Первую пробу сил на дипломатическом фронте Германия провела весной 1931 г., заключив с Австрией соглашение о создании двустороннего таможенного союза, что означало т. н. «холодный аншлюс», т. е. подчинение экономики Австрийской республики без силового захвата ее территории. Действия Германии осудили Англия, Франция, Италия и ряд других европейских государств, выступивших с официальными протестами. По инициативе французского правительства вопрос был передан на рассмотрение Гаагского Международного Суда, который в сентябре 1931 г. аннулировал германо-австрийское соглашение как несовместимое с Версальским и Сен-Жерменским договорами.

Правительство Г. Брюнинга сознательно шло на такую авантюру, понимая, что потерпит поражение, но угроза аншлюса должна была подвигнуть Запад на новые «миротворческие» уступки. Так и произошло. Осенью 1931 г. с «миссией мира» в Берлин прибыл премьер-министр Франции Пьер Лаваль. Это было первое со времен Берлинского конгресса 1878 г. посещение главой французского правительства германской столицы. Переговоры не дали никаких результатов. Причиной

тому стала жесткая позиция Г. Брюнинга, который в ответ на предложения «дружбы и сотрудничества» потребовал предоставления Германии займа в 1 млрд марок в качестве материальной основы возможного «сближения». Прагматизм канцлера свидетельствовал о том, что германское правительство было намерено и впредь следовать своему «ревизионистскому» курсу и оказывать все более мощное давление на «умиротворителей».

Через несколько месяцев наступательная тактика Германии принесла ей первый крупный успех. Как уже говорилось выше, в июне 1932 г. на конференции в Лозанне Веймарская республика была освобождена от выплаты репараций. Перед открытием и в ходе работы конференции новый премьер-министр Франции Э. Эррио в обмен репарационных платежей пытался добиться со стороны Германии «политической компенсации» – «обязательства не поднимать вопроса о дальнейшем пересмотре Версальского договора в течение 15–20 лет». Однако германская делегация наотрез отказалась рассматривать французское предложение, а представители США «умиротворенно» ее в этом поддержали.

В начале 1930-х гг. высокопоставленные немецкие политики во главе с Г. Брюнингом неоднократно заявляли о необходимости упразднении военных постановлений Версаля. Для достижения поставленной цели германская дипломатия использовала трибуну конференции по разоружению.

Всемирная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Лиги Наций, открылась 2 февраля 1932 г. в Женеве. Ее председателем был избран известный дипломат, бывший министр иностранных дел Англии Артур Гендерсон. В работе форума приняли участие представители 63 государств.

Программы по разоружению, представленные великими державами, были направлены на обеспечение не всеобщей, а своей собственной безопасности за счет ограничения военной мощи потенциальных противников. Однако на самой конференции были выдвинуты и принципиально новые идеи и концепции.

Проект Французской республики, изложенный в «плане А. Тардьё» и в т. н. «конструктивном плане Э. Эррио – Ж. Поль-Бонкура», предусматривал создание под эгидой Лиги Наций организации европейских государств, связанных между собой пактами о взаимопомощи. Для предотвращения и подавления агрессии эта организация должна была располагать вооруженными силами, боевое оснащение которых превосходило бы национальные армии. Стратегический замысел французского правительства – добиться консолидации европейских стран формально под началом Лиги Наций, а фактически под руководством Франции. Поэтому большинство делегаций во главе с представителями Англии отвергли французский план как «нереальный».

В программе Великобритании центральное место занимало требование сокращения сухопутных сил до максимального уровня в 200 тыс. человек и полного запрещения подводного флота. Французская пресса в этой связи справедливо отмечала: «На Женевской конференции Англия выдвинула грандиозный план разоружения Франции». И действительно, в случае его реализации Французская республика должна была сократить свою армию в пять раз и лишиться самой мощной в мире эскадры подводных лодок. Большой общественный резонанс вызвала вторая часть британского проекта – «план премьер-министра Дж. Р. Макдональда». В нем излагалась концепция «качественного разоружения»,

разработанная в 1920-е гг. английским военным теоретиком Б. Лиддел-Гартом. Суть этой концепции заключалась в том, что объектом сдерживания и ограничения вооружений становились не все, а лишь наступательные виды оружия, которые могли быть использованы для агрессивных войн.

«План Г. Гувера», с которым выступили Соединенные Штаты, по своему содержанию был очень близок к программе Англии. Делегация США выдвинула предложение «увеличить сравнительные силы обороны путем уменьшения силы нападения». Американский вариант «качественного разоружения» предполагал ликвидацию танков, тяжелых артиллерийских орудий, бомбардировочной авиации и химических боеприпасов. Предусматривалось общее сокращение мировых вооружений на 30 %, включая надводный военно-морской флот (что, конечно же, встретило решительное возражение Великобритании). Следует отметить, что англо-американская концепция «качественного разоружения» являлась крупным вкладом в военную теорию и могла стать реальной основой для принятия конструктивных решений.

Самую радикальную программу «всеобщего и полного разоружения» огласила делегация Советского Союза. Проект СССР был охарактеризован как «фантастический» и «оторванный от международных реалий». В ответ в советской прессе резко усилилась пропагандистская кампания, направленная на разоблачение «женевских миротворцев» и «доживающего последние дни буржуазного пацифизма». В угаре беспощадной критики «женевского фарса» (отметим в скобках, отчасти справедливой) советская дипломатия допустила явный просчет, категорически отказавшись признать принципы «качественного разоружения».

Другой впечатляющей инициативой СССР стал проект Декларации об определении нападающей стороны. Особая значимость этой инициативы была обусловлена тем, что в основополагающих международных документах, включая Устав Лиги наций, отсутствовала четкая и юридически доказательная формула, которая не позволяла бы оправдывать агрессию мирными устремлениями. К тому же в условиях усиливавшейся напряженности в межгосударственных отношениях такое определение становилось и весьма актуальным.

6 февраля 1933 г. на пленарном заседании Женевской конференции советская делегация предложила считать агрессором любое государство, которое 1) объявит войну другому государству; 2) вторгнется на его территорию без объявления войны; 3) осуществит нападение на иностранные суда или самолеты; 4) установит блокаду побережья; 5) будет поддерживать банды, действующие на территории другого государства, и не примет вопреки его требованиям меры по пресечению подобной деятельности. В советском определении нападающей стороны были указаны не только акты, которые должны рассматриваться как агрессивные, но и перечислялись 16 известных в международной практике вымышленных поводов для оправдания агрессии. Впоследствии даже самые последовательные противники большевистского режима на Западе признавали, что предложенный СССР проект Декларации мог бы стать исходной базой для переговоров о создании системы коллективной безопасности. Однако и эта советская идея была благополучно похоронена: документ одобрили, но в качестве приложения к Международному договору о сокращении и ограничении вооружений, который так и не удалось принять.

На Женевской конференции рассматривался также «плана Г. Брюнинга». Его содержание сводилось к краткой, но

емкой формуле: либо все великие державы разоружаются до уровня Германии, либо Германия получает право на довооружение и военный паритет. Это был настоящий ультиматум, подкрепленный угрозой ухода с конференции в случае отрицательной на него реакции. Расчет строился на том, что дипломатический шантаж в сочетании с политикой «умиротворения» западных демократий принесет желаемые результаты. Так и случилось. По инициативе Англии и Соединенных Штатов в декабре 1932 в Женеве прошло совещание, на котором было выработано компромиссное решение, зафиксированное в «Декларации пяти держав» (Великобритании, США, Франции, Италии и Германии). Декларация признавала за Германией «равноправие в вооружениях в рамках системы, обеспечивающей безопасность всем народам при условии международного контроля». Германское правительство таким образом добилось новых значительных уступок Запада. Сам текст документа содержал настолько расплывчатые формулировки, что позволял трактовать его по-разному. Германия выделяла в нем слово «равноправие», а Франция – «безопасность» и «контроль». Германская делегация, уповая на поддержку англо-саксонских держав и ссылаясь на свое понимание Декларации, потребовала предоставления права на создание запрещенных Версалем видов вооружений и немедленное (а не через восемь лет, как предлагал Р. Макдональд) увеличение численности постоянной армии до 200 тыс. человек. Оценив эти требования как чрезмерные, Франция ответила категорическим отказом. Правительство Германии, возглавляемое А. Гитлером, получило повод для давно запланированного демарша: 14 октября 1933 г. немецкая делегация покинула Женевскую конференцию. Гитлер произнес по радио 40-минутную речь, в которой заявил, что он не допустит, чтобы

Германию «третировали как бесправное и второразрядное государство».

Эти события свидетельствовали о том, что Германия резко усиливала свой натиск на западные демократии, а последние, отступая под ее натиском.

Женевская конференция прекратила свою работу летом 1934 г. Конкретным результатом ее деятельности стало одобрение резолюций, соответствовавших концепции «качественного разоружения»: о запрещении применения отравляющих газов, бактериологической войны, бомбардировочной авиации, о необходимости существенного сокращения всех видов наступательных вооружений. Однако какой-либо всеобъемлющей программы по реализации поставленных целей принять не удалось. Ход конференции и ее неутешительные итоги в язвительной форме описал У. Черчилль в своей речи, которую он назвал «Басней о разоружении»: «Однажды все звери в зоологическом саду решили разоружиться и организовали конференцию, которая должна была это осуществить. Открывая конференцию, носорог заявил, что употребление зубов – варварство; рога же, являющиеся в основном оборонительным оружием, конечно, должны быть разрешены. Буйвол, олень, дикобраз заявили, что они будут голосовать вместе с носорогом. Но лев и тигр заняли иную позицию, защищая зубы и даже когти, служащие почетным оружием с незапамятных времен. Льва и тигра поддержали пантера, леопард, пума и племя малых кошек. Затем слово взял медведь. Он предложил, чтобы ни зубы, ни рога никогда более не использовались в драке ни одним зверем; совершенно достаточно, если зверям будет позволено в случае ссоры хорошенько сжать друг друга в объятиях. Кто может возражать против этого? Это так по-братски; это будет великим шагом на пути к миру. Однако

всех других зверей очень задело предложение медведя, а индюшка даже впала в панику. Дискуссия стала такой накаленной, и все звери, спора относительно мирных намерений, которые свели их вместе, настолько сосредоточились на мыслях о рогах, зубах и зажимах, что стали поглядывать друг на друга с крайним озлоблением. К счастью, служители сумели успокоить их и развели по клеткам».

Всемирный форум не оправдал возлагавшихся на него надежд, что объяснялось возросшей конфликтностью в международных отношениях, наращиванием военного потенциала «ревизионистскими» государствами, противоречиями великих держав в решении проблем безопасности и разоружения.

Международная обстановка, сложившаяся в период кризиса, характеризовалась следующими особенностями:

- переплетением разнообразных проблем: финансово-экономических, европейских и дальневосточных, унаследованных от «эры пацифизма» и принципиально новых.

- компромиссное решение этих проблем было чрезвычайно затруднено по причине обострения межгосударственных противоречий и фактического отказа правительственных кругов ряда стран от пацифистской политики, намечался отход от уже найденных в 1920-е гг. компромиссов.

3. Образование новых очагов международной напряженности

В начале 1930-х гг. в развитии послевоенных международных отношений произошли качественные изменения, связанные с переходом от дипломатической к силовой ревизии Версальско-Вашингтонской системы. Первый шаг в этом направлении сделала Япония. Главным объектом агрессии стал Северо-Восточный Китай.

Идеологические обоснования экспансии (паназиатская доктрина) и стратегические планы ее осуществления («Меморандум генерала Г. Танаки») были разработаны в 1920-е гг. В 1931 г. Япония приступила к их практической реализации. Выбор времени для масштабной вооруженной акции нельзя назвать случайным. Он был обусловлен факторами как внутривнутриполитического, так и международного характера. Мировой кризис нанес сокрушительный удар по экономике Японии и усилил экспансионистские тенденции и ее внешней политике. Экономические потрясения в Стране Восходящего Солнца были столь значительными, потому что Япония в отличие от других капиталистических государств в огромной степени зависела от внешнего рынка (37 % производимой продукции вывозилось за границу) и фактически полностью – от поставок основных видов сырья. Резкое сокращение мирового товарооборота, торговые и тарифные войны – все это приводило к обострению не только финансово-экономической, но и внутривнутриполитической ситуации в стране. Стремительно возрастало влияние милитаристских группировок, предлагавших «перспективный» и сравнительно легкий выход из создавшегося положения – экспансию. Армия превращалась в самодовлеющую силу, которая вышла из-под контроля правительства, а затем и подчинила себе гражданские властные структуры. Политическая власть трансформировалась в государственную систему авторитарно-милитаристского типа.

В 1931-1933 гг. Япония захватила Маньчжурию (историческое название Северо-Восточного Китая, сохранившееся с XVII в. – со времен существования государства маньчжуров). Маньчжурия представляла собой экономически наиболее развитый район Китая. Здесь были сконцентрированы основные отрасли добывающей промышленности, 70 % железных

дорог и около 40 % внешнеторгового оборота Китая. К концу 1920-х гг. Япония, расширяя свои концессионные права, сосредоточила под своим контролем практически все экономические ресурсы Южной Маньчжурии. Эта территория рассматривалась также как удобный плацдарм для дальнейшего продвижения во внутренние районы Китая. И, наконец, традиционно Маньчжурия считалась сферой влияния Российской империи, а затем СССР (северная часть) и Японии (южная часть). Интересы западных держав оценивались как малозначительные. Такая расстановка сил давала возможность японским правительственным кругам изображать свою агрессию «антибольшевистским походом» и тем самым рассчитывать если не на благоприятное, то на снисходительное отношение к ней «цивилизованных государств» Запада.

Инициативу в развязывании военных действий взяли на себя офицеры Квантунской армии, расквартированной на арендованной китайской территории Гуандун (по-японски – Квантун). Поводом к началу боевых операций послужил т. н. «мукденский инцидент». В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г., согласно официальной японской версии, на принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороге китайцы совершили «диверсионный акт», взорвав рельсы недалеко от города Мукдена (Шэньяня). На место взрыва были приглашены британский военный атташе и корреспонденты, которым показали трупы двух убитых китайских солдат, готовивших диверсию. Англичанин отметил, что он видел много странностей со стороны маньчжурского командования, но не верит, чтобы оно направило для подготовки взрыва пехотинцев, а не саперов. Через несколько часов вновь приглашенным журналистам и ошарашенному английскому атташе продемонстрировали тела тех же солдат, но уже переодетых в саперную фор-

му. Впоследствии, когда комиссия Лиги наций проводила расследование японо-китайского конфликта, ее уведомили, что через 20 минут после «взрыва» по поврежденному участку железной дороги проследовал экспресс. Был вызван «очевидец» – японский лейтенант Кавамото, который доходчиво объяснил иностранным экспертам, что взорвали один рельс и поезд покачнулся, но затем, устояв, поехал дальше. Каким бы смехотворным ни казался «мукденский инцидент», но ровно через час после «диверсии» Квантунская армия приступила к широкомасштабным боевым действиям.

Необъявленная война Японии в Северо-Восточном Китае продолжалась всего лишь 3,5 месяца. Завершив операции по захвату Маньчжурии, приступила к планомерному «обживанию» региона, превращая его в свою полуколонию (за два года японцы построили здесь более 1000 км стратегических железных дорог, 40 аэродромов, около 100 промышленных предприятий). Япония превращалась в континентальную державу. Стремясь облагородить открыто империалистические действия, японская пропаганда изображала их «меры по оказанию помощи маньчжурскому народу в реализации права на самоопределение». В доказательство этих «благородных устремлений» 9 марта 1932 г. было провозглашено образование независимого государства Маньчжоу-Го (в переводе с китайского «Маньчжурская империя»). Главой нового государства стал свергнутый революцией 1911–1912 гг. последний император из Цинской династии М. Генри Пу И. 15 сентября 1932 г. Япония первой (что вполне объяснимо) признана Маньчжоу-Го, подписав с Пу И соглашение о продлении пребывания японских войск для защиты безопасности Маньчжоу-Го.

Такова была хроника событий, которые привели к возникновению очага войны на Дальнем Востоке.

В реакции западных держав на эти события выделялись два момента, существенно ограничивавших противодействие агрессии: политика, направленная на «умиротворение» Японии, и серьезные разногласия в решении дальневосточных проблем.

Соединенные Штаты официально осудили нападение Японии на Северо-Восточный Китай. 7 января 1932 г. государственный секретарь Г.Л. Стимсон направил японскому и китайскому правительствам ноты, положения которых позднее получили известность как «доктрина Стимсона». Согласно этой доктрине США отказывались признавать любые территориальные и политические изменения, противоречащие принципам «открытых дверей» и «равных возможностей», договорным правам Соединенных Штатов или их граждан в Китае. Но США не шли дальше юридического непризнания последствий японской агрессии и не предлагали никаких ответных мер.

Великобритания, придерживаясь выработанного в 1920-е гг. курса, продолжала лавировать между США и Японией, между политикой «открытых дверей» и политикой «сфер влияния». Однако в условиях японской экспансии тактика лавирования была равнозначна прямому поощрению агрессора. Министр иностранных дел Англии Дж. Саймон в ряде своих выступлений заявлял, что «Япония лучше, чем кто-либо соблюдает в Маньчжурии принцип «открытых дверей» и поэтому Великобритания будет применять по отношению к ней исключительно дружелюбно-примирительные методы». Это заявление главы Форин-офиса удивляли даже самих японцев.

Близкую к английской позицию занимало и правительство Франции. Особые симпатии агрессия Японии в Северо-Восточном Китае вызвала у французских военных. Начальник генерального штаба армии генерал М. Вейган охарактери-

зовал ее как «попытку укрепить устои цивилизации на Востоке в борьбе против большевизма».

Таким образом, споры между западными державами шли не о том, как противодействовать японской экспансии, а о том, какой из вариантов политики «умиротворения» является наиболее приемлемым.

В решении дальневосточной проблемы большие надежды возлагались на Лигу наций. 21 сентября 1931 г. китайское правительство обратилось в международную организацию с официальной жалобой на агрессивные действия Японии. Совет Лиги наций в сентябре, октябре и декабре того же года принял три резолюции почти идентичного содержания, призывавшие прекратить вооруженные столкновения и отвести войска с занятых территорий. В этих постановлениях японская агрессия осуждалась лишь косвенно, ответственность за возникновение очага военной опасности разделялась поровну. Если первая резолюция была одобрена единогласно, против второй голосовал лишь один японский представитель, то третья оказалась настолько «нейтральной», что за нее отказался голосовать и китайский делегат. Единственным позитивным моментом в декабрьской резолюции стала статья о создании Исследовательской комиссии под руководством британского дипломата лорда В.Р. Литтона. Комиссии Литтона поручалось изучить положение дел на месте и дать рекомендации Лиги наций для принятия ею окончательного решения. В октябре 1932 г. комиссия представила свой доклад. В целом, в нем содержалась реалистическая оценка ситуации в Северо-Восточном Китае: констатировалось, что Япония совершила агрессию, нарушив Устав Лиги наций, договор «деяти держав» и пакт Бриана–Келлога; подчеркивалось, что Маньчжурия является неотъемлемой составной частью Ки-

тайской республики, хотя Япония и имеет здесь «особые интересы»; государствам – членам Лиги наций рекомендовалось не признавать Маньчжоу-Го; предлагалось созвать международную конференцию для определения статуса маньчжурской территории (либо возвращение Китаю, либо ее интернационализация). Глава японской делегации Мацуока (по совместительству работавший директором Южно-Маньчжурской железной дороги) категорически отверг все выводы и предложения международных экспертов, заявив, что проблема Маньчжурии – это «дело жизни и смерти для его страны».

«Доклад Литтона» (после его доработки в специально созданной Комиссии 19-ти) лег в основу резолюции, принятой Чрезвычайной сессией Ассамблеи Лиги наций 24 февраля 1933 г. Несмотря на жесткие формулировки, в нем отсутствовали какие-либо упоминания о применении санкций против Японии как «страны-агрессора». Тем не менее японское правительство в знак протеста против такого решения 27 марта 1933 г. объявило о своем выходе из Лиги наций. Тем самым оно «уведомило» мировую общественность, что будет продолжать свою экспансионистскую политику на Дальнем Востоке.

Весной 1933 г. Квантунская армия вступила во Внутренний Китай – сферу влияния западных держав. Последовали энергичный протест США и вялые представления Англии и Франции. Политика «умиротворения» в очередной раз продемонстрировала свою несостоятельность в сдерживании агрессии.

Образование очага войны на Дальнем Востоке непосредственно затрагивало интересы безопасности Советского Союза, имевшего с Северо-Восточным Китаем самую протяженную сухопутную границу в 3,5 тыс. км. Именно в это время в правительственных кругах Японии стали разрабатываться планы нападения на Советский Союз, о чем свидетель-

ствуют материалы Токийского процесса над главными японскими военными преступниками, проходившего в 1946–1948 гг. Генерал Минами, занимавший пост министра обороны в 1930–1931 гг., заявил на процессе: «Маньчжурия рассматривалась как военная база в случае вооруженного столкновения с СССР». Генеральный штаб японской армии в начале 1930-х гг. уточнил план подготовки к войне, по которому из 30 формирующихся дивизий 24 предназначались для ведения боевых действий против Советского Союза.

С началом японской агрессии в дальневосточной политике СССР произошли существенные изменения. Особое внимание уделялось вопросам укрепления региональной обороноспособности страны: осенью 1931 г. было принято решение о строительстве тихоокеанского флота, увеличилась численность советских вооруженных сил на Дальнем Востоке, активизировалось хозяйственное освоение района. Однако сил для отражения возможного нападения было явно недостаточно. Поэтому столь большое внимание придавалось дипломатическим средствам и методам.

Несмотря на повторявшиеся время от времени декларации о солидарности с КПК и Китайской революцией, идейно-классовая мотивация дальневосточной политики Советского Союза отошла на второй план. Главенствующее место во внешнеполитических планах партийно-государственного руководства СССР заняли геостратегические установки. Выделялись две основные задачи: 1) нормализовать отношения с Китайской республикой, оказывать ей посильную помощь в противодействии японской агрессии, представлявшей угрозу и для Советского Союза; 2) не допустить прямого вооруженного столкновения с Японией, втягивания СССР в японо-

китайскую войну и в интересах сохранения мира идти на определенные уступки японскому правительству.

Главным препятствием на пути смягчения напряженности в советско-японских отношениях являлась проблема КВЖД. Япония, сосредоточив войска на границе, постоянно устраивала провокации на КВЖД – все это заставило Советский Союз вступить в переговоры о продаже железной дороги. Они продолжались с мая 1933 по 1935 г. и завершились подписанием соглашения о выкупе КВЖД Японией за 140 млн иен (47,5 млн золотых руб.), что было гораздо ниже ее реальной стоимости. Показательно, что в 1930–1931 гг. центральное правительство Китая предлагало иену в 225 млн руб. И тогда глава советской делегации Л.М. Карахан, аргументируя свой отказ, заявил: «Это дешевле, чем на слом». Иными словами, Советский Союз «подарил» Японии Китайско-Восточную железную дорогу в обмен на юридически не оформленный отказ японского правительства от вооруженного нападения. Продав КВЖД, СССР лишился весьма прибыльного предприятия, а его политико-экономическое влияние в регионе фактически было сведено к нулю. Однако стратегический выигрыш компенсировал и превзошел тактический проигрыш. Советский Союз реализовал свои главные геополитические цели, нормализовал отношения с Китайской республикой и сняв угрозу войны с Японией.

Таким образом, формально и СССР, и западные демократии проводили на Дальнем Востоке политику «умиротворения». Отличие состояло в том, что Запад, имея возможность пресечь агрессию, направлял ее на Советский Союз, а СССР, не имея такой возможности, обеспечивал путем уступок свою безопасность и одновременно содействовал обострению «империалистических противоречий». В этом контексте со-

ветская дипломатия переиграла дипломатию западную, сохранив позиции СССР как самостоятельного центра дальневосточной и мировой политики.

Еще более напряженная обстановка складывалась в это время в Европе.

30 января 1933 г. президент Веймарской республики Пауль фон Гинденбург поручил формирование нового правительства лидеру национал-социалистской партии Адольфу Гитлеру. С приходом нацистов к власти в Германии образовался очаг военной опасности в центре европейского континента.

В отличие от других националистических партий, ограничивавшихся требованиями ликвидации Версальской системы и восстановления довоенного статуса «Великой Германии», гитлеровцы шли гораздо дальше, выдвигая лозунги расового превосходства арийцев и мировой гегемонии «третьего рейха». Название «третий рейх» должно было подчеркнуть преемственность «великой нацистской Германии» с «первым рейхом» – Священной Римской империей и со «вторым» – империей, созданной О. фон Бисмарком.

А. Гитлер еще в «Майн кампф» подверг беспощадной критике программные установки германских националистов: «Требование о восстановлении границ 1914 г. – это политический вздор таких масштабов и последствий, которые делают его государственным преступлением».

Во внешнеполитических планах национал-социалистов были четко определены тактические и стратегические цели, временная последовательность и методы их достижения.

На первом этапе в качестве важнейших выдвигались задачи «освобождения» Германии от военных ограничений Версаля и создание материальной базы будущей экспансии,

а также приобретение союзников и упрочение международного положения рейха. На этой стадии предполагалось, используя политико-дипломатические средства изолировать Францию, которую Гитлер называл «наследственным врагом Германии»; достичь компромисса с Англией – лидером среди держав-«умиротворительниц»; добиться поддержки со стороны Италии в расчете на общую неприязнь к творцам Версальской системы.

Гитлер считал первую, «подготовительную фазу», наиболее сложной и ответственной. В своем выступлении перед генералитетом 3 февраля 1933 г. он заявил: «Самое опасное время – период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выяснится, имеет ли Франция государственных деятелей».

На втором этапе главной задачей было «собрание немецких земель» и образование «единого блока из 100 млн немцев, т. е. упразднение территориальных статей Версальского договора. Для успешной реализации поставленной цели планировалось сочетание дипломатических мер с угрозой применения военных средств. Как на первой, так и на второй стадии особые надежды нацистское руководство возлагало на политику «умиротворения» западных демократий и на эффективное использование «советского фактора». Гитлер так объяснял суть избранной тактики: «Мне придется сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия – последний оплот против красного потопа».

Третий этап предусматривал уничтожение Франции, «завоевание жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация», сокрушение Англии и захват ее колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы».

Следует отметить, что нацистское руководство исходило из необходимости последовательного и пунктуального продвижения к конечным целям. В этом смысле А. Гитлера можно назвать гениальным тактиком и стратегом, если такой эпитет применим к «преступнику номер один XX столетия». Английский промышленник и дипломат Г. Вильсон справедливо отмечал: «Гитлер вовсе не сумасшедший маньяк, а очень умный и расчетливый политик. Он знает, куда бить и когда бить».

Практическая реализация нацистской внешнеполитической программы в значительной степени зависела от желания и возможностей Запада оказать сопротивление фашизму. Однако Англия, Франция и Соединенные Штаты продолжали свою политику «умиротворения» воодушевившись заявлениями А. Гитлера о том, что и Германия стремится к «миру и международному сотрудничеству». 17 мая 1933 г. в рейхстаге А. Гитлер произнес двухчасовую речь, в которой выступил против изменения границ в Европе, за всеобщее разоружение и европейскую безопасность. Свое выступление он закончил следующими словами: «Сегодня может существовать лишь одна задача – обеспечение мира во всем мире». Так был положено начало «политике мнимого миролюбия», или «великой мистификации А. Гитлера», продолжавшейся с 1933 по 1935 г.

На закрытых совещаниях А. Гитлер разъяснял свою позицию кратко и откровенно: «Только призывы к миру и никаких территориальных требований, – пока не станем сильными». Тем не менее сторонники политики «умиротворения» получили дополнительный повод для все новых уступок фашистской Германии.

Одним из важных направлений этой политики стало «широкомасштабное» финансирование «третьего рейха». Если за шесть лет действия «плана Дауэса» Германия получила

от западных держав кредиты и займы на сумму в 21 млрд марок, то за первые четыре года существования нацистского режима – 27 млрд.

В политической сфере первым значительным шагом на пути «умиротворения» германского фашизма явилось подписание в Риме **15 июля 1933 г. пакта «согласия и сотрудничества», или «пакта четырех»** (Англии, Франции, Италии и Германии). Идею заключения четырехстороннего соглашения одновременно выдвинули Р. Макдональд и Б. Муссолини. Его участники обязались:

1. «Сотрудничать в решении всех политических и неполитических, европейских и неевропейских вопросов»;

2. За Германией признавалось равенство в вооружениях, которое могло реализовываться «постепенно посредством переговоров с другими подписавшими договор державами» (устанавливался четырехлетний «испытательный срок», во время которого германские власти должны были продемонстрировать отказ от «реваншистских намерений»).

Таким образом, фашистская Германия включалась в сообщество великих держав и получила юридическую основу для ремилитаризации. По существу, это была первая попытка сговора западных демократий с германским фашизмом. Именно поэтому «пакт четырех» не был ратифицирован Национальным собранием Франции и английским парламентом. Свое негативное отношение к договору выразили малые европейские государства и, прежде всего, участники Малой Антанты.

А. Гитлер получил повод для решительных действий. Заявив об «антигерманских акциях» западных держав, он объявил 14 октября 1933 г. об уходе с конференции по разоружению и 19 октября о выходе Германии из Лиги Наций. Этот

демарш знаменовал переход нацистского руководства от «обороны к нападению», что должно было подвигнуть западные демократии на более существенные уступки «третьему рейху».

В 1934 г. гитлеровское правительство усилило свое давление на Запад. 26 января в Берлине было подписано германо-польское соглашение о «ненападении и взаимопонимании». Тем самым Германия нанесла мощный удар по французской системе безопасности в Европе. Польша, считавшаяся самым верным из восточноевропейских союзников Франции, шла на сближение с германским фашизмом, что существенным образом изменяло европейский баланс сил в пользу нацистской Германии. Министр иностранных дел Польской республики Юзеф Бек, в кабинете которого висели фотографии Гитлера и Муссолини с их автографами, стал подчеркивать особую важность партнерских, а в перспективе и союзнических отношений с «третьим рейхом».

В июле 1934 г. австрийские нацисты подняли путч, во время которого был убит канцлер Энгельберт Дольфус, известный как непреклонный противник аншлюса. Впоследствии выяснилось, что в разработке плана государственного переворота приняло участие германское посольство в Вене. Не случайно, что сразу же после убийства канцлера путчисты обратились за помощью к А. Гитлеру. Путч в Австрии провалился. Причиной тому стали не миротворческие усилия Англии и Франции, а решительные действия Б. Муссолини, который рассматривал Австрию, как и весь Дунайский район, сферой итальянского влияния. Еще в марте 1934 г. по инициативе дуче был заключен итало-австро-венгерский пакт – т. н. «Римские протоколы», гарантировавшие статус-кво в регионе, в том числе и неприкосновенность границ Австрии. Получив

сообщение о событиях в Вене, Б. Муссолини приказал направить к итало-австрийской границе три дивизии. В результате А. Гитлер, не желая идти на конфликт Италией, не откликнулся на «призывы о помощи» венских нацистов, мятеж был быстро подавлен. В своем стремлении добиться улучшения германо-итальянских отношений фюрер в какой-то мере демонстративно отозвал из Вены замешанного в организации заговора немецкого посланника Рита, а затем выдал австрийскому правительству бежавших в Германию участников покушения.

«События в Вене» свидетельствовали о том, что «духовное родство» германского нацизма и итальянского фашизма не снимало существовавших между ними серьезных противоречий. В эти годы Б. Муссолини проводил политику «критической сдержанности» в отношении Германии. Называя Гитлера «фигляром», «ужасным сексуальным дегенератом» и «опасным типом», дуче в одной из своих речей так прокомментировал расовые теории германских нацистов: «Три тысячелетия истории позволяют итальянцам с величественным равнодушием взирать на известные доктрины, пропагандируемые по ту сторону Альп, разработанные потомками тех людей, которые в дни Цезаря, Вергилия и Августа еще не знали грамоты». Подобные высказывания Муссолини, равно как и его практические действия во время «австрийского кризиса», показывали насколько актуальной для гитлеровского руководства являлась задача превращения Италии из «критически настроенного» соперника в потенциального союзника.

9 октября 1934 г. в Марселе был совершен еще один крупный террористический акт. Хорватские боевики из националистической фашистской организации Усташе, возглавляемой Анте Павеличем, застрелили югославского короля Александра I Карагеоргиевича и французского министра ино-

странных дел Луи Барту. На первый взгляд никакой связи между «Австрийским кризисом» и «Марсельским убийством» не существовало. В действительности скрытыми связующими звеньями являлись Австрия и фашистская Германия. В сентябре 1934 г. один из самых выдающихся дипломатов своего времени, активный сторонник создания системы европейской безопасности Л. Барту выступил с проектом договора Франции, Италии и Малой Антанты, который коллективно гарантировал бы независимость Австрийской республики. Важным шагом в реализации этого замысла и должен был стать визит короля Югославии в Париж.

Вскоре выяснилось, что террористы из Хорватии получали деньги и оружие из Германии, и что накануне покушения боевиков, поселившихся под видом туристов в парижском отеле «Пале д'Орсэ», посетил сотрудник германского посольства, да и сама операция носила кодовое название, весьма далекое от хорватских традиций, – «Гевтонский меч». И хотя прямая причастность Германии к покушению так и не была доказана, ответ на главный вопрос следствия «кому это выгодно?» у многих современников не вызывал сомнений.

В 1935 г. А. Гитлер приступил к жестким односторонним действиям по ликвидации Версальской системы. 16 марта 1935 г. фюрер объявил о введении в рейхе всеобщей воинской повинности и намерении сформировать 36 армейских дивизий численностью в 550 тыс. солдат и офицеров (вместо семи, разрешенных Версальским договором). Неделий раньше из Берлина пришло уведомление о создании «полноценных» военно-воздушных сил. Немецкие газеты воодушевленно сообщали: «Отныне смыт позор поражения!», «Первый большой шаг на пути к упразднению Версаля!». Комплектование вермахта имело два важнейших международных последствия:

Германия приобретала вооруженные силы для будущей агрессии, войны за «жизненное пространство» и передел мира; формировалась качественно новая основа для переговоров с Западом, которому противостояла держава, значительно усилившая свой военный потенциал.

Возмутившись столь грубым нарушением Версальских постановлений, главы правительств Англии, Франции и Италии собрались на совещание в итальянском городе Стресе. 14 апреля после четырехдневного обсуждения германского вопроса три державы заявили нацистскому правительству коллективный решительный протест и пригрозили общим противодействием подобным нарушениям. В прессе появился новый, напоминавший военные сводки термин – «фронт Стрезы».

Мировая общественность ждала сильнейших энергичных мер по обузданию реваншистских устремлений германских нацистов. И ответные меры последовали незамедлительно, но по своему характеру прямо противоположными тем, которые ожидались. 18 июня 1935 г. в Лондоне был заключен англо-германский Морской договор. Стороны избрали датой подписания соглашения 120-ю годовщину победы британцев и пруссаков над французами в битве при Ватерлоо. Великобритания фактически давала «добро» на отмену тех статей Версальского договора, которые предусматривали ограничение морских вооружений Германии. В обмен на такую «уступку» германская сторона обязалась, что ее надводный флот не будет превышать по тоннажу 35 %, а подводный – 45 % английских военно-морских сил. В тексте договора содержалась оговорка о том, что в «особых случаях», например при участии Германии в войне против государства, «враждебного Англии», допускалось полное равенство подводных флотов двух стран. Норма в 35 % означала, что «владычица мо-

рей» разрешала «третьему рейху» увеличить военно-морские силы в 5,5 раз, иметь флот, равный французскому, и обеспечить его господство в Балтийском море. Неслучайно А. Гитлер назвал 18 июня 1935 г. «самым счастливым днем своей жизни». Поставивший свою подпись на документе Иоахим фон Риббентроп, бывший торговец спиртными напитками, человек весьма ограниченных способностей, раболепствующий перед фюрером, вернулся в Берлин «национальным героем» и «великим государственным деятелем». «Выдающаяся дипломатическая победа» А. Гитлера была отмечена вручением ему в Нюрнберге точной копии меча Карла Великого.

Политическое значение англо-германской сделки было несравненно большим, нежели ее конкретное содержание. Англия ликвидировала «фронт Стрезы» через два месяца после его образования, парализовав сопротивление нацистскому натиску. Министр иностранных дел Англии Джордж Саймон накануне переговоров заявил: «Ради сотрудничества с Германией Великобритания сделает все, что в ее силах». Премьер-министр Стенли Болдуин откровенно объяснял тактику умиротворяющих Германию уступок: «Нам всем известно желание немцев, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на Восток. Если бы он двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Заключение англо-германского договора органично вписывалось в это незагадочное объяснение политики «умиротворения».

Результатом Морского соглашения стало стремительное наращивание Германией своего военно-промышленного потенциала. В 1935–1936 гг. началось строительство четырех линкоров, 85 крейсеров и эсминцев, 100 подводных лодок;

было произведено 8300 самолетов – в три раза больше, чем в Англии; вступило в строй 160 крупных военных заводов.

Успешно решив вопросы «довооружения», гитлеровское правительство приступило к «урегулированию» территориально-политических проблем. Первоочередными считались две: принадлежность Саарской области и статус Рейнской зоны. В январе 1935 г. на плебисците 90 % жителей Саара проголосовали за его включение с состав «третьего рейха».

«Рейнский вопрос» оказался гораздо более сложным. Положение о демилитаризации Рейнской зоны являлось базовым в Версальском и Локарнском договорах. Нацистское руководство понимало, что путем дипломатических переговоров эту проблему не разрешить. Поэтому в мае 1935 г. был разработан план военной акции под кодовым названием «Шулунг» («Учение»). Расчет строился на внезапности задуманной вооруженной провокации, а также на проверенной временем уступчивости версальских «миротворцев». Поводом к операции послужило подписание 2 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимопомощи, который А. Гитлер объявил несовместимым с Локарнскими соглашениями и освобождающим его от обязательств по поддержанию демилитаризованного статуса Рейнской области.

7 марта 1936 г. три германских батальона вошли в демилитаризованную Рейнскую зону. А. Гитлер впоследствии отмечал, что если бы Франция направила навстречу немцам 13 дивизий, расположенных у франко-германской границы, то «нам пришлось бы с позором и бранью отступить, так как мы не могли оказать даже слабого сопротивления». Однако ожидаемой решительной реакции не последовало. Французский генеральный штаб высказался против вооруженного столкновения с Германией. Вместо военных действий, предусмотрен-

ных Рейнским гарантийным пактом, Франция начала новый переговорный процесс, пригласив локарнские державы на совещание в Париж. 10 марта участники совещания направили германскому правительству очередной решительный протест, к которым А. Гитлер стал уже привыкать.

Тем не менее французское правительство, которое рассматривало «Рейнскую акцию» Германии как непосредственную угрозу национальной и европейской безопасности, продолжало настаивать на международном противодействии фашизму. На открывшейся 14 марта 1936 г. в Лондоне специальной сессии Совета Лиги Наций Франция предложила свою программу выхода из «Рейнского кризиса» – т. н. «план А. Леже» (назван по имени его автора – генерального секретаря французского МИДа). Этот план исходил из необходимости применения к Германии экономических и политических санкций, которые приведут не только к финансово-экономической блокаде нацистского режима, но и к его международной изоляции, что вынудит А. Гитлера очистить Рейнскую зону и восстановить статус-кво. Францию поддержали лишь Советский Союз и Румыния. Как и предполагалось, в качестве «адвоката Германии выступила Великобритания. Ее представитель доказывал, что вторжение вермахта на Рейн не является «оккупацией чужой территории», а всего лишь «восстановление Германией своих суверенных прав». В результате 19 марта 1936 г. Совет Лиги Наций принял краткую, всего в восемь строк резолюцию, которая констатировала нарушение Германией статьи 43-й Версальского и статьи 4-й Локарнского договоров. Таким образом, «план Леже» был отклонен, а вместо санкций «третий рейх» вновь получил словесное осуждение, агрессивный акт фашизма остался безнаказанным.

«Рейнский кризис» имел важные последствия для международных отношений 1930-х гг.:

1. Были сметены военно-политические устои Версальской системы. А. Гитлер, выступая с речью в Гамбурге 21 марта 1936 г., декларировал: «Победа на Рейне уничтожила дух Версаля»;

2. Соотношение сил изменилось в пользу фашистской Германии;

3. Малые европейские страны все более разочаровывались в политике «умиротворения», считая, что ни Англия, ни Франция не смогут обеспечить их безопасность. Бельгия, один из самых надежных партнеров Франции, осенью 1936 г. расторгла с ней военный союз, заключенный в 1920 г., и провозгласила нейтралитет.

4. Версальские державы стали пересмотреть свои стратегические планы, о чем свидетельствовало подписание 19 марта 1936 г. англо-французского соглашения о взаимопомощи. Однако этот договор не вносил существенных корректив в политику «умиротворения».

5. Нацистское руководство Германии пришло к твердому убеждению в реальности и достижимости поставленных целей как дипломатическими, так и военными средствами.

26 августа 1936 г. А. Гитлер подписал секретный Меморандум, в котором излагались внешнеполитические планы на ближайшую и отдаленную перспективу. В заключительной части документа содержались краткие выводы: «Итак, я ставлю следующие задачи: 1) германская армия через четыре года должна быть приведена в боевую готовность; 2) экономика Германии через четыре года должна быть готова к войне». Секретный Меморандум Гитлера положил начало новому этапу в развитии внешней политики германского фашизма – эта-

пу непосредственной подготовки к большой войне за мировое господство.

3 октября 1935 г. фашистская Италия начала военную операцию по захвату Эфиопии. Цели агрессии: укрепить стратегические позиции Италии в Средиземном море с последующим превращением его в «итальянское озеро»; создать колониальную империю из Эфиопии, Эритреи и Итальянского Сомали и покончить с «унизительным неравенством» в правах на колонии; овладеть природными ресурсами эфиопской территории, что должно было обеспечить «достойное развитие» экономики Италии. Итальянская пресса убеждала общественность, что без новых колониальных владений «Италия будет конченной страной» и что Эфиопия – это «пистолет, направленный в сердце Италии».

Пропагандистская кампания сопровождалась дипломатической подготовкой войны. Полагаясь на уступчивость западных демократий и их желание оторвать Италию от Германии, Б. Муссолини вступил в переговоры с французским премьер-министром П. Лавалем. В результате 7 января 1935 г. был подписан «Римский пакт», по которому Франция уступала Италии часть своих африканских колоний на подступах к Эфиопии и передавала итальянскому правительству 20 % акций единственной в этом регионе железной дороги Джибути – Аддис-Абеба. В секретном протоколе к соглашению была зафиксирована устная договоренность о «свободе действий Италии в отношении Эфиопии». Взамен Б. Муссолини обещал прекратить антифранцузскую пропаганду в Тунисе, сохранить версальский статус-кво в Дунайском бассейне и гарантировать вместе с Францией неприкосновенность австрийских границ. «Дипломатический обмен», совершенный в Риме, был не просто уступкой, а поощрением Францией агрессии ита-

льянского фашизма против Эфиопии. Впоследствии П. Лаваль признавал, что он «подарил Эфиопию Муссолини», аргументируя это следующим образом: «Лучше направить Италию в пустыни Африки, чем пустить ее на Балканы».

Два других «подарка» дуче получил от Англии и США. Летом 1935 г. британское правительство, которое Муссолини называл «кабинетом утомленных потомков многих поколений богачей», ввело эмбарго на экспорт оружия в Италию и Эфиопию. 31 августа того же года в США был принят Закон о нейтралитете, который запрещал поставки вооружений и военных материалов, а также их перевозку на американских судах в воюющие страны. Так зарождалась новая разновидность политики «умиротворения», но уже в условиях открытой агрессии фашизма – политика «невмешательства», или «нейтралитета». Поставив на одну доску агрессивные государства и их жертвы, западные демократии объективно способствовали фашистской экспансии, уклоняясь от более действенных мер в отношении первых и от оказания реальной помощи вторым. Когда император Эфиопии Хайле Селассие I обратился к США с просьбой о посредничестве в назревающем конфликте с Италией, из государственного департамента пришел ответ: «Посредничество практически неосуществимо».

Если правительства западных держав провозгласили вполне устраивавший Б. Муссолини строгий нейтралитет, то нацистское руководство пообещало нейтралитет «благожелательный». В сентябре 1935 г. Гитлер публично заявил: «Германия не будет принимать участия ни в каких санкциях против Италии, более того, я желаю Муссолини полного успеха». У фюрера были прагматические соображения – обеспечить ответную доброжелательность Италии к аншлюсу.

Развязывая войну, Б. Муссолини был уверен в победе. Итальянцы имели в своем распоряжении 500 самолетов и 300 танков, эфиопы – соответственно 7 и 5. В сражения с итальянскими моторизованными отрядами вступала эфиопская кавалерия, воины которой были вооружены копьями, охотничьими ружьями и винтовками образца 1895 г., сохранившимися со времен итало-абиссинской войны конца XIX в. (Абиссиния – старое и неофициальное название Эфиопии). Тем не менее «доблестная» и до зубов вооруженная итальянская армия в январе 1936 г. потерпела два поражения на севере и юге страны. В ответ Италия предприняла массированные бомбардировки городов, а весной 1936 г. применила отравляющие вещества. Варварские методы ведения военных действий привели к гибели 760 тыс. мирных граждан. Тактика геноцида позволила сломить сопротивление эфиопской армии, и 5 мая 1936 г. итальянские войска вошли в Аддис-Абебу. 9 мая Муссолини с балкона палатцо Венеция торжественно провозгласил образование «Империи на судьбоносных холмах Рима», а 1 июня объявил о создании из Эфиопии, Эритреи и Сомали колониального владения – Итальянской Восточной Африки.

Реакция западных демократий и Лиги Наций на итало-эфиопскую войну была по форме жесткой, но малоэффективной. 7 октября 1935 г. Совет Лиги наций признал Италию «государством-агрессором» и объявил о применении к ней санкций в соответствии со статьей 16-й Устава. Это решение было одобрено Чрезвычайной Ассамблеей, которая постановила создать Координационный комитет для разработки и проведения санкций. Казалось, что Лига Наций впервые в своей истории приступила к активным наступательным действиям против нарушителей международного порядка. Однако вскоре под давлением Англии и Франции началось отступ-

ление: объем санкционных мер был существенно ограничен. Координационный комитет принял постановление не применять военные санкции, а экономические и финансовые – «проводить постепенно» (вопреки статье 16-й). В список запрещенных для поставок Италии стратегических видов сырья не попали нефть, уголь, сталь и ряд других важных сырьевых материалов. К тому же такие державы, как Германия и США, не являвшиеся членами Лиги, увеличили свой товарооборот с Италией. Так, Соединенные Штаты в 1935–1936 гг. удвоили поставки нефти агрессору. Великобритания отклонила предложение о морской блокаде Италии и закрытии для ее судов Суэцкого канала, что могло стать существенным средством давления. В целом примененные к фашистской Италии финансово-экономические санкции в известной мере осложнили ее положение (итальянский экспорт сократился в 4,5, а импорт – в 3,5 раза) но их было явно недостаточно для прекращения войны. 4 июля 1936 г. Совет Лиги Наций отменил санкции, косвенно признав превращение в итальянскую колонию Эфиопии, которая была полноправным членом Лиги Наций.

Англия и Франция не ограничивали свою «миротворческую» деятельность рамками Лиги Наций. Всеобщее возмущение вызвала их инициатива по «мирному урегулированию» итало-эфиопского конфликта, зафиксированная в соглашении французского премьера Лаваля и английского министра иностранных дел С. Хора от 9 декабря 1935 г. «Пакт Лаваля – Хора» предлагал эфиопскому императору передать Италии треть территории подвластной ему страны в обмен на прекращение военных действий. Некоторые политические обозреватели предположили, что черновой вариант англо-французского соглашения «написан самим Муссолини». Новая акция «умиротворителей» носила столь неприглядный ха-

рактёр, что под давлением общественности и П. Лаваль, и С. Хор вынуждены были уйти в отставку.

Итало-эфиопская война имела исключительно важные международные последствия.

Во-первых, откровенно захватнические действия фашизма остались безнаказанными. Поэтому захват Эфиопии открыл собой целую цепь вооружённых конфликтов, приведших в конечном итоге к войне мирового масштаба.

Во-вторых, исход «эфиопского кризиса» нанес сокрушительный удар по престижу Лиги Наций, которая так и не смогла защитить от агрессии и порабощения суверенное государство.

В-третьих, результатом конфликта стало итало-германское сближение. А. Гитлер, стремясь добиться поддержки Италии в реализации своих планов в Австрии, отзывался о Б. Муссолини и его внешней политике только в превосходной степени. Поставив в своем рабочем кабинете бронзовый бюст итальянского лидера, фюрер в беседах с эмиссарами из Рима называл Б. Муссолини «ведущим государственным деятелем мира, с которым никто даже отдаленно не может сравниться». Дуче, по достоинству оценив высказывания А. Гитлера и позицию Германии во время итало-эфиопской войны, шел навстречу пожеланиям фюрера. В июне 1936 г. на пост министра иностранных дел Италии Б. Муссолини назначил своего зятя графа Галеаццо Чиано, известного сторонника сближения с Германией. Фашистские державы приступили к согласованию агрессивных действий.

С лета 1936 г. центр международной напряженности переместился на Пиренейский полуостров. В ночь на 18 июля радиостанция города Сеута (Испанское Марокко) передала в эфир сообщение, ставшее впоследствии знаменитым: «Над всей Испанией безоблачное небо. Никаких новостей». Эта

безобидная фраза явилась сигналом к мятежу против законно избранного правительства Народного фронта, который возглавил генерал Франсиско Франко – бывший начальник Главного штаба сухопутных войск, тесно связанный с правоконсервативными и фашистскими организациями Испании. Мятежного генерала поддержало около 80 % личного состава армии (420 тыс.), «иностранный легион» из 7 тыс. наемников, марокканские войска – 35 тыс. человек. Республиканские вооруженные силы насчитывали 30 тыс. солдат и офицеров – в 5,5 раз меньше противника. Однако мятежники не пользовались поддержкой народа, поэтому их выступление не имело сколь-нибудь серьезной и длительной перспективы. Тем не менее граждански война в Испании продолжалась 986 дней, в ней погибло более 700 тыс. человек и завершилась она победой Ф. Франко. Такой поворот событий объяснялся не военными преимуществами франкистов, а факторами международного характера: итало-германской вооруженной интервенцией и политикой «невмешательства» западных демократий.

Италия и Германия преследовали в Испании важные политические и стратегические цели:

1. Свержение «красного правительства» и установление в Испании профашистского режима, используя его в качестве орудия своей внешней политики;

2. Укрепление позиций фашизма на юге Европы и в Средиземном море и одновременное ослабление влияния в южном регионе континента Англии и Франции – главных потенциальных противников фашистских держав.

3. Обеспечить контроль над сырьевыми ресурсами Испании и испытать на практике тактические схемы применения вооруженных сил.

Помощь франкистам была весьма значительной: переброска войск мятежников из Марокко в Испанию на немецких самолетах К-52 и итальянских кораблях; поставки Италией оружия и военных материалов (около 1000 танков, 800 самолетов, более 2000 орудий); предоставление кредитов и займов (на сумму в 700 млн долл. от Италии и 200 млн долл. – от Германии); посылка 150 тыс. итальянских (сухопутные и танковые подразделения) и 9,5 тыс. немецких «добровольцев» (авиационный легион «Кондор»); осуществление морского контроля испанского побережья вплоть до нападения на торговые суда. Именно эта поддержка и обеспечила ставшему генералиссимусом Ф. Франко победоносное завершение гражданской войны. В 1940 г. А. Гитлер в беседе с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано так оценил вклад Италии, Германии в победу над испанскими республиканцами: «Без помощи наших стран не было бы сегодня никакого Франко».

Подчеркивая общность интересов итальянского фашизма и германского нацизма в Испании, следует отметить и одну особенность в подходе к испанской проблеме со стороны нацистского руководства. Оно исходило из принципа: чем дольше продлится конфликт в южной части Европы, тем благоприятнее будет обстановка в центральной ее части для осуществления акций по «собираанию немецких земель». 5 ноября 1937 г. Гитлер одним из секретных совещаний заявил: «Стопроцентная поддержка Франко с точки зрения Германии нежелательна. Напротив, мы заинтересованы в продолжении войны и в сохранении напряженности в Средиземноморье». Отсюда и более скромное в сравнении с Италией участие «третьего рейха» в оказании помощи мятежникам.

Итало-германская интервенция в Испанию превратила гражданскую войну в крупный международный региональный конфликт. Это было первое открытое столкновение сил демократии и мирового фашизма. На стороне Испанской республики сражалось более 42 тыс. добровольцев – интернационалистов из 54 стран мира. В боевых действиях интербригад и антифашистских батальонов участвовало более 10 тыс. французов (самый большой по численности отряд), 5 тыс. немцев и австрийцев, 4 тыс. американцев, 3,5 тыс. итальянцев, 3 тыс. англичан. Среди великих держав только СССР выступил в поддержку республиканского правительства Испании. Широкий международный резонанс получило обращение И.В. Сталина к генеральному секретарю испанской компартии Х. Диасу от 16 октября 1936 г., где говорилось: «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего прогрессивного человечества». Этот призыв «материализовался» не только в создании интербригад, но и в той существенной помощи, которую оказал СССР испанским антифашистам. Советский Союз поставил в Испанию около 400 танков, более 800 самолетов, 1,5 тыс. артиллерийских орудий, 15 тыс. пулеметов и другую военную технику; предоставил республиканцам кредит в 85 млн долл.; направил около 3 тыс. добровольцев, среди которых более 200 через несколько лет будут произведены в генеральские и маршальские звания. Опираясь на эту интернациональную поддержку, республиканская армия одержала ряд крупных побед в боях под Мадридом (октябрь–декабрь 1936), на Реке Харама (февраль 1937), под Гвадалахарой (март 1937 г.). Однако в 1938 г. военное превосходство фашистов становилось все более очевидным. Судьба Испанской республики бы-

ла predeterminedena. Огромную роль в победе франкистов сыграла политика «невмешательства».

Инициаторами проведения этой политики в отношении Испании стали французский премьер-министр Л. Блюм и глава британского правительства Н. Чемберлен. Л. Блюм был лидером социалистической партии Франции. Летом 1936 г. он возглавил правительство Народного фронта. 19 июля 1936 г. родственное по программным установкам правительство испанского Народного фронта обратилось за помощью к Французской республике. Премьер-министр Франции на следующий день телеграфировал: «Законное правительство дружественной страны, рожденное законными выборами, просит помощи, и наш моральный долг предоставить ему оружие. Кроме того, это совпадает с интересами Франции не допустить установления какой-либо формы фашизма на своих юго-восточных и восточных границах». Однако уже через две недели, видимо под давлением Англии, Л. Блюм выступил с предложением ко всем европейским странам запретить поставки вооружений в Испанию и строго придерживаться принципа «невмешательства». По поручению премьера французский МИД разработал «Декларацию о невмешательстве в дела Испании», известную также под названием «Испанский пакт». После одобрения пакта 27 европейскими государствами, в их числе Германия и Италия, он вступил в силу 24 августа 1936 г. Через день по инициативе Франции и при активной поддержке Англии в Лондоне был создан Комитет по невмешательству в испанские дела, в который вошли представители всех стран континента за исключением Испании и Швейцарии. 9 сентября на первом заседании Комитета его председателем избрали видного английского политического деятеля и

дипломата лорда И. Плимута. Так политика «невмешательства» получила юридическое и организационное оформление.

В теоретическом плане концепция «невмешательства» была вполне разумной, поскольку ее главная идея сводилась к локализации внутривосточного вооруженного конфликта, дабы он не перерос в общеевропейскую войну. Однако западные демократии вкладывали в эту концепцию иной смысл. Не принимая решительных мер против итало-германской интервенции, они на практике поощряли скрытую фашистскую агрессию и наносили «удар в спину» Испанской республике. Не случайно английский министр иностранных дел А. Иден в качестве важнейшей причины политики «невмешательства» называл «страх перед коммунистическим правительством Испании». Знаменитый лозунг «Лучше Гитлер, чем Народный фронт!» в краткой форме выражал суть концепции «невмешательства». В этом состоял главный, проявившийся уже в ходе испанских событий стратегический просчет западных держав, которые в борьбе с «большевистской опасностью» пытались использовать фашизм, представлявший угрозу для их собственной безопасности.

Что касается Комитета по невмешательству, то его деятельность свелась к бесконечным дискуссиям между послами в Лондоне и по совместительству главами делегаций Германии, Италии и Советского Союза И. фон Риббентропом, Д. Гранди и И.М. Майским. И. фон Риббентроп именовал Лондонский комитет «комитетом по вмешательству», поскольку основное занятие его членов заключалось в том, как «с большей или меньшей ловкостью оправдать или затушевать вмешательство своей страны в испанские дела». И. Майский от имени советского руководства сделал несколько представлений лорду И. Плимуту, в которых, указывая на продол-

жавшуюся итало-германскую интервенцию в Испании, заявлял: «Соглашение превратилось в пустую бумажку... Во всяком случае Советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения». Делегации Англии и Франции, а также малых европейских государств по очереди критиковали за вооруженное вмешательство то Италию и Германию, то Советский Союз, «забывая», что Москва оказывала помощь законно избранному правительству Испании, а Берлин и Рим – фашистским мятежникам.

В апреле 1938 г. между Б. Муссолини и Н. Чемберленом было достигнуто «джентльменское соглашение» (принятое в международной практике название договора, заключенного в устной форме). В обмен на признание Англией захвата Эфиопии и подтверждение права свободного прохода через Суэцкий канал итальянских судов, Италия принимала себя уникальное обязательство – отозвать своих «волонтеров» из Испании, но «после окончания гражданской войны». Тем самым Великобритания санкционировала продолжение итальянской агрессии вплоть до полного поражения республиканцев.

В июне 1938 г. французское правительство закрыло франко-испанскую границу и отказалось передать республиканской Испании заказанное и даже оплаченное ею оружие. С ноября 1938 г. Великобритания и Франция стали оказывать прямое давление на правительство Народного фронта, принуждая его прекратить сопротивление. В начале февраля 1939 г. английский флот захватил военно-морскую базу республики на острове Менорка и передал ее мятежникам. «Невмешательство», если выразиться корректно, носило весьма странные формы.

Не отставали от западноевропейских держав и США. 7 января 1937 г. Конгресс США дополнил Закон о нейтралитете статьями о запрещении вывоза вооружений и военных материалов в случае гражданской войны. Ф. Франко отреагировал с воодушевлением: «Это жест, который мы, националисты, никогда не забудем!». Завершающим аккордом политики «невмешательства» стало официальное признание Англией и Францией франкистского режима 27 февраля 1939 г. – за один месяц и один день до падения Мадрида. США признали генералиссимуса 1 апреля – через 16 часов после подавления фашистами последних очагов сопротивления.

Гражданская война в Испании, переросшая в затяжной региональный конфликт, занимает особое место в истории международных отношений новейшего времени.

Во-первых, эта война показала, что фашизм, используя благоприятные условия, которые создавала для него политика «умиротворения», реализовывал свои экспансионистские программы и не собирался останавливаться на достигнутом. Б. Муссолини в 1937 г. провозгласил: «После Испании Германия и Италия должны взяться за все страны по очереди». В широком международном плане исход «конфликта на Пиренеях» означал победу фашистских сил над силами демократическими, что вплотную приблизило человечество к решающей схватке глобального масштаба.

Во-вторых, если в период итало-эфиопской войны Лига Наций продемонстрировала, насколько неэффективны ее меры по пресечению агрессии, то в ходе «испанского кризиса» она была полностью отстранена от какого-либо участия в урегулировании конфликтной ситуации. Когда министр иностранных дел Испании Альварес дель Вайо потребовал применения

санкций к Италии и Германии в соответствии со статьей 16-й Устава, его поддержал лишь советский представитель.

В-третьих, гражданская война в Испании ускорила процесс итало-германского сближения, вступившего в фазу союзнических отношений. А это в свою очередь содействовало образованию тройственного военно-политического блока агрессивных держав.

4. Формирование «оси Берлин-Рим-Токио»

Формирование «оси Берлин-Рим-Токио» проходило в несколько этапов.

25 октября 1936 г. был подписан итало-германский Протокол о сотрудничестве, по которому:

1. Германия признавала захват Италией Эфиопии;
2. Разграничивались сферы влияния двух держав на Балканах и в Дунайском бассейне;
3. Согласовывались планы совместных действий в Испании и общая линия поведения в Комитете по невмешательству;
4. Итальянское правительство отказывалась от своей жесткой позиции в вопросе об аншлюсе.

Значение итало-германского договора заключалось в координации внешнеполитических программ и в геополитическом разделе Европы между двумя фашистскими державами: Б. Муссолини «получал контроль» над Средиземным морем, а Гитлер – безоговорочное право» на продвижение в восточном и юго-восточном направлениях.

Непосредственные выгоды от создания «оси Берлин-Рим» фюрер видел в устранении итальянского противодействия аншлюсу и в усилении противоречий между Италией и англо-французской коалицией в Средиземноморье и Северной Африке. Последний фактор сыграл решающую роль

в том, что Б. Муссолини отверг тактику лавирования между западными демократиями и «третьим рейхом», сделав свой окончательный выбор в пользу Германии. В итальянских правительственных кругах был изобретен специальный термин – проведение «параллельной политики», т. е. такой, которая должна совпадать с внешнеполитическим курсом германского руководства.

Ровно через месяц, 25 ноября 1936 г., представители Германии и Японии (И. фон Риббентроп и К. Мусянокодзи) заключили договор под названием «Соглашение против Коммунистического Интернационала». В опубликованной части «антикоминтерновского пакта» содержалось всего три статьи:

1. Стороны обязались «информировать друг друга о деятельности Коминтерна» и «вести борьбу с ним в тесном сотрудничестве»;

2. Германия и Япония заявляли, что они «обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа Коминтерна, принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему»;

3. Устанавливался 5-летний срок действия договора.

В секретном «дополнительном протоколе» предусматривалось, что «в случае неспровоцированной агрессии СССР против Германии или Японии стороны проведут консультации о «мерах защиты их общих интересов»; они не будут предпринимать шагов, которые «могут облегчить положение Советского Союза», а также обязуются не заключать с ним каких-либо политических договоров, «противоречащих духу настоящего соглашения».

Антисоветская направленность германо-японского пакта настолько очевидна, что не требует никаких комментариев.

Однако, несмотря на свое название, «антикоминтерновский» договор если не прямо, то косвенно был направлен и против западных демократий. При внимательном изучении документа можно выделить два существенных момента.

Во-первых, чрезмерно часто повторявшиеся фразы о «коммунистической угрозе» должны были заставить западные державы и прежде всего наиболее озабоченную «большевистской опасностью» Англию идти на новые уступки агрессивным державам как в Европе, так и в Азии. Через несколько лет И. фон Риббентроп разъясняя значение германо-японского договора, констатировал: «Антикоминтерновский пакт имел смысл как закладывающий ясную антибольшевистскую линию и преследовал намерение оказать давление на Англию, чтобы она урегулировала свои отношения с Германией благоумным образом».

Во-вторых, обращало на себя внимание и подчеркнутое указание на «общность интересов» и необходимость «совместных действий». Иными словами Германия и Япония обязались согласовывать свои агрессивные акции, используя «советский фактор» и поощряя политику «умиротворения» западных демократий.

Заключительным актом в образовании тройственного союза стало присоединение к «антикоминтерновскому пакту» Италии, о чем ее правительство заявило 6 ноября 1937 г. К этому времени Япония признала аннексию Эфиопии и высказалась в поддержку итало-германской политики в Европе, а Италия и Германия признали де-юре Маньчжоу-Го и солидаризировались с японским внешнеполитическим курсом в Азии.

Так возник блок Берлин-Рим-Токио, который Гитлер назвал «великим мировым треугольником». Его главной целью являлась борьба за насильственный передел мира, при-

крываемая антикоммунистическими лозунгами. С образованием союза агрессивных держав угроза войны и фашизма приобретала глобальный характер.

Уже в июле 1937 г. Япония развернула широкомащтабные военные действия против Китайской республики. Японская пресса сообщила, что китайцы убили семь солдат и одного офицера. Позже было внесено уточнение: китайские военные произвели по японцам семь выстрелов, и пропал без вести один японский солдат. Затем солдат нашелся, но к этому времени боевые операции шли уже полным ходом.

К концу 1938 г. в руках Японии оказались все крупные китайские города и порты, около 90 % промышленного потенциала и почти вся железнодорожная сеть Китая. Вне контроля японских военных властей оставались лишь сельские районы Поднебесной. Особенность агрессии Японии состояла в том, что ее правительство официально так и не объявило войну Китаю и даже поддерживало с Чан Кайши дипломатические отношения (до февраля 1938 г.). Поэтому в исторической литературе японо-китайскую войну 1937–1945 гг. иногда называют «странной войной наоборот», сравнивая ее с теми событиями, которые происходили на европейском континенте в 1939–1940 гг. Если в Европе война была объявлена, но не велась, то в Китае она велась, но не была объявлена.

Действия Японии нанесли «смертельный удар» по Вашингтонскому миропорядку. Оккупировав значительную часть китайской территории, включая основные центры сосредоточения западноевропейских и американских банков и фирм, японская военщина бросила открытый вызов западным демократиям и всему мировому сообществу.

Что касается правительств демократических государств, то они ограничились декларациями с резким осужде-

нием японской экспансии. Самой яркой из них стала знаменитая «карантинная речь» Ф.Д. Рузвельта, произнесенная 5 октября 1937 г. в Чикаго. Президент США призвал положить конец «международной агрессии» со стороны «существующих режимов террора», так как она приобретает общемировой характер. Сравнив ее с эпидемией заразной болезни, Ф.Д. Рузвельт предложил всем миролюбивым странам «установить карантин» против агрессивных держав. Американский президент отметил: «Политика невмешательства или нейтралитета не является спасением». Впервые из уст одного из лидеров западного мира прозвучу, критика в адрес политического курса, направленного на «умиротворение» агрессоров.

Однако практические действия США, как и других стран «демократии и свободы», не соответствовали их энергичным протестам. Соединенные Штаты не распространили Закон о нейтралитете на Японию, т. к. она не объявляла войну Китаю, и продолжали поставлять ей оружие и стратегические материалы. Достаточно сказать, что в начале японо-китайского конфликта на долю США приходилось 54 % стоимости всего импортируемого Японией сырья. Лишь в конце 1938 г. американский конгресс ввел эмбарго на ряд товаров, продаваемых Японии. Показательно, что англо-саксонские державы отвергли предложенный Советским Союзом проект Тихоокеанского пакта о взаимопомощи, который мог стать реальным средством пресечения японской агрессии на Дальнем Востоке. Гораздо дальше, чем США, в политике «умиротворения» Японии шла Великобритания. Впечатляющим доказательством тому стал англо-японский договор, подписанный в июле 1939 г. министром иностранных дел Японии Химека Арита и британским послом в Токио Робертом Крейги. В соответствии с «соглашением Арита-Крейги» Англия

обязалась не оказывать помощь Чан Кайши и давала «согласие» на пребывание японских войск в Китае в течение неопределенного времени в обмен на гарантии нейтралитета Японии в случае англо-германского конфликта. У. Черчилль назвал подобную «миротворческую» деятельность правительства Н. Чемберлена «сплошным идиотизмом». В условиях возраставшей угрозы непосредственным интересам западных держав их расчет на столкновение Японии с Советским Союзом, чем и обосновывалась политика «умиротворения», уже трудно было назвать сколь-либо разумным.

Лиги Наций в ответ на японскую агрессию приняла резолюцию, в которой выражалась «моральная поддержка» Китаю.

Японо-китайская война привела к активизации дальневосточной политики СССР. Стремясь не допустить военного столкновения с Японией, советское руководство в отличие от предшествовавшего периода стало оказывать гораздо более интенсивную помощь центральному правительству Китая. 21 августа 1937 г. в Нанкине был подписан советско-китайский договор о ненападении со взаимным обязательством не заключать соглашений, которые могли бы нанести ущерб другой стороне. С осени 1937 г. СССР осуществлял масштабные поставки оружия Чан Кайши (900 самолетов, 80 танков, 1 100 артиллерийских орудий, 10 тыс. пулеметов); в Китай были направлены 3 600 военных специалистов, которые принимали участие в боевых операциях (советские летчики и зенитчики сбили 986 японских самолетов); гоминьдановское правительство получило от Советского Союза кредит в 250 млн долл. (в сравнении с разрекламированным американским займом в 25 млн долл.). Важно, что все названные меры предпринимались без согласования с «коммунистическим лагерем Мао Цзэдуна», сторонников которого И.В. Ста-

лин пренебрежительно называл «маргариновыми коммунистами». Все это говорило о том, что геополитические установки во внешней политике СССР стали превалировать над идейно-классовыми.

С целью «предупредить» Советский Союз против «чрезмерной активности в Китае» японская военщина организовала крупную провокацию: 29 июля 1938 г. подразделения Квантунской армии вторглись на советскую территорию и овладели двумя сопками у озера Хасан. Десятидневные бои завершились изгнанием японцев с захваченных ими позиций. 10 августа была достигнута договоренность о прекращении военных действий. Потери убитыми и ранеными составили в Красной армии – 4100, а в Квантунской армии – 1400 человек. Оба государства объявили о своей победе. При этом Советский Союз имел в виду «успешное отражение агрессии», а Япония – «успешный предупредительный удар».

«События у озера Хасан» рассматривались партийно-государственным руководством СССР как доказательство правильности избранного им курса, направленного на поддержку Китая в тех пределах, которые позволят избежать широкомасштабного вооруженного столкновения с Японией. По этой причине Советский Союз отказывался от предложений Чан Кайши заключить договор о взаимопомощи. В сентябре 1938 г. после очередного призыва гоминьдановского правительства о совместных действиях против японских агрессоров СНК СССР направил ему ответ, который можно назвать образцом высокого дипломатического искусства. В этом послании говорилось, что Советский Союз «выступит войной» вместе с Китаем при следующих условиях: если Япония нападет на СССР; если Англия и США присоединятся к войне против Японии; если Лига наций обяжет СССР начать военные действия.

Иными словами, советское правительство корректно и по-дипломатически тонко отвергло попытки втянуть СССР в вооруженную борьбу с Японией, чего так добивались западные демократии, а всю ответственность за непринятие решительных мер против агрессора справедливо возлагало на те же самые демократии и созданную ими международную организацию.

5. Аншлюс Австрии и Мюнхенский договор

Не менее драматические события происходили на европейском континенте. Помимо продолжавшейся кровопролитной войны в Испании в 1938 г. разразились еще два острых международных кризиса: «австрийский» и «чехословацкий». Первопричиной обоих стало практическое претворение в жизнь нацистской программы «собираания немецких земель». На секретном совещании 5 ноября 1937 г. А. Гитлер определил главные внешнеполитические задачи Германии, назвав ближайшей и «безусловно необходимой» захват Австрии и Чехословакии, дабы «обеспечить фланги при возможном наступлении на запад».

Неудача с первой попыткой аншлюса, предпринятой в 1934 г. с помощью местных нацистов, заставила гитлеровское руководство провести тщательную дипломатическую подготовку окончательного решения «австрийской проблемы». Отсюда серия переговоров с Австрией, Италией и Англией.

В июле 1936 г. австрийский канцлер Курт фон Шушниг и германский посол в Вене Франц фон Папен подписали договор, в котором содержался параграф об обязательстве Австрии «руководствоваться в своей политике вообще и в отношении к Германской империи в частности тем принципом, что она признает себя немецким государством». В соответствии с секретным протоколом на австрийской территории разреша-

лась пропаганда нацизма и объявлялась амнистия членам нацистской партии. Перечень решенных вопросов позволяет сделать вывод о том, что уже в 1936 г. Австрия была «подготовлена» к аншлюсу. Для ее насильственного присоединения к «третьему рейху» сложились все необходимые предпосылки: превосходство вермахта над австрийской армией, активная деятельность «пятой колонны» нацистов во главе с Артуром Зейсс-Инквартом, прогерманские настроения значительной части населения страны, всепроникающая геббельсовская пропаганда «возрождения единой немецкой нации», сделавшая популярным лозунг «Один народ – одно государство – один фюрер!», экономическая зависимость Австрии от Германии. Оставалось лишь обеспечить аншлюсу благоприятные международные условия.

К весне 1938 г. была успешно решена задача номер один – преодолено сопротивление Италии. После заключения договора «Чиано–Риббентроп» и присоединения к «Антикоминтерновскому пакту» итальянское руководство постепенно смягчало свою позицию по вопросу «объединения немецких земель». Большую роль в итало-германском сближении сыграл визит Б. Муссолини в Германию в сентябре 1937 г. А. Гитлер устроил дуче королевский прием с многотысячными митингами и фейерверками, наградил его высшим немецким орденом, а также золотым партийным значком, который до того времени носил он один. Вернувшись в Рим, Б. Муссолини произнес несколько речей с похвальными словами в адрес фюрера и нацистской Германии. В одной из них он обронил фразу, процитированную всеми германскими газетами: «Мы не можем навязывать Австрии независимость». В начале марта 1938 г. дуче заявил посланцу А. Гитлера принцу Филиппу Гессенскому: «Австрия мне безразлична». Расчувствовавший-

ся А. Гитлер поклялся, что «никогда не забудет» великодушия фашистского лидера, добавив: «Теперь я заключу с Муссолини любое соглашение».

Как ни странно, но нейтрализация западных демократий потребовала от нацистской дипломатии немного усилий. В своей политике «невмешательства» Англия и следовавшая за ней Франция зашли уже настолько далеко, что отступить от нее не считали возможным. Дополнительным фактором, облегчавшим реализацию гитлеровских планов, стал приход к власти в Великобритании в мае 1937 г. правительства Н. Чемберлена. Н. Чемберлен, представитель семейства известных английских предпринимателей и политических деятелей, младший брат создателя Локарнского договорного комплекса Остина Чемберлена, вошел в историю как главный идеолог и последовательный сторонник курса на «умиротворение» фашистских агрессоров. Будучи человеком весьма ограниченных способностей, Н. Чемберлен, вознесенный волею судьбы на самую вершину власти, уверовал в свою гениальность. В отличие от С. Болдуина он лично руководил внешней политикой, хотя, по свидетельству Э. Идена, О. Чемберлен на правах старшего брата предупреждал его: «Невилл, ты должен помнить, что абсолютно ничего не смыслишь в международных делах». «Символичной прелюдией» назвала лондонская пресса решение Н. Чемберлена, принятое накануне переезда в резиденцию премьера на Даунинг-стрит, 10, передать свой дом на Итон-сквер в распоряжение германского посла И. фон Риббентропа. Язвительный Д. Ллойд Джордж, резко критиковавший дипломатию безудержных уступок фашизму, отмечал, что «политический кругозор Н. Чемберлена не возвышается над политическим кругозором провинциального фабриканта железных кроватей». Сам пре-

мьер-министр, обосновывая свою прогерманскую политику, доказывал: «Германия – это бешеный бык. Дело заключается не в том, чтобы посадить его в клетку, – это невозможно, а в том, чтобы направить его в другую сторону». У. Черчилль, продолжив эту зоологическую аллегория, констатировал: «Наш премьер думает, что он может ездить верхом на тигре».

В конце ноября 1937 г. в Лондоне прошла секретная встреча Н. Чемберлена с французским премьером Камилем Шотаном, на которой стороны договорились продолжать политику «невмешательства» в международные споры. В феврале 1938 г. Н. Чемберлен, выступая в парламенте, заявил, что Австрия «не может рассчитывать на поддержку Лиги наций». Таким образом, он вынес похоронный вердикт Австрийской республике. Тогда же А. Гитлер получил из Лондона еще одну «добрую весть». Посчитав, что политика «умиротворения» превзошла все допустимые пределы, подал в отставку министр иностранных дел Англии Э. Иден. Форин-офис возглавил Эдуард Галифакс, некоторые английские газеты называли его «наш нацистский министр» за его ярко выраженные симпатии к Германии.

Обеспечив с помощью Италии и западных демократий дипломатические тылы, А. Гитлер приступил к аншлюсу Австрии. 12 февраля 1938 г. он пригласил канцлера Курта Шушнига в свою горную резиденцию Берхтесгаден и предъявил ему ультиматум: легализация деятельности австрийских нацистов (партия была распущена в 1937 г. после обнаружения в ее Венской штаб-квартире документов о подготовке государственного переворота); установление германского контроля над внешней политикой Австрии; назначение А. Зейс-Инкварта министром внутренних дел и безопасности. По воспоминаниям очевидцев, А. Гитлер несколько раз произносил

фразу «Я вас раздавлю», а К. Шушниг отвечал по-военному: «Так точно». Австрийского канцлера заставили принять ультиматум. Встреча, как сообщала фашистская пресса, завершилась в «товарищеской атмосфере».

Австрийский канцлер, все еще надеявшийся на поддержку Италии и западных демократий, по возвращении в Вену назначил на 13 марта плебисцит по вопросу: хочет ли народ сохранить «свободную, независимую, христианскую и единую Австрию». Мгновенно Берлин направил канцлеру два беспрецедентных в дипломатической практике требования: отменить плебисцит и уйти в отставку. Началась, как позже вспоминал К. Шушниг, «четырёхнедельная агония». 11 марта, передав власть А. Зейсс-Инкварту, он объявил по радио о своей отставке: «Я вынужден уступить насилию во избежание напрасного кровопролития». В ночь на 12 марта в Австрию вошли германские войска. А. Зейсс-Инкварт «поработал» канцлером одни сутки. 13 марта фюрер подписал закон, по которому Австрия становилась «провинцией третьего рейха». Фарс «великого воссоединения немецких народов» завершился визитом А. Гитлера в Вену и его речью, в которой он присвоил бывшей Австрийской республике новое имя – «Остмарк». 10 апреля гитлеровцы устроили большое театрализованное представление, проведя одновременно в Германии и в ее «австрийской провинции» плебисцит по уже состоявшемуся аншлюсу. Процесс «свободного волеизъявления» проходил под контролем особо уполномоченных лиц и без кабинок для голосования. В результате за объединение в Германии проголосовало 99,08, а в Австрии – 99,75 % населения.

Реакция на аншлюс со стороны западных держав и Лиги Наций была вполне предсказуема. Англия и Франция ограничились формальными протестами. В своем ответе Лондону

(Париж не удостоился такого вообще) министр иностранных дел Германии Константин фон Нойрат в высокомерной и грубой форме заявил, что австро-германские отношения касаются исключительно немецкого народа, а не британского правительства.

17 марта 1938 г. на заседании Совета Лиги Наций лишь советский представитель нарком иностранных дел М.М. Литвинов предложил применить санкции против Германии, закончив свое выступление фразой, которая впоследствии была признана классической. «Завтра может быть уже поздно...». Этот призыв никто не поддержал, что позволило тому же М.М. Литвинову в сентябре 1938 г. произнести вторую классическую фразу: «Исчезновение европейского государства прошло незамеченным для Лиги Наций».

Захват Германией Австрии имел чрезвычайно важные стратегические последствия, из которых можно выделить два главных.

Во-первых, после аншлюса в Версальском договоре сохранилось лишь несколько «выборочных» статей, еще не нарушенных фашистской Германией; что касается Сен-Жерменского договора, то он перестал действовать вообще; Лига Наций превратилась в своего рода элитный клуб по обсуждению, а не решению, насущных политических проблем.

Во-вторых, германский фашизм добился еще более существенного перевеса сил в свою пользу. Присоединение Австрии означало, что территория «третьего рейха» увеличилась на 17 %, население возросло на 10 %, усилились его экономические позиции, в ряды вермахта влились девять «дополнительных» дивизий. Значительно улучшилось военно-стратегическое положение Германии, которая получила удобный выход в Юго-Восточную Европу, окружила с трех сторон

Чехословакию и могла обойти ее главную оборонительную линию в Судетах. Последнее обстоятельство оценивалось нацистским руководством как благоприятное условие для успешного решения очередной программной задачи – военно-политического «урегулирования чехословацкой проблемы».

Предусматривалось поэтапное наступление на Чехословакию:

– на первой стадии – расчленение страны путем отторжения от нее Судетской области с преимущественно немецким населением;

– на второй – «изоляция Словакии и оккупация Чехии».

Уже в апреле 1938 г. Гитлер поручил начальнику штаба верховного главнокомандующего генерал-фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю подготовить соответствующий план, который был утвержден 30 мая под кодовым названием «Грюн» («Зеленый план»). Для достижения поставленной цели предполагалось применить два средства: давление на Чехословакию извне (пропаганда об «угнетении немецкого национального меньшинства», концентрация войск на германо-чехословацкой границе, угрозы вооруженного нападения), а также использование «пятой колонны» – судето-немецкой партии во главе с Конрадом Генлейном. А. Гитлер лично инструктировал К. Генлейна; ему поручалось выступать с требованиями такого статуса судетских немцев, который был бы неприемлем для чехословацкого правительства и привел бы к конфликту. При разработке плана «Грюн» учитывался крайне сложный национальный состав населения Чехословакии, в которой проживали 7 млн чехов, 2,5 млн словаков, почти 3,5 млн немцев, более 1,5 млн поляков, венгров и украинцев. Фашистская Германия обещала Польше удовлетворить ее притязание на Тешинский район, заселенный поляками,

а Венгрии по аналогичной причине передать ряд территорий в Словакии и Закарпатской Украине.

Однако на пути реализации плана «Грюн» стояли существенные преграды. Чехословакия к концу 1930-х гг. представляла собой самое сильное государство из малых стран Центральной и Восточной Европы. Она имела высокоразвитую промышленность и мощное военное производство, одну из лучших на континенте армий, прочную полосу укреплений, построенную по образцу французской «линии Мажино» и проходившую как раз в Судетской области. Чехословацкая республика была связана договорами о взаимопомощи с Францией и Советским Союзом и являлась полноправным членом Малой Антанты. В случае вооруженного конфликта соотношение сил оценивалось следующими цифрами: Германия летом 1938 г. могла выставить против Чехословакии 39 из 51 находившейся в ее распоряжении дивизий, в то время как чехословацкая армия насчитывала 42 дивизии, Франция сосредоточила на границе 28, а СССР обязался направить в поддержку союзника 30 дивизий. Таким образом, «третий рейх» уступал в численности армейских подразделений своим противникам в 2,5 раза. Вильгельм Кейтель, рассказывая на Нюрнбергском процессе о подготовке нападения на Чехословакию, заявил: «Мы были чрезвычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения». Ярким доказательством авантюристичности расчетов германского руководства на успех прямого вторжения в поддержку судетских немцев явился т. н. «майский кризис». 22 мая во время муниципальных выборов генлейновцы попытались поднять путч в Судетах. Президенту Чехословакии Эдварду Бенешу достаточно было объявить частичную мобилизацию армии, чтобы в один день по-

кончить с беспорядками и стабилизировать обстановку в Судетской области.

Столкнувшись с незапланированными трудностями, А. Гитлер хотел уже продлить на большой срок тактику давления на Чехословакию, но именно в этот момент к нему на помощь пришли западноевропейские «умиротворители». Премьер-министр Н. Чемберлен, выступая на заседании правительства заявил: «Защитить Чехословакию невозможно и было бы глупо пытаться это делать».

В отличие от Великобритании Франция имела самые серьезные договорные обязательства по оказанию военной помощи Чехословакии в случае ее конфликта с фашистской Германией. Отсюда слабое и зачастую показное сопротивление французских правительственных кругов энергичным «миротворческим» действиям Великобритании. Обе державы в качестве главного аргумента в пользу политики уступок германскому нацизму выдвигали тезис о необходимости сохранения европейского мира любыми средствами.

Исходной точкой согласованных выступлений Англии и Франции в решении чехословацкого вопроса стало совещание премьер-министров и министров иностранных дел двух государств, прошедшее в Лондоне 28–29 апреля 1938 г. На этом совещании представители Франции Э. Даладьё и Ж. Боннэ отказались от сопротивления притязаниям А. Гитлера и приняли предложение Н. Чемберлена о совместных действиях, чтобы принудить правительство Чехословакии удовлетворить пожелания судетских немцев и фашистской Германии.

Дальнейшие события показывают, насколько мощным был политический нажим на Чехословацкую республику как со стороны германского фашизма, так и со стороны «умиротворявших» его западных демократий. С мая по июль 1938 г.

Англия и Франция несколько раз обращались с требованиями к президенту Э. Бенешу принять программу К. Генлейна (24 апреля 1938 г. К. Генлейн на съезде судето-немецкой партии в Карловых Варах изложил программу из восьми пунктов. В Карловарской программе выделялись два главных требования: административная автономия судетских немцев и полная свобода нацистской пропаганды). В конце концов, чехословацкое правительство выразило готовность рассмотреть эту программу и разрешить национальную проблему в рамках Конституции и при сохранении территориальной целостности страны. Однако в конце июля, получив очередную инструкцию от А. Гитлера, К. Генлейн провозгласил, что его целью является уже не автономия Судетской области, а ее «безоговорочное присоединение к Германской империи».

В начале августа английское правительство отправило в Прагу с «посреднической миссией» лорда Уолтера Ренсимена, известного своими тесными связями с германскими финансово-промышленными кругами. Лондонский посланник выступил с идеей проведения плебисцита в Судетах с перспективой их передачи Германии. Но фюрера это не устраивало. 1 сентября он вызвал в Берлин К. Генлейна и приказал ему отказаться от любых компромиссных предложений У. Ренсимена и настаивать на «немедленной передаче Судетской области третьему рейху». 12 сентября, выступая в Нюрнберге на съезде нацистской партии, А. Гитлер открыто угрожал Чехословакии войной и закончил свою речь следующими словами: «Не для того Всемогущий создал 7 млн чехов, чтобы они угнетали 3,5 млн немцев». Эта речь была воспринята в Англии как сигнал к еще большим уступкам. Британское правительство разработало «план Z», предусматривавший личную

встречу Н. Чемберлена с А. Гитлером, чтобы разрешить «чехословацкий кризис», уступив Германии Судеты.

15 сентября 70-летний премьер Великобритании впервые в своей жизни сел на самолет и полетел в Берлин. На «встрече в верхах» фюрер потребовал возвращения судетских немцев вместе с территорией в лоно матери-родины. Возложив на себя функции «главного умиротворителя» фашистского руководства, Н. Чемберлен 18 сентября пригласил в Лондон Э. Даладье и Ж. Боннэ, а на следующий день в Прагу была направлена англо-французская нота ультимативного характера. В ней говорилось, что для предотвращения европейской войны Чехословакия должна передать Германии Судетскую область, получив взамен международные гарантии неприкосновенности ее новых границ. Как отметил один чешский журналист, Англия и Франция стремились к тому, чтобы «Чехословакия совершила самоубийство с целью избежать убийства».

21 сентября Э. Бенеш капитулировал, приняв условия Германии. Выполнив «поручение» Гитлера, Н. Чемберлен вновь полетел в Германию. Британский премьер сообщил фюреру, что все его требования удовлетворены. Фюрер ответил: «Очень сожалею, но сегодня нас это уже не устраивает». Н. Чемберлену представили германский меморандум, в котором содержались очередные и еще более жесткие требования: чешское население и армия должны быть эвакуированы из Судетской области с 26 по 28 сентября; чехословацкое правительство обязано удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии. Ошеломленный премьер-министр воскликнул: «Но ведь это ультиматум!». На что А. Гитлер спокойно возразил: «Ничего подобного. В документе нет слова "ультиматум", там написано "меморандум"». Единственная уступка, которую позволил себе на переговорах фюрер, состо-

яла в переносе даты завершения эвакуации чехов из района Судет на 1 октября.

Гитлеровский меморандум вызвал взрыв негодования и патриотический подъем в Чехословакии. После объявления правительством всеобщей мобилизации на призывные пункты явилось 1250 тыс. человек. Посол Чехословацкой республики в Лондоне Я. Масарик передал британскому премьеру официальное правительственное мнение о неприемлемости новых требований Германии, добавив от себя: «Чешский народ никогда не будет народом рабов». Обстановка накалялась. 26 сентября фюрер произнес воинственную речь в Берлинском Спорт-паласе, прокричав в микрофон: «Если к 1 октября Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду как первый солдат против Чехословакии!». Вместе с тем, учитывая возможности политики «умиротворения», фюрер направил Н. Чемберлену послание с предложением провести конференцию по «судетскому вопросу» и дать «международные гарантии Чехословацкой республике». Письмо А. Гитлера позволило британскому премьеру заявить на заседании парламента 28 сентября о «спасении мира в последнюю минуту», сообщив о назначенном на следующий день совещании в Мюнхене. Сообщение было встречено бурной овацией, протестовал лишь один депутат-коммунист У. Галлахер.

Американская администрация фактически солидаризировалась с англо-французским курсом. 20 сентября 1938 г. на встрече с послами Великобритании и Франции Ф.Д. Рузвельт отметил, что западноевропейские правительства требуют от Чехословакии «самой ужасной, безжалостной жертвы, которая когда-либо требовалась от какого-либо государства. Если политика ваших стран окажется успешной, я стану первым,

кто будет ее приветствовать». В этой связи известный американский историк Ч. Бирд справедливо писал: «Рузвельт не буквально, а по существу направился в Мюнхен вместе с Чемберленом и Даладье».

Что касается Советского Союза, то его руководство в период «судетского кризиса» выступало в защиту территориальной целостности Чехословакии, настаивая на совместных действиях с западными демократиями. Такая политика объяснялась не альтруистическими соображениями, а интересами обеспечения собственной безопасности, т. к. расчленение и захват Чехословакии приближали фашистскую Германию к границам СССР. Отсюда целая серия предложений: разработать и опубликовать декларацию СССР, Англии и Франции об оказании помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии; рассмотреть этот вопрос в Лиге Наций; провести совещание представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для выработки плана совместных военных действий. Ни одно из названных предложений не было принято из-за антисоветских настроений как западных «умиротворителей», так и чехословацких капитулянтов. Показательно, что правительство Чехословакии с мая по сентябрь 1938 г. направило в Москву несколько запросов о готовности СССР выполнить свои союзнические обязательства, каждый раз получало положительный ответ, после чего отказывалось от предложенной Советским Союзом помощи. Определенную роль в этом сыграло мнение президента Э. Бенеша о ненадежности Красной армии, ослабленной сталинскими репрессиями. К тому же по договору о взаимопомощи 1935 г. СССР мог оказать военную поддержку Чехословакии только в случае, если подобные шаги предпримет и Франция. И хотя советское руководство в сентябре 1938 г. заявило о го-

товности к односторонним вооруженным действиям в защиту Чехословацкой республики, но и это предложение было отклонено. Тем не менее 25 сентября 1938 г. СНК СССР проинформировал правительство Франции о принятых советским командованием превентивных мерах: продвижение к западной границе 30 стрелковых дивизий, приведение в боевую готовность авиации и танковых частей. Одновременно Советский Союз заявил Польше, что в случае ее нападения на Чехословакию пакт 1932 г. о ненападении будет денонсирован без предупреждения. Из Праги не последовало никакой реакции.

Главная причина такой позиции заключалась в безоговорочной ориентации чехословацкого правительства на западные державы. Показательно, что еще в мае 1938 г. в беседе с английским посланником Б. Ньютоном Э. Бенеш отметил, что отношения его страны с СССР «всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от политики Франции и Великобритании... Если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет». Не менее показательно, что сразу же после Мюнхенского сговора чехословацкое правительство расторгло договор о взаимопомощи с Советским Союзом и запретило коммунистическую партию.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене открылась конференция четырех европейских держав: Германии, Италии, Англии и Франции. Это конференция была похожа одновременно и на тайный заговор, и на хорошо отрепетированный спектакль. По настоянию А. Гитлера от участия в форуме устранилась Чехословакия. Чехословацкий посол в Берлине В. Мастны ожидал окончательного решения в приемной. Таким образом, заговорщики обсуждали судьбу независимого государства, не интересуясь мнением его представителя.

Роли в мюнхенском спектакле распределились следующим образом: А. Гитлер как главный режиссер выдвигал свои требования; Б. Муссолини доводил их до сведения других участников, т. к. он был единственным из присутствовавших, кто знал все четыре языка, включая итальянский; Н. Чемберлен и Э. Даладье, внося несущественные изменения и грамматические поправки в текст, с одобрением его принимали. Э. Даладье отметил, что проект отличают «объективность и реализм». Н. Чемберлен также отозвался о нем с похвалой. В результате 30 сентября документ был подписан.

Содержание Мюнхенского соглашения сводилось к следующим основным положениям:

1. Чехословакия передавала Германии Судетскую область вместе со всеми находящимися на ее территории военными сооружениями;

2. Срок эвакуации чешской армии и населения устанавливался с 1 по 10 октября;

3. Чехословацкое правительство обязывалось в трехмесячный срок «урегулировать» вопросы, касающиеся польского и венгерского национальных меньшинств (т. е. удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии);

4. После «урегулирования» всех названных вопросов страны-участницы соглашения «дадут Чехословакии гарантии против неспровоцированной агрессии»;

5. Если «национальные проблемы» не будут разрешены, созывается новое «совещание глав правительств четырех держав».

Текст Мюнхенского соглашения объясняет, почему современники, а затем и историки называли его «делкой». Причем, если для фашистских государств это была победоносная сделка, то для западных демократий – позорная.

Особый интерес представляют первые отклики на Мюнхенский сговор лидеров и ведущих политических деятелей великих держав.

Н. Чемберлен, которого лондонские обыватели приветствовали криками «Ура!», из окна своей резиденции на Даунинг-стрит произнес ставшую знаменитой фразу: «Я верю, что это мир для нашего поколения». Он же на заседании правительства утверждал, что Мюнхенское соглашение является «почетным миром» и «триумфом английской дипломатии», добавив: «Гитлер – надежный человек и, получив Судетскую область, навсегда оставит Европу в покое».

Э. Даладье, которого после Мюнхена встречали цветами и аплодисментами, тихо промолвил: «Глупцы, если бы они знали, чему аплодируют».

Ф.Д. Рузвельт направил Н. Чемберлену самую короткую в истории дипломатической переписки поздравительную телеграмму в одно слово: «Молодец!».

А. Гитлер, провожая гостей по окончании конференции, с неподражаемым презрением говорил И. фон Риббентропу: «Это ужасно, какие передо мной ничтожества!» Чуть позже он так оценивал итоги Мюнхена: «Неслыханное достижение. Вы думаете, что я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюде ее друзьями?.. То, что произошло, может произойти лишь один раз в истории». И. фон Риббентроп особо выделил роль Н. Чемберлена в достигнутом соглашении: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение». Б. Муссолини высказался в обычной для него грубоватой манере: «Теперь фашизм не остановится».

И.В. Сталин со свойственной ему категоричностью заявил: «Немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом». Народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов так проанализировал ситуацию, сложившуюся после Мюнхена: «Утеренных драгоценных позиций не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира».

Блестящее по форме и справедливое по содержанию заключение дал У. Черчилль: «Англия должна была выбрать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну».

Считая Мюнхен национальным предательством, несколько членов британского кабинета в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Дафф Купер. В палате общин он сказал: «Я призываю своих коллег посмотреть на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война.... Мы будем втянуты в эту войну, мы не сможем избежать этой участи».

Мюнхенский стговор кардинальным образом изменил обстановку в мире, открыв новую главу в истории международных отношений.

Во-первых, Мюнхен уничтожил Версальский послевоенный порядок, а вместе с ним и Локарнский договорный комплекс. Германская пресса с удовлетворением отмечала: «Мюнхенский мирный договор пришел на смену Версальско-Локарнским постановлениям». Весьма символичной стала резолюция Лиги от 1 октября 1938 г. об исключении из своего Устава статей, касавшихся Версальского договора, на основании которого она и была создана.

Во-вторых, участники Мюнхенской конференции, подписав соглашение, перечеркнули саму возможность создания системы коллективной безопасности. В одночасье перестали действовать франко-чехословацкий и чехословацко-советский пакты о взаимопомощи. Малая Антанта и французские «тыловые союзы».

В-третьих, захватив без единого выстрела значительную часть территории суверенного государства, А. Гитлер с помощью западных держав-«умиротворительниц» получил «право» устанавливать «новый мировой порядок», основанный на социал-дарвинистском принципе «выживания наиболее сильных и приспособленных».

В-четвертых, Мюнхенская сделка содействовала превращению Германии в господствующую державу Европы, обладавшую огромным перевесом сил над своими потенциальными противниками. Германская империя «приобрела» 20 % территории, 25 % населения и 50 % тяжелой промышленности Чехословакии. «Третий рейх» добился и крупной стратегической победы, овладев мощными военными укреплениями в Судетах и продвинув свои границы к дальним пригородам Праги.

В-пятых, Мюнхенский сговор оказал прямое воздействие на изменение внешнеполитического курса СССР. Советский Союз отстранили от участия в урегулировании «чехословацкой проблемы», хотя он был связан с Чехословакией договором о взаимопомощи и имел все основания высказать свое мнение, т. к. речь шла и о его собственной безопасности. Возникла реальная опасность международной изоляции СССР. Об этом свидетельствовало подписание англо-германской (30 сентября в Мюнхене) и франко-германской (6 декабря в Париже) деклараций, в которых стороны обязались развивать мирные и добрососедские отношения, решать

спорные вопросы путем консультаций и «продолжить усилия по устранению возможных источников разногласий». Оба документа по существу были равнозначны пактам о ненападении. Советское руководство не без оснований восприняло Мюнхенское соглашение и сопутствовавшие ему декларации как попытку создания единого антисоветского фронта, в котором ударной силой, направленной против СССР, выступал германский фашизм. Отсюда отступление от антифашистской политики, которую можно было проводить только совместно с не желавшими этого делать западными демократиями, и последующее вынужденное сближение с Германией.

В-шестых, Мюнхен, привел к серьезному ослаблению позиций западных демократий, формально отсрочив большую войну, в действительности ее приблизил. А. Гитлер уже 21 октября 1938 г подписал директиву, которая предусматривала «быструю оккупацию Чехии и нейтрализацию Словакии».

Таковы были главные международные последствия Мюнхенского сговора, ставшего прологом второй мировой войны.

6. Международная обстановка накануне войны. Политический кризис 1939 г.

Весной–летом 1939 г. фашизм предпринял очередную серию агрессивных акций. В марте этого года нацистская Германия провела быстротечную операцию по ликвидации Чехословацкой республики. Гитлер действовал настолько вызывающе, что поверг в смятение даже самых твердых сторонников политики «умиротворения». Стремясь покончить с угрозой словацкого сепаратизма, президент Чехословакии Эмиль Хаха 10 марта распустил автономное правительство Словакии. Фюрер воспользовался этим как поводом для вме-

шательства. Бывший словацкий премьер пастор Йозеф Тисо получил из Берлина указание в форме ультиматума: либо он объявляет Словакию «самостоятельным государством», либо германские войска ее оккупируют. По понятным причинам Й. Тисо выбрал первое и 14 марта провозгласил независимость Словацкой республики.

В ночь на 15 марта в столицу «третьего рейха» доставили президента Э. Гаху и министра иностранных дел Франтишека Хвалковского. А. Гитлер заявил им, что в связи с распадом Чехословакии Германия решила установить протекторат над чешскими областями Богемией и Моравией (т. е. фактически над всей территорией Чехии). Э. Гахе вручили заранее подготовленный документ, в котором говорилось, что чехословацкое правительство «добровольно вручает судьбы этих областей в руки фюрера». Чтобы вывести президента из состояния невменяемости, А. Гитлер пояснил: «Всякий пытающийся сопротивляться, будет растоптан». После этой тирады фюрер первым поставил подпись и вышел. Э. Гаха подписал документ после нескольких лечебных инъекций.

Текст его гласил:

«Сегодня фюрер принял президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе. На встрече присутствовал министр иностранных дел фон Риббентроп. На встрече, прошедшей в доверительной атмосфере, обсуждалось серьезное положение, сложившееся в Чехословакии в результате событий последних недель.

Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели

и мирного урегулирования он готов верить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха. Фюрер выслушал это заявление и выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями».

Утром 15 марта (через полтора часа после завершения «переговоров») немецкие войска вошли в Чехию. На следующий день был принят Закон о включении Богемии и Моравии в состав рейха на правах протекторатов. Одновременно Германия взяла под свою «защиту» и Словакию. Так в трехдневный срок нацисты «решили» чехословацкую проблему, уничтожив без применения силы европейское государство.

В итоге фашистская Германия значительно расширила свою территорию, укрепила промышленный потенциал, захватила в Чехословакии оружие, достаточное для оснащения 46 дивизий. Весьма существенным был и стратегический выигрыш Германии. Не случайно Гитлер часто вспоминал слова Бисмарка: «Кто владеет Богемией, тот хозяин Европы». Но главное поражение Англия и Франция потерпели в политической сфере. Оккупировав Чехию и превратив Словакию в вассальное государство, фашистская Германия нарушила Мюнхенский договор и продемонстрировала, что она более не нуждается в каких-либо соглашениях с западными державами. Тем самым политика «умиротворения» уже в марте 1939 г. полностью и окончательно провалилась. Символично, что английский и французский послы, явившиеся 17 марта в резиденцию министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа чтобы вручить официальные протесты своих правительств, так и не были им приняты.

22 марта под угрозой прямого насилия Литва подписала с Германией соглашение о передаче ей Клайпеды (Мемеля) с прилегающей территорией.

23 марта был заключен германо-румынский договор «Об укреплении экономических связей», по которому Румыния превращалась в аграрно-сырьевой придаток военной экономики Германии, обеспечивая ее румынской нефтью и зерном по сниженным ценам.

25 марта Б. Муссолини направил королю Албании Ахмету Зогу ультиматум с требованием установления итальянского контроля над портами, аэродромами и дорогами «в случае угрозы албанской безопасности». Не дождавшись ответа, Италия через день произвела высадку войск и за неделю оккупировала страну. Успеху этой акции не помешали традиционные для итальянского командования безалаберность и дилетантизм. Впоследствии один из высокопоставленных участников кампании констатировал: «Будь у А. Зогу хоть одна хорошо обученная пожарная команда, он сбросил бы нас в море». Однако у албанского короля не оказалось под рукой даже «пожарной команды», что и предопределило очередную, после войны с Эфиопией, «великую победу» Муссолини.

В апреле нацистское руководство Германии приступило к практической подготовке нападения на Польшу. Известно, что польское правительство во второй половине 1930-х гг. стремилось к тесному сотрудничеству с «третьим рейхом». Вместе с фашистской Германией Польша участвовала в расчленении Чехословакии, получив Тешинскую область. В беседах со своим германским коллегой польский министр иностранных дел Ю. Бек неоднократно и настойчиво интересовался, какую позицию займет Германия в случае польско-советского военного конфликта, и получал неизменный ответ

– «позицию более чем доброжелательную». Отношения между Берлином и Варшавой начали портиться после того, как в октябре 1938 и в марте 1939 г. гитлеровское правительство выдвинуло жесткие территориальные требования к Польской республике: возвращение Данцига, право на строительство автомобильных и железных дорог через «Данцигский коридор», урегулирование» вопроса о 750-тысячном немецком национальном меньшинстве в Польше.

Однако первопричиной возникшего конфликта были не территориальные вопросы, а общие стратегические установки нацистской Германии, в соответствии с которыми Польша представляла собой очередную цель в борьбе за «жизненное пространство».

11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о подготовке вермахта к войне», составной частью которой являлся план «Вайс» («Белый план») – о вторжении в Польшу «в любое время начиная с 1 сентября 1939 г.».

В мае на одном из секретных совещаний фюрер провозгласил: «Главное направление – завоевание жизненного пространства на Востоке. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу».

Важную роль в координации экспансионистских программ фашистских держав сыграл итало-германский договор, подписанный в Берлине 22 мая 1939 г. и вошедший в историю под названием «Стальной пакт». В преамбуле «Пакта о дружбе и союзе» говорилось, что Германия и Италия, «объединенные общим мировоззрением и общими интересами, решили действовать плечом к плечу, чтобы обеспечить себе жизненное пространство и мир». Участники договора обязались:

1. Оказывать взаимную политическую и дипломатическую поддержку, а также военную помощь;

2. Расширять сотрудничество в экономической и военно-промышленной областях;

3. Заключать перемирие или мир с противником только по обоюдному согласию.

Подобные формулировки не оставляли никаких сомнений в готовности нацистской Германии и фашистской Италии согласованно осуществлять насильственный передел мира.

Эскалация фашистской агрессии в 1939 г. происходила не только в Европе, но и в Азии. В начале этого года Япония захватила острова Спартли и Хайнань – опорные стратегические пункты на подступах к Филиппинам, Индокитаю и Индонезии. В мае японо-маньчжурские войска атаковали советские и монгольские воинские подразделения на востоке Монголии в районе реки Халхин-Гол. Формально это был пограничный инцидент между двумя буферными государствами – Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой, вызванный, согласно японской трактовке, «неопределенностью в обозначении государственной границы». Фактически началась советско-японская локальная война. 20–30 августа боевые части Красной армии под командованием Г.К. Жукова провели блестящую по замыслу и исполнению операцию, окружив и уничтожив крупную японо-маньчжурскую группировку. Потери Японии составили 86 тыс. убитыми и ранеными. Советско-монгольские войска потеряли 24 тыс. человек. «Инцидент» был исчерпан. Второй после «событий у озера Хасан» «предупредительный удар» Японии по Советскому Союзу завершился для нее полным крахом.

Наступление фашизма весной–летом 1939 г. приобрело такие угрожающие формы, что правительства ведущих держав Запада стали вносить существенные коррективы в свой внешнеполитический курс. Даже такой «легендарный миро-

творец», как Н. Чемберлен под давлением оппозиции и общественного мнения вынужден был признать провал политики «умиротворения». 17 марта, через день после оккупации германскими войсками Богемии и Моравии, премьер-министр Великобритании выступил с речью в Бирмингеме, которую английская пресса охарактеризовала как «возвращение к политике коллективной безопасности в Европе». Н. Чемберлен жестко осудил захват Чехии и произнес: «Германия горько пожалеет о деяниях своего правительства», в мае 1939 г. он публично заявил: «Мы не собираемся сидеть сложа руки и наблюдать, как безнаказанно уничтожается независимость одной страны за другой». Главная причина «политического прозрения» западных «умиротворителей» состояла в осознании того очевидного факта, что фашизм не ограничится захватом малых стран и предпримет «нападение на Запад в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке».

Но эти справедливые декларации не означали полного отхода западных демократий от обанкротившейся политики «умиротворения». Их новый курс по-прежнему был направлен на подталкивание фашистской Германии на восток и одновременно на заигрывание с Советским Союзом. Такая двойственная и противоречивая политика, как показали последующие события, не могла остановить фашизм и пресечь его дальнейшие агрессивные акции, поскольку «умиротворения» в ней было гораздо больше, чем решительности оказать сопротивление.

Исходная противоречивость концепции отчетливо проявилась во внешнеполитической практике западных держав весной 1939 г.

Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладьё провели через парламенты решения о значительном увеличении расходов на военные нужды. Однако лидеры оппозиции с цифрами

на руках доказывали, что этих мер явно недостаточно, т. к. они не устраняли огромного преимущества Германии в боевой авиации и танках – решающей силы в будущей войне.

22 марта 1939 г. Англия и Франция заключили договор о взаимопомощи, который можно расценить как важный шаг на пути создания антифашистской коалиции. 25 августа было подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи в случае фашистской агрессии. Французское правительство подтвердило свою верность франко-польскому политическому договору 1921 г., а 19 мая подписала с Польшей секретный протокол, предусматривавший широкие наступательные действия Франции против Германии через 15 дней после начала германо-польской войны. В марте–июне 1939 г. западноевропейские державы предоставили свои гарантии Румынии, Греции и Турции. Мировая печать изображала эти меры как основу «создания большого антигерманского союза». Однако англо-французские гарантии не следует переоценивать. За исключением франко-польского секретного протокола, в соглашениях о предоставлении гарантий отсутствовали статьи о военных обязательствах британского и французского правительств, которые рассматривали эти соглашения, как средство давления на Германию. Не случайно, что такие страны, как Голландия, Швейцария и Дания отказались принять «гарантийные предложения» Англии и Франции. К тому же гарантии не имела сколь-либо серьезного значения без участия в них Советского Союза. В этой связи Д. Ллойд Джордж отмечал: «Вы знаете, я никогда не был высокого мнения о Н. Чемберлене, но то, что он делает сейчас, побивает все рекорды глупости. Мы даем гарантии Польше и Румынии, но что мы можем для них сделать в случае нападения Гитлера? Почти ничего!.. Без России тут ничего не выйдет».

Столь же двойственный и непоследовательный характер носила в этот критический период и внешняя политика США. После еврейских погромов в Германии американская администрация отозвала своего посла в Берлине Х. Вильсона, который больше туда не возвращался. Весной 1939 г. Соединенные Штаты повысили на 25 % таможенные тарифы на немецкие товары, что было равнозначно объявлению фашистской Германии экономической войны. В июле США денонсировали торговый договор с Японией. Но, с другой стороны, американским «интернационалистам» так и не удалось преодолеть изоляционистские настроения, господствовавшие в конгрессе. В результате законодательство о нейтралитете не было подвергнуто каким-либо изменениям в пользу будущих жертв агрессии.

15 апреля 1939 г. президент США Ф.Д. Рузвельт принял одну из последних со стороны западных демократий попыток увещевать агрессоров. Он направил А. Гитлеру и Б. Муссолини (наряду с другими европейскими лидерами) послание, в котором призвал фашистских вождей дать обещание воздержаться в течение десяти лет от нападения на перечисленные 30 государств. Ф.Д. Рузвельт предложил созвать международную конференцию по урегулированию наиболее острых спорных вопросов и ограничению вооружений. Как и все предшествовавшие «миротворческие» призывы, направленные в адрес фашистских держав, послание американского президента отличалось не только глубокой озабоченностью о судьбах мира, но и неподражаемой наивностью.

Ответ фюрера и дуче был вполне предсказуем. Они отказали американскому президенту по всем пунктам. 28 апреля А. Гитлер произнес по этому поводу большую речь в рейхстаге, которую биографы нацистского лидера в один голос назы-

вают самой блестящей в его политической карьере. Разделив послание Ф.Д. Рузвельта на несколько разделов, Гитлер методично одно за другим высмеивал и отвергал все содержащиеся в них предложения. Упомянув об «искреннем желании президента» остановить германскую агрессию в Европе, фюрер перечислил 26 «насильственных и кровавых интервенций» США в Западном полушарии, к которым Германия не имела никакого отношения. Подчеркнув важность американской инициативы по созыву международной конференции, он напомнил, что сами Соединенные Штаты отказались от участия в «величайшей конференции всех времен» – Лиге Наций. «Президент США, – продолжал Гитлер, – ратует за разоружение, но Германия уже была безоружной в Версале и тогда "с ней обращались с еще меньшим уважением, чем в Америке с вождями индейцев сиу"». Запрос Рузвельта о дальнейших намерениях «третьего рейха» в Европе оратор охарактеризовал как «незаконное вмешательство во внутренние дела», тем более что администрация США никого не оповещает о своих целях в Центральной и Южной Америке. А. Гитлер разъяснил президенту, что осуждаемый им захват Австрии, Чехии и Клайпеды – это не агрессия, а «необходимый вклад в дело мира». В заключение фюрер объявил о денонсации пакта о ненападении с Польшей и Морского договора с Англией в связи с достигнутой в Лондоне англо-польской договоренностью о взаимопомощи против фашистской угрозы.

«Новая» внешнеполитическая концепция правительственных кругов Запада, направленная на оказание более серьезного противодействия фашизму, предполагала сближение с Советским Союзом. Однако и в этом важнейшем компоненте политики западных держав проявилась все та же двойственность и противоречивость. Объективная потребность

в антифашистском сотрудничестве с СССР сочеталась с субъективными антисоветскими установками, что препятствовало достижению значимых результатов. К тому же на Западе еще не исчезли надежды на возможность «умиротворения» Германии и направления ее экспансии на Восток. Прекрасной иллюстрацией такого подхода могут служить два высказывания британского премьера Н. Чемберлена, произнесенных на заседании правительства почти одновременно в мае 1939 г. Первое: «Возможно, Англия и нуждается в некоем соглашении с Советским Союзом, но оно будет висеть камнем на ее шее». Второе: «Мы готовы обсудить все нерешенные проблемы на основе более широкого и полного взаимопонимания между Англией и Германией».

В марте–апреле 1939 г. правительства Великобритании и Франции предприняли своего рода зондаж намерений СССР, предложив ему участвовать в предоставлении гарантий малым европейским странам и провести консультации по вопросам взаимопомощи в случае германской агрессии. 17 апреля в ответ на эти предложения Советский Союз выдвинул комплексную программу противодействия фашистской угрозе, в которой выделялись три основные позиции:

1. Заключение тройственного англо-франко-советского соглашения о взаимной помощи сроком на 5–10 лет;

2. Предоставить гарантии независимости и безопасности всем пограничным с СССР странам от Балтийского до Черного моря;

3. Одновременно с политическим договором о взаимопомощи подписать военную конвенцию. В последовавшей дипломатической переписке Англия и Франция выступили с уклончивыми и расплывчатыми вариантами соглашений. Например, в предложениях французского правительства от

25 апреля подробно говорилось о военной поддержке Англии и Франции со стороны Советского Союза в случае нападения на них нацистской Германии, но при этом никакой помощи СССР со стороны западных демократий в аналогичной ситуации не предусматривалось.

Чтобы сдвинуть процесс согласования позиций с мертвой точки, советское правительство 2 июня предложило провести в Москве прямые переговоры трех держав по всем поднятым вопросам. Пренебрежительное отношение Англии к этим переговорам проявилось уже в ходе их подготовки. Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс, получив приглашение, заявил, что «все министры заняты» и назначил руководителем английской делегации директора одного из департаментов Форин-офиса У. Стрэнга. Как отметил У. Черчилль, «назначение столь второстепенного чиновника являлось оскорбительным для СССР актом». Во французском МИДе охарактеризовали будущие дебаты язвительно и элегантно – «небольшой тур вальса с Советским Союзом».

Англо-франко-советские переговоры открылись в Москве 14 июня. Стороны достаточно быстро пришли к общему мнению о необходимости заключения договора о взаимопомощи. Однако затем выявились глубокие расхождения в подходе к решению крупных проблем: о предоставлении гарантий малым странам, о т. н. «косвенной агрессии» и о подписании военной конвенции.

По первому вопросу суть разногласий состояла в том, что Англия и Франция настаивали на присоединении СССР к их политике гарантий в отношении ими же названных государств, в то время как сами они не желали распространять свои «гарантийные обязательства» на прибалтийские республики, чего добивался Советский Союз. 1 июля английская

и французская делегации дали предварительное согласие распространить гарантии на прибалтийские государства, но с условием предоставления помощи только в случае прямого на них нападения и без указания конкретных размеров этой помощи, что в случае агрессии оставляло неприкрытыми северо-западные границы Советского Союза. Следует также отметить, что обе стороны не интересовались мнением «объектов» своей политики, хотя Бельгия провозгласила нейтралитет, Голландия, Швейцария и Дания отказались принять тройственные гарантии, а Латвия и Эстония 7 июня 1939 г. заключили пакты о ненападении с Германией. Вопрос о гарантиях так и остался нерешенным.

Советская сторона настаивала на определении понятий «прямая» и «косвенная» агрессия. Последняя трактовалась советскими дипломатами как «внутренний государственный переворот или изменение политики в интересах агрессора». В.М. Молотов, которого Э. Галифакс как-то назвал «улыбчивым гранитом», твердо отстаивал свою точку зрения о необходимости распространения гарантий и в случае «косвенной» агрессии. Английские представители отвергли это предложение, подчеркнув, что данное наркомом определение «слишком широко и опасно». Полное определение «косвенной агрессии», данное В.М. Молотовым на заседании 9 июля, действительно отличалось расплывчатостью и сложностью для восприятия: «Выражение "косвенная агрессия" относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, следовательно, влечет за собой утрату этим государством его незави-

симости или нарушение его нейтралитета». Однако, с другой стороны, это определение нельзя считать полностью несостоятельным, оно отражало реальные политические процессы, происходившие в прибалтийских странах, чьи правительства взяли курс на сотрудничество с нацистской Германией.

Наибольшую остроту приобрела проблема разработки военной конвенции, без подписания которой договоренность о взаимопомощи в условиях наступления фашизма не имела практического значения. Заявив, что они не уполномочены рассматривать этот вопрос, английская и французская делегации отказались его обсуждать, что окончательно завело политические переговоры в тупик.

23 июля СНК СССР выступил с инициативой проведения тройственных военных переговоров.

И вновь западные партнеры Советского Союза не проявили явного желания в достижении эффективного соглашения с Москвой. Об этом свидетельствовал уже сам состав военных миссий: английскую возглавил комендант военной базы в Портсмуте, советник короля по морским вопросам адмирал П. Дракс, имевший лишь формальное отношение к руководству вооруженными силами страны, во главе французской стоял член Верховного военного совета корпусной генерал Ж. Думенк. В сравнении с западными миссиями советская делегация состояла из высших военных руководителей: нарком обороны К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников, представители командования всех родов войск. Главное: если у К. Ворошилова был мандат на подписание военной конвенции, то «полномочные» представители Англии и Франции таких полномочий не имели. Складывалось впечатление, что западные военные миссии приехали в Москву, чтобы не вести, а затягивать переговоры.

Английская делегация руководствовалась специальной инструкцией из 17 пунктов, включавшей такие многозначительные параграфы, как: при выработке решений согласовывать свою линию поведения с позицией Франции; «вести переговоры очень медленно»; «британскому правительству представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах». Конечной целью дискуссий объявлялось не заключение военной конвенции, а подписание «общей декларации политического характера». Однако время подобных деклараций давно прошло, и такой подход к переговорам обрекал их на полную неудачу. В условиях резкого обострения международной обстановки, когда на счету был каждый день, военные миссии западных держав отправились на переговоры не самолетом, а на пассажирском пароходе.

11 августа начались англо-франко-советские военные переговоры. 15 августа начальник Генштаба РККА Б. Шапошников изложил план совместных действий в Европе, в котором содержались три варианта боевых операций:

- в случае нападения Германии на Польшу или Румынию;
- в случае агрессии Германии против Франции и Англии;
- в случае советско-германской войны.

Все три варианта, по убеждению советской делегации, предполагали свободный пропуск частей Красной армии через территории Польши и Румынии. Этот вопрос и был задан К.Е. Ворошиловым главам английской и французской миссий. Нарком обороны действовал в строгом соответствии с установками, изложенными в инструкции И.В. Сталина от 7 августа, в которой подчеркивалось, что без принятия названного условия «соглашение невозможно». Как отмечал впоследствии в своем «Дневнике» Ж. Думенк, «логика предложений

СССР была неумолимой». П. Дракс сразу же после того, как ему перевели вопрос советского наркома, сказал Ж. Думенку: «Я думаю, что наша миссия на этом закончилась». Свой отрицательный ответ Англия и Франция обосновали неуступчивостью польского правительства. Действительно, было известно, что антисоветски настроенные руководители Польши называли Красную армию «сбродом», а министр иностранных дел Ю. Бек в этой связи произнес фразу настолько же красивую, насколько и бессмысленную: «Если нас оккупирует Германия, мы потеряем территорию, а если Россия – мы потеряем свою душу». Аналогичных взглядов придерживались и румынские власти. П. Дракс и Ж. Думенк язвительно напомнили наркому обороны, что Польша и Румыния – это суверенные государства, и поэтому вопрос о проходе через их территорию советских войск должен быть поставлен перед ними, а не перед Англией и Францией. К.Е. Ворошилов ответил с жестким сарказмом: «Советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами. Наоборот, она именно поэтому и просит английскую и французскую военные миссии добиться разрешения от этих государств. Это законная задача Англии и Франции, поскольку именно они, а не СССР дали гарантии Польше и Румынии». Как бы там ни было, но на пути подписания военной конвенции возникла непреодолимая преграда. Это и завело переговоры в тупик. Последний шанс создания широкой антифашистской коалиции был упущен.

Срыв англо-франко-советских политических и военных переговоров объяснялся следующими причинами.

Во-первых, неконструктивной позицией западных демократий, фактически отказавшихся от тесного военно-политического сотрудничества с СССР. Пожалуй, лучше дру-

гих сказал об этой причине в 1947 г. бывший французский премьер П. Рейно: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении «рассчитаться» с Францией, а потом расчленив Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал обе наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли». Справедливости ради необходимо отметить, что французское правительство, в наибольшей степени заинтересованное в поддержке Советского Союза, в самый последний момент попыталось достичь с ним соглашения. 21 августа вечером премьер-министр Э. Даладье отдал распоряжение Ж. Думенку «подписать в общих интересах военную конвенцию». Под давлением Франции польское правительство 23 августа с оговорками и в крайне неопределенной форме, но дало согласие на пропуск через свою территорию Красной армии. Однако Великобритания последовательно придерживалась своего непоследовательного курса, сохранив негативное отношение к военному договору с СССР.

Во-вторых, определенную роль в неудачном исходе переговоров сыграла в целом справедливая, но чрезмерно жесткая позиция советской дипломатии в вопросах об определении «косвенной» агрессии, о численности выделяемых западными державами войск для ведения совместных военных действий и др. Ни В.М. Молотов, ни тем более К.Е. Ворошилов не показали себя «мастерами дипломатических компромиссов». Неслучайно, беседуя в мае 1942 г. с британским дипломатом У. Стэнгом, В.М. Молотов заметил: «Мы сделали все, что могли в 1939 г., но не достигли успеха, так как оба ошиба-

лись». Тем не менее доля ответственности Советского Союза за провал переговоров была значительно меньшей, чем его западных партнеров,

В-третьих, важнейшей предпосылкой срыва переговорного процесса являлось взаимное недоверие сторон: традиционные антисоветские установки правительственных кругов Запада и «антизападный синдром» И.В. Сталина, усилившийся после Мюнхена. Весьма показательно, что одновременно с дискуссиями в Москве и та, и другая сторона вела переговоры с Германией.

В июле 1939 г. в Лондоне состоялась встреча посланника А. Гитлера Х. Вольтата с главным советником британского правительства по вопросам промышленности и доверенным лицом Н. Чемберлена Г. Вильсоном. На этой встрече представитель Великобритании изложил программу нормализации англо-германских отношений, включавшую заготовленный текст пакта о ненападении. Германии было обещано «справедливое решение колониальных вопросов», «взаимовыгодный раздел» мировых рынков и даже отказ Англии от гарантий безопасности Польской республики. По существу «третьему рейху» предлагалось новое Мюнхенское соглашение. 22 августа Н. Чемберлен направил А. Гитлеру письмо с предложением начать переговоры по всем вопросам, представлявшим взаимный интерес.

Что касается советского руководства, то и оно, лавируя между фашизмом и демократиями, постепенно переориентировало свою внешнюю политику в сторону сближения с Германией. Практическим результатом этого нового курса стало подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Предыстория заключения пакта была такова.

Инициатива в улучшении взаимоотношений между двумя державами принадлежала фашистской Германии. Главная цель, которую при этом преследовал Гитлер, состояла в том, чтобы обеспечить поддержку Советского Союза при разделе Польши и его нейтралитет в последующем наступлении рейха на Запад. Советское руководство пошло навстречу пожеланиям германского правительства, исходя из своего понимания международной обстановки, сложившейся после Мюнхена. Дальнейшая борьба за создание системы коллективной безопасности из-за позиции западных демократий оказалась нереальной и бессмысленной. Поэтому Советский Союз вынужден был подчиниться тем «правилам игры», которые ему навязывали как нацистская Германия, так и другие державы Запада.

В 1939 г. СССР в известном смысле находился в выгодном положении, т. к. имел возможность выбора – идти на сближение с демократиями или с фашизмом. Первый вариант считался менее «перспективным» по следующим причинам:

- двусмысленность политики западных держав, готовых, как показал международный опыт, в любой момент заключить соглашение с фашизмом на антисоветской основе;
- нежелание Запада в должной мере учитывать геополитические интересы СССР;
- уверенность в том, что единение с демократиями неминуемо втянет Советский Союз в войну с нацизмом, в ходе которой именно на него падет основная тяжесть ведения боевых действий.

И.В. Сталин в беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым так объяснил свой выбор в пользу нацистской Германии: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми "демократическими странами"...

Но Англия и Франция хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить».

Договор с «третьим рейхом», с точки зрения советских руководителей, сулил хотя и непродолжительные, но более реальные выгоды:

- возможность оставаться вне конфликта в Европе, что могло быть использовано для укрепления обороноспособности страны;
- ослабление «обеих империалистических группировок»;
- обещание Германией таких «геополитических уступок», на которые не решались идти западные демократии.

Вместе с тем, осознавая неизбежность вооруженного столкновения с фашизмом, правительство СССР шло на контакт с Германией осторожно, постепенно и с большим недоверием.

Можно выделить следующие основные вехи на пути советско-германского сближения.

Еще осенью 1938 г. Берлин предпринял первые попытки наладить связи с СССР прежде всего в сфере экономической. В марте–апреле 1939 г. И. фон Риббентроп в нескольких своих выступлениях заявил о необходимости улучшения германо-советских отношений, а министр пропаганды Й. Геббельс дал указание изменить «излишне антисоветский тон» прессы. В правительственных кругах Германии вызвал удовлетворение внешнеполитический раздел доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. В своем донесении в Берлин германский посол в СССР В. фон Шуленбург сообщал: «Примечательно, что ирония и критика Сталина значительно острее обращены против Англии, чем против так называемых «государств-агрессоров» и особенно Германии». Как «весьма обнадеживающее» оценили в Берлине сообщение об отставке М.М. Литвинова, известного

своими «прозападными симпатиями», и назначении наркомом иностранных дел В.М. Молотова.

Первые серьезные предложения в адрес Советского Союза прозвучали 17 июня во время беседы посла Германии в СССР В. Шуленбурга с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым. В. фон Шуленбург предлагал заключение пакта о ненападении и торгового соглашения, а также посредничество рейха в нормализации советско-японских отношений. В июне–июле серия подобных инициатив последовала со стороны статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцзеккера и других правительственных чиновников. 2 августа Г.А. Астахова принял министр иностранных дел И. фон Риббентроп. На этой встрече он выдвинул идею подписать Протокол о том, что между Германией и СССР «не существует неразрешимых проблем», подчеркнув желание Берлина «выработать новый характер» германо-советских взаимоотношений и договориться о разделе сфер влияния. 11 августа – в день открытия англо-франко-советских переговоров в Москве – Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение вступить в переговоры с Германией.

15 августа В. фон Шуленбург вручил В.М. Молотову Памятную записку от германского правительства. В нем говорилось, что у Германии «нет агрессивных намерений против СССР»; «не существует ни одного неразрешимого вопроса»; что Германская империя готова подписать с Советским Союзом пакт о ненападении сроком на 25 лет; гарантировать вместе с ним безопасность Прибалтийских республик; посредничать в улучшении советско-японских отношений. В записке содержался плохо замаскированный намек о совместном решении судьбы Польши, т. к. рейх «не намерен далее терпеть польские провокации».

В своем ответе от 17 августа нарком иностранных дел напомнил о предшествовавших враждебных акциях Германии по отношению к СССР («антикомминтерновский пакт», Мюнхенский сговор); подчеркнул, что советское правительство «может только приветствовать поворот в германской внешней политике»; предложил заключить не только торговый договор и пакт о ненападении, но и «специальный секретный к нему протокол». В ночь с 19 на 20 августа в Берлине было подписано взаимовыгодное торгово-кредитное соглашение. По этому договору Германия предоставляла СССР кредит в 200 млн марок для закупок промышленных товаров (станки, турбины, электрооборудование) и вооружения. Советский Союз обязался поставлять в Германию сельскохозяйственную и сырьевую продукцию, включая стратегическое сырье (бензин, бензол, редкие металлы).

20 августа через несколько часов после подписания торгового соглашения А. Гитлер направил И.В. Сталину телеграмму. Фюрер выразил согласие предложенным СССР проектом пакта; заявил, что «дополнительный протокол, желательный для советского правительства, может быть согласован в кратчайший срок»; отметил, что «напряжение между Германией и Польшей стало невыносимым» и что «Германия полна решимости обеспечить интересы рейха всеми средствами»; подчеркнул «нецелесообразность терять время» и закончил свою депешу следующими словами: «Поэтому я Вам предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее – в среду 23 августа... У министра есть всеобъемлющие полномочия для подписания пакта и протокола».

21 августа И.В. Сталин дал согласие на приезд И. фон Риббентропа. Он сказал В. Шуленбургу: «Пакт приведет к по-

вороту в сторону серьезного улучшения политических отношений двух государств». Одновременно были прекращены военные переговоры с Англией и Францией. Адьютант наркома обороны Р.П. Хмельницкий передал К.Е. Ворошилову записку, составленную в лучших традициях общения членов Политбюро: «Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку».

Переговоры между министром иностранных дел Германии и советскими руководителями носили кратковременный характер, т. к. основные положения договора были заранее согласованы. Атмосфера «дружественного взаимопонимания», о которой так часто говорят исторические критики «советско-германского сговора», являлась обычным дипломатическим сопровождением. На самом деле между договаривавшимися сторонами не было и тени доверия. Когда в беседе с В.М. Молотовым И. фон Риббентроп стал рассуждать о «духе дружбы и братства» в отношениях двух стран, нарком прервал его, заявив: «Между нами не может быть братства, если хотите, поговорим о цифрах». И.В. Сталин, действительно, поднял тост за здоровье фюрера, поскольку его «так любит немецкий народ». Однако, провожая германского министра, он «по-товарищески» поведал ему: «Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас».

В ночь с 23 на 24 августа В.М. Молотов и И. фон Риббентроп подписали советско-германский пакт о ненападении. Договор содержал следующие обязательства сторон:

1. Воздерживаться от «всякого насилия, агрессивного действия и от нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами»;

2. Не поддерживать третью державу в случае ее нападения на одну из сторон;

3. Информировать друг друга о «вопросах, затрагивающих их общие интересы»;

4. Не участвовать в какой-либо группировке держав, которая «прямо или косвенно направлена против другой стороны»;

5. Решать спорные вопросы исключительно мирными средствами. Соглашение было заключено на десять лет и вступало в силу «немедленно после его подписания».

В секретном дополнительном протоколе разграничивались сферы интересов двух держав в Восточной Европе:

1. Первая «разграничительная линия» проходила по северной границе Литвы. Это означало, что в сферу интересов СССР попадали Финляндия, Эстония и Латвия;

2. В случае «территориальных изменений» в принадлежавших польскому государству областях «линия государственных интересов» Германии и Советского Союза устанавливалась по рекам Нарев – Висла – Сан;

3. Советская сторона подчеркивала свой «особый интерес» к Бессарабии, в то время как сторона германская заявляла о ее полной политической незаинтересованности в этих районах;

4. Обе договаривавшиеся стороны обязались хранить протокол в строгом секрете.

Подписав пакт о ненападении с СССР, Германия, бесспорно, добилась крупной дипломатической победы, т. к. она нейтрализовала Советский Союз на период агрессии против Польши и западных демократий. «Территориальные уступки» советской стороне объяснялись тем, что договор, как заявил А. Гитлер сразу же после его заключения, являлся «временной мерой, которая не меняла враждебного отношения Германии к СССР».

Значительно сложнее дать оценку значения пакта для СССР. В исторической литературе часто даются крайние ха-

рактеристики: от «мудрого и дальновидного шага» советской дипломатии до «преступного просчета» И.В. Сталина. К истине ближе взвешенная оценка, согласно которой пакт о ненападении представлял собой документ крайне противоречивый.

Позитивные для СССР последствия пакта:

1. Советский Союз получил определенные стратегические преимущества: договор содействовал вооруженному столкновению двух «империалистических группировок», оставляя СССР вне конфликта;
2. Усилились позиции СССР в Балтийском регионе;
3. Советские западные границы были отодвинуты на 250–300 км.;
4. Договор предоставил Советскому Союзу выигрыш во времени: за период до нападения Германии на СССР увеличилась численность Красной армии, сформировано 125 новых дивизий; расширено военное производство и разработаны новейшие виды вооружений; проведена реорганизация структуры войск и частично восстановлен офицерский корпус, выбитый репрессиями;
5. Был внесен разлад в коалицию агрессивных держав. Заключив договор с СССР, Германия нарушила «антикоминтерновский пакт». Отсюда антигерманские демарши ее союзников: Япония подписала соглашение с Москвой об урегулировании конфликтной ситуации на реке Халхин-Гол; Италия отказалась начинать европейскую войну одновременно с рейхом; Ф. Франко, несмотря на уговоры А. Гитлера, выступил с декларацией о нейтралитете в будущей войне;
6. Пакт нанес сокрушительный удар по мюнхенской политике западных демократий. У. Черчилль прокомментировал

его так: «Это полный провал англо-французской дипломатии и внешней политики».

Все вышесказанное позволяет охарактеризовать дипломатическое решение СССР как меру вынужденную и во многом обоснованную.

Негативные результаты:

1. Были дезориентированы антифашистские силы, что задержало формирование движения Сопротивления;
2. Резко упал международный престиж Советского Союза, подписавшего противоправное и во многом аморальное соглашение с фашистской Германией, которое решало судьбы суверенных государств без их на то согласия. Следует сделать оговорку о том, что СССР не первым заключил подобный договор, инициативу проявили западные державы-«умиротворительницы» еще в Мюнхене. И в данном случае хронология событий играет весьма важную роль.
3. Главный просчет Сталина состоял не в том, что он подписал «аморальный пакт», а в том, что он малопродуктивно использовал предоставленные пактом возможности по укреплению безопасности страны;
4. Значимым негативным следствием договора стало то, что фашистский агрессор выиграл от него гораздо больше, чем Советский Союз. В период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. Германия увеличила свое население за счет оккупированных территорий в 3,6 раз (с 80 до 290 млн чел.); ее промышленный потенциал возрос в четыре раза; численность армии выросла с 3,750 до 7,234 тыс. солдат и офицеров; она приобрела опыт ведения боевых действий в различных регионах (от Норвегии до Греции). В этой связи Г.К. Жуков отмечал в своих мемуарах: «У Сталина была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца»

в результате заключения пакта, хотя потом вышло как раз наоборот».

Ключевым моментом в понимании и объяснении причин подписания советско-германского договора о ненападении явилась расстановка сил и развитие отношений между тремя политическими центрами мира. Как уже говорилось выше, Советский Союз в августе 1939 г. действовал в соответствии с теми «правилами игры», которыми руководствовались все великие державы. Каждая из них отстаивала свои собственные геостратегические интересы, не считаясь с морально-этическими и международно-правовыми нормами того времени.

Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. стал последним крупным международным событием предвоенного десятилетия.

Самостоятельная работа

Работа с документами

1. Прочитайте Программу НСДАП, запись первого выступления Гитлера перед генералами 3 февраля 1933 г., протокол совещания, состоявшегося в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г. и выделите основные направления внешней политики нацистов; док. 75, 76, 96. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеевкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019.

2. Для изучения политики «умиротворения агрессора» прочитайте следующие документы: Запись беседы А. Гитлера с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом 22 сентября 1938 г.; Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, заключенное 29 сентября

1938 г.; Намерения А. Гитлера после Мюнхенского соглашения; док. 104, 105, 111, 117, 118, 119, 121, 136. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

3. Как развивались отношения между Польшей, странами Прибалтики и Германией; док. 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

4. О подготовке к нападению на Польшу следует прочитать документы 142, 143, 148, 149, 157, 199, 209, 213, 214. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

5. Прочитайте Договор о ненападении между Германией и СССР. Выделите основные положения документа и изучите существующие оценки договора. Подготовьте эссе, в котором аргументируйте свою точку зрения относительно правильности/ошибочности данного шага для СССР. Была ли у СССР альтернатива договору с Германией? Док. 200, 201, 202, 203. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

Прочитать статьи:

Капитонова Н. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. 2018. № 4.

Вершинин А.А. Эдуард Даладье и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 4.

Ответьте на вопросы: каковы были причины курса по умиротворению агрессора? Насколько велик удельный вес внешних и внутренних факторов, повлиявших на участие Франции и Великобритании в политике «умиротворения»? Наконец, были ли в распоряжении Чемберлена и Даладье альтернативные варианты действий? Попытайтесь определить ту меру ответственности, которую несут Н. Чемберлен и Э. Даладье, а в его лице и все военно-политическое руководство Великобритании и Франции за развязывание Второй мировой войны. Как английские историки оценивают роль правящих кругов Великобритании в политике «умиротворения агрессора» См.: **Коробицына Л. В.** Интерпретация политики умиротворения в современной британской историографии // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 376–383. URL: <https://roii.ru/r/1/66.26>.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие изменения на международной арене произошли в результате мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.?
2. Какими причинами была обусловлена политика «умиротворения агрессора» западных держав?
3. В чем заключалось противоречие внешнеполитической концепции СССР в 1930-е гг.?
4. Какие решения по вопросам обеспечения мира и безопасности были приняты на VII Конгрессе Коминтерна и почему их не удалось реализовать?

5. В силу каких причин пацифистское движение не смогло превратиться в действенный фактор мировой политики в 1930-е гг.?

6. Определите основные требования НСДАП в области внешней политики, представленные в программе партии.

7. Каких уступок от западных держав в ревизии Версальского договора добивалось правительство Г. Брюнинга?

8. Какая провокация была совершена Японией в 1932 г. для обоснования захватнической политики в Маньчжурии?

9. Какие выводы содержал доклад комиссии Литтона?

10. В чем заключались причины выхода Японии из Лиги Наций?

11. Как развивались отношения между СССР и Китаем в межвоенный период?

12. Объясните почему германо-польское соглашение о «ненападении и взаимопомощи», подписанное в 1934 г. подрывало французскую систему безопасности в Европе?

13. Какие события стали предлогом для ухода Германии с конференции по разоружению и выхода из Лиги Наций?

14. Почему А. Гитлер назвал 18 июня 1935 г. «самым счастливым днем своей жизни»?

15. В чем заключались причины уступок гитлеровской Германии со стороны британского правительства во второй половине 1930-х годов?

16. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну? Обоснуйте.

17. Перечислите основные проблемы, мешавшие развитию отношений между СССР и западными державами в 1920–1930-е гг.

18. Почему Франция не дала отпор Германии, которая в нарушение Версальского договора ввела войска в Рейнскую демилитаризованную зону?

19. Какие важные международные последствия имела Ита-ло-эфиопская война 1935 г.?

20. Охарактеризуйте позицию западных держав в связи с событиями в Испании в 1936 г.

21. Назовите основные этапы формирования Оси «Берлин-Рим-Токио».

22. Почему антикоминтерновский пакт представлял угрозу и западным демократиям?

23. Объясните почему СССР оказывал помощь Чан Кайши в период Японо-китайской войны 1937-1945 гг.

24. Каковы были международные последствия «мюнхенского сговора»?

25. Каковы были последствия войны с Финляндией для Советского Союза?

26. Почему Московские переговоры 1939 г. не привели к созданию системы коллективной безопасности?

27. Почему советское руководство пошло на сближение с нацистской Германией и подписало с ней пакт о ненападении?

28. Назовите позитивные и негативные последствия пакта Риббентропа-Молотова?

Тест

1. В каком году Германия вышла из Лиги Наций и заявила об уходе к конференции по разоружению?

1. В 1933 г.;
2. В 1934 г.;
3. В 1936 г.

2. Какое событие, происшедшее в 1934 г., существенно изменило баланс сил в Европе в пользу нацистской Германии?

1. Австрийские нацисты организовали путч, во время которого был убит канцлер Э. Дольфус;
2. Подписание германо-польского соглашения о «ненападении и взаимопомощи»;
3. По инициативе Б. Муссолини был заключен итало-австро-венгерский пакт – так называемые «Римские протоколы».

3. В 1935 г. А. Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности ответом Запада было:

1. Введение экономических и политических санкций против Германии;
2. Заключение англо-германского Морского договора, дававшего «добро» на отмену статей Версальского договора, предусматривавших ограничение морских вооружений Германии;
3. Увеличение франко-бельгийских войск на франко-германской границе.

4. Страна, которая подписала «Римский пакт», дававший свободу действий Италии в Эфиопии:

1. Великобритания;
2. Германия;
3. Франция.

5. Соглашение против Коммунистического Интернационала было подписано в 1936 г.:

1. Германией и Италией;
2. Германией и Японией;
3. Японией и Италией.

6. В знаменитой «карантинной речи» президент США Ф. Рузвельт в 1937 г. впервые прозвучала:

1. Критика изоляционистского внешнеполитического курса США;

2. Критика «умиротворения агрессора»;
 3. Призыв не поставлять стратегические материалы воюющим странам.
- 7. В 1938 г. в Англии произошла смена министра иностранных дел. Английская пресса называла нового министра «наш нацистский министр». Это был:**
1. Э. Иден;
 2. С. Дж. Хор;
 3. Э. Галифакс.
- 8. Какое государство, участвовавшее в расчленении в 1938 г. Чехословакии, получило Тешинскую область:**
1. Венгрия;
 2. Румыния;
 3. Польша.
- 9. 22 мая 1939 г. был подписан «Стальной пакт». Его подписали:**
1. Германия и Япония;
 2. Германия, Италия и Япония;
 3. Германия и Италия.
- 10. О каком договоре говорил И. Сталин, объясняя свой выбор Председателю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми "демократическими странами"... Но Англия и Франция хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить»:**
1. Англо-германская декларация о дружбе и ненападении;
 2. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом;
 3. Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

Тема 4. Международные отношения на первом этапе Второй мировой войны (сентябрь 1939 – 21 июня 1941 гг.)

1. Причины, периодизация и характер Второй мировой войны
2. Нападение нацистской Германии на Польшу. «Странная война»
3. Присоединение Прибалтики и Бессарабии к СССР
4. Советско-финляндская война
5. Германская агрессия против Дании и Норвегии. Расширение нацистской агрессии в Северной и Западной Европе. Поражение Франции
6. «Битва за Британию»
7. Консолидация блока фашистских держав
8. Дипломатическая подготовка германского нападения на СССР
9. Самостоятельная работа

1. Причины, периодизация и характер Второй мировой войны

Основными причинами Второй мировой войны стали:

1. Территориальные споры, возникшие после Первой мировой войны. Одни державы стремились восстановить утраченные территории и сферы влияния, а другие защищали завоеванное. Постоянные разногласия возникали из-за колоний. Все это вначале деформировало Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, а затем привело к ее краху.

2. Соперничество великих держав друг с другом, их стремление к экспансии, к европейской и мировой гегемонии. Гитлер еще в 1925 г. в своей книге «Майн кампф» («Моя

борьба») провозгласил необходимость «Дранг нах Остен» («Натиска на Восток») Германии к «необъятным просторам России» с целью завоевания «жизненного пространства» для немцев. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в меморандуме генерала Танака, представленном императору. В нем говорилось: «Для того, чтобы покорить мир, мы должны прежде всего покорить Китай... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы». Б. Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану.

Концепция внешней политики Третьего рейха, разработанная Гитлером, включала несколько последовательных фаз:

- «Освобождение» Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 г.;
- «Собирание немецких земель» и образование единого блока из 100 млн немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе, аннексия или нейтрализация таких противников, как Австрия, Чехословакия или Польша;
- Устранение потенциального противника Франции;
- Завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» – покорение Европейской России, сокрушение Англии и захват ее колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы», превращение Германии в великую и непобедимую континентальную и мировую державу – «тысячелетний рейх».

В 1934 г. Гитлер достаточно конкретно сформулировал свою внешнеполитическую программу на ближайшее десятилетие: «В центре Европы должно находиться «стальное ядро» – «выкованная в нерушимое единство Германия» вместе с присоединенными к ней территориями Австрии, Чехословакии, Западной Польши. В качестве «монолитного блока ста миллионов людей» она составит «прочный фундамент господства над Европой». Восточная Польша, Прибалтийские и Балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия должны быть объединены в зависимый от Германии «Восточный союз» – «союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики». По такому же образцу будут созданы «Западный союз», объединяющий Голландию, Фландрию и Северную Францию, и «Северный союз» из Дании, Швеции и Норвегии». Однако наряду с этим Гитлер высказывался и о прямой аннексии в будущем побережья Северной Франции, Фландрии, Голландии, Скандинавских государств и Швейцарии. «Время малых государств миновало... – говорил он. – Больше не будет никакого нейтралитета. Нейтралы окажутся захваченными силовыми полями великих (держав). Их поглотят. Все это не произойдет сразу. Я буду шаг за шагом, но с железной последовательностью продвигаться вперед». «Без господства над Европой, – заключал Гитлер, – мы пропадем. Германия есть Европа».

В 1935 г. по указанию Гитлера статс-секретарь германского министерства внутренних дел В. Штукарт разработал детальные планы расчленения Франции. Францию Гитлер искренне ненавидел. Еще в «Майн кампф» будущий фюрер писал: «Франция является смертельным врагом немецкого народа, она душит нас и лишает нас всякой силы». «Франция, – говорил Гитлер своим соратникам задолго до Второй мировой

войны, – эта страна «негроидов», придет в упадок, который она тысячу раз заслуживает... Когда настанет время для сведения счетов с Францией, Версальский мир будет детской игрой по сравнению с условиями, которые мы навяжем ей». В планах Гитлера было и полное уничтожение Франции как независимого государства. На ее месте фюрер предполагал создать «образцовую» эсэсовскую «Бургундию» со столицей в Амьене. Главой государства прочили руководителя бельгийских фашистов Леона Дегреля.

Отношение Гитлера к Великобритании, в отличие от Франции, носило более сложный и противоречивый характер. В течение многих лет германский фюрер рассматривал Англию, наряду с Италией, как своего возможного союзника или, на худой конец, как фактор, который не будет препятствовать германской экспансии в Европе, особенно на Востоке, если гарантировать неприкосновенность Британской империи и не затрагивать ее заморских интересов. Гитлер выдвигал в «Майн кампф» даже идею установления совместно с Англией «нордическо-германского» господства над Европой». Тем не менее уже 23 мая 1939 г. Гитлер выразился достаточно категорично: «Наша цель будет всегда заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени».

3. Опасность войны особенно возросла, когда в целом ряде стран пришли к власти диктаторские, авторитарные, военные и тоталитарные режимы, готовые применить силу в разрешении тех или иных региональных проблем или ради достижения тех или иных геополитических планов и проектов. К концу 1930-х гг. гражданское общество сохранилось лишь в 13 европейских странах. На остальной части Европы раскинулось обширное авторитарное пространство, в которое входило 16 стран с тоталитарными или авторитарными

режимами: Германия, Италия, Испания, СССР, Австрия, Португалия, Греция, Болгария, Венгрия, Югославия, Албания, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония. Особенно большую роль в развязывании Второй мировой войны сыграли фашистские и милитаристские (военные) режимы в Италии, Германии и Японии.

4. Важнейшей причиной возникновения и начала Второй мировой войны было стремление западных стран (США и Великобритании, прежде всего) уничтожить в ходе длительного мирового военного конфликта Советский Союз. В этом цели Лондона и Вашингтона совпадали не только друг с другом, но и военно-политическими планами и геополитическими проектами фашистской Германии и милитаристской Японии. Антигитлеровская коалиция государств, сложившаяся в годы Второй мировой войны, отнюдь не означала дружбы Лондона и Вашингтона с Москвой, что показала «холодная война» 1945–1991 гг. Еще в годы Первой мировой войны американских правящих кругах вызрел «план Хауза». В книге «Беспамятство. Кто начал Вторую мировую войну» В. А. Никонов, приводит слова британского премьера С. Болдуина, который в 1936 г. говорил, что Великобритания «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии». Поэтому он приветствовал желание Гитлера двигаться на восток: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Тех же принципов придерживался и сменивший его на посту премьера в 1937 г. Н. Чемберлен, который полагал: «Для нас, разумеется, стало бы наилучшим исходом, если бы эти бешеные псы – Гитлер и Сталин – сцепились и разорвали друг друга».

С причинами и мотивами Второй мировой войны в принципе картина достаточно полная и понятная. Могут быть лишь нюансы и, конечно же, дискуссии. А вот с датировкой начала Второй мировой войны не все так однозначно. Общепринятая точка зрения, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. И прошла следующие этапы:

Первый этап: сентябрь 1939 – 21 июня 1941 года;

Второй этап: июнь 1941 – ноябрь 1942 года;

Третий этап: конец 1942 года – декабрь 1943 года;

Четвертый этап: январь 1944 – май 1945 года;

Пятый этап: май – сентябрь 1945 года.

Однако вопрос о хронологических рамках Второй мировой войны вызывает споры. Это прежде всего относится ее началу. Во-первых, целый ряд видных политических деятелей Запада отнюдь не относили начало Второй мировой войны к 1 сентября 1939 г. Ф. Ноэль-Бэйкер, глава британской делегации на финальной сессии Лиги Наций (1946 г.), заявил: «Мы знаем, что мировая война началась в Маньчжурии 15 лет назад», т. е. в 1931 г. В свою очередь, Г. Стимсон, госсекретарь США при президенте Г. Гувере и военный министр в администрации Ф. Д. Рузвельта, считал, что Вторая мировая война началась под Мукденом в сентябре 1931 г. и закончилась атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки (август 1945 г.). Ф. Д. Рузвельт, обращаясь к американскому народу от 9 декабря 1941 г., перечислил все ключевые события уже шедшей Второй мировой войны: «В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию – без объявления войны. В 1935 г. Италия захватила Абиссинию – без объявления войны. В 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию – без объявления войны. В 1939 г. Гитлер захватил Чехословакию – без объявления войны. В том же 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу – без объ-

явления войны. В 1940 г. Гитлер вторгся в Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию и Люксембург – без объявления войны. В 1940 г. Италия напала на Францию и позднее на Грецию – без объявления войны. В 1941 г. Гитлер вторгся в Россию – без объявления войны. А сейчас Япония напала на Малайские острова и Таи и на Соединенные Штаты – без объявления войны. Метод везде один».

Ставит под сомнение начальную дату Второй мировой войны в официальной историографии – 1 сентября 1939 г. дипломат, доктор исторических наук, бывший советский посол в ФРГ в 1971–1978 гг., референт Н. С. Хрущева и А. А. Громыко В. М. Фалин. Он отмечает: «на момент нападения Германии на Польшу погибло около 20 млн китайцев. Однако считается, что Вторая мировая началась 1 сентября 1939 г.».

Президент Фонда исторической перспективы, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук Н. А. Нарочницкая в одной из своих работ подчеркнула, что «если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война – самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов... Передел мира на Дальнем Востоке унес жизни более 35 млн человек – прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией. Уже в 1931 г. Япония тогда захватила территорию, равную площади Франции». Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выражался тогда Д. Ллойд Джордж. «Мы предоставили Японии свободу действий против СССР, – пояснил он. – Пусть она расширит ко-

рейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на Восток и тем самым обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии».

Профессор кафедры политической психологии СПбГУ А. Вассоевич задается вопросом: «Почему англосаксонскому миру так важно, чтобы Вторая мировая война началась именно 1 сентября 1939 г.? Потому что при такой трактовке Запад может легко назвать пакт Молотова– Риббентропа спусковым крючком к мировой войне и объявить Россию как правопреемницу СССР одной из виновниц в ее развязывании. Вместе с тем затушевывается значение других дат». Одновременно А. Вассоевич полагает, что «Вторая мировая война началась в 1937 г. с нападения Японии на Китай», добавляя, что «если мы солидаризируемся в этом вопросе с учеными КНР, то мозаика сложится моментально – станет понятно, что и закончилась мировая война 2 сентября 1945 г. там, где и начиналась, то есть на Дальнем Востоке».

10 марта 1939 г. в Москве открыл свою работу XVIII съезд ВКП(б). В тот же день, на вечернем заседании, с Отчетным докладом перед делегатами съезда выступил И. В. Сталин. Анализируя международное положение Советского Союза, он подчеркнул, что «уже второй год идет новая империалистская война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима». Говоря о мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг., И. В. Сталин заявил, что за ним последовала депрессия, а затем некоторое оживление, «которое, однако, не переросло в процветание». Мир и Европа сно-

ва оказались в начале нового экономического кризиса. «Нынешний кризис, – заявил И. В. Сталин, – разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны». Правда, даже И. В. Сталин оговорился: «Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пытаются назад и отступают, давая агрессору уступку за уступкой». Но до этого И. В. Сталин говорил: «Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия – на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года – Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. – остров Хайнань. Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара. После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима

были на Дальнем Востоке – договор девяти держав, а в Европе – версальский и целый ряд других договоров. Лига Наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государства, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинула вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия – версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций. Новая империалистическая война стала фактом». Все это говорит о том, что И. В. Сталин был уверен в том, что вторая «большая война» уже шла второй год, как он отметил в своем Отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б). И. В. Сталин, несомненно, понимал под началом «второй империалистической войны» события начала июля 1937 г. на Дальнем Востоке. Что же там произошло? 7 июля 1937 г. у старинного моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) в окрестностях Пекина произошло вооруженное столкновение между китайскими и японскими солдатами. Воспользовавшись этим инцидентом, японские войска развернули наступление вглубь Китая. С 27 июля 1937 г. началась полномасштабная война, продлившаяся восемь лет. Япония формально не объявляла войны правительству Гоминьдана и именовала ее «Китайским инцидентом» (так же как захват Маньчжурии в 1931 г. был официально назван «Маньчжурским инцидентом»), стремясь тем самым принизить значение происходящих событий в глазах Запада и собственного общественного мнения. Япония утверждала, что не намерена завоевывать Китай и действует лишь «в порядке самозащиты». Она даже «признавала» суверенитет правительства Чан Кайши над оккупированными тер-

риториями, хотя и смещала там местную гоминьдановскую администрацию. Китай тоже воздерживался от официального объявления войны агрессору, оставляя себе возможность для политического маневрирования. Оба государства продолжали поддерживать дипломатические отношения. Это была «странная война наоборот», если сравнивать ее с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась. Так началась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, ставшая впоследствии составной частью Второй мировой войны. Она продолжалась до 2 сентября 1945 г. и стоила жизни более чем 20 млн жителям Китая.

Таким образом на начальную дату Второй мировой войны определились три точки зрения. Первая – 1 сентября 1939 г., вторая – 7 июля 1937 г., и третья – сентябрь 1931 г. Сегодня в Китае считают, что Вторая мировая война началась, как минимум, в 1937 г. С учетом этих лет потери Китая в человеческих жизнях превысили даже советские и составили, по-видимому, не менее 35 млн человек.

Как возникли советские оценки политического характера Второй мировой войны? На оценки характера второй мировой войны непосредственное воздействие оказывала политическая конъюнктура и факторы откровенно идеологического характера. Это хорошо видно на примере советской историографии, когда официальные точки зрения и подходы к данной проблеме иногда менялись на диаметрально противоположные. Так, на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) было особо подчеркнуто, что тогда уже явно назревавшая новая мировая война станет войной справедливой со стороны противников фашистских агрессоров. Поэтому компартии – сек-

ции III Интернационала должны были вместе со всеми демократическими силами решительно бороться на стороне антифашистского лагеря. На это была направлена практическая политика Советского Союза и компартий и, разумеется, коммунистическая пропаганда, однозначно нацеленная против фашистской экспансии. Англия, Франция, США рассматривались в качестве «неагрессивных», с которыми СССР может и должен сотрудничать в борьбе «за поддержку народов, ставших жертвами агрессии».

В конце 1930-х гг., после того как агрессия Германии, Италии и Японии привела к образованию очагов войны в Африке, в Европе и на Дальнем Востоке, руководители Советского Союза во главе с И.В. Сталиным пришли к выводу, что «вторая империалистическая война на деле уже началась». Впервые этот вывод был сформулирован в сентябре 1938 г. в «Кратком курсе» истории ВКП(б), который тогда являлся важнейшим руководящим документом для всего коммунистического движения. В «Кратком курсе» говорилось, что вторую империалистическую войну начали «три агрессивных государства, – фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии», а ведется она «в конечном счете против капиталистических интересов Англии, Франции, США, т. к. имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств». «Краткий курс» осуждал фашистскую агрессию, а «так называемые демократические государства», не участвовавшие в войне, обвинял в том, что они «ограничиваются политикой уговаривания зарвавшихся фашистских заправил» и склоняются к сговору с ними против СССР.

В марте 1939 г. на XVIII съезд ВКП (б) в отчетном докладе, сделанном И.В. Сталиным, подчеркивалось, что «войну

ведут государства-агрессоры», а «неагрессивные демократические государства» – Англия, Франция, США – «пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой». Главную причину уступчивости неагрессивных государств Сталин видел в проводимой ими политике «невмешательства», а на деле – попустительства агрессорам с целью направить агрессию Германии и Японии против СССР. И.В. Сталин заявил, что СССР стоит «за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины», и в то же время выступает «за мир и укрепление деловых связей со всеми странами». Мысль о готовности СССР укреплять деловые связи со всеми странами он повторил дважды, как выяснилось впоследствии, далеко не случайно, добавив, что необходимо «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

После XVIII съезда ВКП(б) Советский Союз начал переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с Англией и Францией и почти одновременно вступил в конфиденциальные переговоры с Германией, которые привели к заключению советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. Подписание этого договора и последующих советско-германских соглашений существенно изменило прежние оценки. 31 августа 1939 г., за день до нападения фашистской Германии на Польшу, Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил на внеочередной сессии Верховного Совета с докладом о ратификации советско-германского договора о ненападении. Он отметил, что еще на XVIII съезде партии Сталин, высказываясь за укрепление деловых связей «со всеми странами», по существу, «поставил вопрос о возможности

других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, – добавил В.М. Молотов, – что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы». В.М. Молотов заявил, что СССР и Германия «перестали быть врагами». Теперь «поджигателями войны» были объявлены правящие круги Англии и Франции и лидеры социалистических партий. По существу, это был сигнал к свертыванию антифашистской пропаганды.

На следующий день – 1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция, связанные с Польшей договорами о взаимной помощи, объявили войну Германии. Советская печать сообщила о начале войны лишь 3 сентября. Газета «Правда» поместила на пятой странице коммюнике верховного командования германской армии о продвижении германской армии на всех фронтах под нейтральным заголовком: «Военные действия между Германией и Польшей».

17 сентября 1939 г. с речью по радио выступил В.М. Молотов. Он заявил, что «события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства»; что «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР», а проживавшие в Польше украинцы и белорусы оказались брошенными на волю случая. Поэтому «Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

18 сентября 1939 г. было подписано германо-советское коммюнике о задачах «советских и германских войск, действующих в Польше». Там указывалось, что «действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». 28 сентября 1939 г. Германия и СССР заключили договор «О дружбе и границе», который устанавливал границу «между обоюдными государственными интересами на территории бывшего польского государства». Одновременно было опубликовано германо-советское заявление, утверждавшее, что после распада польского государства и установления новых границ между СССР и Германией создан «прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе». Оба правительства обещали направить свои усилия для ликвидации войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. «Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то, таким образом, будет установлен тот факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах». В 1980-е гг. советское руководство признало, что подписание договора «О дружбе и границе» между СССР и Германией 28 сентября 1939 г. было политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для СССР, и для других стран, и для коммунистического движения.

Таким образом, советское руководство не осуждало ни фашистскую агрессию, ни ликвидацию польского государства, а ответственность за продолжение войны возлагало на Англию и Францию. Война считалась империалистической с обеих сторон, рабочий класс капиталистических стран призывали бороться за мир с Германией.

Эти оценки, по существу, не менялись вплоть до Великой Отечественной войны. Изменения произошли после нападения фашистской Германии на Советский Союз, когда СССР стал союзником Англии и США. В первом после начала войны выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин выразил уверенность, что Отечественная освободительная война советского народа против фашистских поработителей «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г. И.В. Сталин высказался еще более определенно: «Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов... В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании».

Вскоре после окончания войны Сталин еще раз повторил эту оценку. В широко известной речи 9 февраля 1946 г. он сказал: «Вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить – и действительно усилило – антифа-

шистский и освободительный характер второй мировой войны». Эта точка зрения не менялась более десяти лет. Ее пересмотр в Советском Союзе произошел после XX съезда КПСС, который осудил культ личности Сталина и способствовал оживлению общественной мысли.

Впервые новая советская оценка характера Второй мировой войны была высказана в 1957 г. в Тезисах Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма–ленинизма при ЦК КПСС «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции», причем без всякой аргументации, как бы мимоходом, во вступительном обороте: «Вторая мировая война, превратившаяся из империалистической в антифашистскую, освободительную войну, показала, что капиталистические и социалистические страны могут не только сосуществовать, но и сотрудничать даже в военной области». Затем эта точка зрения была развита в теоретическом органе ЦК КПСС – журнале «Коммунист» и принята в официальных публикациях по истории Великой Отечественной войны, второй мировой войны и истории КПСС. С начала 60-х годов она стала господствующей среди советских историков.

Понятно, что все прежние оценки были продиктованы политическими и тактическими соображениями. Разумеется, теперь никто из российских историков не отрицает, что фашистские государства вели захватническую, несправедливую войну, а страны, подвергшиеся фашистской агрессии, – антифашистскую, освободительную. Все согласны, что после вступления в войну Советского Союза и создания антигитлеровской коалиции война со стороны стран этой коалиции (включая Англию и США) имела освободительный, антифашистский характер.

Спор идет лишь о том, как оценить характер войны со стороны Англии и Франции в период от нападения фашистской Германии на Польшу до нападения на Советский Союз. М.И. Семиряга на страницах журнала «Новая и новейшая история» выступил со статьей, в которой возродил советские оценки 1941–1956 гг., полагает, что война против фашистской Германии, в которую вступила Англия и Франция в сентябре 1939 г., «не могла не иметь с самого начала справедливого, освободительного характера». Другой участник дискуссии – С.А. Тюшкевич высказал мнение о превращении Второй мировой войны из империалистической в антифашистскую. Он пишет, что, «вступая в войну, Англия и Франция проводили реакционную империалистическую политику»; с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. шел процесс превращения войны из империалистической в антифашистскую, и только «после нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. коренным образом изменился социально-политический характер войны, развязанной агрессивными силами».

Для суждения о правильности или ошибочности той или иной точки зрения необходимо прежде всего выяснить вопрос о научных критериях характера войны.

М.И. Семиряга предлагает при оценке войны «исходить прежде всего из классовых интересов трудящихся», а также из того, «какое из двух зол все же является наименьшим и в международном плане». Подчеркивая опасность фашизма и наличие буржуазно-демократических свобод в Англии и Франции, он доказывает, что сам факт вступления этих стран в войну против фашистских государств предопределял антифашистский характер войны с их стороны. Конечно, это очень простой и ясный критерий, принятие которого

кладет конец дискуссии. Любое государство, воюющее против фашистских агрессоров, ведет антифашистскую войну.

С.А. Тюшкевич считает, что «социально-политический характер войны» определяется четырьмя критериями: «во-первых, оценкой источников войны, ее экономических и социально-политических причин; во-вторых, выяснением ее политического содержания, т. е. объективных отношений между классами, государствами (коалициями), реальных противоречий, приведших к войне, политических целей, которые в ней преследуются»; в-третьих, «моральной и правовой оценкой», наконец, «в-четвертых, социально-политический характер войны оценивается и с точки зрения применяемых в ней средств и способов достижения политических целей».

Рассмотрим эти критерии. Выяснение источников и причин войны, бесспорно, необходимо для понимания ее происхождения, но ответа на вопрос о характере войны это не дает. Известно, что война между капиталистическими странами может быть империалистической с обеих сторон, но может быть и освободительной, антифашистской для одной из сторон (какой была, по единодушному мнению советских ученых, война Англии и США против Германии, Италии и Японии в 1941–1945 гг.).

Моральная и правовая оценка войны имеет огромное значение при определении отношения к ней государств, классов и партий. Справедливая или несправедливая война – вот чем руководствуются люди, определяя свое отношение к ней. Тем не менее моральная и политическая оценка, это именно оценка, которая может быть (и действительно бывала) неверной. Она не является объективным показателем подлинного характера войны.

Из статьи С.А. Тюшкевича неясно, как определить характер войны «с точки зрения применяемых в ней средств и способов». Вероятно, речь идет о преступлениях против человечности, совершенных фашистскими агрессорами. В таком случае это веский аргумент в пользу признания войны со стороны фашистских государств захватнической и несправедливой. Однако возьмем другой случай. Сейчас демократическое общественное мнение осуждает применение американским правительством такого средства войны, как атомное оружие. Значит ли это, что в 1945 г. в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки война со стороны США приобрела несправедливый, империалистический характер (оставаясь справедливой, антифашистской со стороны Англии)? Очевидно нет, но в таком случае ясно, что средства и методы, применяемые в войне, сами по себе не могут служить критерием ее характера.

Наиболее близкое отношение к определению характера войны имеет второй критерий – «политическое содержание» войны. Как и другие отечественные историки, С.А. Тюшкевич исходит из мысли В.И. Ленина: социальный характер войны определяются тем, «какую политику война продолжает («война есть продолжение политики»), какой класс в каких целях войну ведет». Это ленинское положение следующим образом применяется ко Второй мировой войне: «Политика, проводимая Англией и Францией накануне войны, носила антисоциалистический, антисоветский характер, и потому она не может рассматриваться как справедливая. Следовательно, и война, которую вынуждены были вести Англия и Франция, не могла быть справедливой». Такое логичное, но абстрактное рассуждение, по мнению другого участника дискуссии В.П. Смирнова, не учитывает всей сложности конкретной исторической

ситуации. По его мнению, «следуя такой аргументации, легко прийти к выводу, что война со стороны Англии оставалась империалистической и несправедливой на всем ее протяжении. В самом деле, предвоенная политика Англии «не может рассматриваться как справедливая»; войну со стороны Англии вел один и тот же класс (и даже одни и те же партии), а подлинно освободительных, справедливых целей войны, как пишет С.А. Тюшкевич, «не выдвигало и не могло выдвинуть ни одно буржуазное государство». Следовательно, не должен был меняться и характер войны. Но, изучив обстановку более детально, мы увидим, что в довоенной политике Англии и Франции были сильны антисоветские настроения, имелась тенденция к сговору с фашистской Германией, но одновременно существовала и тенденция борьбы против нее. В правящих классах Франции и Англии действовали разные группировки, проводившие различную политику. Правительства буржуазных государств в действительности выдвигали антифашистские цели войны. Например, еще в 1939 г. английским правительством была поставлена задача «уничтожения гитлеризма», что вполне соответствовало антифашистскому характеру войны. Позднее, в августе 1941 г., антифашистские цели войны были провозглашены У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в Атлантической хартии, с основными принципами которой согласился, как известно, Советский Союз. В частности, в Атлантической хартии сказано, что США и Англия «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить», и «стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». США и Англия заявляли, что они добиваются «окончательного уничтожения нацистской тирании» и установления мира, который «даст

возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды». Атлантическая хартия предлагала всем государствам в будущем «отказаться от применения силы» и установить систему «всеобщей безопасности». Можно, конечно, доказывать, что принципы Атлантической хартии недостаточно конкретны, что США и Англия сами их нарушали, но нельзя утверждать, что ни одно буржуазное государство «не выдвигало и не могло выдвинуть» справедливых целей войны.

Поскольку же война началась между капиталистическими государствами, а затем некоторые из них стали союзниками социалистического государства, приходится признать, что определяющим фактором расстановки сил во второй мировой войне был не классовый конфликт между социализмом и империализмом, а межимпериалистические противоречия. С.А. Тюшкевич в своей статье утверждает, что «в 30-х годах империализм стал еще более милитаристским, агрессивным», и, хотя в капиталистическом мире «резко усилилась борьба за мировое господство между противостоящими группировками империалистических государств», в то же время «социально-классовое содержание агрессивности империализма было в своей основе антисоветским, антикоммунистическим, усилилась его антидемократическая направленность». Такое рассуждение об агрессивности «империализма» вообще оставляет в тени важнейший факт международной обстановки 30-х годов, отмеченный еще VII конгрессом Коминтерна: разделение империалистических государств на агрессивные, фашистские и неагрессивные, демократические страны. В Германии с приходом к власти фашизма империализм действи-

тельно стал «еще более милитаристским, агрессивным», «усилилась его антидемократическая направленность». Но подобные оценки совершенно неприменимы, например к Франции, которая в 1935 г. заключила договор о взаимной помощи с СССР и в которой в 1936 г. к власти пришло правительство Народного фронта, поддержанное коммунистами. У нас нет никаких данных, позволяющих говорить об усилении агрессивности и антидемократической направленности империализма в Англии и США. Напротив, в 30-е годы эти страны сохранили свои демократические свободы и добивались сохранения статус-кво в международных отношениях. Войну начали не они, а фашистские агрессоры.

Не соответствует действительности и высказанное без всяких доказательств утверждение о том, что «как Германия, так и Англия и Франция делали ставку на военный метод разрешения основного противоречия между капитализмом и социализмом». Фашистская Германия действительно готовилась к войне против СССР и других государств и, в конце концов, напала на Советский Союз, но Франция и Англия занимали иную позицию. Их военные планы кануна войны, как известно, не предусматривали нападения на СССР. Следовательно, в отличие от фашистской Германии Англия и Франция не делали ставки «на военный метод разрешения основного противоречия между капитализмом и социализмом». Считая, что Англия и Франция, так же как Германия, «делали ставку на военный метод» борьбы против СССР, С.А. Тюшкевич в то же время высказывает и другое мнение. Он пишет, что у правительств Англии и Франции (а также и США) «имелась одна цель – поставить Советский Союз в невыгодные условия международной изоляции перед лицом фашистской агрессии». Между тем хорошо известно, что со второй половины 30-х гг.

(особенно после заключения советско-французского пакта о взаимопомощи) англо-французские военные планы предусматривали в первую очередь войну против Германии. 22 марта 1939 г. Англия и Франция публично обменялись нотами, содержащими взаимные обязательства об оказании помощи друг другу. Предоставив гарантии Польше, Румынии и Греции, они вступили в войну, отказавшись от немецких предложений заключить мир после разгрома Польши. Эти факты свидетельствуют о том, что правящие круги Англии и Франции преследовали не одну, а несколько целей. Наряду с тенденцией к сговору с фашистской Германией, в Англии и Франции существовала и тенденция борьбы против нее. Англия, Франция и США отстаивали от фашистских агрессоров свои экономические, политические и стратегические интересы. Они боролись за сохранение своих позиций, за мировое господство, но вместе с тем за сохранение демократических свобод, против фашизма. Такое сочетание различных целей и тенденций, по нашему мнению, было одной из важнейших особенностей войны, которую вели Англия и Франция, а затем США.

С.А. Тюшкевич совершенно прав, указывая, что анти-советские тенденции, как и тенденции к сговору с Германией, особенно отчетливо проявились в Англии и Франции во время «странной войны» 1939–1940 гг., когда военных действий на Западном фронте фактически не велось. Именно тогда генеральные штабы Англии и Франции разработали планы вмешательства в войну СССР против Финляндии и планы бомбардировки советских нефтепромыслов на Кавказе. Во Франции тогда были резко ограничены демократические свободы, запрещена Французская коммунистическая партия, коммунисты изгнаны из муниципалитетов и руководства профсоюзов. Не-

смотря на объявление войны, некоторые представители английских и французских правящих кругов продолжали тайные переговоры с Германией с целью прекращения войны и, возможно, даже совместной борьбы против СССР. Однако, учитывая все эти факты, не надо все же забывать, что англо-французские планы нападения на СССР не осуществились, а попытки сговора с Германией кончились провалом. Преобладающее влияние в правящих кругах Франции (и тем более Англии) сохранили сторонники борьбы против Германии, а не сговора с ней. Во Франции после ее поражения летом 1940 г. они были отстранены от власти, но в Англии, напротив, усилили свои позиции после формирования правительства У. Черчилля.

Очень важной частью концепции С.А. Тюшкевича является утверждение о том, что в 1939–1941 гг. война стала постепенно превращаться в освободительную и антифашистскую. С одной стороны, «это проявлялось в непрерывном нарастании национально-освободительного, демократического и революционного движения», с другой – «эскалация агрессии создала реальную угрозу национальной самостоятельности многих стран». В конечном итоге, «решающей силой превращения войны империалистической в освободительную, справедливую явились активные действия народных масс. Ведущую роль в этом сыграл рабочий класс как наиболее последовательный выразитель интересов всех трудящихся и его авангард – коммунистические партии». Сопоставим эти утверждения с фактами. Конечно, к лету 1941 г., т. е. после оккупации Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, Греции, Югославии, после подписания в сентябре 1940 г. тройственного пакта Германии Италии и Японии, опасность для национальной самостоятельности

многих государств возросла. В оккупированных странах стало зарождаться движение Сопротивления, хотя его масштабы были еще крайне ограниченными, а о «революционном движении» вообще нет данных. Но могло ли все это изменить характер войны со стороны Англии – единственной страны, которая тогда продолжала воевать против гитлеровской Германии и фашистской Италии? Какие изменения произошли в «политическом содержании» войны, которая велась Англией в 1940–1941 гг. по сравнению с предыдущим периодом? Ясного ответа на эти вопросы мы не находим. Непонятно также, какие факты имеются в виду, когда говорится, что активные действия народных масс явились решающей силой превращения войны из империалистической в освободительную, причем ведущую роль в этом процессе сыграл рабочий класс во главе с коммунистическими партиями. Во всех воюющих странах народные массы действовали под руководством и строгим контролем государства. Разумеется, ни в одной из капиталистических стран рабочий класс и коммунистические партии не осуществляли руководство войной. Рабочие организации, например профсоюзы воюющих стран, могли до известной степени влиять лишь на политику Англии и США. Но в Англии основные профсоюзы и лейбористская партия поддерживали правительство, а в США та часть профсоюзов, которая находилась в оппозиции к правительству, первоначально выступала против войны. Что касается коммунистических партий Англии и США, то они были очень невелики, и их деятельность не могла определить характер войны. Все это подтверждает правоту тех историков, которые считают, что война Англии и Франции, как и других государств, против фашизма с самого начала носила антифашистский и, следовательно, справедливый характер. В правящих кругах этих стран шла

борьба и существовали различные тенденции – как антифашистские, освободительные, так и реакционные, империалистические. В наибольшей степени империалистические тенденции в политике Англии и Франции проявились во время «странной войны», но и тогда они не были господствующими. В дальнейшем они обнаруживались, например, в задержке создания второго фронта и во многих других действиях правящих кругов США и Англии, однако их наличие не меняло общего антифашистского характера войны со стороны участников антигитлеровской коалиции – Англии и США.

В.Л. Мальков утверждает: «Особая расстановка сил на мировой арене, возникшая после заключения советско-германского пакта о ненападении и нападения Гитлера на Польшу, только затемнила, но не опровергла в целом оборонительный, антифашистский, а следовательно, справедливый характер войны для тех стран, которые оказались вовлеченными в нее на стороне жертв агрессии. Объективно это было так, независимо от того, что помыслы правящих кругов этих стран зачастую не совпадали с ... основным объективным содержанием исторических явлений той войны, которая велась против фашизма в 1939 – 1945 годах».

Данная точка зрения была поддержана большинством участников дискуссии и нашла отражение в последующих публикациях отечественных историков. Так, Е.Ф. Язьков, согласившись с выводом, что до начала войны в политике правящих кругов Англии и Франции переплетались две противоположные тенденции (одна – к сговору с фашистской Германией, другая – к активной борьбе с ней), тем не менее в итоговой оценке весьма категоричен: «... независимо от империалистических расчетов руководства держав Запада война

Англии и Франции даже в период «странной войны» 1939–1940 годов была справедливой, освободительной войной».

С таким выводом не согласны историки, представляющие другую концепцию характера Второй мировой войны. Например, С.А. Трошкевич убежден, что политика Лондона и Парижа накануне и в начальный период войны ставила честные, своекорыстные интересы английской и французской буржуазии «выше интересов общечеловеческих». А.С. Орлов уверен, что «характер второй мировой войны со стороны западных держав на начальном этапе, то есть в период «странной войны», определялся именно той политикой, которую проводили Англия и Франция до сентября 1939 г. Поэтому говорить (как это делает М.И. Семиряга) о том, что политика их правящих кругов «с 1 сентября 1939 года претерпела существенные изменения», вряд ли правомерно». Еще более категоричен в своей оценке ветеран компартии Великобритании Э. Ротштейн: «Говорить о том, что вторая мировая война началась для Англии и Франции как справедливая, по моему мнению, абсурдно».

Таким образом, определение характера второй мировой войны – задача весьма непростая, требующая разностороннего анализа.

2. Нападение нацистской Германии на Польшу. «Странная война»

1 сентября фашистская Германия напала на Польшу. Эту страну нередко называют «первой жертвой мировой войны». Между тем У. Черчилль давал предвоенной Польше весьма нелестные характеристики, считая ее «европейской гиней, разорванной хищниками»: «Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешно».

ли захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел».

Действительно, Варшава собиралась вместе с немцами принять участие в походе на Восток, разгроме Советской России. Польская верхушка мечтала о новых захватах за счет России (поляки захватили западнорусские земли в ходе войны 1919–1921 гг.), восстановлении «Великой Польши» в границах 1772 г. В предвоенный период Польша вела себя как наглый хищник, поджигатель большой войны в Европе.

Достаточно вспомнить, что в 1930-е гг. Варшава активно дружила с Берлином, считая немцев главными врагами «большевиков» и надеясь, что удастся договориться с А. Гитлером о совместном походе на Москву. В 1934 г. Варшава и Берлин подписали пакт о ненападении (на фоне выхода Германии из Лиги Наций). При этом Польша стала главным европейским адвокатом агрессоров в Лиге Наций. Варшава оправдывала нападение фашистской Италии на Абиссинию (Эфиопия), агрессию японцев в Китае и поддерживала действия гитлеровцев в Европе – восстановление контроля над Рейнской областью (с ее милитаризацией), захват Австрии и расчленение Чехословакии. Во время аншлюса Австрии Польша попыталась аннексировать Литву. Только жесткая позиция СССР, и отсутствие поддержки Англии и Франции в литовском вопросе, заставили польское правительство отступить.

Затем два европейских хищника: Германия и Польша, сообща набросились на Чехословакию. Польша способствовала заключению Мюнхенского соглашения, отказав в военной помощи своему союзнику Франции в защите другого союзника французов – Чехословакии.

Также поляки отказали пропустить через свою территорию войска СССР на помощь Праге. Затем поляки открыто выступили как агрессоры, приняв участие в разделе «чехословацкого пирога». Дело было в том, что поляки претендовали на советскую Украину и видели в А. Гитлере союзника в будущей войне с Москвой.

Но у А. Гитлера были свои планы, фюрер сам хотел сделать Малороссию-Украину частью «Вечного рейха». Польшу же планировал разгромить, вернуть в состав Германии земли, утраченные после Первой мировой войны, сделать колонией и стратегическим плацдармом для броска на Москву. До поры до времени А. Гитлер скрывал эти планы, обнадеживая поляков. Поэтому польское правительство, слепо и глупо упорствуя в своей русофобии и антисоветизме, отказалась поддержать советскую систему коллективной безопасности в Европе, что могло спасти Польшу от сентябрьской катастрофы 1939 г. Поляки до последнего момента готовилась к войне с СССР. К возможной войне с Германией Варшава не готовилась, т. к. видела в Германии союзника против России. Что весьма помогло немцам в будущем разгроме польской армии.

Неудивительно, что Варшава не пожелала помощи Москвы даже в августе 1939 г., когда угроза нападения Третьего рейха на Польшу стала очевидной. Польское руководство отказалось впустить Красную Армию в Польшу. Хотя в это время пакт Риббентропа – Молотова еще не был подписан, Германия и СССР считались противниками. А Москва добросовестно пыталась добиться создания системы коллективной безопасности вместе с Францией и Англией. Однако польская «элита» оказалась настолько недалководидной в своей истори-

ческой ненависти к России и русским, что отказалась принять протянутую Москвой руку помощи.

У Германии существовали серьезные территориальные претензии к самой Польше. Речь идет о так называемом «данцигском» или «польском коридоре», разделившим территорию Германии по окончании Первой Мировой войны. У Третьего Рейха не было сухопутной связи с Восточной Пруссией. На территории «данцигского коридора» было образовано польское Поморское воеводство, а сам Данциг получил статус вольного города под контролем Лиги Наций. Строго говоря, претензии Германии на Данциг имели под собой исторические основания. Однако, когда немецкие дипломаты озвучили их польской стороне, Варшава с возмущением их отвергла.

Изначально требования А. Гитлера ограничивались лишь прокладкой экстерриториальной шоссейной дороги в Кенигсберг, но Польша решительно отказывалась от каких-либо уступок.

А. Гитлер решил разгромить Польшу, чтобы обеспечить себе тыл перед броском на Париж и освободить центральное стратегическое направление (Варшава – Минск – Москва) для будущей войны с СССР. Поэтому Польша, будучи сама хищником, желающим поучаствовать в разделе территории на Востоке, стала жертвой еще более сильного хищника.

Подготовка стратегического плана войны с Польшей (План «Вайс»), предполагавшего разгром армии этого государства в течение двух недель, была завершена в июне 1939 г.

За несколько месяцев до начала войны СМИ Третьего Рейха начали подготовку общественного мнения, сообщая о том, что этнические немцы в Польше подвергаются гонени-

ям, а польские националисты осуществляют вооруженные провокации в приграничных районах. Пропагандистская кампания, включавшая в себя инсценировку нападений польских подразделений на территорию Германии, проводилась спецслужбами Третьего Рейха и носила кодовое название «Операция «Гиммлер».

Главной частью операции «Гиммлер» была спецоперация «Консервы», которая должна была обеспечить непосредственный повод к вторжению в Польшу.

Подготовкой операции руководил начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих. Согласно плану, переодетые в польскую военную форму сотрудники СС должны были напасть на радиостанцию в Гляйвице и передать в эфир антигерманское воззвание на польском языке, а также напасть на лесничество и на таможенный пункт на польско-немецкой границе. Покидая место диверсий, эсэсовцы должны были оставить на месте трупы в польской форме. Эту роль уготовили узникам концлагерей, которых предполагалось убить путем смертельной инъекции, а затем доставить трупы на место провокации, где выпустить в них по несколько пули, чтобы создать иллюзию боя.

В осуществлении операции были задействованы более сотни сотрудников СС и СД, владеющих польским языком. Участникам спецгруппы было строго запрещено вступать в контакт с немецкими структурами на местах.

22 августа, т. е. за день до подписания Пакта о ненападении между СССР и Германией, А. Гитлеру доложили о полной готовности диверсионных групп к действию. 23 августа фюрер отдал приказ о проведении операции в 4:30 утра 26 августа.

Но, тут у Третьего Рейха появились дополнительные осложнения. Неожиданно заупрямился Б. Муссолини, отказывавшийся поддержать вторжение. Великобритания подтвердила намерение оказать Польше военную помощь в случае немецкого вторжения. Кроме того, информация о подготовленных провокациях благодаря английской агентуре в Берлине стала известна английскому правительству. Была дана команда перенести операцию на 31 августа. Около 20:00 группа эсэсовцев под видом поляков ворвалась в помещение радиостанции в Гляйвице. После беспорядочной стрельбы сотрудников радиостанции связали и загнали в подвал. Затем в эфире радиостанции прозвучало антигерманское воззвание, после чего диверсанты поспешили скрыться. К этому моменту у входа в здание уже лежали простреленные трупы в польской форме. По аналогичному сценарию развивались события и на других объектах, где были намечены провокации. Помимо трупов узников концлагерей, на местах диверсий оставались и тела уголовников, набранных для участия в акциях, а затем застреленных эсэсовцами, избавлявшимися от ненужных свидетелей.

На следующий день А. Гитлер обратился к германскому народу с обращением, в котором обвинил Польшу в нападении, приведя в качестве доказательства захват радиостанции в Гляйвице. В 4:45 утра 1 сентября гитлеровские войска без объявления войны, в соответствии с планом «Вайс», начали вторжение в Польшу.

Строго говоря, ни операцию «Консервы», ни операцию «Гиммлер» в целом нельзя считать успешными – утечка информации о подготовке провокации привела к тому, что практически никто в мире в «нападении поляков» не поверил. Но,

как говорил А. Гитлер, «победителя не будут спрашивать, действительно ли он говорит правду».

Стремительное продвижение германских войск вглубь Польши опрокинуло сохранявшиеся как на западе, так и на востоке Европы представления о ее военной силе, которые сохранялись со времен победы в советско-польской войне 1920–1921 гг. Соотношение сил на польско-германском фронте было в пользу немцев. Против 1 млн польских солдат и офицеров гитлеровцы выставили 1,8 млн человек. Вермахт располагал 13 500 орудиями и минометами, польская армия – лишь 4300. Германия имела четырехкратный перевес в танках (2533 против 610) и почти трехкратный – в самолетах (2231 против 824). Ситуацию ухудшало расположение войск. Если польские силы были почти равномерно развернуты вдоль 1900-километровой фронтовой линии, то немцы сосредоточили мощные группировки именно на направлениях предстоящего наступления.

Начав его, гитлеровские пехотные части при поддержке артиллерии и авиации быстро прорвали польскую оборону одновременно несколькими ударами и двинулись вглубь страны. В воздушных схватках сразу же обозначился перевес люфтваффе.

В ходе польской кампании германская армия успешно осуществляла новую тактику ведения боевых действий, получившую название блицкрига («молниеносной войны»). Оборонительные линии поляков разрушались ударными механизированными дивизиями. Военнослужащие, оружие и боеприпасы перевозились на колесном либо гусеничном транспорте, что обеспечивало немцам решающее преимущество в маневренности. Блицкриг опирался на эффект внезапности, удары главными силами по слабому участку обороны (для чего

немцы активно использовали разведку), массированное применение танковых групп для прорыва вглубь территории противника и нанесение мощных авиаударов. Уже в первый день боев немцы овладели городом Данциг (Гданьск), 5 сентября заняли весь «польский коридор, овладели польской Силезией и городом Краков. Польские вооруженные силы понесли в первые часы войны значительные потери, особенно это касалось военно-воздушных сил страны, значительная часть самолетов была уничтожена на аэродромах. Имея превосходство в самолетах и танках, германская армия стремительными ударами фактически за неделю разбила польскую армию. Уже 8 сентября германские танки стояли у пригородов Варшавы. Разгром Польши привел к тому, что 15 сентября 1939 г. польское правительство покинуло страну и отправилось в эмиграцию в Лондон.

Поляки рассчитывали, что Франция вступит в войну, развернет активные боевые действия, и после этого основные силы противника будут сосредоточены на Западном фронте. В таком случае задача польских войск – выстоять до начала французского наступления, а затем перейти в контрнаступление. В результате Германию, оказавшуюся между франко-британскими войсками и польскими, ждал разгром.

Первая реакция Франции и Великобритании была обнадеживающей: 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну. Полякам показалось, что их расчеты начинают сбываться. В тот же день в Лондон для переговоров прибыла польская военная миссия: армия Польши нуждалась в срочных поставках оружия и боеприпасов. Однако начальник британского Генштаба генерал Эдмунд Уильям Айронсайд принял поляков только 9 сентября. В ходе встречи он стал выяснять ситуацию на фронте, которая не давала поводов

для оптимистических прогнозов. Затем поляки с удивлением узнали, что у Великобритании нет никаких конкретных планов оказания помощи Польше, поскольку этим должна была заниматься Франция. Сделав такое заявление, Айронсайд взглянул на часы и, сославшись на занятость, прекратил беседу. Прощаясь с ошарашенными визитерами, он порекомендовал полякам закупить оружие в нейтральных государствах.

В Париже представителей Польши ждал столь же холодный прием. В первые дни сентября французский главнокомандующий генерал Морис Гамелен не нашел времени принять поляков. 8 сентября польский военный атташе в Париже докладывал в Варшаву: «До 7.09.39 10 часов на Западном фронте никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше».

Если у поляков англо-французское бездействие вызвало шок, то А. Гитлер не был удивлен. После того как Лондон и Париж объявили войну, он весьма прозорливо заметил, что англичане и французы сделали «это для того, чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать».

В сентябре 1939 г. французы и англичане имели хорошие шансы разгромить гитлеровцев и избавить человечество от кошмара долгой мировой войны. Уже после ее окончания бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал Альфред Йодль на допросе показал: «Мы не потерпели поражения в 1939 году только потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и британских дивизий на западе бездействовали, стоя перед 23 немецкими дивизиями».

Подсчеты современных историков дают несколько иные цифры, которые не меняют общей картины. В сентябре 1939 г. 78 французским дивизиям общей численностью 3,25 млн человек на «оборонительной линии Зигфрида» противостоял 1 млн немецких солдат и офицеров. Причем если французы располагали 2850 танками, то у гитлеровцев на Западном фронте их не было вовсе! Кроме того, франко-британская авиация имела почти двукратное превосходство над силами люфтваффе – 2421 самолет против 1359.

В случае удара союзников немцам пришлось бы забыть о Варшаве и Кракове и думать о защите Берлина. А если бы французские войска повели наступление на Рурскую область, то не располагавшая танками на этом направлении немецкая группировка не смогла бы ответить им контрударом. Потеря крупного промышленного района создала бы серьезные проблемы не только для немецкой армии, но и для всей экономики Третьего рейха.

Однако события на Западном фронте развивались по иному сценарию. Военные руководители Англии и Франции убеждали политических деятелей в неготовности своих вооруженных сил к наступательным военным действиям. К тому же в Лондоне и Париже существовали опасения чрезмерного усиления СССР и «влияния большевизма» в результате активных вооруженных действий западных держав против Германии. Отсюда – англо-французский курс на затяжную войну. Держа в голове опыт Первой мировой войны, англичане и французы рассчитывали и на этот раз навязать противнику долгую позиционную войну, которой не сможет выдержать его экономика. Кроме того, морскую блокаду британцы решили дополнить пропагандистской акцией. С 3 сентября 1939 г. их авиация вместо бомбардировок вражеских войск и терри-

торий стала проводить так называемые рейды правды (по образному выражению английского министра авиации Кингсли Вуда) – разбрасывание с воздуха над Германией миллионов пропагандистских листовок в надежде, что немцы, узнав правду о своем правительстве, взбунтуются и свергнут его. Расчет делался также на то, что эти рейды, продемонстрировав уязвимость Германии для боевых воздушных налетов, устроят немцев и их руководителей. К 27 сентября, согласно данным английского Министерства авиации, над Третьим рейхом было сброшено около 18 млн листовок. Позже маршал королевских ВВС Артур Харрис ехидно заметил: «Я лично считаю, что единственное, чего мы добились, – это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны».

К концу сентября Польша была разгромлена, и на Западном фронте наступило многомесячное затишье. Этот период с легкой руки французского журналиста Ролана Доржелеса получил название «странная война». Пока немцы готовились к весенней кампании, французы, уверовав в неприступность своей «линии Мажино», вели удивительный для воюющей армии образ жизни. Солдаты играли в волейбол, футбол и карты, пили вино и расслаблялись. К примеру, 30 ноября 1939 г. парламент Франции обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков. Вскоре было принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей.

Стратегия «странной войны» была продолжением политики «умиротворения», важнейшим элементом которой была канализация германской экспансии на Восток. Отсюда – бредовые планы посылки экспедиционного англо-французского корпуса в Финляндию во время «Зимней

войны»; отсюда же – еще более бредовые замыслы разбомбить бакинские нефтепромыслы.

«Странная война» продолжалась до 10 мая 1940 г.

Военное поражение, ставшее прологом национальной трагедии Польши, произвело очень сильное впечатление на все европейские государства – как враждебные или нейтральные, так и союзные по отношению к Германии. Встревожили они и Сталина.

Продвижение германских войск до условной демаркационной линии, разделявшей оговоренные в протоколе сферы германских и советских интересов в Польше, подталкивало И. Сталина к немедленному осуществлению своих планов в отношении населенных белорусами и украинцами западных земель Польской Республики. Тем более, что германская сторона прямо и настойчиво приглашала СССР ввести войска в «советскую» зону влияния, чтобы блокировать сопротивление отступавших на ее территорию частей польской армии.

Стремясь ускорить события, германская сторона использовала слухи о возможности заключения польско-германского перемирия, после которого, разумеется, Советскому Союзу было бы крайне сложно мотивировать присоединение западно-белорусских и западно-украинских земель под предлогом защиты братских украинского и белорусского народов «от германской опасности» в условиях распада Польского государства. Хотя советская сторона заранее предупредила германскую о своем намерении мотивировать присоединение западных земель не столько распадом Польши, сколько германской угрозой, это было с раздражением встречено в Берлине. Советские войска вступили на польскую территорию только 17 сентября, уже после падения Варшавы и бегства польского правительства. На следующий день советские

и немецкие войска встретились в Брест-Литовске, где 22 сентября в знак союзнических отношений даже провели совместный военный парад.

В ходе польской кампании в руки советских властей попали более 200 тыс. польских военнослужащих. Рядовые были распущены по домам. Однако 15 тыс. офицеров, жандармы, служащие пограничной охраны были помещены в лагерь для интернированных лиц. В апреле 1940 г. 22 тыс. человек – были без суда и следствия расстреляны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Катыне, Калининe и в Харькове.

Линия соприкосновения советских и германских войск грубо совпала с «линией Керзона» – приблизительной границей расселения поляков, с одной стороны, и украинцев и белорусов, с другой. Государственная граница СССР была отодвинута на 200-300 км к западу.

Следующим шагом должно было стать оформление новой советско-германской границы по бывшим польским территориям.

27 сентября в Москву прибыл министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, а на следующий день был подписан Договор о дружбе и границах между СССР и Германией. Согласно секретному дополнительному протоколу к этому договору Литва была отнесена к сфере интересов Советского Союза, взамен чего СССР согласился на переход в зону германских интересов Люблинского и части Варшавского воеводств, ранее туда не входивших. Советский Союз также изъявил готовность согласиться с исправлением в пользу Германии юго-западного участка линии тогдашней германо-литовской границы, после того «как только СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов».

Советский Союз включился в интенсивный экономический обмен с Германией, поставляя ей продовольствие и стратегические материалы: нефть, хлопок, хром, другие цветные металлы, платину и иное сырье, получая взамен антрацит, стальной прокат, машины, оборудование и готовые изделия. При такой структуре торговли поставки из СССР во многом сводили на нет эффективность экономической блокады, введенной против Германии атлантическими странами с началом войны.

3. Присоединение Прибалтики и Бессарабии к СССР

Данная тема остается сегодня в большей мере ареной идеологических боев, а не серьезных исторических изысканий. Сегодня в распоряжении историков больше документов и материалов для переосмысливания международной ситуации в Восточной Европе накануне и в начальный период Второй мировой войны. Независимое существование прибалтийских государств в межвоенный период строилось на уникальном балансе сил великих держав в этом регионе: СССР не хотел уступать его Германии, Германия – СССР, а Великобритания и Франция, сами не претендовавшие на него, стремились подорвать влияние обеих стран.

В ситуации взаимных сдержек и противовесов стихийно сложилось нечто вроде системы коллективной безопасности, когда любая попытка Германии или СССР установить свою гегемонию в регионе сразу же наталкивалась на противодействие не только прямого соперника, но и двух других великих держав. Пока основные усилия Германии и Советского Союза были направлены на внутреннюю работу по восстановлению своих военно-промышленного потенциалов и кон-

солидации власти, этого было достаточно для поддержания стабильности в регионе.

Однако система стала разрушаться начиная с весны 1938 г., когда обнаружилась тенденция к самоустранению англо-французской коалиции от участия в восточноевропейских делах. Сначала Великобритания и Франция спокойно наблюдали, как «Третий рейх» осуществил «аншлюс» Австрии (март 1938 г.), затем, отдали Чехословакию на растерзание Германии. Эта политика в отношении Берлина продолжалась и после Мюнхена, закончившись молчаливым согласием коалиции на полное растворение чешского государства в германской империи (15 марта 1939 г.) и на отторжение от Литвы города Мемеля с областью (Клайпедского края) 22 марта 1939 г. Безучастность, с которой в Лондоне и Париже отнеслись к акту германского насилия над Литвой, означала, что они не являются гарантами независимости прибалтийских стран.

В результате от системы безопасности, обеспечивавшей региональный статус-кво, остался только один элемент – советско-германское соперничество. Оставшись один на один, Москва и Берлин втягиваются в открытую борьбу за Прибалтику.

При всей многовариантности советско-германского соперничества любой возможный его итог оказывался катастрофическим для самостоятельного существования прибалтийских государств. Иными словами, в конкретных условиях 1939–1940 гг. сохранение прибалтийскими странами своей независимости практически стало невозможным.

Таким образом, судьба Балтийских государств была предопределена не в результате подписания в Москве 23 августа 1939 г. пакта Молотова–Риббентропа, а в конце сентября 1938 г., в Мюнхене. То, что случилось с ними позже, было делом времени и ре-

зультатом приведения Берлином и Москвой своих действий в соответствие с меняющейся международной обстановкой.

Значение этого вывода состоит не в том, чтобы избавить советскую дипломатию от ее доли ответственности за то, что случилось с государствами Балтии. Просто «мюнхенский ракурс» позволяет точнее разглядеть смысл событий осени 1938 – осени 1939 г.

В чем заключалось значение нот наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова правительствам Эстонии и Латвии от 28 марта 1939 г.? Поскольку в нашей исторической литературе об этих нотах если и упоминают, то редко и походя, имеет смысл детальнее рассмотреть суть дела. В марте 1939 г. в течение всего семи дней к Германии были присоединены остатки чешского государства и Клайпедский край Литвы. Эти события продемонстрировали не только мощь германского натиска, но и безуспешность всех предшествовавших попыток Советского Союза организовать ему отпор. Для Москвы складывалась крайне невыгодная ситуация. Берлин мог рискнуть расширить свой плацдарм в Прибалтике, например, за счет оставшейся территории Литвы. Об этом литовцы сами жаловались в Москве, ссылаясь на соответствующие угрожающие заявления, которые И. Риббентроп делал в ходе переговоров с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом в дни мемельского кризиса.

Чтобы переломить этот опасный ход событий, советское правительство решилось на самый отчаянный внешнеполитический шаг по своей западной границе со времени войны с Польшей 1920 г. 28 марта 1939 г. М.М. Литвинов вручил эстонскому посланнику в Москве А. Рею ноту, в которой говорилось, что Советский Союз не потерпит «политического, экономического или иного господства третьего государства»

в Эстонии; что установление такого господства, добровольное или под внешним воздействием, означало бы разрушение фундамента, на котором строилось советское признание независимости Эстонии; что для СССР невозможно оставаться «безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения» третьим государством самостоятельности и независимости Эстонии и что он готов «на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Эстонской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости».

Устно Литвинов пояснил Рею, что в результате последних событий в Восточной Европе военная опасность приближается к границам СССР, и советское правительство вынуждено предусмотрительно предпринимать шаги по обеспечению своей безопасности.

В тот же день аналогичное заявление было сделано латвийскому посланнику в Москве Ф. Коциньшу. Стремясь усилить впечатление от ноты, в начале апреля Красная Армия провела крупномасштабные учения в непосредственной близости от советско-эстонской границы с выходом на нее и имитацией ее последующего перехода.

Правительству Литвы соответствующая нота не направлялась, т. к. в то время у СССР не было общей границы с этим государством (их разделяли восточно-польские или западно-белорусские земли). Правительства Эстонии и Латвии отклонили советскую ноту, расценив ее как стремление к установлению протектората над ними и, даже как угрозу превентивной оккупации. Однако у этой ноты был еще один, хоть и неназванный, но, главный адресат – Германия. Именно ей предназначались энергичные предупреждения о том, что

СССР не потерпит никакого дальнейшего проникновения «третьего государства» в Прибалтику, именно для него демонстрировалась советская военная мощь.

Теперь Берлин должен был учитывать тот факт, что его дальнейшая экспансия в регионе может привести к военно-политическому противостоянию с СССР. Весной 1939 г. Германия была не готова к подобным действиям и поэтому решила прислушаться к предупреждениям из Москвы. Тем более, что Берлин уже взял курс на сближение с Советским Союзом. В итоге, совершенно неожиданно Германия начинает политически охладевать к Прибалтике вплоть до того, что в июне по собственной инициативе заключает договоры о ненападении с Эстонией и Латвией, абсолютно бесполезные для нее, но призванные продемонстрировать Москве добрую волю и готовность Берлина учитывать интересы безопасности СССР в Балтийском регионе.

Но и этим не исчерпывается значение ноты от 28 марта. «Копии» ее ушли в Лондон и Париж с посланием о том, что, предлагая гарантии безопасности Эстонии и Латвии, СССР подтверждает свою приверженность идее создания системы коллективной безопасности, в том числе на региональном уровне. Это предложение стало возможным, потому что двумя неделями ранее от советских полпредов в Великобритании и Франции в Москву начали поступать сообщения, что в правительственных, политических и общественных кругах этих стран преобладающим стало мнение о провале политики умиротворения агрессора. Нота М. Литвинова стала пробным шаром.

Из Лондона и Парижа в Москву стали поступать уточняющие запросы о готовности СССР участвовать в новой попытке создания системы коллективного отпора агрессии в Восточной Европе, включая Прибалтику. 17 апреля последовало

официальное советское предложение о совместном предоставлении Великобританией, Францией и СССР гарантий безопасности прибалтийским государствам, а также Финляндии, Польше и Румынии. В целом не будет преувеличением сказать, что нота от 28 марта наметила сразу два главных вектора – англо-французский и германский, по которым одновременно будет двигаться советская внешняя политика в апреле-августе 1939 г., не предвещая вопроса об окончательном выборе.

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько адекватной ситуации была внешняя политика Латвии, Литвы и Эстонии? В значительной части исторической литературы принято изображать названные страны беспомощными жертвами. Это серьезное упрощение, сводящее начало конца независимости прибалтийских стран все к тем же советско-германским договоренностям августа-сентября 1939 г. Тем самым, из истории вопроса по существу выбрасывается интереснейший период между Мюнхеном и пактом от 23 августа. Концепция «жертв» снижает ответственность прибалтийской политической элиты за ее провальную внешнюю политику и, в конечном счете, за крах национальной государственности.

Можно, разумеется, до бесконечности спорить о том, под силу ли было трем небольшим государствам изменить или серьезно повлиять на ход европейских событий. Но сделали ли они все от них зависящее чтобы защитить свой суверенитет? Выше уже говорилось, что своим независимым существованием прибалтийские страны были обязаны стихийно сложившейся региональной системе коллективной безопасности с участием всех основных европейских политических игроков. Казалось бы, разрушение в сентябре 1938 г. домюнхенского порядка вещей должно было вызвать панику в прибалтийских столицах. Но нет. В дипломатических документах

того периода есть только одно упоминание Мюнхена как рубежного события в жизни малых стран Европы, и то сделанное на среднем, посланническом, уровне.

Возникает мысль о том, что в Каунасе, Риге и Таллине с облегчением восприняли решения, принятые в Мюнхене, как возможность дезертировать с фронта борьбы за общеевропейскую безопасность. Практической реакцией прибалтийских стран на мюнхенское действие стало провозглашение ими нейтралитета и отказ от своих обязательств по статье 16 Устава Лиги Наций, предусматривавшей участие в коллективном отпоре агрессору. Подобная реакция представляется вполне закономерной: действительно, что еще оставалось делать малым странам, если идею коллективного отпора агрессору предали ее отцы-основатели? Поскольку эта идея казалась умершей раз и навсегда, а дальнейшие перспективы европейского развития абсолютно не просчитывались, ставка на нейтралитет была естественной и, собственно говоря, не имела альтернативы. По-человечески понятно желание прибалтийских государств не быть втянутыми в чужую для них войну. Однако как воплотить желаемое в действительное? Мемельский кризис и нота М. Литвинова, означавшие начало советско-германской схватки за Прибалтику, со всей очевидностью показали, что провозглашение никем не признанного нейтралитета таким средством быть не может.

В самих прибалтийских столицах понимали, что ввиду крайне малых территориальных и всех иных параметров их стран в случае возникновения войны они превратятся в поле боя. В этих условиях предложение СССР о гарантиях было, по всей видимости, спасительным для Прибалтики. Составленное в весьма общих выражениях, оно оставляло широкое поле для дипломатических переговоров, которые уже сами по себе

укрепляли позиции прибалтийских государств, включая не участвовавшую в них Литву.

Кроме того, само согласие Таллина и Риги обсуждать вопрос о гарантиях привело бы к значительному улучшению атмосферы советско-прибалтийских отношений и укреплению взаимного доверия, а значит и к смягчению позиции Москвы, возможно до вполне приемлемого уровня. В конце концов, прибалтийская дипломатия была вольна поставить в качестве неперемennого условия своего участия в переговорах о гарантиях привлечение к ним Великобритании и Франции и, таким образом, стать автором крупнейшей внешнеполитической инициативы, от которой она первая бы и выиграла. Вместо всего этого последовал отказ, однозначный и полностью закрывающий тему.

Были названы и причины отказа: во-первых, принятие гарантий противоречило бы нейтральному статусу этих стран и, во-вторых, в советском предложении усматривали опасность оккупации и утери суверенитета. В той мере, в которой первый из этих доводов затрагивал формальную, т. е. международно-правовую сторону вопроса, так же формально он может быть и опровергнут: советские гарантии предлагались для защиты именно нейтрального статуса этих стран и отнюдь не предусматривали заключения военно-политических договоров вроде пакта о взаимопомощи. Неформальная сторона проблемы нейтралитета состояла в том, что, принимая гарантии от СССР, правительства Латвии и Эстонии вроде как отходили от принципа равноудаленности от всех великих держав и приписывали Германии агрессивные замыслы. Но ведь никаких формальных оснований «обижаться» на себя прибалтийские страны «третьему государству» не давали. Зачем тогда еще нужна дипломатия, если она не способна разъяснить этому

«третьему государству», что соглашение о гарантиях вовсе не направлено против него, напротив, известное своим миролюбием оно только выиграет от создаваемой в регионе обстановки мира и спокойствия.

Наконец, чтобы сбалансировать ситуацию, прибалтийские страны могли предложить Германии самой принять участие в соглашении о гарантиях.

Если вернуться в ситуацию марта 1939 г., то правомерно усомниться в том, что находившаяся в полнейшей международной изоляции и настороженная мощью германского натиска Москва готова была оккупировать Прибалтику – это вызвало бы серьезное обострение ее отношений не только с самой Германией, но еще и с Великобританией и Францией. Позиция прибалтийских государств по вопросу о гарантиях не изменилась и тогда, когда в апреле 1939 г. Англия и Франция пытались уговорить их на соглашение о гарантиях, которое остановит германское давление на Прибалтику, снимет тем самым советские озабоченности и сделает в итоге ненужным фактическое предоставление этих гарантий. Говорилось также, что срыв переговоров будет неизбежно толкать СССР в сторону соглашения с Германией и что тогда прибалтийские страны окажутся в худшей из возможных ситуации. С нарастающим раздражением указывалось, что англо-французская дипломатия пытается отстаивать на переговорах законные требования прибалтийских государств, но что у Великобритании и Франции имеются собственные национальные интересы, главным из которых является предотвратить войну путем достижения договоренности с СССР и поэтому срывая достижение договоренности прибалтийские страны фактически действуют против них. В конце концов их практически в открытую обви-

нили в срыве борьбы за европейский мир и приближении войны, первыми жертвами которой станут они сами.

Чем при всем этом в своей внешней политике руководствовались правительства стран Балтии? С позиций здравого смысла невозможно предложить в ее защиту ни одного выдерживающего критику аргумента. Остается считать, что причина заключалась в глубоко непрофессиональном характере прибалтийской дипломатии, ограниченной к тому же узкими рамками болезненного национализма. В любом компромиссе, без которых невозможна нормальная международная жизнь государств, тем более малых, они усматривали покушение на недавно обретенную независимость. В результате эти страны стали абсолютно недоговороспособными не только по отношению к СССР, что еще можно было бы понять, но и между собой: Эстония не доверяла Латвии, Латвия и Эстония – Литве, Литва и Латвия – Эстонии. Безрезультатными остались все попытки договориться о координации внешнеполитической деятельности с Польшей и скандинавскими странами. В результате переговоров о гарантиях в число ненадежных друзей, чуть ли не предателей, попали даже Франция и Великобритания. Издевательскую оценку политике прибалтийских стран дал германский посланник в Таллине Х. Фровайн. Беседа 28 августа 1939 г. с министром иностранных дел Эстонии К. Сельтером и лживо заверяя того, что пакт о ненападении между Германией и СССР никоим образом не ущемляет интересы этих стран, а на самом деле зная, что их судьба уже решена, посланник заявил, что «навряд ли пакт мог бы быть подписан в таком виде, если бы прибалтийские государства, и в первую очередь Эстония, не придерживались бы так твердо и неуклонно нейтрального направления в своей внешней политике».

Следует рассмотреть вопрос о том, какими скрытыми мотивами и намерениями определялась советская внешняя политика на прибалтийском направлении после подписания пакта Молотова – Риббентропа?

Прежде всего, следует понять, почему получив от Германии карт-бланш на решение дальнейшей судьбы прибалтийских государств, СССР отказался от немедленной их советизации и долгих восемь месяцев довольствовался ролью протектора на договорных условиях? Речь идет о заключенных в конце сентября – начале октября 1939 г. договорах о взаимопомощи между СССР, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой – с другой. Договора предусматривали взаимопомощь сторон в отражении агрессии третьего государства, для чего на территориях прибалтийских стран размещались советские военные базы и воинские контингенты численностью от 20 до 25 тыс. человек. Конечно, подписи стран Балтии под этими договорами были получены в результате сильнейшего политического давления и под угрозой применения вооруженной силы (26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов издал приказ о подготовке боевых действий против Эстонии и Латвии).

Однако ввод частей Красной Армии на территорию Прибалтики отнюдь не повлек за собой попыток ее советизации. Больше того, в тот период такие попытки не только не предусматривались, но пресекалась сама возможность их предпринять, о чем свидетельствуют сугубо внутренние советские документы. Прочитируем некоторые из них. Вот приказ Ворошилова от 25 октября, отданный в связи с вступлением частей РККА в Латвию, Литву и Эстонию: «Разговоры о «советизации» прибалтийских республик в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются,

безусловно, провокаторскими... Настроения и разговоры о "советизации", если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом».

Далее. В.М. Молотов – полпреду СССР в Литве Позднякову, 21 октября 1939 г.: «Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного... Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы». Молотов – полпреду СССР в Эстонии Никитину, 23 октября 1939 г.: «Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике... Главное, что Вы должны помнить, это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии». Таких документов множество. Итак, с одной стороны, готовность к полномасштабной войне с государствами Прибалтики, если они откажутся от подписания договоров о взаимопомощи, а с другой – строжайшая политика невмешательства после их заключения. О чем это говорит? Видимо, о том, что абсолютным и безусловным приоритетом советской политики в Прибалтийском регионе были мероприятия по укреплению национальной обороны, а советизаторские задачи оттеснялись на задний план, до неблизкого «лучшего будущего».

В чем же осенью 1939 г. советское правительство усматривало, как это явствует из приведенных документов, колоссальную угрозу даже отдельных советизаторских усилий? Основной задачей СССР было удержаться на позициях того шаткого нейтралитета, которые он занял в результате срыва англо-франко-советских переговоров о коалиции, и заключения советско-германского договора о ненападении. Достичь этого было чрезвычайно сложно, т. к. логикой событий

СССР все больше вовлекался в орбиту германской внешней политики и потому все однозначнее рассматривался Великобританией и Францией как фактический союзник Берлина – политический, военный (имелись факты советско-германского сотрудничества по этой линии) и, со стратегической точки зрения это было главным, экономический.

Дело зашло так далеко, что для предотвращения советских поставок в Германию в генеральных штабах армий союзников разрабатывались операции авиационных ударов по Бакинскому и Грозненскому районам нефтедобычи и по железнодорожной инфраструктуре в районе западной границы СССР. В этих условиях в Москве считали крайне опасным, а потому недопустимым создание новых конфликтных ситуаций в ее отношениях с западной коалицией, чем как раз и могло стать грубое насильственное присоединение Прибалтики к Советскому Союзу. Определенно предсказать, какой окажется англо-французская реакция, не представлялось возможным, однако не исключался и силовой вариант ответа. (Что такой вариант был в высшей степени вероятен, доказывает история формирования англо-французского экспедиционного корпуса для оказания помощи правительству Финляндии в войне с СССР зимой 1940 г.).

Вооруженное столкновение с Великобританией и Францией, само по себе грозившее тяжелейшими испытаниями, на деле означало бы полный срыв советской внешнеполитической стратегии на весь период начавшейся европейской войны. Вместо относительно безопасного и многообещающего в обозримом будущем (как тогда казалось Москве) положения нейтральной державы, не без внутреннего удовлетворения наблюдающей за тем, как сбылись марксистско-ленинские прогнозы о схватке империалистических держав

между собой, СССР оказывался бы вовлеченным в военные действия, причем при любом исходе войны на Западе – проигравшим: как союзник Германии в случае победы англо-французской коалиции; в случае победы Германии – как ее следующая жертва, одинокая и лишенная всех потенциальных союзников.

Укажем еще на одно обстоятельство, препятствовавшее немедленной советизации прибалтийских государств: наличие в регионе десятков тысяч этнических немцев и граждан рейха. Советизация с ее неизменными следствиями (закрытие границ, репрессии против «чуждых элементов», национализация собственности) грозила серьезным осложнением советско-германских отношений. Конечно, этот вопрос в принципиальном плане был решен в Доверительном протоколе к Договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. В нем, в частности, советская сторона брала на себя обязательство не препятствовать выезду этих лиц с территории прибалтийских государств, причем имущественные права переселенцев не должны были быть затронуты.

Однако у Москвы не имелось ни законодательства, ни аппарата, ни опыта проведения подобной «мягкой» советизации, да и политически она была крайне обременительной. Поэтому сочли за благо порекомендовать проведение этой исключительно масштабной и неизбежно болезненной операции местным правительствам, тем более что сохранение их у власти до поры до времени требовали соображения стратегического порядка, о которых говорилось выше.

Но, почему после восьми месяцев безусловно успешного для него строительства отношений с государствами Балтии на основе договоров о взаимопомощи именно 25 мая 1940 г. СССР резко приступил к «окончательному решению прибал-

тийского вопроса)? Причина, вызвавшая столь внезапную перемену в отношениях СССР с Литвой, Латвией и Эстонией, находилась за тысячи километров от столиц этих государств – во Франции, где взятием Парижа и разгромом английской экспедиционной армии завершилась весенняя кампания вермахта на западном фронте. У этих событий, как водится, было две стороны. С одной стороны, поражение коалиции означало устранение всякой угрозы вмешательства Великобритании и Франции в действия СССР в Прибалтике, в том числе и в политику советизации. Но главная причина заключалась в убедительной победе Германии над союзниками в Европе, а это означало, что она получала свободу рук в отношении СССР и могла попытаться отобрать те щедрые уступки, на которые так легко шла в августе 1939 г., прежде всего относительно Прибалтики. Действительность, как мы знаем, была еще хуже: в июле 1940 г. Гитлер отдает распоряжение о разработке плана нападения на СССР, который был утвержден в конце года. В этих условиях Москва, как признано во всей мировой литературе, решила сыграть на опережение, и 17 июня советские войска наводняют территорию трех стран. Характер и масштаб советской акции свидетельствовали об ее истинной цели. Германский посланник в Таллине Фровайн телеграфировал в Берлин 18 июня: «Налицо чисто силовая операция, которая, по всей видимости, должна быть срочно закончена до планируемой немецкой стороной мирной перестройки Европы, чтобы создать свершившийся статус-кво». В депеше посланника фон Котце из Риги от 21 июня говорилось: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии

и имеющихся у нее возможностях, и что планы русских имеют оборонительный характер». Посланник Цехлин из Каунаса: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями».

На заседании британского правительства 22 июня министр иностранных дел лорд Галифакс также высказал мнение, что «насколько он может судить, концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонительного характера». Американский посланник в Литве О. Норм сообщал в Госдепартамент 20 июля: «Русские заняты подготовкой к отражению надвигающегося германского нападения путем размещения войск в различных пунктах сосредоточения, проводя разведывательные полеты авиации и учения с участием солдат и техники».

В июле 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии были проведены выборы, по итогам которых были созданы новые, прокоммунистические представительные органы, провозгласившие установление в прибалтийских странах советской власти. В августе 1940 г. решением Верховного Совета СССР Литва, Латвия и Эстония были «приняты» в состав СССР.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при планировании своих операций в регионе Прибалтики в 1939–1940 гг. СССР исходил исключительно из соображений укрепления обороноспособности страны и если и рассматривал вариант советизации, то не как цель, а как вынужденное и крайнее средство для решения этой задачи.

Еще проще И. Сталин «уладил» вопрос с Бессарабией, присоединение которой к Румынии никогда не признавалось советским правительством. 26 июня 1940 г. Бухаресту выдвинули ультиматум с требованием вернуть исконные земли, попутно причислив к ним и Северную Буковину. Румыны обратились за помощью в Берлин, но там сразу дали понять, что «возражать» не стоит. Крайне неохотно румынское правительство выполнило советские требования.

Все эти события иллюстрируют политические изменения в Европе. И.В. Сталин был уверен, что на достаточно продолжительное время создается устойчивый баланс сил, позволяющий его стране, во-первых, существенно укрепить свое международное положение и вес, а во-вторых, хорошо подготовиться к будущей войне.

4. Советско-финляндская война

Выдвижение советских войск в Прибалтику встревожило Финляндию. В условиях практически полного отсутствия на восточной Балтике британского и французского влияния естественным было стремление финского правительства заручиться поддержкой Германии на случай выдвижения Москвой требований, аналогичных тем, что были представлены трем прибалтийским странам и были им навязаны. Однако Берлин сразу же отвел идею возможного дипломатического вмешательства в назревавший дипломатический конфликт Хельсинки с Москвой. Германская дипломатия исходила в тот момент из того обстоятельства, что согласно секретному протоколу к Пакту о ненападении Финляндия не входила в сферу ее интересов. Кроме того, формально она не только не имела с Германией какого-либо договора о сотрудничестве, но даже отвергла германское предложение о заключении пакта о нена-

падении. Одновременно Германия не была заинтересована в возникновении крупного советско-финского конфликта, т. к., по оценкам германского посольства в Хельсинки, он мог иметь негативные последствия для германской военной экономики, вызвав прекращение поставок в Германию продовольствия, леса, и, что особенно важно, стратегических материалов – молибдена и меди. Поэтому линия Берлина состояла в том, чтобы, не противопоставляя себя Советскому Союзу, умерить, насколько возможно, его притязания к Финляндии.

СССР был связан с Финляндией Договором 1932 г. о ненападении и мирном улаживании конфликтов. В 1934 г. этот договор специальным протоколом был продлен до 1945 г. Однако, не полагаясь на юридические обязательства, финская сторона проводила серьезные мероприятия по укреплению своих вооруженных сил на случай конфликта с СССР. Важнейшим мероприятием было завершение к осени 1939 г. «линии Маннергейма» – мощной полосы укреплений вдоль линии советско-финской границы, названной по имени главнокомандующего вооруженными силами Финляндии Карла Маннергейма, добившегося осуществления этого проекта. «Линия Маннергейма» проходила по Карельскому перешейку всего в 32 км от Ленинграда.

СССР был неудовлетворен линией границы с Финляндией по двум причинам. Первая была связана с уязвимостью Ленинграда и Ленинградской области в случае вооруженного конфликта на западных границах СССР. Вторая определялась стремлением вернуть контроль над Печенгской областью (Петсамо) на северо-востоке Финляндии, которая клином отделяла СССР от границы с Норвегией и где имелись ценные месторождения стратегически важного металла – никеля.

Кроме того, в окружении Сталина была жива идея «воссоединения» карельского и финского народов на базе создания единого, разумеется, «советского социалистического» государства с вероятным вхождением его в Советский Союз.

Позиция СССР в отношении условий «нормализации» советско-финских отношений состояла в предложении заключить пакт о ненападении по образцу тех, что были подписаны Советским Союзом с государствами Прибалтики. В случае отказа Хельсинки заключить такой договор, предполагалось предложить Финляндии передать Советскому Союзу полосу стратегически важной территории на Карельском перешейке в обмен на территорию вдвое большей площади, но в отдаленном районе советской Карелии. Одновременно Москва была намерена добиваться передачи ей в аренду порта на полуострове Ханко, «замыкавшем» вход в Финский залив.

Военно-морская база в этом пункте обеспечила бы СССР существенное позиционное преимущество в случае военных действий. Ставился также вопрос об уступке Советскому Союзу ряда принадлежавших Финляндии островов на Балтике. Но, Финляндия отклонила советские требования.

В конце ноября 1939 г. на советско-финской границе произошла серия военных инцидентов, спровоцированных, как показывают новые исследования, советской стороной. Под предлогом разрядки напряженности Советский Союз предложил Финляндии в одностороннем порядке отвести ее войска на 25-30 км от линии советско-финляндской границы вглубь финской территории. Отчаянное предложение Хельсинки осуществить одновременный взаимный отвод финских и советских войск от линии границы было отвергнуто. 28-29 ноября СССР денонсировал советско-финляндский Пакт о не-

нападении 1932 г., разорвал дипломатические отношения с Финляндией, а 30 – начал против нее боевые действия.

Одновременно в спешном порядке в Москве готовились политические условия для реализации идеи установления в Финляндии коммунистического режима. Уже 1 декабря советская печать сообщила о создании в г. Териоки, на финской территории, уже оккупированной советскими войсками, так называемого народного правительства Финляндии во главе с известным финским коммунистом Отто Куусиненом. Фактически все правительство было сформировано в Москве и уже в готовом составе прибыло в Финляндию, чтобы провозгласить создание «Финляндской Демократической Республики». Советский Союз не только немедленно признал новый марионеточный режим, но и заключил с ним 2 декабря 1939 г. Договор о взаимопомощи и дружбе.

Обстоятельства подготовки советско-финского конфликта фактически не оставляли сомнений в том, что вина за его развязывание лежала на СССР. 14 декабря 1939 г. решением Совета Лиги наций СССР был исключен из этой организации. Это решение, принятое по инициативе Великобритании и Франции, было поддержано администрацией США, хотя Соединенные Штаты не являлись членами Лиги. Отношения СССР с атлантическими державами были настолько натянутыми, что возникал даже вопрос об отзыве их послов из Москвы. И в самом деле, в феврале 1940 г. из СССР демонстративно выехал британский посол – демарш, однако, не поддержанный остальными государствами.

Западные державы обсуждали вопрос о вооруженной поддержке Финляндии против СССР. В декабре 1939 – феврале 1940 г. британские и французские политики и эксперты обсуждали варианты посылки франко-британских соединений

в Финляндию. Однако евро-атлантические державы были в первую очередь озабочены непосредственной угрозой их безопасности, исходившей от Германии. Поэтому помощь западных держав Финляндии была ограниченной – поставки вооружений и снаряжения, кредиты и предоставление иных денежных средств.

Реалистично оценивая на основании опыта Польши шансы получения реальной помощи от Франции и Великобритании, правительство Финляндии официально так и не обратилось за помощью непосредственно к западным державам, справедливо полагая, что это только усугубит ее и без того тяжелое положение.

Война с Финляндией показала, что советское руководство недооценило как обороноспособность Финляндии, так и настроения финляндского общества, в мощном национальном порыве поднявшегося на защиту своей независимости. Сказались и недостатки в организации вооруженных сил СССР, кадровые потери, понесенные командным составом Красной Армии в годы репрессий 30-х гг. Для СССР боевые действия развивались неудачно. Только через три месяца после начала войны, к марту 1940 г., после крайне тяжелых боев и понеся большие потери советские войска прорвали «линию Маннергейма» и смогли продвинуться на 25-200 км в глубь территории Финляндии.

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор, обеспечивший Советскому Союзу принятие многих требований, которые он предъявил Финляндии в октябре 1939 г. СССР получил весь Карельский перешеек с Выборгом и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера и другие территории. Финляндия передавала в аренду СССР на 30 лет п-ов Ханко для строительства там со-

ветской военно-морской базы. Вместе с тем область Петсамо (Печенгская) оставалась в составе Финляндии, хотя финляндское правительство обязывалось обеспечить свободу транзита по ней советских грузов и граждан в Норвегию и обратно.

Отдельным соглашением (подписанным осенью 1940 г.) решился вопрос о статусе Аландских островов, полную демилитаризацию которых должна была гарантировать Финляндия. «Народное правительство» Финляндии заявило о самороспуске.

Сравнительно «мягкие» условия мира по сравнению с теми, которых можно было ожидать после создания марионеточного режима О. Куусинена, были обусловлены опасениями Сталина спровоцировать слишком сильную международную реакцию. Даже союзная Германия, без согласования с которой была начата финская кампания, была раздражена и обеспокоена действиями СССР. Дело было не только в возможности прекращения поступления из Финляндии нужных Германии материалов, но и угрозе тем линиям коммуникаций рейха, которые проходили через Швецию и Норвегию, в случае ввода в эти страны британских и французских войск для оказания помощи Финляндии. К такому повороту событий Берлин еще не был подготовлен. Скорейшее прекращение войны отвечало германским интересам.

В то же время, советское руководство знало об оперативных планах Великобритании и Франции, предусматривавших возможность объединенного десанта атлантических держав в Мурманске и Петсамо. При таком варианте событий СССР оказался бы в состоянии войны с обеими державами, что совершенно не входило в планы Москвы, рассчитывавшей на продолжение игры на «межимпериалистических противоречиях» между Германией и франко-британским блоком.

Хотя мирный договор между СССР и Финляндией фиксировал взаимный отказ сторон от враждебных действий и участия в союзах и коалициях, направленных против одной из сторон, в основных положениях он был неравноправным. Во многом с этим была связана его недолговечность. В 1941 г. правительство Финляндии нарушило его, вступив в войну против СССР на стороне Германии.

5. Германская агрессия против Дании и Норвегии. Расширение нацистской агрессии в Северной и Западной Европе. Поражение Франции

Одним из побочных итогов советско-финской войны было резкое обострение вопроса о нейтралитете скандинавских стран – Швеции, Норвегии и Дании. Военные действия на Балтике показали стратегическое значение линий коммуникаций, проходящих через эти государства. Особое значение имел контроль над побережьем Норвегии, которое было удобным плацдармом для военно-морских и десантных операций против Британских островов. Кроме того, обладание норвежскими портами гарантировало беспрепятственное поступление в Германию железной руды, которую она импортировала из Швеции.

В печати и дипломатических кругах европейских столиц широко циркулировали слухи о франко-британских планах превентивных операций в Скандинавии с прекращением поставок шведской железной руды и выходом непосредственно к границам Финляндии, которая еще находилась тогда в состоянии войны с СССР. Подготовка операции в Скандинавии была завершена к началу марта 1940 г. Однако окончание советско-финской войны лишило задуманную операцию Великобритании и Франции юридических оснований. Тем не менее

в первых числах апреля 1940 г. британское правительство приняло решение начать минирование норвежских вод с целью парализовать транспортировку стратегических материалов в Германию. Оперативные планы Великобритании допускали и прямую оккупацию пунктов на норвежской территории.

В этой обстановке германские войска выступили первыми. 9 апреля 1940 г. была оккупирована Дания. Одновременно германский десант был с моря и воздуха высажен в Норвегии. 24 апреля Германия официально объявила Норвегии войну. Против германских сил вели борьбу 15-тысячная норвежская армия и высаженный в Центральной Норвегии объединенный франко-британский контингент, который, однако 14-19 апреля был вынужден эвакуироваться под натиском германских сил. Попытка повторной высадки франко-британского десанта 13 мая в районе г. Нарвика также не принесла успех и к 8 июня 1940 г. союзные войска повторно эвакуировались из Норвегии. Вместе с ними страну покинуло королевское правительство.

Объявив войну Германии в сентябре 1939 г., Великобритания и Франция фактически не начали против нее серьезных боевых действий.

Противостоявшие Германии державы проявляли обычную недалекновидность, наивно рассчитывая столкнуть Гитлера с Советским Союзом и канализировать германскую агрессию на Восток и таким образом добиться экономического и военного истощения нацистского режима.

Оккупация Дании и начало операции гитлеровских войска против Норвегии показали безосновательность этих надежд. Германский удар был направлен на Запад. Провал политики «странной войны» стал очевиден. 10 мая 1940 г. после скандальных слушаний в британском парламенте Н. Чембер-

лен был вынужден уйти в отставку. Новое правительство возглавил У. Черчилль – сторонник энергичного противодействия германской опасности. Его приход к власти обозначил в британской политике зримый рубеж. Однако время подготовки к борьбе против Германии было во многом упущено.

10 мая 1940 г. правительства Бельгии, Люксембурга и Нидерландов получили германские ноты, в которых они извещались об уже начавшемся продвижении германских войск на их территорию. По просьбе бельгийского правительства франко-британские войска вступили в Бельгию.

Германские войска, заняв ряд стратегически важных пунктов на нидерландской территории, прошли практически без потерь через юго-восточные районы Бельгии и к 12 мая вышли к французской границе, обойдя «линию Мажино», которой отводилась роль главного рубежа французской обороны против Германии. Франко-британские войска в составе двух групп армий занимали рубеж обороны от Ла-Манша до швейцарской границы. Прорвав линию обороны у Седана, германские войска разрезали фронт союзников и вынудили их к отступлению. Одновременно начался отход союзников из Бельгии.

15 мая капитулировала голландская армия. Правительство Нидерландов, отказавшееся санкционировать эту капитуляцию, бежало в Лондон, чтобы продолжить борьбу с Германией из голландских колоний.

28 мая капитулировала Бельгия. Отдавший приказ о капитуляции король Леопольд III был объявлен бельгийским парламентом низложенным, а бельгийское правительство эвакуировалось в Лондон. Капитуляция бельгийской армии открыла германским войскам путь на Дюнкерк – порт на побережье Ла-Манша, в районе которого к береговой линии была прижата франко-британская группировка войска. Ее эвакуация

продолжалась до 3 июня. Было выведено из-под удара 346 тыс. британских солдат – практически весь личный состав британского контингента. Одновременно на Британские острова эвакуировалось 112 тыс. французов. 40 тыс. французских солдат не смогли переправиться в Великобританию и капитулировали. «Дюнкеркская катастрофа» оказала сильное деморализующее влияние на союзные войска и усилила позиции сторонников сепаратного мира с Германией в кругах французского руководства.

10 июня в войну против Франции и Великобритании вступила Италия. Однако итальянское наступление против французских войск в Приморских Альпах не имело успеха, а само участие Италии в европейской войне – самостоятельного военного значения.

14 июня германские войска вошли в Париж. Накануне французское правительство обратилось к британскому с просьбой освободить его от обязательства по франко-британскому соглашению от 28 марта 1940 г. о незаключении сепаратного мира. Британский кабинет с учетом фактического положения дел и неспособности Франции к сопротивлению в принципе был готов согласиться с французской просьбой, но при условии гарантий того, что французский флот и авиация не будут использованы против Великобритании.

Однако британское правительство все еще пыталось удержать Францию в войне. 16 июня Черчилль выступил с идеей «органического союза» Великобритании и Франции, которая состояла в том, что Франция и Великобритания провозглашали себя единой нацией, образуя нерасторжимый союз, предусматривающий единое гражданство, совместные органы для проведения оборонной и внешней, финансовой и экономической политики. Предполагалось также совместное

использование ресурсов колониальных владений. Таким образом, Франция могла продолжать войну, опираясь на британскую поддержку и потенциал своей колониальной периферии. Одновременно создавались условия для сохранения французского флота, авиации и уцелевших воинских контингентов под единым франко-британским командованием.

16 июня члены французского кабинета отвергли британский план, а на следующий день новый глава правительства, маршал Анри Петен, сторонник соглашения с Германией, обратился по радио к Гитлеру с просьбой прекратить боевые действия. 22 июня в Компьене в вагончике маршала Ф. Фоша французские делегаты поставили свои подписи под соглашением о франко-германском перемирии.

По его условиям германские войска заняли северные и западные районы Франции. В южной части страны сохранялась французская администрация, и германские войска в нее не вводились. Кроме того, французские войска были отведены на 50 км от линии фактического соприкосновения с итальянской армией на юге.

Правительство А. Петена сделало местом своего пребывания г. Виши (режим Виши). Оно сохранило свою власть над французскими колониями в Северной Африке и Индокитае, французским флотом, который был сконцентрирован в Тулоне и разоружен. Под германо-итальянский контроль были поставлены и военные объекты в неоккупированной зоне – прежде всего аэродромы.

В июле 1940 г. правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Великобританией. А вслед за тем, как через несколько дней британский флот потопил несколько французских боевых кораблей в африканских портах, чтобы они не были использованы Германией и вишистами против

Великобритании, подконтрольная А. Петену авиация начала бомбардировку британской военной базы в Гибралтаре с аэродромов в Северной Африке.

Сокрушительное поражение Франции вывело из войны одну из крупнейших военных держав, способных противостоять нацистскому режиму в Европе. Гегемония Германии в этой части мира стала неоспоримой.

6. Битва за Британию

Правительство У. Черчилля не чувствовало себя скованным антисоветскими стереотипами в такой мере, как его предшественники. Глубокая неприязнь нового британского лидера к коммунизму как доктрине и строю не заслоняла от него понимания основополагающей важности улучшения отношений с СССР ради спасения Британии.

В первой декаде июля 1940 г. посол Великобритании в Москве Стэффорд (Ричард) Криппс, известный деятель лейбористского движения и откровенный сторонник компромисса демократических стран с СССР против Германии, был принят по просьбе британского правительства И. Сталиным. Целью встречи было обсуждение международной ситуации и выяснение возможностей для улучшения советско-британских отношений. Советское руководство пошло на эту встречу, но одновременно оно подробно проинформировало Германию о содержании британских предложений.

Исходя из мнения, что германская опасность угрожала не только Великобритании, но и СССР, британское правительство предлагало обсудить вопрос о согласовании действий в интересах сдерживания германской агрессии и «восстановления европейского баланса сил». Со своей стороны Лондон был готов к расширению торговли с СССР при усло-

вии, что британские товары не будут реэкспортироваться в Германию. Но самым главным было то, что британское правительство осторожно, но определенно указывало на свою готовность признать особую роль СССР на Балканах и обоснованность его стремления к обеспечению своих интересов в зоне Черноморских проливов. Таким образом, британская дипломатия возвращалась к уже апробированной в годы Первой мировой войны идее заинтересовать Россию в сотрудничестве против Германии посредством уступок ей в вопросе о контроле над Проливами. Таким образом, британское предложение было составной частью более общего плана налаживания антигерманского сотрудничества.

Насколько можно судить по опубликованной дипломатической переписке, советская реакция на британские предложения была в целом негативной. СССР не хотел давать повод для обострения отношений с Германией.

Попытки улучшения отношений с СССР предпринимались Британией на фоне мобилизации всех сил Британской империи для отражения военного удара со стороны Германии. По признанию самих британских военных, высадка 150-тысячной германской армии на Британских островах весной-летом 1940 г. могла вызвать катастрофические последствия для Великобритании и в течение нескольких недель привести к ее военному разгрому. Однако после разгрома Франции А. Гитлер стал колебаться в вопросе о выборе направления главного удара. Изолированная Британия реально, – по крайней мере, на какое-то время – лишилась возможности мешать Германии в осуществлении ее планов.

Британия по-прежнему вызывала острейшую неприязнь Гитлера. В кругах национал-экстремистов в Берлине Лондон традиционно воспринимался не только через призму

исторического унижения Германии в Версале. Британская империя виделась как первопричина германских неудач в приобретении колоний вне Европы. Именно Британия была наиболее последовательной поборницей «европейского равновесия», сама идея которого противоречила существованию в центре Европы мощной в экономическом и военном плане Германии. Наконец, ко всему примешивалось раздражение от шумной антигерманской пропаганды в британской прессе, которая давно уже задавала тон прессе европейской.

Вместе с тем, во главе нацистского режима стоял не просто маньяк, а расчетливый и опытный политик. Ненависть к коммунизму не стала препятствием для альянса Берлина с Москвой. Точно так же и англофобия не мешала нацистскому руководству трезво взвешивать выигрыши от возможного компромисса с Великобританией.

Военные историки высказывали мысль о том, что А. Гитлер думал о компромиссе с Британией еще в дни «дюнкеркской катастрофы» 1940 г., когда он неожиданно приказал своим танковым армиям прекратить наступление на беспорядочно отходившие к Ла-Маншу франко-британские соединения и тем самым дал союзникам трехдневную (24-26 мая) передышку, позволившую британцам эвакуироваться с материка с минимальными потерями.

Не сбрасывали со счета в Берлине и возможность компромисса Британии с Советским Союзом. Не без учета информации советской стороны о содержании беседы посла С. Криппса с И. Сталиным через неделю после нее, 19 июля 1940 г., А. Гитлер предложил Британии заключить мир.

Возможно, что это предложение и было бы принято, если бы у власти оставалось правительство Н. Чемберлена. Но события весны 1940 г. в Европе изменили общественное мне-

ние Британии. В условиях демократической политической системы этот фактор играл решающую роль в формировании британской политики. Не умиротворение Германии, а война до победного конца, провозглашенная У. Черчиллем, занимала умы британцев. В тот момент Британия была не готова к принятию идеи соглашения с нацистами.

Берлин стоял перед дилеммой – начать большую войну с СССР, имея в своем тылу непримиримую, хотя и существенно ослабленную Британию, или все же сломить Британию, а затем двинуться на восток. Нацистский режим выбрал второй вариант. Гитлер решил подготовить высадку сухопутной армии массированным ударом по британской территории с воздуха, чтобы не только подорвать способность британской армии к сопротивлению, но и психологически подавить британское население.

16 июля 1940 г. Гитлер отдал приказ о подготовке операции вторжения на Британские острова, которая получила кодовое название «Морской лев». Для успешного осуществления крупномасштабной морской десантной операции на британском побережье Германии необходимо было добиться господства в воздухе, разгромив военно-воздушные силы Великобритании.

Британское руководство, оставшись один на один с нацистской Германией и осознавая опасность, грозившую стране, летом 1940 г. и в 1941 г. приложило немало усилий для укрепления обороноспособности страны. Еще накануне войны 26 апреля 1939 г. в Великобритании была введена всеобщая воинская повинность для мужчин в возрасте от 18 до 41 года, а по закону, принятому в декабре 1941 г., в армию стали призывать британцев в возрасте до 50 лет. В 1941 г. численный состав британской армии достиг 2,2 млн человек, а к 1944 г. – 4,5 млн.

Помимо расширения и укрепления основных частей британских вооруженных сил, в мае 1940 г. в Великобритании были созданы отряды гражданской обороны, впоследствии они стали называться внутренней гвардией. В них принимали участие британцы, которые несли службу в свободное от работы время. К середине 1941 г. эти подразделения насчитывали уже 1,6 млн человек.

Летом 1940 г. правительство У. Черчилля особое внимание уделяло укреплению Королевских воздушных сил. За первые два летних месяца 1940 г. число готовых к применению в боевой обстановке британских истребителей возросло с 446 до 704. Для борьбы с немецкой авиацией (люфтваффе) Великобритания могла также использовать разветвленную сеть радиолокационных станций, позволявших заблаговременно обнаруживать самолеты противника. Кроме того, в конце мая 1940 г. британцы сумели раскрыть основной код люфтваффе и благодаря этому заранее знали о предполагаемых целях налетов немецкой авиации и были готовы к отражению атак с воздуха.

С августа 1940 г. и до мая 1941 г. в небе Великобритании разгорелись ожесточенные воздушные бои, вошедшие в историю как «Битва за Британию». В конце лета 1940 г. немцы имели ощутимое преимущество в военных самолетах: у них было на вооружении 1300 бомбардировщиков и почти столько же истребителей. С 8 августа начались интенсивные налеты немецкой авиации (осуществляемые с территории Франции и Норвегии) на аэродромы и радарные станции в южных районах Англии. 15 августа в воздушных рейдах на Великобританию приняли участие 1800 немецких самолетов, 75 из которых были сбиты. К концу августа германские военно-воздушные силы потеряли в небе Великобритании более

600 самолетов, в то время как английские – 260. В течение двух недель с 24 августа немецкая авиация совершала в среднем по 1000 самолето-вылетов в день, нанося бомбовые удары в основном по аэродромам.

Одновременно с конца лета 1940 г. немецкие ВМФ стали вести активные боевые действия в Атлантике, целью которых было нарушить британские морские коммуникации и установить морскую блокаду Соединенного Королевства, чтобы тем самым прервать поставку в страну продовольствия и других жизненно необходимых материалов, направлявшихся в страну главным образом через Атлантику. С начала лета 1941 г. главную роль в осуществлении поставленной немецким командованием цели в Атлантике стали играть подводные лодки, которые вплоть до весны 1943 г. смогли потопить немало транспортных судов, плававших под британским флагом.

С начала сентября 1940 г. руководство Германии, стремясь сломить сопротивление британцев, начало операцию, получившую название «Блицкриг», в ходе которой осуществлялись регулярные налеты на английские города. С 7 сентября в течение 57 ночей десятки самолетов люфтваффе осуществляли интенсивные бомбардировки Лондона, при этом использовали фугасные и зажигательные бомбы, которые вызывали пожары. В ходе авиарейда на Лондон 7 сентября погибло около тысячи мирных жителей, в ночь с 9 на 10 сентября – еще 500. За два месяца интенсивных бомбардировок столицы почти четверть миллиона лондонцев лишились жилья. В это время в результате налетов люфтваффе пострадал Букингемский дворец – резиденция британского монарха. С конца сентября – начала октября 1940 г. авиарейды немецкой авиации стали проводиться в основном по ночам с целью затруднить обнаружение самолетов и уменьшить их потери. Жители сто-

лицы во время бомбардировок прятались в лондонской подземке. В сентябре 1940 г. 177 тыс. лондонцев были вынуждены ночевать в метро.

Немецкая авиация совершала налеты не только на Лондон, но и на другие крупные города, в том числе на Ливерпуль, Манчестер, Бристоль, Плимут, Бирмингем, Саутгемптон. В ночь с 14 на 15 ноября 450 немецких самолетов подвергли массированной бомбардировке город Ковентри в Центральной Англии. В результате этого налета погибло более 550 человек. Повторившиеся в апреле 1941 г. рейды люфтваффе на Ковентри привели к тому, что город с 250-тысячным населением был почти полностью разрушен.

В середине сентября 1940 г. А. Гитлер, не сумев разгромить английскую авиацию и сломить сопротивление жителей Великобритании, отложил на неопределенный срок операции по вторжению на Британские острова. Несмотря на это, зимой 1940–1941 гг. ночные бомбардировки английских городов продолжались. К февралю 1941 г. интенсивность налетов уменьшилась, но в марте и апреле они вновь возобновились с прежней силой. В этот период одним из самых массовых стал налет на столицу Великобритании 17 апреля 685 самолетов. Несколько ночей подряд с 22 по 29 апреля 1941 г. немецкая авиация бомбила Плимут, в результате чего около 600 жителей было убито и 20 тыс. домов разрушено. В начале мая в течение семи ночей налетам подвергался Ливерпуль, погибли 1180 человек; 10–11 мая в ходе бомбардировки Лондона был разрушен зал заседания Палаты общин.

За 12 месяцев, начиная с июня 1940 г., в Великобритании в результате налетов погибло 43 тыс. человек и 51 тыс. получили тяжелые ранения. Германия во время «Битвы за Британию» потеряла 1700 самолетов, Королевские воздушные

силы – более 900. Британские летчики и бойцы противовоздушной обороны смогли отстоять небо страны и тем самым не допустить вторжения на свою территорию наземных войск гитлеровской Германии. Немецкий план «Блицкриг» провалился, стало ясно, что вопрос о высадке десанта на Британских островах откладывается.

Несмотря на немалые людские, а также и материальные потери, британцы в 1940–1941 гг. не ослабляли усилий в борьбе против германской военной машины: в стране постоянно наращивалось производство вооружений и всего необходимого для ведения войны. Это позволило уже к весне 1941 г. увеличить в 2,5 раза (по сравнению с 1939 г.) объем производства военной продукции; Великобритания стала опережать Германию по выпуску самолетов. В конце 1940 г. руководство страны уже не ограничивалось только защитой своего воздушного пространства. С октября 1940 г. британская авиация начала совершать налеты на Германию. В декабре 1940 г. бомбардировкам подвергся Манхейм, в начале 1941 г. – Бремен, Ганновер, Кельн.

В противостоянии Германии Британия опиралась на поддержку своих доминионов. Одновременно она настойчиво добивалась союза с Соединенными Штатами.

Президент Ф. Рузвельт психологически уже давно был готов к мысли активизировать участие своей страны в европейских делах, понимая, что неконтролируемое разрастание германского могущества представляет угрозу для США. Дело было не только в том, что германское господство в Европе подрывало мировую экономику, разрушая механизм и структуру свободной торговли, на которой покоилось американское процветание. С лета 1940 г. вызывала реальную тревогу судьба британских и французских владений в Западном полуша-

рии, подобно тому, как в сентябре 1940 г. Япония захватила принадлежавший Франции северный Индокитай. Возможный захват колоний Германией позволил бы ей создать военные базы и вполне серьезно угрожать Соединенным Штатам.

Осенью 1940 г. в США должны были состояться президентские выборы и Ф. Рузвельт не мог игнорировать изоляционистские настроения, существовавшие в американском обществе. Кроме того, идея «солидарности ради солидарности» с европейскими демократиями, уже была скомпрометирована в глазах большинства американцев «неблагодарностью» Британии и Франции после Первой мировой войны.

Тем не менее 2 сентября 1940 г. США подписали с Великобританией первое соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривало поставки для британской армии американских вооружений и 50 боевых кораблей. Взамен Британия передала в аренду США сроком на 99 лет восемь своих военно-морских и военно-воздушных баз в Северной и Южной Америке. США разом приобрели целую сеть превосходно оснащенных стратегически важных пунктов для защиты своей безопасности. Дипломатический успех администрации был настолько очевиден, что политику президента невозможно было скомпрометировать, хотя она и означала отход от принципа невмешательства в европейский конфликт. Гибкая линия Ф. Рузвельта позволила ему без труда переизбраться на третий срок.

После переизбрания президент продолжил курс на поддержку Британии. 11 марта 1941 г. Конгресс США утвердил закон о ленд-лизе, разрешавший администрации за счет государственного бюджета оказывать помощь государствам, сопротивление которых агрессии имело жизненно важное значение для обороны США. Речь пока еще шла главным образом о Великобритании, о формировании ее союза с США.

У ленд-лиза была, безусловно, сильная политическая подоплека, что, впрочем, американцы особо и не скрывали. Страны, получатели помощи, неизбежно попадали в какую-то форму зависимости от США. Это влияло на их внешнюю и внутреннюю политику. Известный британский экономист Дж. Кейнс, лично участвовавший в переговорах по поставкам, убежденно считал, что США сознательно вели дело к банкротству Великобритании, стремясь максимально ослабить возможного конкурента в послевоенном мире. Даже Советский Союз, в годы холодной войны отказавшийся полностью погашать долги по ленд-лизу, испытывал большие трудности, поскольку американцы приняли законы, существенно ограничившие права «должников» на займы, технологии и пр. Лишь в 2006 г. Россия полностью расплатилась по счетам.

В марте 1941 г. в обстановке особой секретности был принят англо-американский план ABC-1, определявший основные стратегические цели США и Великобритании в войне. План предусматривал увеличение американского военноморского присутствия в Северной Атлантике.

Таким образом, Англия вопреки всем ожиданиям не только устояла, но и вышла победительницей из этой битвы. Помимо ошибок, совершенных немецким командованием, ее спасло мужество британских летчиков и техническое превосходство королевской авиации, дух сопротивления и борьбы, который был очень силен в британском народе, сплотившемся за спиной своего лидера.

Черчилль 20 августа с трибуны палаты общин произнес ставшую знаменитой фразу во славу нескольких сотен героических летчиков-истребителей: «Никогда еще за всю историю войн столь многие не были так обязаны столь немногим!».

Еще одним важным фактором определившим отказ Гитлера от вторжения на Британские острова стало его намерение напасть на СССР; разработка этой операции была в основном завершена в декабре 1940 – январе 1941 г.

7. Консолидация блока фашистских держав

Для продолжения экспансии Германия нуждалась в прочном сотрудничестве с союзниками. «Антикоминтерновский пакт» не обеспечивал его в достаточной мере.

Во-первых, он не предусматривал обязательной взаимной военной помощи стран-участниц или иных совместных действий.

Во-вторых, в условиях существования советско-германского пакта вопросы, в частности, у Сталина вызывала его направленность.

В-третьих, Япония, будучи одним из инициаторов «антикоминтерновского пакта», была заинтересована в поддержке Германии как против Советского Союза, так и против США. Но на первое ей было трудно рассчитывать из-за советско-германского альянса, а сотрудничества против США «антикоминтерновский пакт» не предполагал.

Идея поддержать Японию в Азии против Соединенных Штатов, осенью 1940 г., когда было ясно, что США будут активно помогать Великобритании, казалась Берлину целесообразной. Германия не могла исключать и будущего столкновения с Советским Союзом, но в тот момент такая перспектива просматривалась более смутно, чем борьба с уже формирующимся блоком США и Британии. Сверхзадачей германской дипломатии было объединить все фашистские государства, а также Советский Союз, на базе противостояния с Великобританией и США. Но соединить в одной блоковой структуре

СССР и Японию с их множественными геополитическими противоречиями в Монголии, Маньчжурии и Китае было чрезвычайно сложно. Кроме того, Германия чувствовала себя достаточно уверенной, чтобы говорить с Москвой более твердо, чем она это делала летом-осенью 1939 г. Поэтому с лета 1940 г. в германской тактике появляется новая черта – стремление сохранить взаимопонимание с СССР при одновременном усилении политического давления на него. В связи с последним Япония могла представлять для Германии большой интерес.

27 сентября 1940 г. в Берлине сроком на 10 лет был подписан Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, предусматривавший всестороннюю взаимную поддержку стран-участниц в случае, если одна из них окажется в состоянии конфликта с третьей державой, не участвовавшей в момент подписания в европейской войне или японо-китайском конфликте. То есть Япония не была обязана немедленно вступать в войну против Британии, но Германия и Италия обязывались поддержать Японию в случае ее войны с США. Кроме того, Берлин и Рим признали «руководство» Японии в деле установления «нового порядка» в «великом восточно-азиатском пространстве», что означало отказ Германии от претензий на колониальные владения побежденных ею Франции (Индокитай) и Голландии (Индонезия). За это Япония согласилась на включение в договор ст. 5, особо оговаривавшей, что новый союз не был направлен против СССР. Кроме того, чисто формально, Токио зафиксировал свое признание гегемонии Германии и Италии в Европе.

Советское руководство было информировано Германией о готовящемся подписании Тройственного пакта. Однако это было сделано всего за день до официального сообщения

о нем в печати. Не было удовлетворено и пожелание Сталина ознакомить советских представителей с текстом договора до его подписания.

Сообщение о военном союзе Германии, Италии и Японии поступило на фоне информации о готовящейся высадке германских войск в портах Финляндии с целью их отправки железнодорожным путем в Норвегию через финскую территорию. Берлин также информировал Москву о готовящейся акции за несколько дней до ее начала. Но и в этом случае советской стороне было отказано в просьбе ознакомить ее с текстом германо-финляндского соглашения от 22 сентября 1940 г. Перевоска германских войск в Норвегию через Финляндию могла быть объяснена стремлением Германии сохранить контроль над северной частью норвежского побережья, вблизи которого действовал британский флот. Но не вызывали сомнения и антисоветские настроения правительства Финляндии, которое теперь формально было включено в партнерство с Германией.

Наконец, в сентябре 1940 г. в европейской печати появились сообщения о прибытии ограниченных контингентов (3-4 эшелона) германских войск на румынскую территорию. В Берлине этот факт интерпретировали как направление в Румынию военных советников и инструкторов по переподготовке румынской армии, хотя на самом деле германские войска должны были обеспечивать безопасность румынских нефтяных месторождений. Вопрос об их защите действительно летом 1940 г. был весьма актуален.

Дело было в территориальных спорах Румынии не только с СССР, но и с Болгарией и Венгрией. Образовавшая в результате версальского урегулирования «Великая Румыния» действительно включала в себя разнородные территории.

Болгария давно уже добивалась захваченной у нее во время Балканской войны 1912 г. Южной Добруджи, а Венгрия – Трансильвании, где проживало смешанное венгерско-румынское население с преобладанием венгерского в ряде районов. Воспользовавшись крахом британских и французских гарантий, малые страны предъявили свои требования. Рассчитывать на чью-либо дипломатическую поддержку румынскому правительству, традиционно тяготевшему к партнерству с Францией и Британией, не приходилось. После переговоров с Болгарией 19-21 августа 1940 г. Румыния вернула Болгарии Южную Добруджу.

Однако переговоры с Венгрией шли очень остро, возникла угроза военного конфликта. Румынии не оставалось ничего другого как принять посредничество Италии и Германии в разрешении кризиса. 30 августа в Вене на совещании представителей четырех стран Румыния согласилась вернуть Венгрии Северную Трансильванию. Взамен Германия гарантировала безопасность Румынии. Этот акт был произведен без консультаций с СССР и был расценен в Москве как недружественный. В 1940 г. к власти в Румынии пришел генерал Ион Антонеску и Германия фактически стала определять внешнюю и внутреннюю политику Румынии.

Недоверие советского руководства к Германии нарастало. В советско-германских отношениях назрел «кризис взаимопонимания». Для его разрешения германское руководство добилось приезда в Берлин в ноябре 1940 г. председателя совнаркома СССР В.М. Молотова с официальным визитом.

Смысл переговоров для Германии состоял в том, чтобы выяснить шансы привлечения СССР к действительно тесному и активному военно-политическому сотрудничеству с Германией против Великобритании и, при необходимости, США;

или, как минимум, полностью устранить возможность перехода Советского Союза на сторону противников Германии. Гитлер предложил Сталину полномасштабный союз на основе раздела на сферы влияния теперь уже не Восточной Европы, а всей Евразии. Речь шла о присоединении СССР к Тройственному пакту и немедленном подключении к «ликвидации Британской империи». Принципиальное согласие на это Италии и Японии уже имелось.

Задачей В. Молотова было не просто обсудить условия перевода советско-германских отношений в стадию активного военно-политического сотрудничества, как на этом настаивал Берлин. Важнее было понять насколько Тройственный пакт опасен для СССР. Этим определялась тактика советской делегации. На переговорах с И. Риббентропом и А. Гитлером 12-13 ноября В. Молотов упорно добивался разъяснений смысла отдельных положений договора, особенно тех, которые касались признания японского лидерства в «великом восточно-азиатском пространстве», которое могло подразумевать как дальневосточные территории СССР, так и те районы, на доминирование в которых Советский Союз претендовал (Монголия, Сынцзян).

Идея германской дипломатии состояла в том, чтобы привлечь Советский Союз перспективами раздела «британского наследства» на Востоке. Для начала Москве предлагалось приобрести выход к Аравийскому морю и Персидскому заливу. Потенциальная зона советского продвижения рисовалась вдоль линии: Иран, Афганистан, Индия. Имелось в виду, что все четыре державы – Германия, СССР, Италия и Япония – развернут свое продвижение в южном направлении. При этом отмечалось, что Япония уже канализировала свою активность в сторону Южных морей, не посягая на территории,

где ее интересы могли сталкиваться с советскими. Италия планировала приобрести новые владения в Северной и Восточной Африке, а Германия после окончательного упрочения нового порядка в Западной Европе намеревалась вернуть себе утраченные центральноафриканские колонии.

Германские обещания В. Молотову в общем виде включали в себя и те, которые были аналогичны июльским предложениям британского посла С. Криппса: предполагалось оказать содействие СССР в изменении режима Черноморских проливов, закрытии Черного моря для военных кораблей нечерноморских стран и упрощении условий выхода советского флота в Средиземное море.

Вместе с тем, излагая принципиальную схему возможного партнерства, германская сторона уклонялась от обсуждения конкретных вопросов. Она уклонилась от пояснений относительно географических пределов «великого восточно-азиатского пространства», указав, что это может быть предметом советско-японских переговоров при посредничестве Германии. Берлин также избегал конкретизировать условия, сроки и механизм решения проблемы пересмотра режима Черноморских проливов, сославшись на то, что установление общих рамок сотрудничества СССР с Тройственным союзом откроет благоприятные возможности для воздействия на Турцию.

Со своей стороны, А. Гитлер ясно обозначил желание закрепиться в Румынии, укрепить свои позиции на Балканах и прежде всего в Греции, где можно было ожидать появления базы для британской авиации в Салониках, удобной для бомбардировки нефтяных скважин в Румынии. Вместе с тем, он отказался более конкретно обрисовать свои намерения в отношении Греции и Югославии.

Встречные пожелания СССР были им фактически полностью отвергнуты. Наиболее болезненным оказалось обсуждение вопроса о Финляндии. Советская сторона пыталась добиться ясного согласия Германии на осуществление сценария развития советско-финляндских отношений по образцу того, как решался вопрос о странах Прибалтики. Именно в расчете на это еще в марте 1940 г. Верховный Совет СССР преобразовал Карельскую АССР в Карело-Финскую и повысил ее статус до уровня союзной республики.

Германская сторона твердо высказалась против силовых акций СССР в этом районе, ссылаясь на обстановку военного времени и свою зависимость от экономических отношений со странами Балтийского бассейна, прежде всего Финляндией и Швецией, из которых она получала ценное сырье и материалы. Возражая советской стороне, А. Гитлер также заметил, что СССР первым нарушил секретные договоренности с Германией, отказавшись передать ей оговоренную полосу территории Литвы, и добился передачи ему Северной Буковины, что не было предусмотрено изначально.

Попытка В. Молотова «компенсировать» невозможность присоединения Финляндии передачей Советскому Союзу Южной Буковины также были решительно отклонены Берлином. Таким образом, ни по одному из конкретных вопросов переговоров прогресса не было достигнуто.

Тем не менее, советская сторона в общем виде согласилась с идеей своего вхождения в Тройственный пакт и приняла к обсуждению предложенный Германией проект договора о присоединении СССР к нему с секретными протоколами о разграничении сфер интересов и изменении статуса Черноморских проливов. На этом переговоры в Берлине завершились.

Сразу же после окончания переговоров с СССР к Тройственному пакту присоединились Венгрия, Румыния и Слова-

кия (20, 23 и 24 ноября 1940 г.). СССР оказывался на западе в окружении союзников Германии.

25 ноября 1940 г. СССР официально сообщил германской стороне об условиях своего присоединения к Тройственному пакту.

1. Германия должна была немедленно вывести свои войска из Финляндии, положившись на гарантии СССР в отношении защиты всех ее экономических интересов в этой стране, включая поставки леса и никеля.

2. В течение нескольких месяцев СССР должен был подписать пакт о взаимопомощи с Болгарией и получить в аренду территорию для строительства военно-морской базы в районе Босфора и Дарданелл. Центр территориальных устремлений СССР смещался таким образом, что его острие направлялось к югу от Батуми и Баку в направлении Турции и Персидского залива, а не Афганистана и Индии.

3. Япония должна была отказаться от угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине.

В тот же день, не дожидаясь германской реакции, СССР предложил правительству Болгарии заключить пакт о взаимопомощи. Советское предложение было отвергнуто.

Через три недели, 18 декабря 1940 г., А. Гитлер утвердил секретную директиву 21, содержащую план нападения на СССР («вариант Барбаросса»).

Помимо военно-стратегических соображений, Берлин руководствовался и точкой зрения о неспособности военной экономики Германии в течение слишком продолжительного времени оплачивать остро необходимый ей импорт продовольствия и сырья из СССР. В этих условиях нацистское руководство предпочитало установить непосредственный контроль над советскими ресурсами.

8. Дипломатическая подготовка германского нападения на СССР

Сведения о «плане Барбаросса» были вскоре получены британской и американской разведками и были доведены до сведения СССР. Но, понимая, что США и Великобритания крайне заинтересованы в советско-германском конфликте, советское руководство не доверяло такого рода сообщениям. Со своей стороны, германская дипломатия старалась не возбуждать лишних подозрений Москвы. В январе 1941 г. было заключено общее экономическое соглашение между СССР и Германией, которое предусматривало значительное расширение двусторонних хозяйственных связей. В то же время никакого ответа на советские требования от 25 ноября 1940 г. Германия не давала. Но ее действия говорили за себя.

В Румынии концентрировались германские войска, предназначенные для прохода через территорию Болгарии в Грецию, где к этому времени уже был размещен британский экспедиционный корпус. В феврале 1941 г. численность германских войск в Румынии составила 680 тыс. человек. Советский Союз практически еженедельно по дипломатическим каналам пытался привлечь внимание германского руководства к тому обстоятельству, что считает Болгарию и район Проливов входящими в зону его безопасности и крайне обеспокоен происходящим на Балканах. Германские представители реагировали на сигналы Москвы одинаково – настойчиво повторяя, что все акции Германии на Балканах направлены исключительно против Британии и ее стремления нанести удар Германии с юга. 1 марта Болгария официально примкнула к Тройственному союзу, рассчитывая на новые территориальные приобретения, в том числе за счет Югославии. В тот же день в нее вошли германские войска. Намерение Германии

включить в свою сферу влияния Грецию и Югославию не вызвало сомнений.

25 марта 1941 г. правительство Югославии под сильнейшим дипломатическим давлением Берлина и Рима подписало акт о присоединении к Тройственному пакту, заручившись обещанием Германии гарантировать ее территориальную целостность и не вводить германские войска на югославскую территорию. Однако 27 марта это правительство было свергнуто, а новое заключило 5 апреля 1941 г. Договор о дружбе и ненападении с Советским Союзом. Но и этот договор не вступил в силу, т. к. 6 апреля Югославия была оккупирована германскими, итальянскими и венгерскими войсками. Утром в день начала военных действий против Югославии германское правительство официально проинформировало об этом Москву. Формального протеста со стороны СССР не последовало. В. Молотов ограничился тем, что в беседе с германским послом выразил сожаление по поводу того, что «несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным».

Единое Югославское государство было уничтожено, а его территория разделена. Северо-восточные районы Словении были включены в Германию. На северо-западе была создана независимая Хорватия, включившая в себя также часть земель Боснии и Герцеговины. Это государство немедленно присоединилось к Тройственному пакту и оставалось союзником Германии и Италии до конца Второй мировой войны. Италия получила часть Черногории и прибрежные районы Словении и Далмации. Венгрия – принадлежавшие ей до версальского урегулирования Бачку и Воеводину. Болгария – часть Македонии. На оставшихся в результате этого передела

землях было выкроено «государство Сербия», оказавшееся под неограниченным влиянием Германии.

Одновременно с Югославией войска Германии, Италии и Венгрии заняли территорию Греции. Войну Греции объявила и Болгария. Размещавшиеся на греческой территории части британских войск в крайней спешке морем и по воздуху эвакуировались на Кипр. Греческая армия капитулировала, а правительство бежало в Египет. Территориальный раздел коснулся и Греции. Принадлежавшая ей часть Македонии и Западная Фракия были аннексированы Болгарией. Ионические острова – Италией. Вся греческая территория была оккупирована итальянскими войсками. Захват Балкан и изгнание британских войск из Греции закрепили стратегическое и позиционное преобладание германо-итальянского блока в Европе. Германия находилась в исключительно благоприятном положении для нанесения удара по СССР.

Германская дипломатия смотрела на ситуацию в Азии через призму способности США вести войну на два фронта – в Европе, помогая Британии, и на Тихом океане, противостоя Японии. При таком подходе стабилизация советско-японских отношений, которая бы позволила Токио более свободно действовать против США, отвечала германским интересам. Берлину было важно и отвлечь Москву переговорами с Японией от нарастающей угрозы Советскому Союзу со стороны Германии. При этом А. Гитлер не придавал особого значения военной помощи Японии против СССР, полагаясь на мощь военной машины Германии и ее способность обеспечить быстрый военный разгром СССР в Европе самостоятельно.

Кроме всего, германские дипломаты были подробно осведомлены о содержании советско-японских переговоров. Берлин знал, что СССР отказался от выдвинутой им самим

еще в 1931 г. идеи пакта о ненападении. Теперь Москва считала возможным ограничиться менее обязывающим договором о нейтралитете. Со своей стороны, японская сторона, настаивая на пакте о ненападении, одновременно не возражала и против договора о нейтралитете.

Договор о нейтралитете был заключен в Москве 13 апреля 1941 г. В одном пакете с ним была подписана и советско-японская декларация о взаимном уважении и территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-го, которая, по существу, фиксировала частичный раздел сфер влияния СССР и Японии на Дальнем Востоке таким образом, что Монголия относилась к советской сфере, а Маньчжоу-го – к японской. Договор был рассчитан на пять лет (до апреля 1946 г.) с возможностью автоматического продления на следующие пять лет, если одна из сторон не объявит за год до истечения срока действия договора о своем намерении его денонсировать. Одновременно с подписанием советско-японских документов был проведен обмен письмами, в которых содержалось обязательство Японии ликвидировать все сохранявшиеся в ее руках концессии на Северном Сахалине.

Советско-японские договоренности подтверждали статус-кво на Дальнем Востоке, но не укрепляли его. Они не ограничивали вмешательство Японии в Китае точно так же, как и деятельность СССР в поддержку китайских коммунистов в контролируемых ими районах и национал-сепаратистов в Синьцзяне.

Вместе с тем договор с Японией давал Советскому Союзу определенные выигрыши, поскольку он снижал вероятность войны на два фронта и позволял высвободить силы для

их концентрации для возможных военных действий на европейском театре.

Дипломатическая переписка позволяет предположить, что в апреле 1941 г. И. Сталин не исключал возможности если не принципиального соглашения, то хотя бы частичного компромисса с Германией, который, по крайней мере, обеспечил бы СССР отсрочку для подготовки к войне. Договор с Японией в этом смысле давал некоторые возможности. Москва пыталась политически обыграть факт заключения договора с Токио как свидетельство косвенного подключения к сотрудничеству на основе Тройственного пакта.

До И. Сталина доходили сведения о планах А. Гитлера напасть на СССР. Само это противостояние было очевидно для всех иностранных наблюдателей и весьма широкого слоя советской партийно-государственной и военной элиты в СССР. Но первым И. Сталин не доверял, а вторые, запуганные террором предшествовавшего десятилетия, безмолвствовали, спасая свои жизни. Вопрос о выборе линии в отношении Германии находился всецело в руках самого И. Сталина. Выбор же этот состоял в том, чтобы «не провоцировать» А. Гитлера и готовиться к военному отпору ему. Однако военные приготовления должны были развертываться в таких формах, темпах и масштабах, чтобы опять-таки не дать Берлину повод приблизить решающий день.

Советское руководство до самого дня неспровоцированного нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. так и не предприняло шагов к установлению контактов с противниками Германии – Британией и США, единственными странами, способными быть партнерами Москвы в ее противостоянии с нацистской Германией. Война была официально объявлена, когда германская авиация уже бомбила советские города.

В дипломатическом смысле А. Гитлер повторил с СССР сценарий, разыгранный им в 1939 г. с Польшей: разграничение сфер интересов и основанные на нем территориальные выигрыши – попытка радикального соглашения на германских условиях – стремительная переориентация на силовое решение в ответ на колебания партнера – быстрое и внезапное нападение. С нападением Германии на СССР завершился первый этап Второй мировой войны.

Самостоятельная работа

Работа с документами

1. О военной кампании против Польши см. док. 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 222, 223, 225, 226, 230. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

2. Читать документы о подготовке военных операций на Западе см. док. 237, 242, 244, 245, 246. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019). Капитуляции Франции; док. 257.

3. Операция «Морской лев» см. док. 259, 260, 261, 263, 265, 266, 267, 268. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

4. Политика нацистов на оккупированных территориях см. док. 262, 264, 296, 297, 300, 302. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I.

Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

5. Развитие англо-американских отношений см. док. 269, 270, 273, 291. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

6. Подготовка к нападению на СССР – план «Барбаросса» см. док. 285, 287, 293, 301, 303, 306. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть I. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеенкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

Прочитать статьи

Кожевников В.А. Советская историография о причинах молниеносного поражения Франции в 1940 г. // Вестн. Омского университета. 2013. № 1. С. 37–42.

Комплеев А. В. Дискуссия о причинах «Дюнкерского чуда» в отечественной историографии 1950-1970-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2015. № 4 (36).

Комплеев А. В. Понятие «битва за Англию» и его изучение в отечественной историографии // Известия ПГПУ. 2007. № 3 (7).

Шуструйский А.В. К вопросу об исторической ответственности за возникновение Второй мировой войны // Вестник ВУ-иТ. 2011. № 7 С. 246–257.

Федоров К.В. Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны в зарубежной историографии 1945–1990 гг. Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана): электронный журнал. 2015. № 7 (33).

Вопросы для самопроверки

1. Назовите причины, которые привели к развязыванию Второй мировой войны.
2. Назовите основные положения концепции внешней политики Третьего рейха.
3. Какие точки зрения представлены в исторической литературе по вопросу о дате начала Второй мировой войны?
4. Как менялись советские оценки политического характера Второй мировой войны?
5. Какие оценки политического характера Второй мировой войны представлены в российской исторической литературе?
6. Как решается вопрос об ответственности за развязывание Второй мировой войны в отечественной и зарубежной исторической науке?
7. Почему правительство Польши отказалось поддержать предложение СССР о создании системы коллективной безопасности в Европе?
8. Какие территориальные претензии к Польше были у Германии?
9. Почему западные державы (Англия и Франция), объявив Германии войну, не оказали реальной помощи Польше?
10. Были ли реальные возможности у Англии и Франции разгромить Германию в 1939 г.?
11. От каких внешнеполитических условий зависела стабильность прибалтийских государств?
12. Возможно ли было сохранить независимость прибалтийских государств в конкретных условиях 1939-1940 гг.?
13. Назовите причины советско-финской войны и ее результаты?
14. Какие стратегические цели преследовала нацистская Германия, захватывая скандинавские страны?

15. Почему реакция СССР на предложение британской стороны о расширении торговли с СССР была отрицательной?

16. Какую помощь США оказали Великобритании, подписав первое соглашение о военном сотрудничестве 2 сентября 1940 г.

17. На включение какой статьи в Тройственный пакт настояла Япония?

18. Какое значение для СССР имел договор о нейтралитете, подписанный с Японией в апреле 1941 г.?

19. Какие события получили название «Дюнкерское чудо» и какие точки зрения на эти события представлены в отечественной историографии?

20. На каких условиях Франция подписала перемирие с Германией после своего военного поражения в 1940 г.?

21. Расскажите об организации «Свободная Франция».

22. Причины успеха немецкого блицкрига на Западе в 1940 г.

Тест

1. «Странная война» велась Англией и Францией по причине:

1. Неподготовленности этих стран к войне с Германией;
2. Стремлением «умиротворить» агрессора и направить удар против СССР;
3. Убедением, что А. Гитлер стремится лишь покончить с несправедливым Версальским мирным договором, и больше не будет претендовать ни на какие европейские территории.

2. «Странная война» закончилась:

1. 3 сентября 1939 г.
2. 10 мая 1940 г.
3. 22 июня 1941 г.

3. «Битва за Британию» велась:

1. С июля 1940 г. по сентябрь 1941 г.
2. С августа по октябрь 1940 г.
3. С октября 1940 г. по март 1941 г.

4. Как называлась военная операция Германии по захвату Польши?

1. «Гельб»;
2. «Вайс»;
3. «Везерюбунг».

5. Французских коллаборационистов, подписавших 22 июня 1940 г. франко-германское перемирие, возглавлял:

1. Ф. Фош;
2. А. Петен;
3. Э. Даладье.

6. План «Морской лев» не был реализован по причине:

1. Трудности форсирования Ла-Манша;
2. Решения А. Гитлера напасть на СССР;
3. Стремления договориться с Англией о союзе против СССР.

7. Закон о ленд-лизе был принят Конгрессом США в марте 1941 г. для оказания помощи:

1. Великобритании;
2. СССР;
3. Государствам, сопротивление которых агрессии имело жизненно важное значение для обороны США.

8. Договор о нейтралитете был заключен в Москве 13 апреля 1941 г.:

1. С Финляндией;
2. С Японией;
3. С Италией.

9. Тройственный пакт стран-агрессоров был подписан:

1. 10 июня 1940 г.;
2. 27 сентября 1940 г.;
3. 25 ноября 1940 г.

10. К «Тройственному пакту» не присоединилась:

1. Венгрия;
2. Румыния;
3. Югославия;
4. Маньчжоу-Го;
5. Греция.

11. Причина исключения СССР из Лиги Наций:

1. Советско-финская война;
2. Подписание договора с нацистской Германией о ненападении;
3. Присоединение прибалтийских государств.

Тема 5. Международные отношения в годы Великой Отечественной войны

1. Нападение Германии на СССР. Начало складывания антигитлеровской коалиции (июнь 1941-1942 гг.)
2. Антигитлеровская коалиция и проблема второго фронта. Высадка союзников на Сицилии. Капитуляция Италии
3. Московская конференция министров иностранных дел 1943 г.
4. Каирская и Тегеранская конференции
5. Открытие второго фронта в Европе
6. Антигитлеровская коалиция и польский вопрос. Развал блока фашистских государств
7. Конференция в Думбартон-Оксе
8. Ялтинская конференция
9. Завершающий этап войны против гитлеровской Германии. План операции «Немыслимое»
10. Потсдамская конференция
11. Капитуляция Японии. Окончание Второй мировой войны
12. Итоги и уроки Второй мировой войны
13. Самостоятельная работа

1. Нападение Германии на СССР. Начало складывания антигитлеровской коалиции (июнь 1941-1942 гг.)

В кратчайшие сроки осуществив завоевание Восточной и Западной Европы, А. Гитлер должен был выбирать дальнейший курс действий. Перед ним стоял, по сути, выбор: либо высаживаться на Британских островах и завершать разгром единственной западной державы, все еще противостоявшей ему, либо начать войну против СССР.

Война против СССР логическим образом вытекала из нацистской концепции, предусматривавшей завоевание «жиз-

ненного пространства» на востоке Европы. К тому же экономические выгоды, которые сулило это завоевание, были чрезвычайно впечатляющи. Советский Союз казался А. Гитлеру легкой добычей; в случае его разгрома восточный фланг рейха вообще переставал существовать как военная проблема, и перед А. Гитлером открывалась дорога для войны против британских колоний в Азии. Существовало, однако, одно «но»: война на два фронта, которую Германия уже проиграла в 1914–1918 гг.

При всем своем дипломатическом и военном гении, А. Гитлер, по-видимому, все же не был рациональным политиком. Как все лидеры, добивавшиеся немедленного мирового господства при своей жизни, после первых ошеломляющих побед он потерял чувство реальности. А. Гитлер выбрал наиболее сложный вариант – войну на два фронта. Не завершив разгром Великобритании (которую к тому времени уже фактически поддерживали США), он решил разбить СССР одним ударом – блицкригом.

План «Барбаросса» состоял из нескольких этапов: 1. Сильный и внезапный удар 22 июня 1941 г. по приграничной зоне СССР. Была захвачена большая часть территории Прибалтики, Белоруссии, часть Украины. 2. Захват с 10 июля Молдавии, Эстонии, всей Украины и нескольких русских городов. Удар по Западному фронту. 3. С 15 августа блокада Ленинграда, захват Крыма, Харькова. Третий этап операции «Барбаросса» должен был закончиться в конце сентября 1941 г.

В отличие от Н. Чемберлена, И. Сталин не верил, что подпись А. Гитлера под пактом о ненападении гарантирует мир для целого поколения. Война с Германией была неизбежна. Однако И. Сталин роковым образом ошибся в оценке сроков приближавшейся войны и, к тому же, не сумел в полной

мере воспользоваться мирной передышкой, выигранной за счет подписания пакта о ненападении.

Различные источники информировали И. Сталина о готовящейся агрессии Германии; он не поверил ни своим разведчикам, ни своему потенциальному союзнику У. Черчиллю. И. Сталин был уверен, что пока Гитлер не покончит с Англией, он не нападет на СССР. Он считал, что для фюрера ввязаться в новую войну, имея у себя за спиной непокоренную Англию, было просто безумием.

В результате 22 июня 1941 г. застало страну врасплох. Красная Армия стала отступать. До середины июля людские потери были огромные – свыше 1 млн советских военнослужащих. Немцы захватили территории, на которых проживало 42 % населения страны и производилось 30 % промышленной продукции. Начальник Генерального штаба немецкой армии генерал Франц Гальдер 3 июля записал в своем дневнике: «Не будет преувеличением, если я скажу, этот поход против России был выигран в течение 14 дней».

И. Сталин пребывал в шоке. Он отвык от поражений. Он затворился на даче и устранился от дел. Но шок прошел. 3 июля 1941 г. И. Сталин обратился по радио к соотечественникам с проникновенной речью. Он начал предпринимать усилия с тем, чтобы остановить хаотическое отступление советских войск. Одновременно ему надо было заново строить свои отношения с внешним миром, вступая в новую систему союзов.

Советско-британские контакты не прерывались и в период сотрудничества И. Сталина с А. Гитлером. Однако, как правило, инициатива исходила со стороны Великобритании при полной пассивности Кремля, опасавшегося раздражить Берлин. При этом британское правительство во главе У. Чер-

чиллем понимало, что о моральных оценках поведения И. Сталина в 1939-1940 гг. лучше забыть и что в войне с Германией, угрожавшей существованию Великобритании, Советский Союз может оказаться важным союзником.

Нападение Германии на СССР в Лондоне восприняли с облегчением. Вечером 22 июня У. Черчилль выступил по радио, с энтузиазмом предложив объединить усилия в борьбе с А. Гитлером. Это развеяло советские опасения насчет того, что Великобритания оставит СССР один на один с А. Гитлером и, может быть, даже заключит мир с Германией.

В. Молотов в Москве и советский посол И. Майский в Лондоне стали выяснять у британской стороны, на какой уровень сотрудничества можно рассчитывать, подразумевалось ли политическое сотрудничество, можно ли было подписать соглашение.

8 июля посол Великобритании С. Криппс встретился со И. Сталиным и передал ему послание У. Черчилля, в котором британский премьер обещал сделать все возможное для помощи СССР.

И. Сталин выдвинул свои предложения по советско-британскому соглашению: декларировать сотрудничество, не определяя точно качественные и количественные параметры взаимной помощи, и ни в коем случае не заключать сепаратного мира. У. Черчилль собирался включить в соглашение параграф о том, что послевоенные границы будут определяться на послевоенной мирной конференции, исходя из принципа волеизъявления народов и общих этнографических границ, с тем чтобы освобожденные народы сами определили устраивающую их форму правления. Однако, предвидя осложнения (этот параграф был бы истолкован И. Сталиным как отказ Великобритании признать западную границу СССР), он отказал-

ся от этого намерения. Лондон согласился со И. Сталиным, и 12 июля в Москве было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии». Формальные основы для советско-британского союза были созданы. Это устраивало и Москву, и Лондон. Однако хотя союз оказался прочным в силу необходимости разбить чрезвычайно сильного противника, серьезнейшие противоречия существовали между союзниками.

Трудности начались с самого начала. Уже 18 июля 1941 г. И. Сталин обратился с просьбой открыть второй фронт в Северной Франции или в Арктике. У. Черчилль отказал. Получив отказ, И. Сталин сказал послу С. Криппсу, что у него нет вопросов и упреков, и что он понимает положение Великобритании.

Второй фронт в 1941-1943 гг. был первым главным пунктом расхождения в отношениях между союзниками.

Вторым главным вопросом была проблема послевоенного урегулирования в Европе, в первую очередь, новые границы Советского Союза.

Вопрос о втором фронте в течение без малого трех лет будет повседневным предметом противоречий в антифашистской коалиции. В 1941-1942 гг. годах именно открытие второго фронта представлялось Москве жизненно важным. Германия сосредоточивала почти всю мощь своей сухопутной армии на Восточном фронте.

Великобритания, благословляя Ла-Манш, который нацисты не могли легко форсировать, была в относительной безопасности, пока Советский Союз держался. Даже если бы британским войскам не удалось сдержать Гитлера в Северной Африке, это не означало бы катастрофы.

США в военные действия в Европе не вступали, а без американской поддержки высадка британской армии в какой бы то ни было части Европы, была обречена на поражение. В этих условиях Москве приходилось рассчитывать главным образом на свои силы. И. Сталин оказывал всяческое давление на союзников, побуждая их оттянуть часть германских войск на себя, однако потерпел дипломатическое поражение: пока Великобритания и США не удостоверились в том, что Германия измотана войной на Восточном фронте, в Европе они не высадились.

Уже в июне 1941 г. Советское правительство представило американской и британской стороне перечень необходимых поставок. Чтобы прояснить для американской администрации ситуацию с военной помощью Москве и обсудить британско-американское взаимодействие, в Европу направился Гарри Гопкинс, доверенное лицо президента Рузвельта. В Лондоне он столкнулся с достаточно пессимистическим взглядом на перспективы СССР сдержать германское наступление.

Г. Гопкинс прибыл в Москву 30 июля 1941 г. Он передал И. Сталину послание Ф. Рузвельта: США были готовы оказать СССР всю возможную помощь в кратчайшие сроки. Г. Гопкинс предложил трехстороннюю конференцию, на которой были бы обсуждены интересы каждой стороны и каждого театра военных действий. И. Сталин заверил Г. Гопкинса, что Советский Союз выстоит; в то же время он приветствовал бы объявление Соединенными Штатами войны Германии и даже появление американских войск на любом участке советско-германского фронта – под американским командованием.

Г. Гопкинс дал в высшей степени позитивный отчет о своих переговорах с советским лидером. Он получил уверенность в главном: Советский Союз был готов сражаться с Германией до победного завершения войны. Миссия Г. Гопкинса благоприятным образом повлияла на трехстороннее антифашистское сотрудничество. 2 августа 1941 г. между СССР и США состоялся обмен нотами; американская сторона заявила о решении американского правительства оказать все возможное экономическое содействие СССР.

9 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль, совещавшиеся у берегов Ньюфаундленда, направили послание И. Сталину, обещая максимально возможную материальную помощь и предлагая созвать конференцию в Москве, которая бы обсудила проблемы помощи СССР. Это звучало обнадеживающе, но в это время советская армия откатывалась все дальше на восток. Потенциальные союзники, между тем, с конкретной помощью не спешили.

4 сентября И. Сталин направил очередное послание У. Черчиллю, в котором писал, что второй фронт на Балканах или во Франции, который бы оттянул на себя 30-40 германских дивизий, был столь же необходим, как и ежемесячная поставка СССР 400 самолетов и 500 танков; без этих мер, предостерегал Сталин, Советский Союз будет не в состоянии оказывать помощь союзникам или вовсе будет разбит. Получив очередной отказ, И. Сталин просил послать 25-30 дивизий в Архангельск или перебросить их через Иран. Сталин обещал У. Черчиллю не заключать сепаратного мира, но предупредил, что, если СССР потеряет центральную часть страны, он будет вынужден образовать оборонительный фронт, возможно, за Волгой. К этому времени германское наступление продолжалось крайне успешно, и судьба Москвы висела на волоске.

28 сентября британская (во главе с лордом Уильямом Максуэллом Бивербруком) и американская (во главе с Авереллом Гарриманом) делегации прибыли в Москву. Московская конференция выработала договоренности о поставках СССР с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1942 г. Согласно этому соглашению, ежемесячно должно поставляться:

- 400 самолетов, в том числе 100 бомбардировщиков;
- 500 танков;
- значительное количество автомобилей;
- зенитных и противотанковых орудий;
- телефонное оборудование;
- алюминий, никель, медь, сталь, нефть, медикаменты и т. д.
- американская и британская стороны не обязались доставлять соответствующие грузы, но обязались способствовать СССР в их доставке.

Помимо переговоров о поставках, М. Бивербрук имел четкую задачу: дать понять И. Сталину, что высадка британских войск в Западной Европе или на территории СССР совершенно нереалистична. Единственное, что было предложено—это чтобы британские войска соединились с советскими на Кавказе (через Иран).

Военные поражения СССР продолжались. 15 октября началась частичная эвакуация правительственных учреждений и дипкорпуса из Москвы в Куйбышев (Самару).

Отношения между Москвой и западными партнерами осложнялись. Москва потребовала от Лондона, по крайней мере, объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии. 11 ноября И. Сталин направил резкое послание У. Черчиллю, в котором указывал, что четкого взаимопонимания относительно целей войны и послевоенного урегулирования достигнуто не было, как не было заключено и соглашения о сов-

местном военном противостоянии Гитлеру в Европе. У. Черчилль в ответ пообещал направить в Москву министра иностранных дел Э. Идена.

В начале декабря 1941 г. советским войскам удалось сдержать германское наступление под Москвой и даже отбросить противника на запад. Первая победа над германскими войсками во Второй мировой войне была достигнута СССР практически в одиночку.

Разумеется, у Великобритании и США были веские основания не торопиться с широкомасштабной помощью СССР. Положение Великобритании оставалось крайне шатким; она была последним очагом сопротивления Гитлеру в Западной Европе и боялась ослабить свое положение посылкой войск или значительной экономической помощью. США в войну пока не вступали. Наконец, оставалось не ясным, выстоит ли Советский Союз под натиском вермахта и, соответственно, насколько целесообразно жертвовать теми или иными ресурсами в его пользу.

12 июля 1941 между СССР и Великобританией было подписано соглашение о сотрудничестве, по которому страны обязуются помогать друг другу и не вести сепаратных переговоров с Германией. Англия предоставляет нам кредит в 20 миллионов фунтов стерлингов. Лондон счел необходимым активно взаимодействовать с Москвой в иранском вопросе. Иран традиционно находился под влиянием двух держав: СССР (как преемника России) и Великобритании. Между тем германские победы вызывали прогерманские настроения в Иране; там росло убеждение в том, что Германия может помочь освободиться от влияния двух традиционных патронов. Геополитически Иран был чрезвычайно важен и для СССР, т. к. мог служить коридором к южному флангу СССР, и для

Великобритании, т. к. мог быть плацдармом для нападения на Индию и британские ближневосточные владения. Уже в июле 1941 г. между Москвой и Лондоном было достигнуто взаимопонимание в иранском вопросе: германское влияние в Иране должно быть ликвидировано. Иранское правительство не поддавалось на уговоры, и 25 августа 1941 г. советские войска вошли в Иран с севера, а британские—с юга, остановившись на согласованной демаркационной линии. 26 января 1942 г. был подписан британско-советско-иранский договор. СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность и независимость Ирана и защищать его от агрессии извне. Они пообещали вывести свои войска из страны не позже чем через 6 месяцев после окончания войны, а пока что свести вмешательство во внутренние дела Ирана к минимуму.

В августе 1941 г. во время встречи У. Черчилля с Ф. Рузвельтом на Ньюфаундленде была подписана Атлантическая хартия.

В ней были зафиксированы следующие принципы. США и Великобритания не стремились к территориальным «или иным» приращениям в ходе войны. Все территориальные изменения должны были осуществляться в соответствии со свободным волеизъявлением вовлеченных народов. Все народы имели право выбирать форму правления, которая их устраивает. Суверенитет стран, которые были насильственно лишены его, должен был быть восстановлен. Всем большим и малым государствам гарантировался равный доступ к торговле и сырью, необходимым для их экономического процветания. Предусматривалось сотрудничество всех наций, имеющее своей целью улучшение условий труда, экономическое развитие и социальную защищенность. После разрушения нацистской тирании должен был быть установлен мир, обес-

печивающий безопасность всем нациям в пределах их границ и свободное бытие всех людей, мир, предусматривающий свободный доступ к морским путям. Народы мира как из практических, так и из духовных соображений должны были прийти к отказу от применения силы. Это подразумевало создание широкой и постоянной системы мер безопасности, включающей разоружение.

Часть принципов Атлантической хартии противоречили политике СССР и вызвали настороженность: восстановление суверенитета для наций, лишенных его, например, делегитимизировало изменение границ СССР в 1939-1940 гг. Однако Атлантическая хартия уже воспринималась как неотъемлемая идейная основа антифашистской коалиции, и надо было с этим считаться. К тому же И. Сталин надеялся, что принципы Атлантической хартии не будут трактоваться буквально. Дальнейший процесс взаимодействия в Большой Тройке показал, что он был абсолютно прав.

24 сентября посол И. Майский в Лондоне от имени СССР подписал Атлантическую хартию. На сентябрь 1941 г. **это был единственный документ, объединяющий СССР, США и Великобританию.**

Между тем японская экспансия на Тихом океане расширялась. Так как оккупация советского Дальнего Востока не сулила особых экономических выгод, Япония стала продвигаться на юг.

26 ноября 1941 г. Вашингтон представил Японии документ из десяти пунктов, носивший форму ультиматума. В нем, в частности, от Японии требовалось вывести все войска из Китая и Индокитая и отказаться от поддержки в Китае любого иного правительства, кроме правительства Гоминьдана со столицей в Чунцине. Ответом Токио была массированная

бомбардировка 7 декабря военно-морской базы США на Гавайях—Перл-Харбора. Американский флот, который японское нападение застало врасплох, понес тяжелые потери. США вступили в войну. У. Черчилль связался с Ф. Рузвельтом. «Теперь мы все в одной лодке»,—сказал американский президент.

8 декабря США объявили войну Японии, а Гитлер еще до объявления войны США отдал приказ атаковать американские корабли. Вслед за этим последовало немедленное распространение японской агрессии на Юго-Восточную Азию. Мир окончательно раскололся на две противостоящие коалиции, и война приняла общемировой характер.

Логическим продолжением Атлантической хартии была Декларация Объединенных Наций, подписанная 1 января 1942 г. во время визита У. Черчилля в США. Находясь в самом начале борьбы с державами оси, США и Великобритания уже пытались предвидеть контуры послевоенного мироустройства. Проект был выработан на основе британско-американских предложений. Декларация была подписана в кабинете американского президента Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, послом СССР М. Литвиновым и министром иностранных дел Китая Суном.

Госдепартамент США должен был собрать подписи еще 22 наций, так или иначе сотрудничавших в антифашистской коалиции. Декларация говорила о приверженности подписавших ее стран Атлантической хартии. Полная победа над противником объявлялась необходимым условием защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы, а также прав человека и справедливости. Правительства, подписавшие декларацию, заявляли о том, что употребят все свои военные и экономические ресурсы на борьбу против Германии, Италии, Японии и их союзников, будут сотрудничать

друг с другом и не будут заключать сепаратного перемирия или мира с противником.

Э. Иден встретился со И. Сталиным и В. Молотовым 16 декабря 1941 г. Военная ситуация складывалась таким образом, что вступление США и Великобритании в войну с Японией сводило к нулю возможность их высадки на европейском континенте в ближайшем будущем. С другой стороны, вступление США в войну, означало окончательное разделение мира на две группировки и обещало более тесное взаимодействие между Москвой, Лондоном и Вашингтоном в будущем.

К этому моменту германское наступление под Москвой было остановлено. И. Сталин обрел некоторую уверенность в своих силах. Поэтому он решил обсудить с Э. Иденом вопрос послевоенного мироустройства. Реальное противодействие германской и японской агрессии только начиналось, но И. Сталин хотел добиться от западных партнеров признания легитимности его территориальных завоеваний и вообще рассмотреть план послевоенного устройства Европы, его беспокоила Атлантическая хартия.

И. Сталин предложил следующее послевоенное урегулирование. Восточная Пруссия передается Польше, Тильзит и германская территория к северу от Немана–Литовской ССР. Рейнская область отделяется от Германии. Австрия и, возможно, Бавария обретают независимость. Если Франция теряет статус великой державы, то Великобритания занимает Булонь и Дюнкерк как военные базы, а также опорные пункты в Бельгии и Нидерландах. И. Сталин не возражал и против британских баз в Норвегии и Швеции. Советская западная граница должна была проходить по состоянию на 22 июня 1941 г. Это подразумевало британское согласие на аннексию

СССР Прибалтики, Бессарабии и признание новой советско-финляндской границы. Румыния к тому же должна была предоставить СССР военно-воздушные базы. Иными словами, Сталин приглашал Лондон разделить Европу, все еще видя в Британии гегемона западного мира. Он предложил подписать соответствующий секретный протокол.

Э. Иден осторожно заметил, что без консультации с кабинетом он не готов подписывать протокол и что британское правительство еще не пришло к окончательному мнению о послевоенных границах.

Э. Иден уехал, но ответа на советские требования не поступало. В то же время Лондон беспокоился, что советская армия, в случае военного успеха, остановится на границах СССР, предоставив Великобритании разбираться с Германией без помощи советских сил. Ф. Рузвельт высказывал мнение, что вопрос о границах должна решать послевоенная мирная конференция. Для У. Черчилля участие СССР в освобождении Европы было жизненно важно, и он информировал Ф. Рузвельта, что Великобритания вынуждена будет вести переговоры с СССР о подписании договора, подразумевающего признание границ СССР за исключением польско-советской границы.

20 мая 1942 г. в Лондон прибыл В. Молотов, совершив рискованный перелет через территорию, оккупированную Германией. У. Черчилль объяснил советскому наркому, что Великобритания не может принять советские предложения в полном объеме. Однако после войны СССР, Великобритания и США будут сотрудничать в послевоенном мироустройстве. В. Молотову пришлось удовлетвориться этим и подписать **26 мая «Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помо-**

щи после войны». В нем содержались обязательства по взаимопомощи, а также обязательство не заключать сепаратного мира. Вторая часть договора, которая должна была оставаться в силе 20 лет, закладывала основы для послевоенного сотрудничества как в предотвращении возможной агрессии, так и в послевоенном урегулировании. Обе стороны обязались не стремиться к территориальным приобретениям и не вмешиваться в дела других стран. Этот договор стал формальной основой для сотрудничества между Великобританией и СССР. Партнеры стали союзниками.

Следующей остановкой на пути В. Молотова был Вашингтон. Ф. Рузвельт, на которого произвели впечатление зловещие пророчества В. Молотова о том, что Советский Союз может отступить за Волгу, оставив экономически богатые районы Германии, если второй фронт не будет открыт, просил передать И. Сталину, что союзники планируют открыть второй фронт в 1942 г. Но Ф. Рузвельт не уточнил, где именно – в Северной Европе, как того хотела Москва, или в каком-то другом месте.

Кроме того, Ф. Рузвельт развернул перед В. Молотовым блестящие перспективы послевоенного сотрудничества. Нынешние агрессоры должны быть разоружены и остаться разоруженными. Подобный контроль должен распространяться и на других нарушителей спокойствия, может быть, даже на Францию. Этот контроль должны осуществлять США, СССР, Великобритания и, возможно, Китай.

В. Молотов заявил, что советское правительство полностью поддерживает эти предложения.

Американский президент, уклонившись от опасной темы признания новых границ СССР, предложил советским лидерам создать систему четырех мировых полицейских, кото-

рые будут поддерживать порядок совместными усилиями – СССР, США, Великобритания и гоминьдановский Китай. Эта идея глубоко запала в голову И. Сталину, и дальнейшее взаимодействие с союзниками он будет строить на этой основе, все более переориентируясь на США как на главного партнера.

В. Молотов вернулся в Лондон с коммюнике, требующим британского одобрения и констатирующим необходимость открытия второго фронта в Европе в 1942 году. Э. Иден сказал В. Молотову, что это коммюнике поможет напугать и обмануть немцев. В. Молотов согласился, ядовито добавив при этом, что между друзьями обмана быть не должно.

По возвращении В. Молотова в Москву выяснилось, что И. Сталин намерен трактовать коммюнике как обязательство союзников действительно открыть второй фронт. Летом 1942 г. германские войска рвались к Волге и Кавказу. Второй фронт был первоочередной задачей.

Как пишет российский историк О.А. Ржешевский: «Молотов скептически относился к заверениям Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как Сталин считал реальным достижение этой цели. Подтверждением может служить телеграмма Сталина, направленная советскому послу в США Литвинову после отъезда Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств с целью обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки сокращались примерно на 40 % по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Рузвельтом Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта

и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее Сталин 6 июня телеграфировал Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что Советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г., в соответствии с тем, что это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе».

Предположение И. Сталина не оправдалось. 10 июня У. Черчилль во время последней встречи с Молотовым в Лондоне вручил ему «Памятную записку», из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. сопряжено с большими трудностями и «мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе». В августе 1942 г. во время своего визита в Москву он сообщил Сталину, что второго фронта в 1942 г. в Европе не будет».

Между тем У. Черчилль снова посетил Вашингтон в июне 1942 г. Он обсудил с Ф. Рузвельтом атомный проект, осуществляемый совместными усилиями США и Великобритании. Ф. Рузвельт согласился сосредоточить материальную базу проекта на территории Соединенных Штатов. И. Сталин об атомном проекте информирован не был. Было решено осуществлять наступательную операцию в 1942 г. во французской Северной Африке. У. Черчилль решил приехать в Москву и объяснить со Сталиным на этот счет.

К этому времени США согласились на высадку в Северной Африке. Это было не то, чего хотел И. Сталин, и все

понимали это. Но это было значительной активизацией военных действий в районе Средиземноморья.

11 июня 1942 г. в Вашингтоне состоялось подписание Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки «О принципах, применимых к оказанию взаимной помощи в ведении войны против агрессии». От имени Правительства СССР Соглашение подписал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США М. М. Литвинов, от имени Правительства Соединенных Штатов Америки – Государственный Секретарь США г. Корделл Хэлл.

Подписание этого соглашения завершило юридическое оформление антигитлеровской коалиции.

Создание антигитлеровской коалиции опрокинуло расчеты фашистских заправил на изоляцию своих противников и разгром их поодиночке.

2. Антигитлеровская коалиция и проблема второго фронта.

Высадка союзников на Сицилии. Капитуляция Италии

И. Сталин укрепился в мысли, что союзники ждут, пока Германия будет измотана в борьбе с Советским Союзом, чтобы затем вступить в войну на европейском континенте на последнем этапе. Собственно говоря, так оно и было.

У. Черчилль пообещал второй фронт в 1943 г. и осуществить разрушительные бомбардировки Германии уже в 1942 г. Затем он сообщил о планируемой операции в Северной Африке, которая, по его словам, должна была представлять серьезную угрозу Германии. Вся Северная Африка должна была оказаться под британско-американским контролем к концу 1942 г., что в сочетании с высадкой во Франции в 1943 г. обещало нанести тяжелый удар по рейху. Британский премьер назвал

Северную Африку мягким подбрюшьем гитлеровской Европы. У. Черчилль заявил, что Великобритания, самостоятельно или вместе с США, может послать военно-воздушные силы на южную оконечность советско-германского фронта. И. Сталин принял разъяснения У. Черчилля с воодушевлением.

Однако на другой день И. Сталин, следуя своей излюбленной тактике контрастных переговоров, когда он сбивал с толку партнеров, переходя от любезностей к оскорблениям, резко атаковал союзников за отказ открыть второй фронт немедленно. И. Сталин отказался рассматривать высадку в Северной Африке как открытие второго фронта. Он не замедлил также посетовать на то, что поставки из США и Великобритании зачастую бывали сорваны, и СССР так и не получил того, в чем так нуждался и что ему было обещано. Черчилль отвечал, что никто не гарантировал И. Сталину доставку грузов, гарантировалось лишь их поступление в британские порты. Северные конвои, циркулировавшие между Великобританией и СССР, подвергались жестоким атакам германских подлодок и авиации; из последнего, 17-го, конвоя, напомнил У. Черчилль, только треть кораблей дошла до советских берегов. И. Сталин этого объяснения не принял и намекнул, что союзники, вероятно, недостаточно ценят значимость советских военных усилий и слишком боятся потерь.

Тем не менее, встреча закончилась на дружественной ноте. Разговор зашел о необходимости встречи всей Большой Тройки. Однако ни к какому окончательному решению И. Сталин и У. Черчилль не пришли.

На конец 1942–начало 1943 г. положение в антифашистской коалиции оставалось противоречивым. Основной удар германских войск по-прежнему принимал на себя Советский Союз. Вопрос о втором фронте продолжал вызывать вза-

имное раздражение. После очередной встречи с У. Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Ф. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г. У. Черчилль и Ф. Рузвельт также согласовали решение прервать до осени поставки по ленд-лизу в северные порты СССР, о чем 30 марта 1943 г. было сообщено советскому правительству.

«Должен Вам заявить, – писал глава советского правительства в послании У. Черчиллю 24 июня (текст был направлен также Ф. Рузвельту), – что дело здесь идет не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».

8 ноября 1942 г. американские силы высадились в Северной Африке на побережье Марокко. К этому времени военная ситуация в Северной Африке несколько улучшилась для Великобритании. Стремительное наступление германских танковых войск под командованием «лиса пустыни» германского фельдмаршала Эрвина Роммеля удалось остановить у самого Каира. Однако угроза британским владениям на Ближнем Востоке сохранялась. Коммуникации между Великобританией и Северной Африкой были затруднены: Италия контролировала Средиземное море, и приходилось посылать войска на Ближний Восток дальним путем через мыс Доброй Надежды. Однако этот театр военных действий оставался второстепенным. Главная цель военных операций здесь – очистить Северную Африку от германских и итальянских войск, чтобы обеспечить плацдарм для вторжения в Южную Европу.

Победа над державами оси в Северной Африке имела одно крупное последствие: выход из войны Италии. Очистив южное побережье Средиземного моря, союзники высадились на Сицилии и приступили к бомбардировкам итальянских городов. 25 июля 1943 г. в Италии произошел государственный переворот. Б. Муссолини был устранен от власти и арестован. Новым главой правительства стал маршал Пьетро Бадольо. Однако проблема заключалась в том, что А. Гитлер, не высоко ценивший боевые качества итальянцев, заблаговременно наводнил Италию германскими войсками. Король Италии и П. Бадольо заявили, что будут сражаться вместе с германскими союзниками, в глубине души желая скорейшей победы англо-американских войск. Представители П. Бадольо стали осаждать британских дипломатов в третьих странах. У. Черчилль и Ф. Рузвельт обсуждали, как принимать капитуляцию Италии.

Генерал Джузеппе Кастельяно передал Ф. Рузвельту и У. Черчиллю официальное послание П. Бадольо, в котором тот объяснял, что замирение с союзниками невозможно до их высадки на материковой Италии в силу германского присутствия; он обещал совместную с союзниками войну против Германии. Ф. Рузвельт и У. Черчилль решили пойти навстречу этой просьбе. 19-20 августа 1943 г. представители союзников встретились с Дж. Кастельяно в Лиссабоне. Там ему было заявлено, что вопрос об итальянском участии в войне против Германии будет решаться потом; сейчас надо договариваться о военной капитуляции. 3 сентября на Сицилии Дж. Кастельяно подписал по поручению П. Бадольо военные условия капитуляции. Американский генерал Дуайт Эйзенхауэр должен был при этом дать заверения, что в Риме будет высажен десант, если итальянская сторона нейтрализует самолеты и противовоздушную оборону и будет готова сражаться с герман-

скими войсками в районе Рима. Однако 8 сентября итальянцы передали, что они не могут даже объявить о капитуляции ввиду присутствия германских войск под Римом.

Генерал Д. Эйзенхауэр отговорок больше слушать не пожелал. Он объявил о капитуляции Италии. Большая часть итальянского флота отправилась сдаваться на Мальту, неся при этом тяжелые потери от атак германской авиации. Окончательный документ о капитуляции Италии был подписан на Мальте 29 сентября 1943 г.

Как только союзники высадились на материковой Италии, между ними начались сложные проблемы. Американское общественное мнение было настроено к Италии гораздо менее враждебно, чем европейские страны. Американские политики должны были также думать о значительных итальянских общинах, влиявших на ход выборов в США. Вставал вопрос о статусе Италии.

П. Бадольо просил статус союзника, если Италия объявит войну Германии. Был найден компромисс в термине «соратничество». 13 октября король Италии объявил войну Германии, а США, СССР и Великобритания известили мир о «co-belligerency» с Италией и о праве итальянского народа избрать демократическое правительство после выдворения германских войск с итальянской территории. В то же время союзники дали понять, что они хотели бы отречения короля, несшего значительную долю ответственности за политику Б. Муссолини.

Решило установить дипломатические отношения с правительством П. Бадольо и Москва, которая влияла на итальянскую политическую ситуацию через итальянских коммунистов, которые представляли собой сплоченную антифашистскую силу.

3. Московская конференция министров иностранных дел 1943 г.

Перелом в войне в Европе произошел после разгрома германской группировки под Сталинградом, а затем на Курской дуге. После Курской битвы стало ясно, что военная машина Германии уже не оправится.

Соответственно возросла и международная роль СССР. Как главная военная сила антифашистской коалиции он претендовал на одну из ведущих ролей в деле послевоенного урегулирования. Пора было всерьез говорить не только о втором фронте, но и о практических аспектах послевоенного миропорядка.

В 1943 г. второй фронт по-прежнему не был открыт. Высадка в Северной Африке и Италии абсолютно не воспринималась И. Сталиным как второй фронт. По его мнению, второй фронт означала только высадка в Северной Франции, откуда можно было наносить удары по сердцевине рейха. 26 января 1943 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль направили И. Сталину послание по итогам их встречи в Касабланке. В нем они говорили о сосредоточении крупных сил в Великобритании для высадки на континент. И. Сталин потребовал деталей. У. Черчилль, с согласия Ф. Рузвельта, назвал август или сентябрь, с оговоркой, что время высадки будет зависеть от оборонительных способностей немцев в районе Ла-Манша. Переписка продолжалась. И. Сталин не скрывал своего раздражения. Второй фронт в 1943 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль открывать не хотели.

Однако успехи Красной Армии в битве под Курском, продвижение советских войск к государственным границам СССР свидетельствовали, что война близится к завершению. Становилось очевидным, что Советский Союз способен самостоятельно освободить народы Европы от фашизма. В этой

ситуации западные союзники, опасаясь выхода советских армий в Центральную и Западную Европу раньше своих войск, активизировали подготовку операции вторжения во Францию.

Предварительно решение о проведении такой операции было согласовано на Квебекской конференции руководителей правительств и представителей командования США и Великобритании в августе 1943 г. На конференции было подтверждено намерение США и Великобритании открыть второй фронт в Европе не ранее мая 1944 г.

Для более детального обсуждения неотложных вопросов военной стратегии решено созвать конференцию министров иностранных дел в Москве, а встречу Большой Тройки провести в Тегеране.

На Московской конференции, состоявшейся 19-30 октября 1943 г. союзники обещали открыть второй фронт весной 1944 г. Вопрос о послевоенных границах, в котором СССР был заинтересован более всего, почти не обсуждался.

В. Молотов высказал два предложения: побудить Турцию вступить в войну с Германией и просить Швецию предоставить базы для бомбардировки рейха. Э. Иден скептически отнесся к нарушению нейтралитета Швеции и резонно поинтересовался, что может побудить Турцию вступить в войну. К. Хэлл согласился с Э. Иденом.

Э. Иден и В. Молотов приняли предложение К. Хэлла выступить с четырехсторонней декларацией, в которой великие державы обязались бы сотрудничать после войны и признали бы необходимость создания международной организации для поддержания мира и безопасности.

Британский министр иностранных дел распространил на конференции меморандум о принципах восстановления

государственности в освобожденной Европе; поскольку польский вопрос, не обсуждался, то разногласий она не вызвала.

Э. Иден предложил подтвердить принцип, что каждый народ будет иметь право сам выбирать свою форму правления и образ жизни при условии, что он уважает права других народов. Все государства, таким образом, будут свободны вступать в «федерации» с другими государствами. В. Молотов возразил, что это напоминает ему политику санитарного кордона в отношении СССР. Э. Иден отступил. Большая политика должна была вершиться на встрече в Тегеране.

4. Каирская и Тегеранская конференции

23 ноября 1943 г. по дороге в Тегеран Ф. Рузвельт и У. Черчилль встретились в Каире. Поскольку конференция обсуждала главным образом дальневосточный вопрос, на нее был приглашен и Чан Кайши. К 1943 г. США играли роль главного союзника Гоминьдана, поэтому в Каире Ф. Рузвельт постарался ввести обсуждение дальневосточных проблем в желаемое ему русло. Приглашение Чан Кайши в Каир не вызвало энтузиазма у У. Черчилля. Уже просматривалась послевоенные планы американского президента: клуб великих держав, из которого исключалась Франция и где США поддерживали «особые» отношения с СССР и Китаем; Великобритания же оказывалась в положении региональной, а не глобальной державы.

Китайский генералиссимус был посвящен в военные планы союзников на Дальнем Востоке. Несмотря на оппозицию У. Черчилля, Ф. Рузвельту удалось протолкнуть американский план освобождения Бирмы и открытия пути коммуникаций с Китаем через бирманскую железную дорогу.

На конференции Ф. Рузвельт добился принятия декларации по Дальнему Востоку. В ней заявлялось о намерении союзников полностью ликвидировать Японскую империю. Китай должен был восстановить контроль над огромными территориями, отвоеванными у него Японией. Но что было особенно важно, Китай включался в число «четырёх полицейских» в рамках будущей международной организации. Сталин согласился с Каирской декларацией. Однако при этом он умело подвел союзников к тому, чтобы предоставить СССР сферу влияния на Дальнем Востоке. И. Сталин сделал заявку на китайский порт Далянь, эксплуатацию железных дорог в Маньчжурии и передачу Южного Сахалина и Курил СССР.

В первый раз в полном составе Большая Тройка собралась в Тегеране 28 ноября–1 декабря 1943 г. На конференции четко обозначилось стремление Ф. Рузвельта договориться со И. Сталиным. Ф. Рузвельт предложил ему даже, чтобы советский представитель присутствовал на всех англо-американских встречах перед общей беседой. Идея глобального регулирования международных отношений равно импонировала Ф. Рузвельту и И. Сталину. У. Черчилль в этом отношении был консервативен, не особенно верил в послевоенное сотрудничество с СССР, сомневался в эффективности новой международной организации и видел за этой идеей план оттеснить Великобританию на политическую периферию.

И. Сталин и Ф. Рузвельт нашли взаимопонимание относительно высадки в Европе. Они считали Северную Францию единственно пригодным местом для открытия второго фронта. У. Черчилль в качестве альтернативы предлагал Балканы (надеясь предотвратить разрастание советской сферы влияния). И. Сталин заподозрил, что У. Черчилль в очередной раз бойкотует второй фронт, встретился с ним наедине и только после

этого несколько успокоился. Было договорено, что второй фронт будет открыт в Северной Франции в мае 1944 г.

На конференции обсуждался и вопрос о будущем Германии. И. Сталин и Ф. Рузвельт высказались в пользу расчленения Германии на мелкие государства, с тем чтобы исключить возрождение германского экспансионизма. Ф. Рузвельт предложил разделить Германию на пять частей, причем передать Киль, Гамбург, Рур и Саар под контроль Объединенных Наций. У. Черчилль согласился с тем, что Пруссия как очаг милитаризма должна быть отделена. И. Сталин сделал особый упор на том, что объединение Германии должно быть предотвращено любой ценой. Никакого окончательного решения принято, однако, не было.

Самым болезненным вопросом был вопрос о Польше. И. Сталин к этому времени порвал отношения с польским правительством в изгнании. Москва требовала изменений в польском правительстве. Катынский вопрос рассматривался Кремлем как польский шантаж с целью заставить Москву пойти на территориальные уступки. В Лондоне стало складываться мнение, что надо уступать Москве и проводить советско-польскую границу по линии Керзона.

В Тегеране И. Сталин предложил передвинуть польскую границу на Запад, к Одере, за счет Германии. Советско-польская граница должна была проходить по линии, установленной в сентябре 1939 г. Понимая, что могущественный союзник будет стоять в этом вопросе насмерть, даже У. Черчилль согласился, заметив, что земли, получаемые Польшей, гораздо лучше земель, которые она отдает. И. Сталин также заявил, что СССР рассчитывает получить Кенигсберг и передвинуть границу с Финляндией дальше от Ленинграда.

На конференции четко обозначилось согласие западных союзников пойти навстречу И. Сталину в территориальном вопросе. Здесь же была сделана заявка на то, что послевоенный мир будет управляться четырьмя державами, действующими под эгидой международной организации. Для СССР это был колоссальный прорыв, США также впервые после неудачной попытки президента В. Вильсона брали на себя глобальные функции, Великобритания, роль которой относительно уменьшалась, должна была довольствоваться уже тем, что она не выпала из Большой Тройки.

И. Сталин пообещал вступить в войну против Японии после поражения Германии. В ноябре 1943 г. для союзников это было чрезвычайно важно.

5. Открытие второго фронта в Европе

Несмотря на политические разногласия в руководстве антигитлеровской коалиции, спецслужбы СССР и англо-американских союзников имели опыт успешного взаимодействия. Весной 1944 г. в рамках подготовки к высадке в Нормандии ими проводился комплекс совместных мероприятий, дабы ввести командование вермахта в заблуждение относительно места открытия Второго фронта. В британском Генеральном штабе был разработан план операции по маскировке подготовки войск союзников к форсированию пролива Ла-Манш, которая получила кодовое название «Бодигард». В рамках этой дезинформационной операции предусматривалось осуществить 35 обманных мероприятий. Начальнику Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанту Ф.Ф. Кузнецову было поручено разработать предложения о мероприятиях, которые советское командование должно было организовать и провести в целях

дезинформации А. Гитлера и немецкой военной разведки относительно открытия второго фронта. Плана по дезинформации германского командования предполагал, во-первых, продемонстрировать подготовку вторжения советских войск совместно с британскими войсками в Норвегию, во-вторых – обозначить подготовку к широкому наступлению войск Красной Армии на Балканы. В результате успешной реализации этих мер высадка крупномасштабного десанта в Нормандии стала полной неожиданностью для немецкого командования.

До лета 1944 г. военные действия США, Великобритании и СССР почти не координировались, но 23 июня Красная армия в поддержку операции «Оверлорд» развернула крупное наступление в Белоруссии (операция «Багратион»).

Открытие 6 июня 1944 г. второго фронта превратилось в одну из крупнейших военных операций в истории. В течение суток надо 6 июня 1944 г., после длительных приготовлений, союзники высадили в Нормандии почти 150 тыс. человек. Для этой цели использовали 7 тыс. различных судов и 11 590 самолетов. С небольшими исключениями операция прошла успешно. Германское командование они застали врасплох. Немецкие части выдавливались вглубь материка, и основные силы союзников могли без проблем высаживаться на континент со всей материально-технической базой. В течение двух недель войска союзников уже насчитывали 500 тыс. человек, а в начале июля их было уже более 1 млн человек и 190 тыс. единиц бронетанковой техники и автотранспорта. Армии союзников двинулись на Германию.

Но за два года проволочки западных союзников с открытием второго фронта (с мая 1942 г. по июнь 1944 г.) безвозвратные потери советских войск составили более 5 млн человек. В массовом сознании и у советских руководителей

сформировалось убеждение, что политика, проводимая западными союзниками с затягиванием второго фронта, носила преднамеренный характер и преследовала цели максимального ослабления нашей страны. Недоверие к союзникам не было необоснованным.

О.А. Ржешевский приводит следующие факты, подтверждающие эту точку зрения: «В 1943 г. после битв под Сталинградом и Курском среди генералитета и наиболее антироссийски настроенной части истеблишмента западных союзников еще четче стали проявляться тенденции к поиску путей, которые смогли бы облегчить вступление их войск в Германию и создать препятствия для продвижения на Запад Красной Армии. «Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой. Выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома Третьего рейха?»

В Национальном архиве США хранятся протоколы заседаний Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании – главного органа западных союзников, который координировал их стратегию в годы Второй мировой войны. К истории возникновения холодной войны непосредственное отношение имеет малоизвестный обмен мнениями высших военных руководителей Великобритании и США на заседании этого комитета 20 августа 1943 г.

В заседании принимали участие: от США – начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник штаба армии генерал Д. Маршалл, главнокомандующий ВМС адмирал Э. Кинг, командующий ВВС армии генерал Г. Арнольд; от Великобритании – начальник имперского генерального штаба генерал (с 1944 г. фельдмаршал) А. Брук, главнокомандующий ВМС адмирал Д. Паунд и главнокомандующий ВВС

главный маршал авиации Ч. Портал, ряд других военачальников и советников.

Параграф 9 протокола «Военные соображения в отношении России» содержит следующую запись обмена мнениями: «Сэр Алан Брук обрисовал современную обстановку, касающуюся России. В целом русские сейчас более сильны, чем когда-либо ранее, и, по его мнению, располагают резервами для дальнейшего наступления осенью. Немцы будут вынуждены держать все имеющиеся у них дивизии на русском фронте или даже усиливать их. Это облегчит наши операции в Италии и Оверлорд. Он считает, что у немцев нет шансов договориться с русскими о мире... Генерал Маршалл коснулся формирования в России движения «Свободная Германия». Он располагает данными, из которых следует, что Россия все более враждебно и подозрительно относится к капиталистическому миру. Их недавнее заявление по «второму фронту» весьма показательно в этом отношении. Он хотел бы знать мнение начальника британского штаба относительно дислокации войск союзников, например, в случае подавляющего успеха русских – не окажут ли немцы содействие вступлению наших войск в [их] страну, чтобы отбросить русских. Сэр Алан Брук сказал, что он давно видел опасность того, что русские используют войну для продвижения своих идей международного коммунизма». Отметим в этой связи разработку командованием Армии Крайовой плана «Барьер»–диверсий на железных дорогах Польши с целью затруднить наступление Красной Армии. Стало известно и о намерениях командования Армии Крайовой прекратить диверсионные акции в отношении немецких военных эшелонов, которые направлялись на Восточный фронт».

Итак, второй фронт был открыт. Началось освобождение Франции.

Однако крупная политическая проблема, – кто возьмет власть в свои руки во Франции, – оставалась. К этому времени генерал Ш. де Голль окончательно испортил отношения с Лондоном; в Вашингтоне не переносили его уже давно. Тем не менее Ш. де Голль был самым авторитетным лидером в антифашистском движении Франции, и заполнить политический вакуум больше было некому. Однако У. Черчилль и в еще большей степени Ф. Рузвельт шли на официальное признание его роли крайне неохотно.

К тому же Ш. де Голль, обеспокоенный стремлением Сирии и Ливана воспользоваться войной и завоевать независимость, а также возможным проникновением Великобритании в эти страны, избрал путь не диалога, а конфронтации с местными национальными лидерами. Это вызывало дополнительные трения на Ближнем Востоке и создавало Ш. де Голлю заслуженный, но незавидный ореол французского националиста. И все же Франция, расколотая политическими противоречиями, озлобленная оккупацией и коллаборационизмом, с сильными правыми и левыми партиями, безусловно, нуждалась в эффективном переходном правительстве.

Накануне высадки в Нормандии Ш. де Голля пригласили в Лондон. У. Черчилль информировал его о военных планах союзников и посоветовал отправиться в Вашингтон и просить встречи с президентом. Ш. де Голль согласился с тем, чтобы отряды Сопротивления выполняли приказы Д. Эйзенхауэра, он согласился выступить по радио перед соотечественниками, но требовал, чтобы американцы присоединились к политическим переговорам о будущем Франции. 20 июня У. Черчилль написал Ф. Рузвельту, что Ш. де Голль

и Комитет Национального Освобождения жизненно нужны союзникам, потому что больше во Франции опереться не на кого. Ш. Де Голль посетил США. 25 августа соглашение о политической роли КНО было подписано в Вашингтоне и Лондоне. При этом Ф. Рузвельт упрямо отказывался именовать КНО временным правительством. Только 22 октября 1944 г. он принял решение признать правительство Ш. де Голля. Государственность Франции была восстановлена.

11-12 ноября 1944 г. Париж посетили У. Черчилль и Э. Иден. В ходе визита У. Черчилль предложил Ш. де Голлю оккупировать часть германской территории в счет британской зоны оккупации. Перед лицом двух геополитических гигантов—США и СССР – У. Черчилль, несмотря на взаимную антипатию с Ш. де Голлем, хотел как можно скорее восстановить статус Франции хотя бы как квази-великой державы.

В декабре 1944 г. Ш. де Голль посетил СССР и заключил франко-советский Договор о союзе и взаимопомощи. Только после этого он начал переговоры о заключении аналогичного договора с Великобританией. В основе лежало старое условие—взаимопомощь в случае германской агрессии. Однако подписание договора застопорилось; в числе прочих оговорок Лондон не хотел брать на себя обязательство по гарантии территориальной целостности Франции. Со своей стороны Ш. де Голль был раздосадован тем, что Францию не пригласили на назначенную на начало 1945 г. Ялтинскую конференцию, хотя она того добивалась.

6. Антигитлеровская коалиция и польский вопрос. Развал фашистского блока

Польское правительство в изгнании было сформировано генералом Владиславом Сикорским во Франции, а затем

перебралось в Великобританию. С самого начала польский вопрос был занозой в антифашистской коалиции. Роль СССР в расчленении Польши была слишком очевидна, чтобы замолчать ее, тем более что польское правительство в изгнании вообще не было намерено это делать. И Сталину надо было идти на компромисс. При активном участии британского правительства 30 июля 1941 г. был подписан советско-польский договор, аннулирующий советско-германские соглашения относительно Польши и содержащий обязательства взаимной помощи в борьбе против Германии. 14 августа было подписано соглашение о создании польской армии под польским командованием на территории СССР. Под британским давлением всем польским гражданам на территории СССР была объявлена амнистия. Британское правительство заверило польское, что оно не признает территориальных изменений, касающихся Польши. В советско-польском договоре, однако, какое-либо четкое определение границ отсутствовало.

Положение польского правительства было незавидным. В военном отношении оно полностью зависело от успехов Красной армии. Если кто и мог восстановить независимость Польши, так это Москва, которая, конечно же, не намеревалась отдавать то, что было получено в результате раздела Польши с А. Гитлером. Было и еще одно обстоятельство. В ходе Версальской конференции была предпринята попытка определить примерную этнографическую границу Польши на востоке. Граница была определена по так называемой линии Керзона, которую Польша перешла в ходе войны с Советской Россией в 1920 г. Линия Керзона отдавала СССР большую часть территории, аннексированной в 1939 г. Остатки Версальского порядка в данном случае играли на руку Москве.

Москва заявила об освобождении всех поляков, находящихся в заключении. Однако большое число польских офицеров «пропало без вести». В апреле 1943 г. генерал В. Сикорский привлек внимание У. Черчилля к германскому заявлению о том, что в районе Катыни были обнаружены захоронения расстрелянных польских офицеров. 20 апреля польское правительство в очередной раз потребовало информации от Москвы. Москва в ответ разорвала дипломатические отношения с польским правительством. И. Сталин не собирался объясняться с главой польского кабинета в Лондоне В. Сикорским. Время компромиссов в польском вопросе для И. Сталина истекло по мере наступления советских войск. Он пришел к выводу о необходимости создания «своего» польского правительства.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль в частном порядке согласились со И. Сталиным относительно устраивавшей его границы с Польшей.

Даже У. Черчилль, опасавшийся советской гегемонии в Восточной Европе гораздо больше, чем Ф. Рузвельт, не собирался портить отношения со И. Сталиным из-за восточной границы Польши. Он поддерживал И. Сталина в своих беседах с польским правительством в Лондоне. Единственное, чего У. Черчилль справедливо боялся, так это того, что Москва сама радикально «улучшит» правительство Польши. Именно из-за этого он давил на сменившего погибшего в авиакатастрофе в 1943 г. В. Сикорского нового польского премьера в изгнании Станислава Миколайчика, заставляя его проявить сговорчивость. Однако польское правительство не собиралось сдаваться именно тогда, когда советские войска вступали в Польшу. И. Сталина такая неуступчивость только радовала.

В июне 1944 г. премьер С. Миколайчик отправился в США. Ф. Рузвельт—без должных оснований—обнадежил его, сказав, что Польша получит Львов, Кенигсберг, Силезию и, может быть, даже Вильнюс. У. Черчилль пытался охладить оптимизм Миколайчика: он не верил, что И. Сталин отступится от своих слов и дел.

В мае-июне состоялись тайные советско-польские переговоры в Лондоне. Советская сторона настаивала на линии Керзона, а также на обновлении польского правительства за счет включения в него «демократических» сил. Польскому правительству предписывалось также взять обратно обвинения насчет Катыни.

Между тем, по мере того как его войска продвигались на запад, стимулировал рост «демократических» сил в Восточной Европе. Одним из первых забеспокоился У. Черчилль. 4 мая 1944 г. он адресовал Э. Идену вопрос, — может ли Великобритания мириться с «коммунизацией» Балкан и, возможно, даже Италии? Нет, отвечал сам себе У. Черчилль, но сначала надо посоветоваться с США. В особенности Лондон беспокоила ситуация в Греции. 5 мая Э. Иден запросил советского посла в Лондоне Ф. Гусева, согласен ли СССР поддерживать британскую политику в Греции в обмен на свободу рук в Румынии? Ф. Гусев передал ответ Москвы, что в принципе она согласна, но что думают по этому поводу в США? 11 июня Ф. Рузвельт предложил У. Черчиллю некий консультационный механизм, который бы предотвратил тенденцию к установлению в мире сфер исключительного влияния какой-то одной державы.

У. Черчилль потерял терпение. Уклончивость Ф. Рузвельта, который собирался решать судьбы мира в неопределенном будущем, могла стоить Великобритании сферы

влияния на Балканах. Он отвечал Ф. Рузвельту, что прямые договоренности были гораздо эффективнее любого консультационного комитета. Теперь пришла очередь беспокоиться Ф. Рузвельту: Европа снова возвращалась к концепции баланса сил и сфер влияний! 22 июня 1944 г. в письме У. Черчиллю он посоветовал на то, что мнением США поинтересовались уже после того, как недостойное предложение было сделано Москве. Кремль же, решив, что Ф. Рузвельт не хочет отдавать Грецию Великобритании, заявил Лондону, что поскольку у США имеются сомнения, Москва хочет обсудить эту проблему с Вашингтоном. Взбешенный Черчилль воскликнул: «Получается, что все договоренности с русскими надо пропускать через педантичное вмешательство Соединенных Штатов?» Именно к этому и шло дело, поскольку мир постепенно превращался в биполярный, с США и СССР в качестве двух глобальных держав.

Между тем вследствие успехов советских армий новые кризисы следовали один за другим. 25 августа 1944 г. Финляндия запросила Москву об условиях мира. 23 августа, через три дня после начала советского наступления против Румынии, король Михай совершил государственный переворот, удалил от дел Йона Антонеску и немедленно сдался. За условиями сдачи наблюдала советская сторона от имени союзников.

5 сентября СССР объявил войну Болгарии, которая решила принять политику строгого нейтралитета. Объявление войны было предпринято без консультаций с союзниками. Советские войска перешли болгарскую границу. Последовал прокоммунистический переворот. Болгария попросила Москву о перемирии и объявила войну Германии. Контроль над Болгарией опять же единолично устанавливала Москва. У. Черчилль сначала согласился на это в обмен, опять же, на

особые права Великобритании в Греции, но потом под влиянием Э. Идена передумал: Болгария открывала путь к остальным балканским странам. Однако было уже поздно.

С Чехословакией дело обстояло несколько иначе. Она была жертвой агрессии Германии, и с ее правительством в изгнании у Москвы были деловые отношения. К этому времени СССР уже подписал с находившимся в изгнании бывшим президентом Э. Бенешем договор о взаимной помощи (декабрь 1943 г.) между СССР и Чехословакией, а в мае 1944 г. Э. Бенеш подписал с СССР еще одно важное соглашение – о передаче гражданского управления на освобожденной чехословацкой территории чехословацкому правительству.

В Венгрии правительство осенью 1944 г. предприняло попытку перейти на сторону союзников; уже была достигнута договоренность о проведении переговоров в Москве, но 16 октября немцы организовали контрпереворот в Будапеште, и в итоге советские войска входили в Венгрию как в союзную Германии страну. (Временное правительство, организованное на востоке страны при советской помощи, подписало перемирие 20 января 1945 г.)

Между тем в Польше, на освобожденной территории, появилось второе правительство–Комитет Национального Освобождения (КНО), основанный 21 июля 1944 г. – «люблинское правительство». И. Сталин заявил, что советские войска не нашли более никакой политической силы, способной заниматься гражданским управлением. С самого начала это правительство заклеямило правительство в изгнании как незаконное и ведущее Польшу к новой катастрофе. 3-4 августа И. Сталин принял С. Миколайчика в Москве. Он спокойно выслушал доводы правительства в изгнании о границе и предоставил С. Миколайчику самому вести переговоры с КНО. Представи-

тель КНО Болеслав Берут потребовал создания нового польского правительства, в котором 14 портфелей были бы отданы КНО и только 4—правительству в изгнании.

В ответ 1 августа 1944 г. по приказу Польского правительства в изгнании началось Варшавское восстание, жестоко подавленное немецкими оккупантами.

Ситуация в Восточной Европе беспокоила У. Черчилля. Он решил лететь в Москву договариваться со Сталиным. Рузвельт предложил послать посла США в СССР А. Гарримана наблюдателем.

У. Черчилль и Э. Иден находились в Москве с 9 по 18 октября 1944 г. Цель их визита состояла в урегулировании вопроса о сферах влияния в Восточной Европе в обход американцев. У. Черчилль пошел напролом. Вместо расплывчатых формулировок он предложил И. Сталину цифры. СССР предоставлялось 90 % влияния в Румынии и 75 в Болгарии; Великобритании—90 в Греции; Венгрия и Югославия делились по принципу 50 на 50. И. Сталин отнесся к предложению одобрительно, правда, В. Молотов потом попросил у Э. Идена 75-процентное преобладание в Венгрии и 90-процентное в Болгарии. Начался ожесточенный торг, становящийся временами просто абсурдным: на какой-то момент В. Молотов просил 60 процентов в Югославии, а Э. Иден твердо стоял на 50. В. Молотов и Э. Иден сами не знали, как они намереваются оценивать в реальной политике лишние 10 процентов влияния, однако идея определить свою послевоенную долю арифметически точно захватила их. Восточноевропейская арифметика оказалась слишком сложна для двух министров иностранных дел, они с некоторым сожалением отступились от этих захватывающих упражнений. Было договорено, что до германской капитуляции контроль в Румынии и Болгарии бу-

дет осуществляться СССР, а британские и американские представители подключатся после капитуляции рейха. Болгарские войска должны были быть выведены из Греции и Югославии.

Важное значение имело советское согласие на 90 % влияния Великобритании и США в Греции, где уверенно к власти шли коммунисты, что демонстрировало признание западной сферы влияния за пределами «пояса безопасности». На встрече с Г. Димитровым 10 января 1945 г. Сталин отклонил его предложение оказать помощь силам ЭЛАС: «Они принялись за дело, – пояснил Сталин, – для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря, мы этого не можем делать».

«Процентное соглашение» являлось реальной (хотя официально не оформленной) договоренностью о разделе сфер влияния, которая некоторое время соблюдалась.

В польском вопросе У. Черчилль пошел на уступки И. Сталину. Польша была слишком болезненной проблемой, чтобы включать ее даже в процентный торг. И. Сталин убедил У. Черчилля в необходимости осуществить перестановки в польском правительстве в изгнании для успешных переговоров с КНО. И. Сталин заверил У. Черчилля, что прекращение наступления на Варшаву в период восстания объяснялось чисто военными причинами. У. Черчилль добился согласия И. Сталина на участие правительства С. Миколайчика в переговорах о Польше. Польские представители спешно вылетели в Москву.

Трехсторонние советско-британско-польские переговоры начались 13 октября 1944 г. И. Сталин твердо настаивал на признании линии Керзона как границы между СССР и Польшей. И. Сталина поддержал У. Черчилль. Он заявил С. Миколайчику и его коллегам, что у польского правительства нико-

гда больше не будет такой уникальной возможности договориться с Москвой, и пригрозил в случае неуступчивости поляков изменить отношение британского кабинета к правительству С. Миколайчика. У. Черчилль в порыве откровенности заявил, что великие державы второй раз на жизни одного поколения проливают кровь за Польшу и поэтому не могут позволить втянуть себя во внутреннюю польскую склоку. Патриотическая мотивация, выдвинутая С. Миколайчиком, была с презрением отвергнута У. Черчиллем: время, когда поляки могли позволить себе роскошь лелеять свой патриотизм, прошло, заметил он.

Ни к какому соглашению по Польше стороны в Москве не пришли. С. Миколайчик считал, что публичное признание им «линии Керзона» равносильно политическому самоубийству. Возвратившись в Лондон, он попытался получить гарантии суверенитета Польши у США. Ф. Рузвельт дать гарантии отказался и заявлял, что США признают границы, согласованные между СССР, Польшей и Великобританией.

Оказавшись оставленным на произвол судьбы, С. Миколайчик подал в отставку. Уведомленный об этом, И. Сталин спокойно отвечал, что министерские перетряски в Лондоне его не волнуют, потому что С. Миколайчик служил прикрытием для преступных террористов, выступающих против советской армии в Польше. КНО, продолжал он, действует хорошо, реформы в Польше идут, и надо переключиться на поддержку КНО.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль толкали польское правительство в изгнании к компромиссу, граничащему с капитуляцией, именно потому, что не хотели иметь дело с советским марионеточным правительством. Теперь они в резких выражениях отказались признать его. И. Сталина это не смутило,

и 1 января 1945 г. он информировал Ф. Рузвельта, а 4 января – У. Черчилля, что СССР признал КНО в качестве временного правительства Польши.

7. Конференция в Думбартон-Оксе

По мере военных успехов союзников, вопрос о послевоенном мироустройстве все более занимал умы политиков. Ф. Рузвельт хотел создать международную организацию. Печальный пример Лиги Наций, которая оказалась не более чем трибуной для ораторов, заставлял его при этом исходить из концепции трех или четырех (считая Китай) международных полицейских. После обсуждений на различных уровнях была созвана конференция в Думбартон-Оксе (22 августа–28 сентября 1944 г.)

К этому времени уже была достигнута договоренность:

- в организации будет круг избранных–постоянных членов Совета Безопасности: США, СССР, Великобритания, Франция и Китай;

- Совет Безопасности мог предпринимать усилия по урегулированию конфликта, невзирая на позицию государств, вовлеченных в конфликт;

- постоянные члены Совета Безопасности имели право вето, даже будучи вовлеченными в конфликт, если речь шла о применении силы.

И. Сталин выдвинул также требование, чтобы все республики, входящие в состав СССР, были представлены в ООН. Разумеется, это вызвало негативную реакцию Ф. Рузвельта. Обсуждение вопросов, связанных с будущим ООН, продолжилось после конференции, на которой ключевые вопросы решены не были.

Необходима была новая встреча «Большой тройки». Поражение Германии близилось, а контуры послевоенного мироустройства оставались все еще расплывчаты.

8. Ялтинская (Крымская) конференция

«Большая тройка» собралась в Ялте 4–11 февраля 1945 г. Перед Ялтой британская и американская делегации встретились на Мальте; это, однако не сняло ряда противоречий. Ф. Рузвельт был твердо намерен вести сотрудничество с СССР. По его мнению, СССР, в отличие от Великобритании, не был империалистической державой, а Ф. Рузвельт считал ликвидацию колониальной системы одним из приоритетов послевоенного урегулирования. Он вел сложную дипломатическую игру: с одной стороны, Великобритания продолжала оставаться его ближайшим союзником, и атомный проект осуществлялся с ведома Лондона, но в тайне от Москвы; с другой стороны, советско-американское сотрудничество, на взгляд президента, позволяло осуществлять глобальное регулирование системы международных отношений.

Главный вопрос—судьба Германии. Незадолго до Ялтинской конференции в прессу попал так называемый «план Morgenthau». Из него следовало, что англо-американцы собираются установить для немцев такой оккупационный режим, при котором население сократилось бы за несколько лет на 25 миллионов. Вероятно, план был вброшен в информационное пространство советскими спецслужбами, чтобы у немцев пропало желание договариваться с западными союзниками о сепаратном мире.

У. Черчилль предложил отделить от Германии Пруссию и образовать южно-германское государство со столицей в Вене. И. Сталин и Ф. Рузвельт согласились с тем, что Гер-

мания должна быть расчленена. Однако, приняв это решение, конференция не установила процедуру расчленения или хотя бы его примерные территориальные контуры.

Участники конференции договорились, что после полного разгрома Германии:

1. Германия будет поделена на зоны оккупации; Союзники согласовали планы окончательного разгрома Германии и утвердили Соглашение о зонах оккупации. Им предусматривалось, что американские войска займут юго-запад Германии, английские – северо-запад, советские – восток;

2. будут проведены мероприятия по уничтожению германского милитаризма;

3. установлен контроль над всей германской промышленности, которая могла бы быть использована для военного производства;

4. будут проведены мероприятия по денацификации Германии;

5. взимание репараций в максимально возможной мере;

6. существенное приращение территории Польши за счет немецких земель.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль предложили предоставить Франции зону оккупации в Германии. После долгих споров Франция была включена в число великих держав. Было также решено, что за счет английской и американской зон небольшую зону оккупации в Германии получит Франция.

Советская сторона подняла вопрос о репарациях, предлагая две формы: вывоз оборудования и ежегодные платежи. Она также предложила создать комиссию по репарациям в Москве. Однако конечная сумма репараций установлена не была. На последнем настаивала британская сторона; Ф. Рузвельт же благожелательно воспринял советское предложение

определить общую сумму репараций в 20 миллиардов долларов, из которых 50 % должны были быть выплачены Советскому Союзу.

Новым в оккупационной проблеме стал и вопрос о «Большом Берлине», который должен был войти в советскую зону. Но поскольку он был избран местом пребывания Контрольного Совета по Германии, было решено, что Берлин будет управляться межсоюзнической комендатурой, и будет занят войсками всех оккупирующих Германию держав.

Таким образом, за три месяца до окончания войны в Европе и капитуляции Германии союзники по антигитлеровской коалиции согласовали планы по решению германского вопроса.

В марте 1945 г. начала работу комиссия по расчленению Германии. Советский представитель, посол СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев передал председателю комиссии Э. Идену письмо, где говорилось, что советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии «не как обязательный план расчленения», а как возможное средство «для нажима» на нее, «если другие средства окажутся недостаточными».

Член комиссии от США Вайнант срочно телеграфировал в Вашингтон о столь радикальном изменении позиции СССР и получил указание также уклоняться от принятия окончательных решений. Таким образом, вопрос о расчленении Германии был фактически снят с повестки дня комиссии. Потом, в апреле – начале мая 1945 г., именно советские представители выступили и за то, чтобы изъять положение о расчленении из документа о безоговорочной капитуляции Германии и из Декларации о поражении Германии. Таким образом, термин «расчленение» исчез и из этих документов. Подобные

«маневры» советской дипломатии до сих пор не получили однозначного объяснения.

Официальная же точка зрения советского правительства по поводу расчленения Германии была высказана Сталиным 9 мая 1945 г. В обращении к советскому народу по случаю дня Победы он заявил: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

На Ялтинской конференции Советская делегация предложила рассмотреть вопрос о членстве советских республик в ООН, однако их число было ограничено двумя (Молотов предлагал две-три—Украину, Белоруссию и Литву, мотивируя это тем, что Британское Содружество представлено в полном составе). Было решено провести учредительную конференцию ООН в США в апреле. Советская сторона согласилась с американским предложением, согласно которому постоянный член Совета Безопасности не мог голосовать, если вопрос касался его.

Ф. Рузвельт серьезно относился к принципу опеки ООН над колониальными территориями. Однако У. Черчилль заявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. Как, вопрошал У. Черчилль, апеллируя к СССР, отнесся бы Сталин к предложению интернационализировать Крым? Американская сторона, отступая, заявила, что в виду имелись территории, отвоеванные у врага,—например, острова в Тихом океане. Согласились на том, что американское предложение распространяется на подмандатные территории Лиги наций, территории, отобранные у противника, и территории, которые добровольно согласятся на надзор ООН.

Конференция обсудила ряд вопросов, связанных с малыми европейскими государствами. И. Сталин не оспаривал

британо-американского контроля над Италией, в которой все еще шли бои.

В Греции шла гражданская война, в которую вмешались британские войска на стороне, противостоящей коммунистам. В Ялте И. Сталин подтвердил договоренность, достигнутую с У. Черчиллем в октябре 1944 г. в Москве, – рассматривать Грецию как сугубо британскую сферу влияния.

Великобритания и СССР, в соответствии с октябрьскими договоренностями соблюдали паритет в Югославии, где руководитель югославских партизан Иосип Броз Тито договаривался с прозападным югославским лидером Иваном Шубашичем о контроле над страной. В Ялте паритет был, в общем, подтвержден, хотя практическое урегулирование ситуации в Югославии было предусмотрено не так, как его хотел видеть У. Черчилль, которого беспокоило также территориальное урегулирование между Югославией и Австрией, Югославией и Италией. В Ялте было решено, что эти проблемы будут обсуждаться по обычным дипломатическим каналам.

Вопросы, связанные с тем, что СССР не консультировался с западными союзниками в решении политических проблем Румынии и Болгарии, Венгрии подробно не обсуждалась.

В общем, в Ялте де-факто подразумевалось, что вся Восточная Европа остается в советской сфере влияния. Это было отходом от «процентной дипломатии», однако Великобритания могла надеяться на некоторую корректировку советской позиции в ходе послевоенного урегулирования.

Без всякого энтузиазма участники конференции взялись обсуждать польский вопрос. К этому времени просоветское правительство уже перебралось в Варшаву из Люблина, но по-прежнему именовалось западными державами «люблинским».

Ф. Рузвельта, и У. Черчилля вопрос о польских границах занимал не слишком. На повестке дня стоял вопрос о независимости Польши. И. Сталин повторил свою позицию: западная граница Польши должна быть передвинута, восточная—проходить по линии Керзона, варшавское правительство с польским лондонским дела иметь не будет. У. Черчилль заявил, что, по его сведениям, люблинское правительство представляет взгляды не больше трети поляков, и ситуация может привести к кровопролитию, арестам и депортациям. И. Сталин согласился на включение в польское временное правительство некоторых «демократических» лидеров из польских эмигрантских кругов и провести как можно скорее свободные выборы.

Все три державы обязались установить дипломатические отношения с реорганизованным правительством. Восточная граница Польши определялась по «линии Керзона»; территориальные приращения за счет Германии были упомянуты расплывчато. Окончательное определение западной границы Польши откладывалось до мирной конференции.

Было заключено соглашение по вступлению СССР в войну против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе. В ходе отдельных переговоров И. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем была достигнута договоренность об усилении позиций СССР на Дальнем Востоке. Сталин выдвинул следующие условия: сохранение статуса Монголии, возвращение России Южного Сахалина и прилегающих островов, интернационализация порта Далянь (Дальний), восстановление военно-морской базы в Порт-Артуре, совместное советско-китайское владение КВЖД и ЮМЖД, передача СССР Курильских островов. По всем этим вопросам с западной стороны инициатива уступки принадлежала Ф. Рузвельту.

9. Завершающий этап войны против Германии

На Ялтинской конференции была достигнута договоренность создать Московскую комиссию для решения польского вопроса. Она работала с 23 февраля по 17 апреля 1945 г. В. Молотов сделал все возможное для утверждения варшавского правительства в качестве единственной властной основы в Польше. У. Черчилль хотел придерживаться буквы достигнутого в Ялте компромиссного соглашения. Ф. Рузвельт скорее придерживался духа Ялты—полубовного раздела сфер влияния с сильным советско-американским взаимодействием.

Когда после смерти Ф. Рузвельта президентом США стал Гарри Трумэн, позиция США в отношении СССР резко поменялась. Г. Трумэну была чужда концепция Ф. Рузвельта советско-американской глобальной коалиции. Глобализм уже ничто не могло поколебать в американской внешней политике, но США твердо были намерены заниматься регулированием международных отношений без СССР. Человек твердый, но ограниченный, Г. Трумэн не мог перешагнуть через антикоммунизм ради геополитики. К тому же он болезненно осознавал свою неопытность (Ф. Рузвельт даже не посвятил своего вице-президента в существование атомного проекта) и в силу этого был намерен доказать всем и самому себе в том числе, что готов к твердому внешнеполитическому курсу.

Это сказалось на отношении США к польскому вопросу. 14 апреля Г. Трумэн подготовил проект письма И. Сталину со списком польских участников политических консультаций. У. Черчилль, внеся небольшие коррективы, немедленно одобрил его. В это время Москва заявила о своем намерении подписать договор с варшавским правительством. 23 апреля Г. Трумэн принял В. Молотова (тот направлялся в Сан-Франциско на учреждение ООН) и в очень резких выражениях

высказал недовольство позицией Москвы. Эта встреча была разительным контрастом по сравнению со всеми предыдущими беседами советских лидеров с западными коллегами.

В конце концов в результате переговоров в Москве 21 июня 1945 г. была достигнута договоренность о создании обновленного правительства, в котором промосковская фракция доминировала. 5 июля союзники заявили о признании польского правительства. И. Сталин одержал важную дипломатическую победу.

Ситуация в Югославии, которая тоже чрезвычайно беспокоила Запад, была несколько иной: коммунистический режим не был принесен туда на штыках, а был логическим итогом победы вооруженных формирований Тито. Однако контактировавший во время войны с Великобританией И.Б. Тито в 1945 г. стал блокироваться со И. Сталиным.

Во всех странах, куда вошли советские армии, возникли и начали укрепляться просоветские режимы. И. Сталин решил включить всю Восточную Европу в сферу своего безраздельного влияния. Он использовал левые силы, имевшиеся во всех восточноевропейских странах и усилившиеся благодаря поддержке Москвы. Восточноевропейские левые, под руководством Кремля, успешно сочетали идею воссоздания государственности с идеей реформ. Однако решающим фактором во всех восточноевропейских странах, за исключением Югославии и Албании, была советская мощь.

25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско открылась учредительная конференция ООН. Несмотря на растущие противоречия между союзниками, которые обозначились со сменой политического руководства в США и ужесточением позиции СССР по Восточной Европе, идея создания ООН должна была найти свое практическое завершение.

Конференция приняла Устав ООН. Было принято решение об ответственности Совета Безопасности за поддержание мира. Полномочия Ассамблеи были ограничены дискуссией и рекомендациями.

В период между Ялтинской конференцией руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании и окончанием Второй мировой войны произошли события, развернувшие мировую историю от курса на сотрудничество трех держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом, к холодной войне.

Первое событие – смерть президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., которая привела к смене руководства страной и советско-американскому противостоянию.

Второе – резкое обострение после разгрома Германии борьбы между СССР, Великобританией и США за сферы влияния. США и Великобритания, используя свои войска взяли курс на подавление левых сил, восстановление и укрепление в странах Европы и Азии правительств прозападной ориентации.

Третье – монопольное овладение США атомным оружием, разрушительная мощь которого в августе 1945 г. была продемонстрирована бомбардировками японских городов. Это привело к изменению военного баланса сил между великими державами, появлению у США и Великобритании планов использования атомного оружия как средства силового давления в мировой политике что вызвало послевоенную гонку вооружений, череду локальных войн и кризисов международного масштаба.

В 1998 г. были рассекречены документы личного досье Черчилля. Главным документом является датированный 22 мая 1945 г. план экстренной операции «Немыслимое», подготовленный Объединенным штабом планирования военного каби-

нета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии и западных союзников, а также картографический материал. Предположительно, время поручения премьер-министра на разработку плана операции не позднее апреля 1945 г.

Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые Черчилль воспроизвел в своих мемуарах:

«во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, по существу вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;

в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...».

Разработчики операции, а это был план войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

– операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

– Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил, находящихся в распоряжении эмигрантского правительства Польши и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

– не рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории;

– иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

– начало военных действий – 1 июля 1945 г.

Цель операции – «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Мотивы этого решения в документе не раскрываются. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делает крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», указывалось далее, необходимы людские ресурсы союзников: во-первых, разме-

щение и использование в Европе крупных ресурсов США, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск, на что потребуется время.

Однако общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей.

б) Численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели».

План войны на время отложили.

Исторических исследований операции «Немыслимое» пока крайне мало. В 2002 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история» была опубликована статья известного британского исследователя Второй мировой войны профессора Д. Дилкса «Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. Он объяснил появление этого плана тем, что, У. Черчилль давая задание на разработку операции, стремился «выяснить, имеются ли у Великобритании и США реальные шансы для противодействия Советскому Союзу».

В связи с инициативами У. Черчилля возникают по меньшей мере два вопроса. Имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее 3 млн чел., упразднены Государ-

ственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945–1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре – из Чехословакии, в апреле 1946 г. – с острова Борнхольм (Дания), в мае – из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 г. – из Болгарии и в 1948 г. – из Кореи. Постепенное увеличение численности советских вооруженных сил началось лишь с 1949 г. – страна втягивалась в гонку вооружений.

Знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? Косвенно это подтвердил в 1998 г. видный знаток истории советских вооруженных сил, профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план У. Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен в Москве, и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия». Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Публикация в 2003 г. труда «Очерки истории российской внешней разведки» это подтверждает. В Москве знали о плане Черчилля и сделали соответствующие выводы.

История подготовки новой войны против СССР требует дальнейшего документального исследования. Но замысел У. Черчилля действительно был «немыслимым». Личный врач британского премьера лорд Моран считал, что поступки Черчилля «в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением, иначе они необъяснимы».

10. Потсдамская конференция

Пока конференция в Сан-Франциско учреждала ООН, призванную предотвратить новые конфликты, война в Европе кончилась. Германия капитулировала. 2 мая 1945 г. прекратились боевые действия на южном направлении в Италии, 4 мая в штабе генерала Бернарда Монтгомери, командовавшего британскими силами, был подписан документ о капитуляции германских войск в Северо-Западной Европе, 7 мая в штабе Д. Эйзенхауэра в Реймсе была подписана капитуляция всех германских вооруженных сил. Аналогичный документ подписали маршал Георгий Жуков и германский фельдмаршал Вильгельм Кейтель в ночь с 8 на 9 мая.

Однако перед политиками открывались далеко не радужные перспективы. Германия и Италия были разбиты и на неопределенно долгое время выбыли из игры как значимые державы. Большинство стран Европы были ослаблены войной: материальные разрушения и временная ликвидация государственности во многих из них делали послевоенное восстановление многотрудной задачей. Наконец, после Второй мировой войны обозначились два глобальных центра силы – США и СССР, последний из которых был вовлечен в мировые дела на основе партнерства только последние четыре года. Кремля боялись.

Но и Кремль был далек от эйфории. Война была выиграна, огромная сфера влияния завоевана, статус глобальной державы получен, но цена за это была заплачена невероятная. В Кремле разрывались между желанием закрепить за собой новые сферы влияния и осознанием собственной слабости. Новой войны никто не хотел. Однако сотрудничество в «Большой тройке» кардинальным образом поменялось со смертью Ф. Рузвельта.

В секретной переписке с Г. Трумэном английский премьер-министр начинает использовать по адресу СССР и Красной Армии такие термины, как «железный занавес», «захватчики», «оккупанты». Командованию вооруженных сил направляются директивы о поддержании боевой готовности авиации, приостановке демобилизации оставшихся войск вермахта. Как выяснилось позднее, в эти же дни начальник имперского генерального штаба получил распоряжение провести исследование о возможности открытых военных действий против России. 13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти «тоталитарных или полицейских правительств».

США в одностороннем порядке, без предупреждения, прекратили 11 мая 1945 г. поставки в СССР по ленд-лизу, уклонились совместно с Великобританией от обещанного пересмотра конвенций по Черноморским проливам и от достигнутой предварительной договоренности о предоставлении СССР займа в 6 млрд долларов для восстановления экономики.

17 июля 1945 г. Потсдамская конференция открылась. Г. Трумэн предложил создать Совет министров иностранных дел пяти великих держав (хотя ни Франция, ни Китай в конференции не участвовали), который бы занимался мирными переговорами и территориальным урегулированием. Предложение было принято, и заседание Совета было назначено на 1 сентября в Лондоне. Однако остальные вопросы решались отнюдь не так легко.

Британская и американская стороны отказались рассматривать вопрос о репарациях в отрыве от вопроса выживания немцев без посторонней помощи. Продовольствие же в Германию поступало в большой степени из тех восточных

районов, которые Москва уже передала под польскую администрацию. Советская сторона во время обсуждения вопроса о принятии Италии в ООН потребовала распространение того же принципа на бывших сателлитов Германии в Юго-Восточной Европе, что означало признание новых правительств; западные представители готовы были признать их, только убедившись в их независимости и выборности. Советская сторона сослалась на состояние дел в Греции, подразумевая, что Великобритания сама не выполняет взятых обязательств.

Во время встречи с У. Черчиллем И. Сталин заявил, что СССР не собирается советизировать Восточную Европу и разрешит свободные выборы для всех партий кроме фашистских. У. Черчилль вернулся к «процентной» дипломатии и пожаловался, что вместо 50 % СССР получил в Югославии 99 %. На Сталина это впечатления не произвело.

На первом же пленарном заседании всплыл вопрос о Польше. Советская делегация отстаивала западную польскую границу по Одере-Нейсе. Г. Трумэн упрекнул И. Сталина за то, что он уже передал под польскую администрацию эти районы, не дождавшись мирной конференции, как это было договорено в Ялте. По настоянию советской стороны в Потсдам прибыли польские представители во главе с Болеславом Берутом. Польская делегация требовала немецкие земли и обещала демократические выборы. У. Черчилль и Г. Трумэн предлагали не спешить, и выразили сомнение, что Польша сможет успешно переварить такую большую территорию.

Польский вопрос, стоивший У. Черчиллю столько крови, был последним вопросом, который он обсуждал как премьер-министр Великобритании. 25 июля он вместе с Э. Иденом отбыл в Лондон, где на следующий день подал в отставку после объявленных результатов выборов: консервативная пар-

тия проиграла. Новый премьер-министр Клемент Эттли с новым министром иностранных дел Эрнестом Бевингом прибыли в Потсдам.

Уже в новом составе конференция пришла к соглашению по вопросу о Польше. Польша должна была провести свободные выборы с участием всех демократических и антинацистских партий. Окончательное решение вопроса о западной границе Польши было отложено, однако уже сейчас Польше передавались восточногерманские земли. В польском вопросе победителем вышел Сталин. Конференция согласилась на передачу СССР Кенигсберга и прилегающей территории.

Была достигнута договоренность о порядке осуществления контроля над Германией. Провозглашались цели разоружения и **демилитаризации Германии**. Все военные и полувоенные формирования, включая даже клубы и ассоциации, которые поддерживали милитаристские традиции, должны были быть ликвидированы. Важной задачей провозглашалась **денацификация Германии**. Ликвидировались национал-социалистическая партия Германии и все нацистские институты. Отменялись нацистские законы, служившие основой режима Гитлера. Военные преступники предавались суду. Активные члены нацистской партии должны были быть удалены со всех значимых постов. Германская система образования ставилась под контроль, с тем чтобы уничтожить нацистские и милитаристские доктрины и обеспечить **развитие демократии**. На демократических принципах учреждались органы самоуправления по всей Германии. Поощрялась деятельность демократических партий. Было решено не создавать пока центрального германского правительства. Германская экономика должна была быть **децентрализована**, производство поставлено под контроль, чтобы исключить

возрождение военной промышленности. На период союзной оккупации Германия должна была рассматриваться как единый экономический организм, в том числе в отношении валюты и налогообложения.

По вопросу о репарациях был все же достигнут компромисс. Советский Союз (обязуясь при этом передать часть репараций Польше) должен был получить их из своей зоны оккупации, а также частично из западных зон в той мере, в которой это не подрывало мирную германскую экономику.

Военно-морской флот Германии делился в равных пропорциях между СССР, США и Великобританией. Большую часть германских подлодок предстояло затопить. Германский торговый флот, за минусом судов, необходимых для речной и прибрежной торговли, также делился между тремя державами. Великобритания и США выделяли из своей доли суда странам, пострадавшим от германской агрессии.

Был также достигнут ряд более мелких соглашений. Италию, как страну, порвавшую с Германией, было решено рекомендовать для членства в ООН. Совету министров иностранных дел поручалось подготовить мирные договоры с Италией, Болгарией, Финляндией, Венгрией и Румынией. Подписание мирных договоров делало возможным включение этих государств в ООН. Испании в членстве в ООН было отказано. Было решено «улучшить» работу контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии. Переселение германского населения из Польши, Чехословакии и Венгрии должно было осуществляться «упорядоченным и гуманным» образом. Войска союзников должны были быть немедленно удалены из Тегерана, а Совет министров иностранных дел должен был решить вопрос о дальнейшем выводе войск.

Конференция не согласилась с советским предложением относительно Босфора и Дарданелл. И. Сталин требовал отменить конвенцию Монтре, предоставить выработку режима проливов Турции и СССР, дать СССР возможность организовать военные базы в проливах наравне с турецкими. Г. Трумэн предложил свободный режим проливов при гарантии всех великих держав. Наконец, было принято решение о том, что конвенция Монтре должна быть пересмотрена в ходе контактов каждого из трех правительств с турецким.

Потсдамская конференция решила наиболее актуальные вопросы послевоенной ситуации. Однако одновременно с этим стало ясно, что европейский порядок будет строиться на конфронтационных началах: все, что касалось Восточной Европы, вызывало конфликты. Формально рамки для послевоенного сотрудничества были созданы до Потсдама: ООН с ее клубом великих держав. Однако уже в Потсдаме стало ясно, что регулирование международных отношений в послевоенном мире будет осуществляться не в ООН и не в согласованном порядке.

На Потсдамской конференции же впервые в истории дипломатии обозначился ядерный фактор. Г. Трумэн специально подгадывал первое испытание атомной бомбы под Потсдам. 16 июля испытание успешно состоялось. По мнению У. Черчилля, получив в ходе конференции долгожданную новость, Г. Трумэн стал другим человеком. 24 июля в разговоре со И. Сталиным он походя упомянул, что у США появилось новое оружие необычайной разрушительной силы. И. Сталин сказал, что рад это слышать и надеется, что ему найдется применение в войне против Японии. К тому времени И. Сталин давно знал об американском атомном проекте и торопил советских ученых в их разработках.

К 1945 г. в мире лихорадочно развивалось три атомных проекта: американский (при некотором британском участии), советский и немецкий. США первыми вышли на атомный рубеж. Тот факт, что даже Ф. Рузвельт, при всем своем желании продолжить послевоенный диалог с Москвой, не проинформировал И. Сталина о чудо-оружии, равно как И. Сталин не проинформировал его, позволяет делать достаточно пессимистический вывод о потенциале послевоенного сотрудничества между СССР и США, кто бы ни стоял у руля американской политики.

Из Потсдама Г. Трумэн, У. Черчилль и К. Эттли уезжали с осознанием предстоящих серьезных проблем, связанных с советской гегемонией в Восточной Европе и вообще с возросшей советской мощью. И. Сталин уезжал, встретившись с достаточно серьезным противодействием западных союзников, которые уже сильно жалели о своей уступчивости в отношении сфер влияния в годы войны с Германией. И. Сталину предстояло теперь перебросить свои войска на тихоокеанский фронт и вступить в войну с Японией.

11. Капитуляция Японии. Окончание Второй мировой войны

К лету 1945 г. англо-американские войска освободили Филиппины, Индонезию и часть Индокитая. Япония отчаянно сопротивлялась. Японские военные широко использовали воинов-смертников – «камикадзе».

Молодых и неопытных летчиков обучали элементарным навыкам управления самолетами – взлет и пилотирование. Посадке их не учили, т. к. они должны были торпедировать американские корабли и погибнуть.

Союзникам необходимо было перебросить на Тихий океан большие воинские контингенты сухопутных сил. Они имели на Тихоокеанском театре военных действий около 550 тыс. солдат. К тому же эти силы были распылены на островах Тихого океана и Азиатском материке. В итоге США, Англия и их союзники к лету 1945 года не имели в бассейне Тихого океана сил, которые бы смогли сломить сопротивление японских вооруженных сил. На острове Кюсю американцы собирались высадиться только в ноябре 1945 года. Решающие же операции планировали на 1946-1947 гг. Руководство США и Англии отлично понимало, что боевые действия на собственно японской территории приведут к огромным потерям. Вероятные потери союзных войск оценивались в 1 млн человек. Американское военное руководство осознавало, что затягивание войны и тяжелые потери окажут самое тяжелое воздействие на вооруженные силы и народ США. Они уже проявляли признаки психологической усталости от войны и не были готовы к столь тяжелым потерям.

Это не устраивало ни Вашингтон, ни Лондон, и Г. Трумэн принял решение об использовании против Японии атомного оружия. В качестве потенциальных целей были выбраны города Нагасаки и Хиросима.

6 августа 1945 г. американские самолеты сбросили атомную бомбу «Мальш» (урановая) на японский город Хиросима. Более 64 тыс. мирных жителей погибло или оказалось при смерти. Такого результата не ожидали даже сами разработчики.

9 августа бомба «Толстяк» была сброшена на г. Нагасаки. Эффект от этих акций ошеломил японцев. Но они были рассчитаны и на Сталина – в Хиросиме и Нагасаки американцы устроили демонстрацию силы для СССР.

В научных кругах до сих пор идут споры о том, что решило судьбу Японии: атомные бомбардировки силами ВВС США японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. или военные действия Красной армии, разгромившей миллионную Квантунскую армию.

Более обоснованным выглядит точка зрения, что исход войны на Дальнем Востоке и в Азии в целом решила победа союзников в Европе. После поражения гитлеровской Германии Япония была обречена, у нее не было шансов на сколько-нибудь длительное сопротивление. Речь шла лишь о сроках ее капитуляции. А это означало предотвращение новых больших людских потерь, которыми и так был отмечен путь американцев в тихоокеанской войне. Как указывалось выше, Советский Союз всю войну проводил крайне осторожную политику в отношении Японии и делал все возможное, чтобы ее не спровоцировать. Не менее настороженно воспринимали в Москве и все попытки, особенно американцев, раньше времени подтолкнуть СССР к вступлению в войну на Дальнем Востоке. Вместе с тем у советского руководства не было никаких иллюзий в отношении агрессивных замыслов японской военщины в случае неблагоприятного поворота советско-германской войны. Лишь голый расчет подтолкнул Японию в южном направлении, на время отсрочив опасность войны против северного соседа. Кроме того, в коалиционной войне существовало строгое правило – в интересах общего дела руководствоваться не только собственными интересами, но и интересами своих союзников, в данном случае прежде всего США.

СССР взял на себя обязательства вступить в войну против Японии «через 2–3 месяца» после окончания войны в Европе и собирался их неукоснительно выполнять. Видимо, такие мотивы определили решение советского правительства

пригласить 5 апреля 1945 г. в НКВД японского посла Н. Сато и официально сообщить ему о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В Токио, конечно, хорошо знали о настроениях в Москве и как могли пытались нейтрализовать их предложениями к СССР, как к единственной находившейся вне тихоокеанской войны великой державе, взять на себя «посредничество» в урегулировании конфликта на Дальнем Востоке, но было уже поздно. Возможности для примирения были давно упущены в результате преступных действий милитаристской Японии в Китае и Корее, нападения на американский флот в Перл-Харборе, враждебных действий в отношении Советского Союза.

Требования к Японии были четко сформулированы США, Великобританией и Китаем еще в Каирской декларации 1 декабря 1943 г., и никаких оснований для «торговли» не было. Речь могла идти, как подчеркивалось в Потсдамской декларации, только о полной и безоговорочной капитуляции. Для Советского Союза вступление в войну с Японией «под занавес» Второй мировой войны было важным шагом по закреплению отношений сотрудничества с западными союзниками на послевоенное время.

5 августа 1945 г. Советское правительство денонсировало советско-японский пакт о ненападении.

8 августа в 5 часов вечера народный комиссар иностранных дел СССР принял японского посла и от имени советского правительства сообщил ему, что со следующего дня, 9 августа, Советский Союз считал себя в состоянии войны с Японией.

Советским войскам противостояла Квантунская армия Квантунская армия, которая представляла собой грозную военную силу. Она насчитывала более 1 млн человек, имела на вооружении 1200 танков, 5400 орудий и минометов, 1800

боевых самолетов. Она не участвовала в крупных сражениях, в основном вела карательные операции в Китае, создала за долгие годы мощные оборонительные сооружения и сохранила свой боевой потенциал и высокий моральный дух.

Советская группировка имела над противником пятикратное превосходство по орудиям и минометам, четырехкратное – по танкам и почти трехкратное – по самолетам. Это был мощный «кулак», способный взломать самую неприступную оборону. Перед советскими войсками под командованием маршала А. М. Василевского была поставлена задача окружить, расчленить и уничтожить войска Квантунской армии и освободить территорию Северо-Восточного Китая и Кореи от японских захватчиков. Шесть дней потребовалось советским войскам, чтобы, действуя с трех направлений, взломать оборону противника и окружить вражескую группировку.

У. Черчилль высокомерно заявлял: «Россия объявила войну 8 августа, лишь за неделю до капитуляции противника. Тем не менее она претендовала на полные права воюющей державы».

Пытаясь предотвратить катастрофу, император Японии Хирохито, стал склоняться к капитуляции. Американцы это решение приписывали лишь ужасающим результатам своих атомных бомбардировок.

Однако стоит отметить слова премьер-министра Японии Судзуки на заседании Высшего совета в день вступления в войну СССР: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

В течение 23 дней основные силы японцев были разгромлены. Это лишило японцев возможности перебросить войска из Манчжурии на защиту островов, эвакуировать им-

ператорскую семью в Маньчжоу-го и применить в войне бактериологическое оружие, которое разрабатывалось в секретных лабораториях Квантунской армии.

14 августа 1945 г. по настоянию императора Хирохито правительство объявило о капитуляции. Сам Хирохито по этому поводу заявил, что хочет прекратить страдания и стерпеть нестерпимое. Император этим решением принял весь позор на себя, освободив от него всех своих подданных. Но Квантунская армия отказалась подчиняться, и военные действия в Манчжурии продолжались до сентября.

В изданном президентом Г. Трумэном 14 августа приказе о капитуляции японских вооруженных сил в зону принятия капитуляции советскими войсками не были включены Курильские острова. Советское правительство потребовало в район сдачи японцев советским войскам включить «все Курильские острова, которые, согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза». Наряду с этим Советский Союз планировал принять участие в оккупации японских островов, в частности северной половины острова Хоккайдо. Но американцы не собирались делиться плодами победы на Дальнем Востоке с СССР. Позднее президент Г. Трумэн признал, «опыт Потсдама придал мне решимость не допустить русских к контролю над Японией». Требование о включении Хоккайдо в зону принятия капитуляции советскими войсками было отклонено американским правительством. Более того, США поставили перед советским правительством вопрос о предоставлении им возможности создания авиационных баз на Курильских островах, словно речь шла о побежденном государстве. Советское правительство в ответ предложило США право коммерческих посадок для их гражданских самолетов на одном из аэродромов Курильских

островов при условии предоставления аналогичных прав для посадок советских самолетов на Алеутских островах. Вопрос отпал сам собой.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялась официальная церемония подписания пакта о капитуляции Японии. Выбор американцами именно этого судна был не случаен. Из штата Миссури был родом президент Г. Трумэн. От имени союзных держав акт подписал командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане генерал Дж. Макатур. От СССР акт скрепил своей подписью генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

Этим актом завершилась самая разрушительная в истории человечества война, продолжавшаяся шесть лет.

Выводы

Окончание Второй мировой войны (как это нередко бывало в истории) ознаменовалось кризисом победоносной коалиции. На первый план выходили не военные, а уже послевоенные проблемы – причем подход к послевоенному миру был очень разным в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Уже в середине 1945 г. выяснилось, что у СССР, США и Великобритании не оказалось общей основы для сотрудничества после войны. Вот почему сотрудничество в годы войны с такой быстротой сменилось конфронтацией в дни мира.

Советское руководство придерживалось более традиционного дипломатического инструментария, включавшего, в частности, баланс сил, жесткий торг и раздел сфер влияния (и с этой точки зрения нельзя не отметить определенную близость советских и британских подходов к послевоенному мироустройству). Вот почему для советского руководства победы Красной Армии в Европе и на Дальнем Востоке означали рас-

ширение советской сферы влияния, и Кремль не собирался пускать в эту сферу американские корпорации – даже во имя расширения международного экономического сотрудничества.

Это, в свою очередь, делало невозможным формирование экономического базиса для послевоенного сотрудничества СССР и его западных союзников. Вот почему с такой быстротой произошла эрозия Антигитлеровской коалиции после победы над общим врагом.

12. Итоги и уроки Второй мировой войны

Важнейшим результатом Второй мировой войны стало не просто поражение очередных, которых уже по счету, претендентов на мировое господство. Сокрушительное поражение потерпела идеология фашизма, насилия, агрессии и расового превосходства. В сознании международного сообщества прочно укрепилась мысль о нетерпимости подобных идеологических проявлений, и после Второй мировой войны такого рода формы тоталитарного сознания оказались далеко на периферии международной жизни.

Резко понизился «порог терпимости» международного сообщества к агрессии, территориальным захватам и аннексиям. Великодержавная политика территориальных захватов, которая считалась проявлением государственной мудрости и военной доблести до Первой мировой войны, а после нее и до следующей мировой войны представлявшаяся вполне извинительным (хотя и предосудительным) образом действий великих держав – стала совершенно нетерпимой после 1945 г.

Неудивительно, что после окончания Второй мировой войны не было ни одной войны между великими державами. Вооруженный конфликт в международных отношениях переместился из высокоразвитого Севера на слаборазвитый Юг.

Одной из причин такого положения вещей стали процессы деколонизации, охватившие прежнюю мировую «периферию».

Окончательно утвердились в числе великих держав, определяющих судьбы мира, такие бывшие колониальные и полуколониальные страны, как Китай и Индия.

Не могла до бесконечности сохраняться ситуация, при которой большей части человечества была уготована судьба поставщика пушечного мяса и стратегических материалов для великих держав. Вовлекая миллионы «туземцев» в свои военные усилия (а значит, и в большую политику), хотя бы и в качестве пушечного мяса, великие державы тем самым создавали условия для неизбежного краха колониальной системы, для выхода на мировую арену новых государств.

Вторая мировая война начиналась с лихих кавалерийских рейдов – а закончилась атомными ударами по японским городам. Атомная энергия, радиоэлектроника, электронные вычислительные устройства, ракеты, реактивная авиация, инфракрасные приборы – все это и многое другое, появившись в годы Второй мировой войны, на многие послевоенные десятилетия определило характер военно-технического прогресса. Ядерная гонка, начавшаяся на завершающем этапе Второй мировой войны, стала важнейшим структурным компонентом будущей «холодной войны».

Наконец, важнейшим итогом Второй мировой войны стало создание жизнеспособной международной организации безопасности – ООН. При всех своих известных недостатках ООН превратилась после окончания Второй мировой войны в важнейший форум, в рамках которого представители первого, второго и третьего «миров» поддерживали между собой диалог по проблемам международной безопасности.

Вторая мировая война полностью разрушила многополярную модель мира. После окончания Второй мировой войны в Европе и Азии образовался беспрецедентный (по крайней мере в Новое и Новейшее время) вакуум власти. Ведущие европейские державы, которые на протяжении межвоенного периода играли ведущую роль в Версальско-Вашингтонской системе – Великобритания, Германия, Италия, Франция, Япония – были либо разгромлены и оккупированы, либо серьезно ослаблены. На смену Версальско-Вашингтонской системе, таким образом, пришла новая – биполярная – система международных отношений, лидерами которой были две «сверхдержавы» (США и СССР).

Давая оценку тем переменам, которые произошли на мировой арене после Второй мировой войны, выдающийся американский теоретик международных отношений Ганс Моргентау указал на «тройную революцию» в политической структуре мира:

- 1) предшествующая много государственная система, центр которой был в Европе, была заменена глобальной биполярной системой, центры которой лежат за пределами Европы;
- 2) моральное единство политического мира, которое отличало западную цивилизацию на протяжении большей части ее истории, сменилось расколом на две несовместимые системы мышления и действия, конкурирующие повсюду за умы и сердца людей;
- 3) современная технология сделала возможной тотальную все уничтожающую войну.

Действительно, как уже было сказано, в послевоенном мире остались только две великие державы, способные соревноваться за мировую гегемонию – США и СССР; остальные

страны могли претендовать в лучшем случае на звание региональных лидеров.

Великие европейские державы, которые на протяжении нескольких столетий были столпами системы международных отношений, после Второй мировой войны на время утратили возможность проводить самостоятельную внешнюю политику и, наряду с Японией, из субъектов международных отношений превратились в их объекты. Только СССР и США вышли из пламени Второй мировой войны как мощные и самостоятельные мировые державы, став, таким образом, столпами биполярного мира.

Самостоятельная работа

Работа с документами

1. Перл-Харбор и вступление США во Вторую мировую войну; см. док. 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 63. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть II. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергееenkova. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

2. Создание антигитлеровской коалиции; см. док. 3, 4, 12, 13, 14,30, 66. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть II. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергееenkova. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

3. Ленд-лиз и проблема открытия второго фронта; см. док. 18, 19, 24, 25, 94, 95, 96, 98, 100, 102, 103, 106. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть II. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергееenkova. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019). (Хрестоматия по новейшей ис-

тории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть II. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеевкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

4. Конференции Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская; см. док. 175–184; 273–274; 304.

5. План «Немыслимое»; см. док. 300. (Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1945 гг. Часть II. Международные отношения: учебное пособие / сост. И.Ф. Сергеевкова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019).

Прочитайте статьи

Кравченко М. «Отправляйтесь в Москву, повидайте Сталина»// Международная жизнь. 2021. № 7.

Дилкс Дэвид. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3.

Ржешевский О.А. Антигитлеровская коалиция: как зарождалась Холодная война **perspektivy.info**

Фоменко А. Проблема коллаборационизма во Второй мировой войне // Международная жизнь. 2010. № 5.

Брычков А.С., Карпенко В.П. Коллаборационизм: причины, признаки и определения // Военно-исторический журнал. 2019. № 6.

Барабаш В.В. Советско-польская граница в дипломатической борьбе между СССР и польским эмигрантским правительством в период Второй мировой войны// Белорусский исторический обзор. 2019. № 1.

Золов А.В. Проблема новых западных границ во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 10.

Пономаренко, Л. В., Чикризова О. С. «Большая тройка» (И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль): союзники во имя мира // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 2.

Печатнов В. О. Сталин – Рузвельт – Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5.

Вопросы для самопроверки

1. Расскажите о политике, проводимой нацистами на оккупированных территориях.

2. Почему А. Гитлер в 1941 г. решил вести войну на два фронта, хотя у Германии был печальный опыт первой мировой войны, которую она тоже вела на два фронта?

3. Почему И. Сталин не верил, что А. Гитлер начнет войну против СССР 22 июня 1941 г.?

4. Почему нападение фашистской Германии на СССР было с облегчением встречено в Англии?

5. Почему удалось внезапное нападение Японии на американскую военную базу Перл-Харбор?

6. Какие цели провозгласила Атлантическая хартия?

7. Какие положения не устраивали И. Сталина в Атлантической хартии?

8. Какое значение имела миссия Г. Гопкинса в Москву в июле 1941 г.?

9. Формирование и основные этапы эволюции антигитлеровской коалиции в войну.

10. Объясните, почему, несмотря на подавляющее материально превосходство антигитлеровской коалиции, война продолжалась так долго.

11. В чем заключается логика развития на Тихоокеанском театре военных действий, на что рассчитывали в своей агрессии японцы?

12. Насколько значительны, на ваш взгляд, были масштабы помощи западных союзников Красной армии, какова роль второго фронта?

13. Где и когда был открыт второй фронт в годы войны?

14. Расскажите о планировании послевоенного устройства мир на конференциях союзников во время войны.

15. Вопросы, на которые было наложено вето для обсуждения советской стороной на Нюрнбергском процессе. Причины наложения вето.

16. Польский вопрос на конференциях союзников во время войны.

17. Целесообразность понятия «Ялтинское предательство».

18. Ленд-лиз и его значение для стран антигитлеровской коалиции.

19. Коллаборационизм в Европе в годы Второй мировой войны и его современные интерпретации.

20. В чем заключались противоречия внутри «большой тройки»? Как они отразились на ходе Второй мировой войны?

21. Какие решения приняли страны – союзницы по антигитлеровской коалиции на Тегеранской конференции 1943 г.?

22. Какие решения приняли страны – союзницы по антигитлеровской коалиции на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г.?

23. Раскройте основные геополитические итоги Второй мировой войны.

24. Почему после окончания Второй мировой войны началась «холодная война»?

Тест

1. И. Сталин поставил перед премьер-министром Великобритании вопрос об открытии второго фронта:

1. В 1941 г.;
2. В 1942 г.;
3. В 1943 г.

2. США заявили о решении американского правительства оказать экономическое содействие СССР после:

1. Битвы под Москвой;
2. После миссии Г. Гобкинса в СССР в конце июля 1941 г.;
3. Сразу же после вступления США в войну.

3. На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании в октябре 1941 г. было выработано решение:

1. О поставках в СССР;
2. О посылке 25 английских дивизий в Архангельск;
3. Об объявлении Англией и США войны Финляндии, Венгрии и Румынии.

4. Советские и английские войска вошли в Иран:

1. В конце августа 1941 г.;
2. В конце декабря 1942 г.;
3. В январе 1943 г.

5. Назовите дату операции «Оверлорд»:

1. 6 июня 1944 г.;
2. 20 июля 1943 г.;
3. 8 ноября 1941 г.

6. На какой конференции «большой тройки» было принято решение о том, что Германия будет единым демократическим государством и будет разделена на 3 зоны оккупации?

1. Тегеранской;

2. Ялтинской;
 3. Потсдамской.
7. Лидеры «большой тройки» на Потсдамской конференции
1. И. Сталин, Г. Трэмэн, К. Эттли;
 2. И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль;
 3. И. Сталин, Д. Эйзенхауэр, У. Черчилль.
8. Операция «Немыслимое» была разработана по указанию
1. А. Гитлера;
 2. Г. Трумэна;
 3. У. Черчилля;
 4. Б. Муссолини.

9. На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) были приняты следующие решения:

1. Согласованы сроки вступления СССР в войну с Японией;
2. Согласован план проведения Берлинской операции;
3. СССР было предъявлено требование признать законным довоенное правительство Польши, эмигрировавшее в Великобританию.

10. 6 августа 1945 г. американские ВВС сбросили атомную бомбу на японский город Хиросима. 9 августа 1945 г. атомной бомбардировке подвергся город Нагасаки. Цель этих варварских акций:

1. Акт возмездия за зверские убийства японцами американских солдат;
2. Попытка оказать давление на СССР и установить свою гегемонию в послевоенном мире;
3. Разгромить сосредоточенные в этих городах крупнейшие японские военные базы.

11. Соотнесите события и даты:

1. Каирская конференция	А. 14 августа 1941 г.
2. Высадка союзников в Северной Африке	Б. 19–30 ноября 1943 г.
3. Московская конференция министров иностранных дел	В. 28 ноября 1943 г.
4. Принятие Атлантической хартии	Г. 8 ноября 1942 г.
5. Тегеранская конференция	Д. 4–11 февраля 1945 г.
6. Ялтинская конференция	Е. 17 июля – 2 августа 1945 г.
7. Потсдамская конференция	Ж. 28 ноября – 1 декабря 1943 г.

Приложение

Проблемы истории международных отношений в отечественной и зарубежной историографии

Советско-финляндская война. Историография вопроса

Советско-финляндская война или «зимняя война» была долгие годы «одной из самых закрытых» тем для исследования. В советское время в историографии господствовало представление, согласно которому советско-финляндская война 1939–1940 гг. была спровоцирована финской стороной. При описании причин ее возникновения указывалось в первую очередь на враждебную политику финских правящих кругов в отношении СССР, зависимость Финляндии от стран Запада (обоих противоборствующих блоков), навязавших ей роль «военного плацдарма империалистических государств». Ответственность за возникновение войны возлагалась, таким образом, на державы Запада, «спровоцировавшие» Финляндию на военное выступление против СССР, а также «реакционные круги» самой Финляндии.

Что касается итогов войны, то официальная их оценка со стороны Советского Союза давалась прежде всего через призму задачи обеспечения безопасности Ленинграда, и вошла в советскую историографию Второй мировой войны как общепринятая. Сразу после окончания Второй мировой войны известный политический деятель О. Куусинен в ряде публицистических по характеру работ обосновал тезис о том, что Финляндия являлась сателлитом гитлеровской Германии и советско-финляндская война 1939–1940 гг. не являлась причиной решения финского руководства присоединиться к гитлеровскому «походу на Восток».

В финской же историографии в течение десятилетий после войны господствовала теория «бревна в стремительном потоке», согласно которой Финляндия вступила в войну с СССР в 1941 г. в силу «советской угрозы», т. е. против своего желания, и лишь «прибегла к помощи» нацистской Германии. Эта концепция, являлась общей для западной историографии периода «холодной войны», о чем свидетельствует воспроизведение соответствующих оценок и интерпретаций как в немецкой, так и англоязычной послевоенной литературе.

В период «перестройки» ранее закрытые темы стали освещаться в историко-публицистической литературе. Трактовка событий носила идеологический характер и в целом была призвана подорвать легитимность советского государства. Публикуемые материалы были поверхностными, анализ и объяснение подменялись эмоциональными оценками, выводы авторов оказывались слабо аргументированными. Специалисты-историки не имели возможности для того, чтобы в новых условиях «гласности» немедленно предложить обществу исследования, основанные на непредвзятом изучении только что рассекреченных документов, для проведения которых требовалось время.

СССР, по мнению сторонников «нового прочтения» истории, проводил экспансионистский внешнеполитический курс, в целях «разжигания мировой революции». Известные факты интерпретировались исходя из общего представления о якобы имевшем место намерении сталинского руководства совершить нападение на сопредельные страны, чтобы «освободить Европу от ига капитализма», а дипломатические инициативы СССР, нацеленные на изменение границы с Финляндией – как лишь одно из средств, использованных Сталиным для создания условий, при которых станет возможной оккупа-

ция и «советизация» Финляндии. Советская же риторика об угрозе «безопасности Ленинграда» – лишь предлог для переноса границы «дальше на запад».

В середине 1990-х гг. к этой точке зрения склонился М. И. Семиряга, заявивший в ходе дискуссии на страницах журнала «Родина», что для определения характера «зимней войны» «не обязательно анализировать переговоры осени 1939 г. Для этого нужно просто знать общую концепцию мирового коммунистического движения, Коминтерна и сталинскую концепцию – великодержавные претензии на те регионы, которые раньше входили в состав Российской империи. А цели были – присоединить в целом всю Финляндию. И ни к чему разговоры о 35 километрах до Ленинграда, 25 километрах до Ленинграда...».

Как справедливо отметил В. Н. Барышников, тезис об экспансионистских целях руководства СССР в 1930-е гг. не основан на анализе советской внешней политики в 1920-х–1930-е гг. либо каких-то ранее секретных документах этого периода. Характерной особенностью подхода к источникам названной группы авторов можно считать недоверие к зафиксированной в советских официальных документах (заявлениях советского правительства, стенограммах двусторонних переговоров и т. п.) позиции. Как правило, давая комментарий к тем или иным цитатам из источников, эти историки имеют в виду, что официальная позиция советского руководства (или лично Сталина) была исключительно лицемерной и конъюнктурной, призванной облегчить достижение подлинных целей достижения мирового господства. Сталинский экспансионизм связывается сторонниками данной точки зрения, то с доктриной мировой революции и деятельностью Коминтерна, то с «великодержавными амбициями» и претензиями на гео-

политическое наследство Российской империи, хотя нет ни одной ссылки на источники, подтверждающие эти заявления.

В 1990-е гг. широкое распространение получило мнение о «ненужности» советско-финляндской войны, которая расценивалась как ошибка советского руководства, повлекшая за собой негативные для СССР последствия.

С 1989 г. началось издание ранее секретных документов, а также не публиковавшихся мемуаров видных государственных деятелей СССР, в частности, Н.С. Хрущева и А. Коллонтай. К настоящему моменту в научный оборот введено значительное число источников, позволивших вывести изучение «зимней войны» на качественно новый уровень.

Исторические исследования конца с конца 1990-х содержали более развернутое изложение обстоятельств, приведших к войне, учитывавшее целый ряд факторов, никак не сводимых исключительно к идеологии советского руководства.

Обоснованием заинтересованности руководства Советского Союза в первую очередь в обеспечении безопасности своих границ служит история переговоров СССР с Финляндией в 1939 г. Территориальные уступки, которых советское правительство добивалось от Финляндии, должны были, так или иначе, улучшить геостратегическое положение Ленинграда. Эта позиция была сформулирована Сталиным в ходе переговоров четко и недвусмысленно: «Мы просим, чтобы расстояние от Ленинграда до линии границы было бы семьдесят километров. Таковы наши минимальные требования, и вы не должны думать, что мы уменьшим их. Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому линия границы должна быть перенесена». В 1996 г. стала известной ранее засекреченная стенограмма совещания высшего командного состава Красной Армии, проходившего в ЦК ВКП(б) 14–17 апреля 1940 г., на

котором Сталин, подводя итоги войны, высказался следующим образом: «Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества». Таким образом, эти и другие имеющиеся в распоряжении историков источники отражают в первую очередь прагматический характер мотивации сталинских действий, не связанных напрямую с реализацией каких-либо идеологических доктрин. Эта точка зрения представлена академиком А.О. Чубарьяном. Он исходит из признания существования реальной военной угрозы для СССР в 1930-е гг., и озабоченности руководства СССР проблемой обеспечения и укрепления безопасности страны. «Для Советского Союза ситуация вокруг Финляндии была тесно связана с проблемой безопасности СССР, особенно если учесть, что от нее до Ленинграда было всего 32 км. Руководство СССР постоянно беспокоила активность Германии в этой стране, а также тесные связи финской элиты с Великобританией и Францией» (Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М., 2008).

А. О. Чубарьян обращает внимание на то, что содержание советских предложений о переносе границы имели длительное историческое прошлое. Например, накануне Первой мировой войны российский Генеральный штаб подготовил меморандум, где угроза нападения Германии с использованием территории Финляндии охарактеризована примерно так же, как она виделась спустя четверть века Сталину и Генштабу Красной Армии. В 1920 г. во время переговоров о заключении Тартуского мира советская делегация просила финнов уступить часть территории на Карельском перешейке к северу от Ленинграда и некоторые острова в Финском заливе.

Действительно, содержание переговоров, в ходе которых советская сторона настойчиво добивалась именно переноса границы, неоднократно корректируя свои предложения («торговалась») в надежде на то, что финны пойдут на компромисс, свидетельствует о том, что для советского руководства в тот период на первом плане стояла задача не реализации каких-либо идеологических доктрин, а достижение улучшения своих геостратегических позиций в преддверии участия в мировой войне.

А. В. Шубин в книге «Мир на краю бездны», в частности, подчеркивает, что ссылки на нейтралитет Финляндии как на обстоятельство, гарантировавшее ее неучастие во враждебной Советскому Союзу коалиции, несостоятельны. Нейтралитет малых стран, как показал опыт европейской войны, не являлся препятствием для германской агрессии. Поэтому у Сталина были основания опасаться высадки экспедиционного корпуса противника в Финляндии и прохода его через ее территорию для удара по Ленинграду.

Что касается ссылок на коминтерновскую идеологию или сталинское великодержавие как причину конфликта, считает А. В. Шубин, то содержание советско-финских переговоров осенью 1939 г. свидетельствует о том, что эти общие мотивы не играли существенной роли при решении вопроса, быть или не быть войне. «Если бы Сталин держал в голове только интересы «мирового коммунистического движения», – пишет он, – ему не следовало торговаться из-за километров границы. Все равно все потом достанется коммунистам. И войну вести не следует – агрессивная война подрывает авторитет коммунистического движения. /.../ Другое дело – великодержавные претензии. Но торговаться из-за километров

опять глупо. А Сталин – нате – торговался, теряя драгоценное время, оставшееся до зимы».

Этому не противоречит даже признание одной из целей войны со стороны Советского Союза приведение к власти в Финляндии «народного правительства» во главе с О. Куусиненом, как полагает, например, М. И. Мельтюхов, считая, что это «вообще бы сняло бы вопрос о границах» (Мельтюхов М. И. Народный фронт для Финляндии? // Отечественная история. 1993. № 3). Дело в том, что идея создания «правительства О. Куусинена» была импровизацией советской стороны, к которой решено было прибегнуть тогда, когда советско-финские переговоры зашли в тупик, и сталинское руководство склонилось к силовому варианту разрешения конфликта. Представляется, что до осени 1939 г. советское руководство не предполагало нападать на Финляндию, и тем более не имело в виду ее оккупацию. Только срыв переговоров осени 1939 г. подтолкнул Сталина к решению начать войну. Конечно, в Кремле могли прорабатывать вариант, при котором Красная Армия сумеет в короткий срок решить поставленную задачу разгрома финской армии и, возможно, занять Хельсинки. Тем не менее окончательное решение относительно судьбы Финляндии вряд ли могло быть принято до успешного окончания военных действий. Во всяком случае, материалов, на основе которых можно судить о наличии в Кремле совершенно определенных планов относительно будущего Финляндии, на сегодняшний день недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод по этому вопросу. Это стоит подчеркнуть, поскольку в историографии сегодня можно встретить совершенно необоснованные утверждения, будто российские историки «практически все единодушны в том, что стремление Советского правительства заключалось в присоединении Финляндии и об-

разовании на ее территории социалистического государства или даже союзной республики». Как мы видели, отношение историков к данной проблеме далеко не столь однозначно.

Наиболее серьезным исследованием по истории «правительства Куусинена» на сегодняшний день является монография Н. И. и В. Н. Барышниковых «Рождение и крах "терийокского правительства" (1939–1940)». Авторы приводят дополнительные подтверждения относительно того, что инициатива создания «правительства» исходила исключительно с советской стороны, раскрывают методы контроля Кремля за деятельностью его членов и конкретизируют круг лиц, стоявших за реализацией этой идеи. Авторы подчеркивают, что его главной целью было содействие реализации общего плана «зимней войны». Прежде всего, провозглашение «правительства» в Терийоках было направлено на раскол финского общества, его дезорганизацию в войне против СССР. В документах «правительства Куусинена» подчеркивалось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза». Что же касается перспектив этого «правительства», то они должны были зависеть от поддержки его действий населением Финляндии.

Оценивая создание «правительства Куусинена» как крупную политическую ошибку, Н. И. и В. Н. Барышниковы убедительно показывают, что создание «народного правительства» не являлось плодом какого-то долго вынашиваемого замысла. Этот шаг, наряду с решением начать войну с Финляндией, был недостаточно подготовлен, и его практическая реализация была далека от совершенства.

Что касается непосредственно причин советско-финляндского конфликта, то их реконструкция невозможна

без учета общего фона европейской политики, оказывавшего существенное влияние на советско-финляндские отношения. Источники напряженности в советско-финских отношениях были связаны с общим обострением ситуации в Европе, состоянием отношений СССР с Германией и Англией. Конфликт интересов великих держав вовлекал в свою орбиту все большее число малых стран, судьба которых начинала зависеть от хода глобального противоборства. Агрессия Германии в Европе на фоне проводимой Англией и Францией политики «умиротворения» подвели Европу к новой мировой войне. Что касается Советского Союза, то он не мог всерьез рассчитывать остаться в стороне от конфликта, потенциально несшего угрозу его государственной независимости и существованию населявших его народов. В. С. Христофоров (Исторические уроки Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии), например, подчеркивает: «Представляется очевидным, что события Зимней войны надо рассматривать прежде всего не в двустороннем формате – виноват или только СССР или только Финляндия, как это было типично для советской историографии или для финской, а взглянуть на события шире, проанализировав политические позиции, занятые всеми державами, так называемыми "малыми" и "великими", взаимоисключающие интересы которых столкнулись в условиях начавшейся Второй мировой войны на северном фланге Европы».

Начало войны между Германией и англо-французской коалицией, а также советско-германский договор о ненападении 1939 г. можно рассматривать, прежде всего, как непосредственные предпосылки возникновения «зимней войны». В результате нападения Германии на Польшу, объявления Англией и Францией войны Германии, а также достигнутого уре-

гулирования советско-германских отношений создалась ситуация, в которой стало возможным принятие решения в Кремле о применении военной силы для решения вопроса о переносе границы. Наличие этих предпосылок не означало, однако, неизбежности возникновения советско-финляндской войны – ее непосредственные причины связаны, с одной стороны, со стремлением советского руководства добиться улучшения геостратегических позиций в Балтийском регионе в целях укрепления собственной безопасности, а с другой стороны – с позицией правительства Финляндии, избравшей вариант жесткого противостояния и отвержения советских требований.

Говоря об оценке итогов «зимней войны», то для исторической публицистики первой половины 1990-х гг. была характерна общая оценка советско-финляндской войны как ненужной авантюры, результаты которой в целом носили в первую очередь негативный характер для нашей страны (Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999). Достигнутая Красной Армией победа в войне нередко характеризовалась как «пиррова» (М. И. Семиряга, Б. В. Соколов), некоторое авторы даже считали возможным говорить о «поражении» советской внешнеполитической стратегии и т. п.

Одним из наиболее часто называемых последствий войны было влияние на позицию Германии и ее политику в отношении СССР. Как правило, утверждалось наличие непосредственной связи между ходом советско-финляндской войны и политикой Германии в отношении Советского Союза после ее окончания. Например, Г. Л. Розанов в монографии «Сталин – Гитлер», изданной в 1991 г., писал, что ход и исход войны «существенно повлияли» на решения, принимаемые в Берлине относительно СССР.

Г. Л. Розанов показал, что в период советско-финляндской войны Германия заняла позицию «формального нейтралитета при тайной поддержке Финляндии», поскольку ее интересам больше всего соответствовал затяжной конфликт, ослаблявший СССР и обострявший его отношения с Англией и США. В Берлине пристально следили за ходом войны, и приняли решение о сокращении сроков подготовки войны против СССР в виду выявившейся слабости Красной Армии. Таким образом, считал Г. Л. Розанов, одним из результатов «зимней войны» стала «корректировка расписания актов агрессии», сделанная Гитлером, что дало основание историку оценить «финскую авантюру Сталина» как ошибку и преступление.

Слабость Красной Армии, выявившаяся якобы в ходе советско-финляндской войны, расценивалась, в свою очередь, как причина того, что Советский Союз перестал рассматриваться как надежный союзник в Лондоне и Париже. «Финская кампания Красной Армии, – писал, например, А. М. Носков (Северный узел межгосударственных противоречий // Военно-исторический журнал. 1990. № 7), – как бы на миг высветила тот дисбаланс военной мощи в пользу фашистской Германии, который возник в результате раскола антифашистских сил как в каждой из европейских стран, так и в Европе в целом. Советский Союз уже не стал рассматриваться как серьезный фактор силы или надежный союзник в наступившей войне». Война, указывает А.М. Носков, привела к еще большей изоляции Советского Союза на международной арене, «западные державы стали занимать открыто враждебную позицию в отношении СССР, рассматривая его как потенциального противника». С этим согласен П. Б. Липатов: «Война с Финляндией и бом-

бардировки городов осложнили международное положение Советского Союза» (Липатов П. Б. Зимняя война. М., 1996).

А. М. Носков также полагал, что понесенные в «зимней войне» потери потребовали передышки для Красной Армии, вызвали необходимость перестройки и переоснащения. Это будто бы порождало у советского руководства страх и неуверенность, что и стало причиной для проведения политики «умиротворения» Гитлера. Что касается Германии, то в Берлине появилась уверенность, что СССР не сможет оказать помощи Франции и Англии.

Подобным образом рассуждал и М. И. Семиряга. По его мнению, общая оценка боеспособности Красной Армии, сделанная в европейских столицах, была низкой. Военные атташе «весьма критически отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно жизни и здоровья красноармейцев. ...Отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии». На основании этих донесений в столицах западных держав делали вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве, а в Берлине господствовало мнение, будто СССР – колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении (Семиряга М. И. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия. Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999).

Этот тезис охотно был подхвачен теми авторами, для которых был характерен обвинительный уклон при освещении внешней и внутренней политики СССР периода 1930-х гг.

«Обнаружившаяся в советско-финляндской войне бездарность советского командования укрепила решимость Гитлера воевать с СССР», – утверждал, например, на страницах газеты «Ленинская правда» В. Холодковский.

В самом деле, что касается Германии, то имеются свидетельства в пользу того, что в немецких руководящих кругах после советско-финляндского конфликта стали склоняться к мысли о возможности достижения легкой победы над Советским Союзом. Однако известны документы и противоположного характера: например, 8 марта 1940 г. Гитлер в письме Муссолини дал такую оценку итогов «зимней войны»: «Принимая во внимание возможности снабжения, никакая сила в мире не смогла бы, или если бы и смогла, то только после долгих приготовлений достичь таких результатов при морозе в 30–40 градусов и на такой местности, каких достигли русские...». Так что вопрос этот, в сущности, не подвергался серьезному исследованию в отечественной историографии, и кочующие из работы в работу утверждения нуждаются в документальном подтверждении. Тем более, не совсем ясно, насколько справедлив тезис об ускорении подготовки Германии к нападению на СССР в связи с «зимней войной», поскольку известно, что принципиальное решение о начале подготовки к реализации замысла похода на Восток было принято Гитлером летом 1940 г., после поражения Франции, и зависело в первую очередь от развития событий на западном фронте (Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. В 4-х т. Т. 2. М., 2005).

Б. Г. Соловьев также указывает, что утверждение, будто советско-финляндская война показала слабость Красной Армии, далеко не однозначно. Советские войска смогли про-

рвать мощную линию Маннергейма и продвинулись на 25–200 км на запад, финская же армия была разгромлена.

А. М. Носков высказал также предположение, что руководство Германии принимало решение о подготовке операции «Везерюбунг» по захвату плацдарма в Северной Европе под впечатлением от слабости Красной Армии. Это предположение не находит никакой опоры в источниках. Напротив, если обратиться к давно известным историкам документам, связанным с планированием и подготовкой нацистами операции «Везерюбунг», то станет очевидным, что захват Норвегии был тесным образом связан с общей стратегической концепцией Гитлера и его планами ведения Второй мировой войны, согласно которым создание плацдарма в Северной Европе должно было «облегчить выполнение задач в войне против России»; непосредственное же осуществление этих планов весной 1940 г увязывалось с ходом военного противоборства с Англией. Другое дело, что советско-финляндская война зимой 1939 г. стала рассматриваться в Лондоне как удобный предлог для установления контроля над портами Скандинавии в целях воспрепятствовать транспортировке сырья в Германию. Активность Британии в этом регионе, в частности, захват германского транспорта «Альтмарк» в норвежских территориальных водах, убедила Гитлера в серьезности угрозы. К таким выводам давно пришли и зарубежные исследователи, в частности, специально исследовавший этот вопрос Э. Зимке. Только в таком ракурсе «зимнюю войну» можно рассматривать как один из факторов, повлиявших на принятие Гитлером решения осуществить превентивный захват Норвегии именно в этот период (Зимке Э. *Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М., 2005*).

Еще один тезис, активно использовавшийся в публицистике 1990-х гг. – заимствованное из западной литературы периода «холодной войны» утверждение о том, что Финляндия, не будь «зимней войны», осталась бы нейтральной в будущем советско-германском конфликте. Данная точка зрения ранее высказывалась, прежде всего, в финской историографии. «Если бы не "зимняя война", в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет "шведского варианта", финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное», – утверждал финский историк Ю. Невакиви. Обращает на себя внимание использованное Ю. Невакиви сослагательное наклонение.

Ответственность за участие Финляндии в нападении на СССР и блокаду Ленинграда возлагается, таким образом, на Сталина и его приближенных. В. Холодковский прямо обвинял советское руководство в том, что оно своим необоснованным аннексионизмом «помешало Финляндии быть нейтральной». «Не будь советско-финляндской войны, – писал он, – Финляндия была бы нейтральной, и это достаточно обеспечивало бы безопасность Ленинграда» (Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 6 января). Аналогичным образом рассуждает К. Александров: «Агрессия 1939 года стала решающим фактором открытого выступления Финляндии в 1941 году против СССР, приведшего к блокаде Ленинграда и миллионом умерших от голода» (Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999). Им вторил П. Аптекарь: «...своими собственными руками был создан еще один противник в войне, до начала которой оставался лишь один год, три месяца и девять дней». В 2004 г. увидела в свет монография П. Аптекаря, в которой автор вос-

произвел соответствующие тезисы: «Финляндия из вероятного противника после этой войны превратилась в обязательного при нападении любого государства на нашу страну» (Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004). П. Б. Липатов также указывал на связь между зимней войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г. (Липатов П. Б. Зимняя война // Советско-финская война 1939–1945 гг. Мн., 1999).

Однако названные историки, несмотря на категоричность своих утверждений, не предложили аргументированного обоснования наличия причинно-следственной связи между советско-финляндской войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г. П. Аптекарь, например, ограничивается цитатой из сочинения М. Старинова «Записки диверсанта», где последний писал: «В результате кровопролитной непопулярной войны граница была отодвинута на запад, но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позже к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не было бы, если бы мы не воевали с Финляндией». Для пущей убедительности Аптекарь сообщает, что М. Старинов – участник этой войны, а также двух гражданских (в России и Испании) и Великой Отечественной войны. Историку, однако, ясно, что ссылки на чье-либо авторитетное мнение для корректного обоснования недостаточно. Трагедия Ленинграда была обусловлена целым рядом факторов, в первую очередь неудачным для РККА ходом вооруженной борьбы на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 г., и само по себе участие или неучастие Финляндии в войне против СССР не могло предопределить ее исход.

Б. Соколов, автор книги «Тайны финской войны» столь же категоричен: «Если бы не "зимняя война", Финляндия наверняка сохранила бы нейтралитет в советско-германском

конфликте». Основанием для такого вывода для Соколова служит «тактика финнов в 1941–1944 годах», которые, якобы, «отвоевав» потерянные в 1940 г. земли, «прекратили активные боевые действия» и «не стали» атаковать Ленинград с Карельского перешейка. Этот довод, однако, выдает незнание Б. Соколовым перипетий событий на этом участке фронта в 1941–1944 гг. Проведенные российскими и финскими историками исследования показывают, что «остановка» наступления финнов на Ленинград была вызвана целым комплексом причин, среди которых некие «благородные» мотивы финских политиков отсутствуют (Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.).

Более взвешенный и сбалансированный подход к оценке итогов советско-финляндской войны представлен в совместном российско-финляндском труде «Зимняя война 1939–1940» под редакцией академика А.О. Чубарьяна. В предисловии ко второй книге А.О. Чубарьян, подчеркивает, что военно-политические последствия войны для СССР были весьма противоречивы: цена достигнутых целей оказалась высокой, международному авторитету страны и престижу Красной Армии был нанесен немалый ущерб. В то же время авторы труда подчеркивают, что главным результатом войны было обеспечение Советским Союзом своих непосредственных стратегических интересов. Граница, установленная по Московскому мирному договору, приблизительно соответствовала границе Петра I (определенной Ништадским миром 1721 г.). Говоря о непосредственных результатах войны, историки подчеркивают, что приобретения Советского Союза были больше того, на что он рассчитывал осенью 1939 г., предлагая Финляндии компромиссные варианты, и этот итог вполне мог удовлетворить руководство СССР. Отмечается, что на довоенных переговорах СССР предлагал

финнам, помимо всего прочего, материальную компенсацию за передаваемые территории, что должно было составить огромную сумму, теперь же финской стороне были выдвинуты материальные претензии в возмещение за вывезенное с потерянной территории оборудование и порчу имущества. Советское правительство не выдвинуло требований, которые касались бы вопросов, связанных с составом правительства Финляндии, ограничением ее суверенитета, «страна сохранила независимость и демократический строй».

Что касается оборонного значения переноса границы, то ряд авторов высказывали сомнение в положительном результате. Хотя граница была передвинута, писал Г. Л. Розанов, это не помешало во время Великой Отечественной войны установлению блокады Ленинграда. Мурманская железная дорога также была перерезана. Б. В. Соколов, приводя слова адмирала Н. Г. Кузнецова о том, что гарнизон Ханко не мог влиять на ход боевых действий на северо-западном участке советско-германского фронта, делает вывод: «Выходит, что не так важны оказались те «стратегические» пункты, якобы из-за которых Советский Союз пошел на войну с Финляндией...». Очевидно, что подобные утверждения невозможно обосновать. Видимым результатом передвижки границы на Карельском перешейке стало то, что летом 1941 г. финские войска смогли выйти к старой государственной границе только к сентябрю.

В новейшей литературе довольно много внимания уделяется влиянию хода и итогов войны на реорганизацию и перевооружение РККА, повышение ее боеготовности. Для отечественной историографии оценка войны как «поучительной школы» для Красной Армии, безусловно, полезной и необходимой перед грядущим столкновением с более серьезным противником в ли-

це Германии и ее союзников, была в целом традиционна. Соответствующие исследования получили новый импульс с публикацией значительного числа архивных документов, показывающих, что по итогам войны руководством страны были приняты масштабные меры для повышения боеспособности Красной Армии и укрепления ее командных кадров.

В свете этих документов исключительно умозрительным выглядит утверждение Б. Соколова о «комплексе неполноценности», приобретенном Красной Армией в результате советско-финляндской войны. Что касается упреков Б. Соколова в адрес советского военного руководства, якобы неверно оценившего боеспособность Красной Армии и продолжавшего готовить войска к «наступательной войне» вместо того, чтобы перестроить подготовку в «оборонительном» духе, то они и вовсе нелепы и выдают незнание автора с современной военно-исторической литературой, рассматривающей проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией.

Авторы труда «Зимняя война 1939–1940» обращают внимание на то обстоятельство, что война не была локальным конфликтом Финляндии и СССР, а являлась частью Второй мировой войны, исходя из чего следует рассматривать ее причины и результаты. В результате войны СССР достиг своих стратегических целей, но приобрел готового к реваншу соседа. В то же время в книге подчеркивается, что сближение Финляндии с Германией было связано с изменением ситуации в Европе после поражения Франции – в начале Финляндия стремилась получить дипломатическую поддержку, а затем уже возникло стремление к пересмотру условий советско-финляндского мирного договора от 12 марта 1940 г. Таким образом, поражение войск англо-французской коалиции

в Норвегии, а затем во Франции создали решающие предпосылки для постепенного сближения Финляндии с Германией.

Современные исследователи в то же время отвергают «случайность» присоединения Финляндии к агрессивной коалиции, сложившейся против СССР во главе с Германией. В. Н. Барышников, в частности, на солидной источниковой базе показал, что нападение на СССР в июне 1941 г. стало плодом избранной финляндским руководством сознательной политической и военной линии (Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007). В его монографии показано, каким образом после «зимней войны» в финляндском руководстве возобладали реваншистские настроения. Советско-финляндская война предстает как одна из предпосылок того, что уже к лету 1940 г. политика Финляндии приобретает ярко выраженную прогерманскую направленность. Наряду с итогами советско-финляндской войны свою роль сыграли и другие факторы: изменение военно-политической ситуации в Европе в результате побед вермахта на западе, ошибочная линия советской дипломатии на воспрепятствование созданию союза северных стран, воспринимавшаяся в Хельсинки как доказательство растущей «советской угрозы», и др. Таким образом, нападение Финляндии на СССР не выглядит предопределенным результатом «зимней войны» 1939–1941 гг.

Подводя итог историографического осмысления этого вопроса, следует отметить, что надежные данные о том, какой была бы позиция Финляндии при условии, если бы советско-финляндская война не состоялась, в сущности, отсутствуют. Авторы, критиковавшие решение Сталина начать войну с Финляндией, основывали свою оценку в первую очередь на предположении, что Финляндия при ином развитии событий

осталась бы нейтральной, а также на оценке результатов войны как неудачных для СССР. Очевидно, однако, что, несмотря на констатацию связи между «зимней войной» и усилением в Хельсинки реваншистских политических сил в 1940–1941 гг., нет достаточных оснований утверждать, что Финляндия не стала бы сателлитом Германии и в том случае, если бы «зимняя война» вообще не состоялась. Этот вопрос является, по меньшей мере, спорным.

Кроме того, ретроспективная оценка не учитывает вероятный сценарий (из которого могли исходить политики в Кремле), по которому результатом войны могло стать безусловное поражение Финляндии и приход к власти сил, гарантировавших ее неприсоединение к любому вероятному агрессору. Можно спорить, насколько высока была ставка и насколько, соответственно, оправдан был риск, связанный с развязыванием военных действий против Финляндии. И.В. Сталин и его окружение посчитали, что вовлечение Финляндии во враждебную Советскому Союзу коалицию будет представлять настолько серьезную угрозу для СССР, что пренебрегли неизбежными рисками, связанными с непредсказуемостью результатов войны (или же переоценили возможности Красной Армии). Тем не менее с данной точки зрения принятое ими решение выглядит рациональным.

Никифоров Ю., Субханкулов Р. Освещение истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии // Вестник МГИМО. 2010. № 1.

Мюнхенская конференция в дискуссиях российских и зарубежных историков

Мюнхенская конференция 29 сентября 1938 г. изучается уже более полувека. Основные документы давно опубликованы; имеется обширная научная и публицистическая литература на разных языках, однако споры вокруг этого события не прекращаются.

В годы «холодной войны» работы по истории Мюнхенской конференции широко использовались в идейной и политической борьбе между «Западом» и «Востоком».

Советские историки занимались прежде всего Мюнхенской конференцией, потому что позиция Советского Союза накануне и во время нее выглядела безупречной с моральной, правовой и политической точек зрения, а позиция Англии и Франции, пытавшихся «умиротворить» гитлеровскую Германию, давала основания для серьезной критики. В 1948 г. государственный департамент США совместно с министерствами иностранных дел Великобритании и Франции издали сборник трофейных немецких документов о сотрудничестве Советского Союза и нацистской Германии в 1939-1941 гг., где был опубликован и секретный «дополнительный протокол» от 23 августа 1939 г. В ответ советское правительство опубликовало т. н. историческую справку «фальсификаты истории», которая, в свою очередь, обвинила США и Великобританию в пособничестве нацистской Германии, в том числе в попытках сговора с ней во время Второй мировой войны. Вышедшая в свет тиражом в 2 млн экземпляров, распространяемая всеми средствами советской массовой информации, «историческая справка» на много лет вперед определила содержание и характер всех советских работ по истории международных отношений новейшего времени, включая оценки Мюнхенской конференции.

После крушения советского режима и распада СССР, когда открылись архивы, и историки получили возможность свободно высказывать свои мысли, история международных отношений накануне и во время Второй мировой войны привлекли большое общественное внимание. Они стали предметом многочисленных научных дискуссий. По подсчетам известного российского историка С.З. Случа, в 1992–2006 гг. в России было издано более 670 работ по истории и предыстории Второй мировой войны, в том числе 73 сборника документов.

В ходе научных и политических дискуссий изменились многие оценки; были высказаны новые точки зрения.

В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, в российской историографии и публицистике сформировались два основных направления, которые условно можно назвать «традиционным» и «критическим». «Традиционалисты», в основном, следуют за исторической справкой «Фальсификаторы истории», оправдывая советскую внешнюю политику накануне и во время Второй мировой войны. «Критики» осуждают многие аспекты этой политики, считая, что они были порождены тоталитарным сталинским режимом; противоречили демократическим принципам и международному праву, затрудняли борьбу против фашизма. Явная или скрытая полемика между сторонниками этих направлений в значительной степени определяет подход современных российских историков к изучению Мюнхенской конференции.

В последние годы в России опубликовано немало новых документов о Мюнхенской конференции, однако они не меняют прежних представлений о ней. Подавляющее большинство современных российских историков вслед за своими советскими предшественниками оценивают Мюнхенскую конференцию как «сговор» правящих кругов Англии и Фран-

ции с гитлеровской Германией и одновременно как капитуляцию перед Гитлером, которая разрушила отстаиваемую Советским Союзом систему коллективной безопасности и, в конечном счете, привела к войне. Политика СССР в это время представляется им совершенно безупречной; они уверены, что «СССР настойчиво боролся за реализацию действенных мер по защите Чехословакии». С такими оценками советской внешней политики полемизирует С.З. Случ, по мнению которого, «официально декларированный (советским правительством. – В.С.) курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии... был не более чем тактическим маневром, удобным камуфляжем генеральной сталинской стратегии, направленной, как и ранее на разделение мира и столкновение одних государств с другими, на углубление противоречий и конфликтов, т. е. стратегии, связанной, в конечном счете, с экстраполяцией марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу межгосударственных отношений». С.З. Случ полагает, что нельзя говорить о настойчивой борьбе СССР в защиту Чехословакии; «документы позволяют сделать другой вывод, а именно, что политика Кремля в ходе чехословацкого кризиса была преимущественно изоляционистской, при всей – чисто внешней – дипломатической активности». В подтверждение этого тезиса С.З. Случ приводит обнаруженное им в советских архивах письмо народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова советскому полпреду в Чехословакии от 26 марта 1938 г., где Литвинов пишет: «Моя декларация (с протестом против присоединения Австрии к Германии) является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе».

Такое доказательство представляется недостаточным. Во-первых, Литвинов лишь предположительно пишет о возможности занять в будущем «позицию малой заинтересованности», а, во-вторых, – и это главное, – после захвата Австрии Германией СССР проявил очень большую заинтересованность в развитии дел в Европе, и Литвинов неоднократно призывал демократические государства к сотрудничеству в защиту следующей жертвы агрессии – Чехословакии, причем особенно настойчиво в сентябре 1938 г., накануне и во время Мюнхенской конференции.

Точка зрения С.З. Случа не вызвала широкой дискуссии. Российских историков больше привлекали другие вопросы, связанные с Мюнхенской конференцией, а именно: действительно ли Советский Союз хотел оказать военную помощь Чехословакии, несмотря на отказ Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию и верно ли, что главной целью английских и французских «умиротворителей» было, как утверждал Сталин, стремление направить агрессию нацистской Германии против СССР?

Из публичных выступлений советских дипломатов и их секретных переговоров с французскими и чехословацкими представителями давно известно, что СССР не раз заявлял о готовности выполнить свои обязательства перед Чехословакией по пакту о взаимной помощи, если Франция, связанная с Советским Союзом договором о взаимопомощи, также придет на помощь Чехословакии, независимость которой она гарантировала. Однако Советский Союз не имел общих границ ни с Чехословакией, ни с Германией, и его войска могли помочь Чехословакии, только пройдя через Польшу и Румынию, которые этого не хотели.

2 сентября 1938 г. французское Министерство иностранных дел запросило СССР, «на какую помощь может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии?» Литвинов ответил: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути». Для определения конкретной помощи Чехословакии Литвинов предложил «созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий». Касясь вопроса о пропуске советских войск через Польшу или Румынию, Литвинов сказал, что было бы целесообразно поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций. «Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига Наций вынесет решение об агрессии». Может быть, не удастся добиться единогласного осуждения агрессора, но «даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности, если с большинством стала бы согласна и сама Румыния». Кроме того, Литвинов считал весьма желательным созвать «совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира» с участием Англии, Франции и СССР, которое (возможно, при поддержке США) могло бы принять декларацию, осуждающую агрессию.

Из заявления Литвинова, тут же переданного чехословацкому правительству, видно, что советский план действий в защиту Чехословакии был планом коллективной безопасности. Он состоял в том, чтобы заручиться санкцией большинства членов Лиги Наций на отпор агрессорам и, может быть, получить одобрение США, а это могло бы побудить Польшу или Румынию дать согласие на пропуск советских войск. Ко-

нечно, Советский Союз надеялся, что Франция, – как она не раз заявляла, – тоже придет на помощь Чехословакии, но, в крайнем случае, был готов действовать самостоятельно, независимо от позиции Франции. Это вытекает из заявлений Советского правительства правительству Чехословакии 20 сентября 1938 г. Как известно, 16 сентября премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен договорился с Гитлером о передаче Германии Судетской области Чехословакии, где немецкое население составляло большинство. 19 сентября Англия и Франция от своего имени предъявили это требование Чехословакии. Президент Чехословакии Э. Бенеш немедленно обратился к советскому правительству с просьбой как можно скорее ответить на два вопроса:

«1. Окажет ли СССР, согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь?»;

2. Поможет ли СССР Чехословакии «в качестве члена Лиги Наций», если Чехословакия обратится туда за помощью в случае нападения Германии? Второй вопрос имел особо важное значение, ибо он подразумевал оказание помощи со стороны СССР независимо от Франции.

На следующий день советское правительство дало утвердительный ответ на оба вопроса, проинформировав об этом французское правительство. Получив такой ответ, Чехословакия обратилась к Англии и Франции «с последним призывом», настаивая, чтобы они пересмотрели свою точку зрения», ибо «речь идет не только о судьбе других стран и особенно Франции». Тогда Англия и Франция предъявили Чехословакии форменный ультиматум. Как это происходило, рассказал министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта в телеграмме посланникам Чехословакии в Лондоне и Пари-

же. Явившись к президенту Бенешу в 2 часа ночи французский и английский посланники сообщили:

1. Что предложили Англия и Франция (т. е. передача Судетской области Германии), является единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии.
2. В случае если ответ Чехословацкой республики будет отрицательным, она (а не Германия) будет нести ответственность за развязывание войны.
3. Это уничтожит франко-английскую солидарность, т. к. Англия не выступит.
4. Если же при этих обстоятельствах возникнет война, Франция не присоединится, т. е. не выполнит договора. Это было сказано именно так.

Англо-французский ультиматум вынудил чехословацкое правительство согласиться на передачу Судетской области Германии (хотя значительная часть населения Чехословакии требовала защищаться). «В Праге происходят потрясающие сцены», – докладывал в Москву советский полпред. – Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют "Интернационал". В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство... Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть».

Советское правительство осудило капитуляцию перед нацистскими агрессорами. Выступая на заседании Лиги наций 21 сентября 1938 г., Литвинов заявил: «Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценой удовлетворения appetitов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств – не значит действовать в духе пакта Лиги Наций». Литвинов подтвердил предшествующие заявления о том, что Совет-

ский Союз выполнит свои обязательства по договору о взаимной помощи с Чехословакией, и готов немедленно принять участие в обсуждении военных вопросов с представителями французского и чехословацкого военных ведомств.

Литвинов вновь предложил план коллективных действий, который он обсуждал еще в беседе с французскими дипломатами 2 сентября 1938 г.: поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций и созвать «совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша».

Предложения Литвинова не было принято, но он продолжал призывать к отпору агрессорам. 23 сентября 1938 г. (уже после принятия Чехословакией, как сказал Литвинов, «Германо-англо-французского ультиматума»), Литвинов заявил, что в случае предъявления Германией новых требований, «решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках» и помощи Франции, «вступит в силу советско-чехословацкий пакт». Литвинов добавил, что Советский Союз мог бы прийти на помощь Чехословакии, даже если Франция откажется выполнять свои обязательства, но «лишь в порядке добровольного решения, либо в силу постановления Лиги Наций». Когда Чехословакия обратилась к СССР с просьбой заявить в Варшаве, «что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию», советское правительство немедленно выполнило эту просьбу и сообщило о своем демарше в печати. Эти заявления не допускают кривотолков, но оставалось неясным, как Советский Союз может оказать реальную военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, если Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска? Поскольку следование принципам международного

права и уважение национального суверенитета других стран вовсе не входили в число приоритетов сталинского руководства, можно предположить, что, получив просьбу Чехословакии о помощи, заручившись согласием большинства членов Лиги Наций, при условии вступления в войну Франции (и тем более, Франции и Англии), советское руководство решилось бы силой проложить путь своим войскам через Польшу или Румынию, несмотря на их возражения. Конечно, это только предположение. Несомненно, однако, что предпринять такие действия без готовности Чехословакии обороняться, без ее просьбы о помощи, без участия в войне, по крайней мере, Франции, Советский Союз никак не мог. С точки зрения международного права, это означало бы агрессию СССР против Польши и Румынии, а в военном отношении – крайне невыгодное для СССР вступление в войну против Германии один на один, без всяких союзников. Но действительно ли Советский Союз собирался воевать с Германией в защиту Чехословакии или ограничивался декларациями? Ответ могут дать сведения о перегруппировках и передвижениях советских войск.

Многие документы еще недоступны исследователям, но, тем не менее, с 1958 г. известно, что 25 сентября 1938 г. советское правительство сообщило начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену: «Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры: 1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий. 2. Части, соответственно, пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск – авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности».

В 70-е гг. в архиве советского Министерства обороны были обнаружены директивы народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова командованию ряда военных округов (в первую очередь, приграничным – Киевскому и Белорусскому округам), предписывающие придвинуть к западным границам СССР крупные военные силы. В общей сложности в боевую готовность были приведены один танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых и одна мотострелковая бригада, 12 авиабригад и 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны – 2 корпуса, одна дивизия, 2 бригады, 16 полков и отдельные зенитные артиллерийские дивизионы. Помимо этого, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоящий из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. Ворошилов доложил Сталину и Молотову, что «в случае необходимости посылки авиации в Чехословакию подготавливаются и могут быть отправлены 30.IX с. г. следующие авиачасти»: 4 полка бомбардировщиков – 246 самолетов и 4 полка истребителей – 302 самолета. По свидетельству маршала М.В. Захарова, занимавшего тогда должность помощника начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационному и материально-техническим вопросам, в дни Мюнхенской конференции – 28 и 29 сентября 1938 г. – под видом учебных сборов началось «частичное отмобилизование войск» в европейских военных округах вплоть до Урала. В армию было призвано до 330 тысяч человек. Эти сведения никем не опровергнуты и, по-моему, доказывают, что Советский Союз серьезно готовился к военным действиям в защиту Чехословакии. Однако чехословацкое правительство не обратилось за помощью ни к Советскому Союзу, ни к Лиге Наций; не решилось

оборонять свои границы, а под давлением Англии и Франции капитулировало перед Германией.

В литературе неоднократно указывалось, что Мюнхенская конференция разрушила систему коллективной безопасности и привела к перегруппировке политических сил в Европе в пользу Германии; что «для гитлеровской Германии итоги мюнхенского сговора были сопоставимы с результатами победоносной войны, выигранной без единого выстрела».

Гораздо меньше внимания историки уделяли воздействию Мюнхенской Конференции на психологию руководителей главных европейских держав, хотя оно имело большое значение. После первой личной встречи с Гитлером у Чемберлена, по его собственным словам, «сложилось впечатление, что это – человек, на слово которого можно положиться». Чемберлен и – в меньшей степени – глава французского правительства Э. Даладье думали, что в Мюнхене им удалось «откупиться» от войны за счет Чехословакии. После того, как Гитлер в марте 1939 г., вопреки данным им в Мюнхене обязательствам, захватил остатки Чехословакии, их иллюзии рассеялись, но далеко не сразу и не полностью. У Гитлера Мюнхенская конференция породила уверенность в своей безнаказанности; в том, что ни Англия, ни Франция не решатся противодействовать ему военной силой и, следовательно, можно захватывать соседние государства, не опасаясь серьезного отпора. «Я видел этих жалких червей, Даладье и Чемберлена, в Мюнхене. Они слишком трусливы для того, чтобы напасть. Они не пойдут дальше блокады», – говорил Гитлер своим генералам. Сталин после Мюнхена чувствовал себя обманутым. Франция и Англия, которые накануне говорили о коллективной безопасности и о помощи Чехословакии, в последний момент предали ее, заставив капитулировать перед

Гитлером. Советский Союз не был приглашен на Мюнхенскую конференцию и не хотел в ней участвовать, но Сталин был хорошо информирован о ее ходе, благодаря советским разведывательным службам. Они имели свои источники в министерствах и посольствах ряда иностранных государств, а кроме того, сумели добыть дипломатические шифры Великобритании. Сталин ежедневно получал копии донесений из английских посольств в Министерство иностранных дел, а также радиотелеграммы английских послов в Берлине, Париже, Праге и направляемые им инструкции.

В Мюнхенской конференции, которая завершилась договоренностью Германии, Италии, Англии и Франции, «советские лидеры увидели возможность соглашения Англии и Франции с Гитлером без Москвы и, может быть, за счет СССР. У Сталина эти действия лишь усилили его общее недоверие к английской политике, являвшейся мотором Мюнхена».

Зная ход последующих событий, можно сказать, что представления всех четырех лидеров ведущих держав Европы были, по крайней мере, односторонними. Но в политике, как и во многих других областях, важнейшее значение имеют не сами факты, а представления о них, которые возникают в головах государственных деятелей и определяют их решения. Разрабатывая свою политику в «послемюнхенский период», Гитлер, Сталин, Чемберлен и Даладьё исходили из тех оценок Мюнхенского соглашения и его возможных последствий, которые у них сложились.

Наряду с вопросом о роли и намерениях Советского Союза, в историографии постоянно дебатировался и другой вопрос, связанный с Мюнхенской конференцией: почему Чемберлен и Даладьё пошли на столь невыгодное для их стран соглашение с Гитлером? Сами они оправдывали свои действия

желанием избежать войны, к которой их страны не были готовы; стремлением сохранить мир путем уступок Германии за счет Чехословакии. Несомненно, такие соображения имели место. Если в 1936 г., когда немецкая армия еще только возрождалась, вероятно, можно было помешать ремилитаризации Рейнской области путем простой демонстрации превосходящей военной силы со стороны Франции и Англии, то в 1938 г. обстановка изменилась. После «аншлюса» Австрии, Чехословакия была с трех сторон окружена территорией Германии; немецкая армия, превратившаяся в мощную силу, находилась в нескольких десятках километров от Праги, и ни Франция, ни Англия не могли помешать ей перейти границы Чехословакии. Тогда Гитлера можно было остановить только угрозой войны, причем войны европейского, а, может быть, и мирового масштаба. Но на такую войну, последствия которой никто не мог предвидеть, Чемберлен и Даладьё не решались.

Советские руководители считали, что желание избежать войны далеко не самая главная причина «мюнхенской политики» Англии и Франции. По их убеждению, ее суть состояла в другом – в стремлении направить экспансию гитлеровской Германии на восток, против СССР.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., Сталин сказал: «Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом». Сталин был уверен, что Англия и Франция ведут коварную игру: хотят дать всем государствам «увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку; дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!».

Высказывания Сталина, носившие директивный характер, повторялись в «Фальсификаторах истории», в трудах всех советских и почти всех современных российских историков, которые доказывают, что лидеры западных демократий «с невероятной настойчивостью и последовательностью пытались натравить Германию на СССР».

Сообщение о подготовке публикации документов советской внешней разведки, относящихся к истории Мюнхенской конференции, было опубликовано в печати под заголовком: «Цель мюнхенского сговора – развернуть Гитлера на Восток». Готовивший публикацию ветеран службы внешней разведки генерал-майор в отставке Л. Соцков утверждает, что в Мюнхене у Чемберлена и Даладье «была сверхзадача», а именно – «добиться, чтобы Гитлер двинулся на Восток... Собственно, ради нее Чехословакия и была принесена в жертву».

Советские и российские историки не объясняли, как именно Германия могла бы напасть на Советский Союз, отделенный от нее территориями Польши, Румынии и Литвы, пользовавшихся поддержкой Англии и Франции, но все они, начиная от авторов «Фальсификаторов истории», ссылались на то, что фактически частью мюнхенских соглашений были англо-германская декларация 30 сентября 1938 г. и франко-германская декларация 6 декабря 1938 г., равнозначные, по существу, пактам о ненападении. В этих декларациях говорилось, что Англия и Германия рассматривают мюнхенское соглашение как символ желания их народов «никогда более не вести войну друг против друга». Германия и Франция объявили, что у них «нет больше никаких спорных вопросов территориального характера»; они приложат все усилия для поддержания мирных отношений между своими странами и будут

«поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран».

Большинство современных российских историков по-прежнему считают, что «в этих соглашениях с гитлеровской Германией совершенно ясно обнаружилось стремление английского и французского правительств отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчете на то, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии на Восток, в направлении Советского Союза». Лишь немногие историки, не приводя, впрочем, никаких доказательств, полагают, что «рассуждения относительно «подталкивания» германской агрессии на восток как чуть ли не одной из доминант британской внешней политики относятся к числу пропагандистских клише, в свое время взятых на вооружение советской исторической наукой, а не итогом серьезного анализа такого сложного явления, каким являлась политика «умиротворения».

Историки, убежденные в том, что Англия и Франция хотели направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, указывают, что вскоре после Мюнхенской конференции в печати Англии, Франции и США появились публикации о возможности создания так называемой «Великой Украины», куда вошла бы отделенная от СССР советская Украина и Закарпатская Украина. Они напоминают, что 24 ноября 1938 г. Чемберлен и Даладье вместе со своими министрами иностранных дел Э. Галифаксом и Ж. Бонне обсуждали положение, сложившееся после мюнхенской конференции. В записи их переговоров сказано: «Г-н Чемберлен спросил, какова бы была позиция Франции, если бы Россия попросила Францию о помощи на том основании, что Германия спровоцировала бы сепаратистское движение на Украине? Г-н Бонне

объяснил, что французские обязательства перед Россией вступят в силу только в случае прямой атаки Германии на русскую территорию. Г-н Чемберлен сказал, что он расценивает ответ г-на Бонне как полностью удовлетворительный».

При подписании франко-германской декларации министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне обсуждали вопрос о разграничении сфер влияния Германии и Франции. Касаясь договоров Франции со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, Риббентроп предупредил, что прочное соглашение между Францией и Германией возможно только в том случае, «если Франция раз и навсегда будет с уважением относиться к этой германской сфере влияния». Бонне ответил, что «после Мюнхена эти связи полностью изменились». По словам Риббентропа, «в Париже г. Бонне заявил, что он больше не заинтересован в вопросах, касающихся Востока». Впоследствии Бонне это отрицал, но Риббентроп понял его именно так. Риббентроп атаковал формально еще остававшийся в силе советско-французский договор о взаимопомощи, который он объявил «препятствием на пути франко-германского сближения». Бонне сказал, что этот договор «был заключен в особых обстоятельствах» предшествующим французским правительством, за действия которого Бонне, следовательно, не отвечает.

Риббентроп предъявил претензии и на бывшие немецкие колонии, но Бонне отказался их обсуждать, подчеркнув, что Франция уже «пошла на очень значительные уступки в Мюнхене» и из-за давления общественного мнения «ничего не может сделать для Германии в колониальном вопросе». Тогда Риббентроп заявил, что декларация 6 декабря 1938 г. «не означа-

ет отказа от законных германских требований на ее бывшие колонии, которые сейчас находятся под французским мандатом».

Французский посол в Берлине Р. Кулондр доносил своему правительству, что в Германии одобряют франко-германскую декларацию 6 декабря, полагая, что она позволяет Германии «предохранить себя на Западе» во время осуществления немецких завоевательных планов на Востоке. Отметив, что Германия стремится к подчинению Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии и Украины; что в немецких «военных кругах уже говорят о военной прогулке вплоть до Кавказа и Баку», Кулондр сделал вывод: «Стремление Третьего Рейха к экспансии на Восток мне представляется столь же несомненным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе. Одно является необходимым следствием другого». Новые исследования французских историков показывают, что во французских правящих кругах имелись влиятельные сторонники предоставления Германии «свободы рук» на Востоке. Так, например, начальник штаба французского военного флота адмирал Дарлан в январе 1939 г. писал Даладье: «Мы должны прежде всего сохранить нашу империю. Остальное – второстепенно. Итак (если Германия не поддержит колониальные притязания Италии), мы должны предоставить ей свободу действий на Востоке».

Эти документы позволяют утверждать, что после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать против СССР связанных с ней украинских националистов для отделения Украины от СССР, то есть прибегнет к тому, что позднее назвали «косвенной агрессией». Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по

франко-советскому договору о взаимной помощи. Надо, однако, иметь в виду, что все эти документы относятся к периоду до 15 марта 1939 г., когда Гитлер, нарушив данные им в Мюнхене обещания, оккупировал Чехословакию.

После этого верх взяли не сторонники соглашения с Германией, а ее противники, лидерами которых в Англии был У. Черчилль, а во Франции П. Рейно.

Еще одна важная проблема, связанная с Мюнхенской конференцией, к сожалению, не привлекла большого внимания российских историков. Ее поднимал только Г.Ф. Матвеев.

Речь идет о защите интересов национальных меньшинств и праве наций на самоопределение. Именно защитой прав национальных меньшинств, их желанием воссоединиться с частью нации, проживающей в соседних государствах, Германия, Польша и Венгрия оправдывали свои территориальные претензии к Чехословакии. Германия требовала передать ей Судетскую область, населенную в основном немцами, Польша – Тешинскую область, где проживало многочисленное польское население, Венгрия – Закарпатскую Украину и часть Словакии, где издавна жили венгры. Официально Мюнхенская конференция и была созвана как раз для того, чтобы урегулировать проблемы национальных меньшинств, проживавших в Чехословакии.

В Мюнхене было решено в течение 10 дней передать Германии Судетскую область, причем Германия и Италия обещали гарантировать новые границы Чехословакии, «как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии».

Уже на следующий день польское правительство при поддержке Германии предъявило Чехословакии ультиматум, требуя передачи ей Тешинской области. Чехословакия была

вынуждена принять польский ультиматум, и 2 октября 1938 г. польские войска вступили в Тешинскую область.

Через четыре дня, – 6 октября 1938 г., – Словакия объявила о своей автономии, сделав крупный шаг к отделению от Чехословакии. Еще через месяц – 2 ноября 1938 г. – решением так называемого Венского арбитража Германия и Италия передали Венгрии Закарпатскую Украину и часть Словакии. То, что осталось от Чехословакии было оккупировано Германией 15 марта 1939 г. Польша и Венгрия, которые участвовали в расчленении Чехословакии, тоже были многонациональными государствами, но их правители, явно не ожидали, что вскоре соседние страны, ссылаясь на необходимость защиты национальных меньшинств, предъявят им аналогичные территориальные требования, и это будет иметь тяжелейшие последствия. Опыт последующих десятилетий, в том числе распад СССР и Югославии, военные столкновения вновь образовавшихся азиатских и африканских государств друг с другом наглядно показал, что необходимая защита национальных меньшинств и признанное Организацией Объединенных Наций право на национальное самоопределение нередко вступают в противоречие с не менее законным принципом территориальной целостности ранее образовавшихся государств; сопровождаются этническими столкновениями, а иногда и войнами. Возникает вопрос, когда, в каких масштабах и в каких формах необходимо самоопределение наций вплоть до образования самостоятельных государств? Любая ли этническая группа, независимо от ее численности, имеет право на создание самостоятельного государства или существуют какие-то пределы?

70-летие Мюнхена стало толчком к изучению проблемы на новом уровне. Исследователи, используя ранее недо-

ступные материалы – документы органов разведки, архивы стран, вовлеченных в сговор, и его жертв – попытались взглянуть на проблему с новых позиций и разработать темы, которые по разным причинам оставались без внимания историков. В подаче материала образовалось несколько течений.

Ряд исследователей расширил представления о «Мюнхенском сговоре». Новые архивные материалы позволили историку и политологу А.И. Уткину воссоздать довольно полную картину мюнхенских событий 1938 г., уделив особое внимание переговорам Гитлера и Чемберлена по Судетскому вопросу, обсуждению сговора соратников Черчилля, выступавших за привлечение Москвы к решению европейского конфликта, а также действиям СССР в этом направлении. Анализу позиции Чемберлена посвящена и работа Н.К. Капитоновой, показывающая невозможность остановить агрессора в случае предоставления Великобританией гарантий малым странам Европы [13].

Любопытна и версия М.Крысина о том, что Восточный пакт мог стать альтернативой Мюнхенскому сговору и остановить войну [14]. В статьях В.В. Марьиной [15], подготовленных на материалах архивов Чехословацкой Республики, подтверждается, что раздел Чехословакии был очередным шагом к развязыванию Второй мировой войны, а с точки зрения советско-чехословацких отношений Мюнхен означал фактическую денонсацию их договора о взаимной помощи 1935 г.

Публикации новых документов из архивов Службы внешней разведки подогрели интерес к теме Мюнхена как пролога ко Второй мировой войне. Так, в 2008 г. сразу после рассекречивания некоторых материалов СВР почти одновременно вышли статьи Л.Ф. Соцкова и Н.А. Нарочницкой. Эти авторы говорили о планах западных держав сравнить СССР

и Германию вполне открыто, причем если раньше о Мюнхене писали, как о сговоре, сопутствовавшем пакту Риббентропа–Молотова, то они трактовали его как основное событие, приведшее к мировой войне. Нарочницкая назвала его «первым абсолютным сломом всей системы международных отношений и началом крупномасштабного передела европейских границ».

Эту же линию продолжает Л.Н. Анисимов, отмечая, что именно «Мюнхенский сговор» стал рубежом к активной подготовке к войне Германии, а также на основе рассекреченных документов СВР он показывает причастность Польши к разделу Чехословакии. Автор проводит параллель между теми печальными событиями и поддержкой рядом европейских стран агрессивных действий США против Югославии в 1999 г. и размещением американских элементов ПРО на территории европейских стран, создающем потенциальную угрозу европейской безопасности на современном этапе.

Появились и новые направления. И в этом плане особенно интересна статья В.С. Христофорова «Мюнхенское соглашение–пролог Второй мировой войны». Документальную основу статьи составили материалы ЦА ФСБ и АП РФ по истории «Мюнхенского сговора», содержащие сведения об обстановке на границах Польши и Румынии, недостатках в боевой подготовке Красной армии, информация резидентов НКВД о положении в Берлине, Лондоне, Париже, Праге, сведения советской контрразведки о позиции политиков и военных других стран, дипломатическая переписка организаторов конференции и заинтересованных государств. Эти материалы позволили автору существенно дополнить уже известные сведения о Мюнхенском соглашении. В частности, он смог показать, что благодаря успешной работе советской разведки и контрразведки Сталин был полностью осведомлен о том, как проходил

«Мюнхенский сговор», а также пошагово проследить действия Москвы в этот период. Интересны материалы, обосновывающие вывод автора о возможностях Чехословакии успешно вести оборонительные действия против Германии.

Юридическая сторона проблемы также привлекла внимание международных юристов. В статьях Л.Н. Анисимова и А.Д. Шутова ставится вопрос о правомерности «Мюнхенского сговора», а к.ю.н. А.В.Нефедов проводит параллели между Мюнхеном и односторонним провозглашением независимости автономного края Косово, что привело к разделу Сербии. Он подчеркивает, что пренебрежение устоявшимися нормами права может привести к не менее трагичным последствиям в настоящее время. Продолжаются исследования роли стран Восточной и Юго-Восточной Европы в «Мюнхенском сговоре», причем особое внимание уделяется роли Польши.

Таким образом, представляется, что формирование концепций российской историографии Мюнхенского соглашения еще не закончено. Наблюдаются появление новых направлений в изучении данной проблемы.

Зарубежная историография «Мюнхенского сговора» еще более обширна и разнопланова. Надо отметить, что идеологическое противостояние изначально сильно повлияло на формирование позиций советских, германских, английских, американских, польских, чешских и др. историков и политологов, коренное различие их оценок итогов конференции в развязывании войны и позиций участников. Подход к анализу проблемы в значительной степени зависел от национально-исторического и политического подхода в освещении истории своего государства, разных возможностей представить общую картину международной обстановки в Европе в 1938 г.

Вплоть до 1980-х гг. в западной историографии в целом господствовало убеждение, что Мюнхенское соглашение представляло собой попытку избежать войны любой ценой. Затем в британских и французских исследованиях появился тезис о «трагической ошибке» западноевропейских держав, которые не совсем верно рассчитали стратегию по сохранению мира в Европе. Но в последние десятилетия стали писать о неизбежности этого договора. Так, английский исследователь Д. Фабер к 70-летию «Мюнхенского сговора» подготовил большое исследование, в котором, не выходя за рамки традиционного подхода в оценке этих соглашений, делает акцент на противоречиях и взаимном недоверии между Англией и Францией, с одной стороны, и Советский Союзом – с другой. Он подчеркивает, что именно это недоверие сделало возможными Мюнхенские соглашения, а после их подписания достигло апогея. Такая постановка вопроса, по мнению М.В. Александрова (МГИМО), позволяет поднять вопрос о неизбежности, а возможно, и необходимости «сговора». Историческая дискуссия о «Мюнхенском кризисе», похоже, еще не закончена.

Германская историография имеет существенные особенности – до 1970–80-х гг. ни в ФРГ, ни в ГДР практически не было написано ни одного исследования, посвященного конкретно «Мюнхенскому сговору». В период холодной войны соглашение упоминалось только в контексте исследований, посвященных Второй мировой войне и ее предпосылкам. А историография ГДР в этот период полностью следовала советской концепции. В западногерманских исследованиях проблема Мюнхена освещалась без упоминания составляющих конфликта – пограничных спорах между Германией и Чехословакией,

позиций Польши и Венгрии, а соглашение рассматривалось как роковое решение Великобритании и Франции.

На рубеже 1970–80-х гг. в историографии ФРГ происходят изменения. После обобщения чехословацких и германских исследований, посвященных отношениям двух государств, к 50-й годовщине Мюнхенского соглашения был подготовлен сборник «Мюнхен 1938 год. Конец старой Европы» – первое западногерманское комплексное исследование соглашения 1938 г., причем в статьях были показаны предпосылки конфликта и рассмотрена проблема Судетской области. Авторы сборника пришли к выводу, что дискриминация судетских немцев в Чехословакии имела место и претензии Гитлера были теоретически обоснованы. Но авторы не оправдывали германскую политику, что характерно для всей западной историографии второй половины XX в., поскольку юридическое осуждение нацизма не позволяло иметь подобные концепции.

Разница между исследователями ГДР и ФРГ состояла в том, что первые писали, что претензии Гитлера были беспочвенны и немецкие национальные группы чувствовали себя в Чехословакии полноправно, а в западногерманской историографии возобладала противоположная точка зрения. В статьях западногерманских историков П. Хоймоса и Р. Хильфа особо важной представляется попытка взглянуть на сложившуюся ситуацию с позиций разных стран, в том числе Чехословакии и Польши, а также с позиции немцев – жителей Судетской области. Упоминаются факты, ранее не афишировавшиеся, а также дается трактовка Мюнхенского соглашения как «трамплина германской экспансионистской политики на Восток». Общие выводы Р. Хильфа сводятся к тому, что все участники соглашения по-своему виноваты и в расчленении

Чехословакии, и в том, что войны избежать не удалось. Германские исследователи тоже стали уделять внимание роли Польши и Венгрии в Мюнхенском соглашении, выставивших свои территориальные претензии к Чехословакии и оказывавших на нее давление.

Существует много других направлений исследований кануна Второй мировой войны. И как справедливо отметил В.П. Смирнов (МГУ), несмотря на многочисленные публикации документов, наличие обширной научной литературы на разных языках, споры вокруг этих событий не прекращаются. Они часто носят болезненный характер, потому что во многом определили судьбу ряда стран и народов, оказали глубокое воздействие на их историческую память, национальное самосознание, чувство национальной гордости.

Таким образом, очевидно, что в последние десятилетия сделано много для изучения периода, предшествовавшего Второй мировой войне в целом и Мюнхенского соглашения, в частности. Разработка темы продолжается, чему способствует более глубокое изучение архивных материалов, привлечение новых групп источников, обсуждение накопленного опыта на конференциях и круглых столах.

Смирнов В. П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО-Университета, 2009. С. 185–203.

Петров Ю. Историография «Мюнхенского сговора» 1938 года. URL: historyrussia.org

Советско-германский пакт о ненападении в отечественной и зарубежной историографии

23 августа 1939 г. между нацистской Германией и Советским Союзом был заключен договор о ненападении, получивший впоследствии название пакта Молотова–Риббентропа. Секретный дополнительный протокол к этому соглашению предполагал в случае территориально-политического переустройства деление части Восточной Европы на сферы интересов. К советской сфере интересов относились Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и Бессарабия. Вскоре после этого, с нападения Гитлера на Польшу, началась Вторая мировая война, величайшая катастрофа в истории XX в. Советский Союз, оставаясь нейтральным до 22 июня 1941 г., до этого времени последовательно включил в свой состав все территории, входившие по пакту Молотова–Риббентропа в советскую сферу интересов за исключением Финляндии.

Пожалуй, самое удивительное в изучении советско-германского пакта о ненападении в СССР состоит в том, что его важнейшая часть – секретный «дополнительный протокол», в течение полувека оставался неизвестным большинству советских людей и даже многим историкам. Ознакомиться с текстом «дополнительного протокола», опубликованным США, Англией и Францией еще в 1948 г., могли лишь те, сравнительно немногочисленные советские специалисты, которые владели иностранными языками и имели «допуск» в «спецхраны» центральных советских библиотек.

Но и для них это было, так сказать, потаенное знание. Поделиться им публично они не могли, потому что цензура не допускала никаких упоминаний о «дополнительном протоколе» 23 августа 1939 г. (как и о советско-германском «договоре

о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. и приложенных к нему трех секретных протоколов).

Конечно, каждый, кто удосужился бы заглянуть в старые советские газеты за сентябрь 1939 г., мог обнаружить там германо-советское коммюнике, где говорилось, что Германия и СССР установили «демаркационную линию» между германскими и советскими армиями, действующими в Польше, и увидеть на карте эту линию, полностью соответствовавшую «дополнительному протоколу». Это показывало, что между гитлеровской Германией и СССР явно имеются какие-то договоренности о совместных действиях.

«Договор о дружбе и границе» (разумеется, без секретных протоколов) и карта новой германо-советской границы, проведенной по территории Польши, также были опубликованы в советской печати. Однако читателей старых газет было немного, а огромная, длительная и страшная Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии как бы вычеркнула из памяти советских людей факты сравнительно кратковременного довоенного сотрудничества СССР и Германии. Мысль о том, что Советский Союз мог сотрудничать со своим злейшим врагом – нацистской Германией, казалась им невероятной и оскорбительной.

Даже в 1988–1989 гг., в период «перестройки», начатой Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, когда цензура была фактически ликвидирована, и стало возможно публично говорить о секретных протоколах, многие советские люди отказывались верить в их существование. В это время вопрос о секретных протоколах стал объектом острейшей политической борьбы, тесно связанной с развернувшимся в странах Прибалтики движением за выход из Советского Союза.

На первом Съезде народных депутатов СССР летом 1989 г. депутат от Эстонии И.Н. Грязин впервые огласил текст «дополнительного протокола». По инициативе депутатов от Прибалтики Съезд сформировал «Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», куда вошли 25 депутатов, в том числе представители прибалтийских стран, работники ЦК КПСС и будущий патриарх Московский и всея Руси (тогда еще митрополит) Алексей. Возглавил комиссию член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев.

Горбачев, руководивший работой Съезда, не препятствовал созданию комиссии, но утверждал, что подлинник секретного протокола 23 августа 1939 г. не обнаружен ни в СССР, ни в Германии. Через полгода Комиссия Яковлева доложила второму Съезду народных депутатов, что «секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах». Комиссия предложила осудить факт подписания секретных протоколов и признать их юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Некоторые депутаты отказывались верить Комиссии; другие не соглашались с ее выводами. Они понимали, что признание «дополнительного протокола» недействительным с момента подписания ставит под сомнение законность присоединения прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу; и может дать основание для обвинения СССР в их захвате. «Как же так согласиться нам, советским людям, что мы завоеватели!» – с негодованием воскликнул депутат И.И. Сухов. «Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана

Хмельницкого на Переяславской раде!.. Я призываю вас к разуму. Взываю!» – говорил депутат от Украины В.С. Образ.

Все критики представленного Комиссией проекта постановления ссылались на то, что подлинник «дополнительного протокола» не найден и, следовательно, – как сказал один из депутатов: «Съезд осуждает несуществующие документы». От имени «жертв сделки 23 августа 1939 года – балтийских народов» им страстно возражал латвийский депутат, коммунист с 50-летним стажем М.Г. Вульфсон. Он требовал осудить «позорные последствия сговора двух алчных, жестоких тиранов двадцатого века» – Гитлера и Сталина – и заверял депутатов, как вскоре выяснилось, напрасно: «Нет для вас врага в Балтике, нет».

Поставленный на голосование проект комиссии Яковлева не собрал необходимого большинства голосов. Решено было внести в него поправки и снова поставить на голосование. На следующий день Яковлев опять доказывал, что «дополнительный протокол» все же существовал, хотя его подлинник не обнаружен. Комиссия внесла в свой проект несколько поправок, ослаблявших критику предвоенной советской политики, но и тогда часть депутатов голосовала против проекта. За постановление Съезда, одобрявшее переработанный проект комиссии Яковлева, голосовало 1432 депутата, против – 252, воздержались 264 депутата.

В постановлении Съезда от 24 декабря 1989 года, подписанном Горбачевым, говорилось: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания».

В угоду все еще очень влиятельным поклонникам Сталина в постановлении была сделана попытка отделить секретный протокол от собственно пакта о ненападении, содержание которого будто бы «не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований». После этого секретные протоколы были опубликованы в журнале «Международная жизнь» и в сборниках дипломатических документов, изданных Министерством иностранных дел СССР с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии». Лишь через три года, когда Горбачев уже ушел в отставку, Советский Союз распался, и президентом России стал Б.Н. Ельцин, газеты сообщили, что подлинники секретных протоколов обнаружены в советских архивах. «Известия» снабдили сообщения об этой «находке» выразительным заголовком «Подлинные протоколы позорного сговора».

В 1992 г. секретные протоколы все еще с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии» были обнародованы в официальной публикации документов советской внешней политики, осуществленной Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Формально постановление Съезда народных депутатов имело силу закона, но оно не остановило полемики вокруг советско-германского договора о ненападении, хотя ее содержание изменилось. Разумеется, никто больше не отрицал существования секретных протоколов. Не имели большого успеха и предпринятые в соответствии с постановлением Съезда попытки отделить осужденный Съездом секретный «дополнительный протокол» от самого договора о ненападении, который будто бы «не может вызвать сколько-нибудь серьезных правовых или политических нареканий», несмотря на то, что

дополнительный протокол, по словам подписавшего его наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, «представлял органическую часть пакта».

Главное внимание российских историков теперь привлекали следующие вопросы: 1. Когда и кто начал процесс подготовки советско-германского пакта о ненападении? Германия или СССР? Сталин или Гитлер? 2. Какими соображениями руководствовалось сталинское руководство СССР, принимая решение о заключении пакта о ненападении с нацистской Германией? 3. Как оценить советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» с точки зрения национальных интересов СССР?

Комиссия Яковлева пришла к выводу, что инициатором сближения с СССР была Германия. В докладе Комиссии сказано: «Со стороны Германии с конца 1938 – начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР». С этим согласны почти все «традиционалисты». Они считают, что «после Мюнхена германское правительство осторожно взяло курс на сближение с СССР». Уже 1 декабря 1938 г. Германия поставила вопрос о возобновлении торгового соглашения и начала переговоры по торгово-экономическим вопросам. 1 января 1939 г. на традиционном дипломатическом новогоднем приеме в Берлине Гитлер подошел к советскому послу (полпреду) А.Ф. Мерекалову и сказал ему несколько любезных слов; спросил о семье, о поездке в Москву, о житье в Берлине, пожелал послу успехов. Это было истолковано как желание Гитлера улучшить отношения с СССР. С апреля 1939 г., когда Гитлер принял решение о нападении на Польшу и хотел ее политически изолировать, немецкие дипломаты начали говорить советским представи-

телям в Берлине о желательности нормализации советско-германских отношений.

«Критиков» такие доводы не убеждают. Они уверены, что инициатором сближения СССР с Германией был Советский Союз и лично Сталин. По их мнению, «на всем протяжении 1933-1939 гг. заинтересованность в улучшении политических отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина». После Мюнхена эта тенденция еще более усилилась. «Приоритетной задачей послемюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией», причем «это его решение было predeterminedено обозначившейся общностью внешнеполитических интересов советского и нацистского руководства».

В качестве доказательства «критики» приводят доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., где Сталин обрушился на «provocators войны», которые хотели бы спровоцировать конфликт СССР с Германией «без видимых на то оснований». Сталин сказал, что Советский Союз должен «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну provocatorам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Он дважды повторил, что СССР будет проводить политику мира и укрепления деловых связей «со всеми странами», то есть и с нацистской Германией.

Это явно был сигнал, направленный Германии. Российский историк В.Я. Сиполс полагает, что «из таких слов сделать подобные выводы никак нельзя», но ближайший соратник Сталина, председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов думал иначе. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. с докладом о ратификации советско-германского договора о ненападении, он напомнил о высказываниях Сталина на XVIII съезда

ВКП(б) и подчеркнул, что Сталин «еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, что в Германии, в общем, правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы». 17 апреля 1939 г. во время встречи со статс-секретарем Министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзекером советский полпред, согласно его собственному донесению, «ставит вопрос, как смотрит Вайцзекер на перспективы отношений между СССР И Германией?» Вайцзекер ответил: «Мы искренне хотим развить с Вами экономические отношения». В.Я. Сиполс почему-то считает, что в этой беседе инициатива «исходила не с советской, а с германской стороны», хотя в тексте донесения совершенно ясно сказано: «полпред ставит вопрос». С точки зрения «критиков», это доказывает, что «к началу весны 1939 г. Сталин уже сделал выбор в пользу активного сближения с Германией».

Еще более наглядным показателем поворота в советской внешней политике они считают смещение Литвинова – самого известного на Западе поборника коллективной безопасности – и замену его Молотовым, который одновременно остался председателем Совнаркома. Молотов сменил Литвинова 3 мая 1939 г., и уже 20 мая во время одной из своих первых встреч с немецким послом в Москве, графом фон Шуленбургом заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база».

По мнению В.Я. Сиполса, Молотов тем самым дал «отрицательный ответ» на предложения Шуленбурга «урегулировать экономические отношения с СССР, тогда как «критики» расценивают слова Молотова как предложение политического сотрудничества с Германией со стороны СССР, тем более что,

по словам самого Молотова, «видно было что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью».

Достаточно ли этого, чтобы считать, что Сталин уже сделал окончательный выбор в пользу соглашения с Германией или он вел «двойную игру», выбирая, какой вариант будет выгоднее для Советского Союза: соглашение с Германией или союз с Англией и Францией? Совокупность фактов говорит, скорее, в пользу предположения о «двойной игре». В течение примерно двух месяцев политических переговоров с Германией не велось, тогда как московские переговоры о тройственном союзе СССР, Англии и Франции против Германии продолжались очень интенсивно.

В конце концов, СССР сделал выбор в пользу соглашения с Германией, но, когда именно это произошло? Некоторые исследователи пишут, что «все решилось в последний час», но факты этого не подтверждают. В докладе комиссии Яковлева говорится, что 11 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем сообщить в Берлин». Яковлев не сказал, было ли зафиксировано это решение в протоколе заседаний Политбюро или в каком-либо ином документе. Во всяком случае, историки до сих пор не смогли ознакомиться с таким документом. В официальной публикации документов советской внешней политики также нет сообщения в Берлин о том, что советское правительство готово вступить в обсуждение поднятых немцами вопросов. Опубликована только телепрограмма Молотова временному советскому поверенному в делах в Германии Г.А. Астахову 11 августа 1939 года: «Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения

к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве». Если указанная Яковлевым дата соответствует действительности, то, значит, переговоры СССР с военными миссиями Англии и Франции, начавшиеся в Москве 12 августа, велись советским правительством только для отвода глаз или, может быть, для оказания давления на Германию, чтобы побудить ее к скорейшему заключению пакта о ненападении или выторговать более выгодные условия.

Есть, однако, серьезные основания думать, что принципиальное решение о соглашении с Германией было принято ранее 11 августа. В докладе комиссии Яковлева выделяется «принципиально важный рубеж» – с 26 июля по 3 августа 1939 г. «Именно в это время происходит активизация контактов на всех уровнях», причем «первый шаг делает германская сторона».

На самом деле речь шла не об «активизации контактов», а о начале переговоров по разграничению сфер интересов Германии и СССР и не с 26, а с 24 июля 1939 г. В этот день заведующий восточно-европейской референтурой отдела экономической политики Министерства иностранных дел Германии К. Шнурре встретился с временным советским поверенным в делах Г.А. Астаховым и завел с ним речь о нормализации отношений с СССР. Посетовав на то, что «неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа», Шнурре заявил, что «налицо все данные для такого сближения». Развивая дальше эту тему, Шнурре сказал: «Если советская сторона не доверяет серьезности германских намерений, то пусть она скажет, какие доказательства ей нужны. Противоречий между СССР и Германией нет. В Прибалтике и Румынии Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР. Анти-

коминтерновское соглашение? Но ведь нам должно быть ясно, что оно направлено против Англии».

Через день, 26 июля 1939 г., Шнурре снова встретился с Астаховым и говорил с ним еще более конкретно. Повторив, что руководители Германии хотят «нормализовать и улучшить» отношения с СССР, «но, к сожалению, СССР на это не реагирует», Шнурре сказал: «Мы не представляем себе, чтобы СССР было выгодно встать на сторону Англии и Польши, в то время как есть полная возможность договориться с нами». Когда Астахов упомянул о немецком проникновении в Прибалтику и Румынию, Шнурре ответил: «Наша деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались (исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии)... Еще легче было бы договориться относительно Польши».

Пересылая 26 июля записи своих разговоров со Шнурре заместителю наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкину, Астахов писал: «Стремление немцев улучшить отношения с нами носят достаточно упорный характер», и «если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам». Из письма Астахова явствуют две вещи. Во-первых, инициаторами переговоров об улучшении отношений являлась немецкая сторона; а, во-вторых, решение вступить в далеко идущие переговоры с Германией еще не было приня-

то советским руководством или, во всяком случае, Астахов о нем не знал. В этом убеждает и телеграмма Молотова Астахову, посланная 28 июля:

«Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно». Однако уже на следующий день, 29 июля, Молотов направил Астахову совсем другую телеграмму: «Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Всякое улучшение отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы». В тот же день, 29 июля, в «Правде» появилась большая статья А.А. Жданова, который тогда вместе с Молотовым являлся наиболее приближенным к Сталину человеком, занимавшимся вопросами внешней политики. Статья была озаглавлена «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Жданов утверждал, что «англо-франко-советские переговоры зашли в тупик», потому что англичане и французы хотят только «такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств», а на это «ни одна уважающая себя страна» не пойдет. В заключение Жданов заявлял, что Англии и Франции нужны только разговоры о договоре с СССР, чтобы оправдаться перед общественным мнением и «облегчить себе путь к сделке с агрессорами». Статья Жданова явно была направлена на оправдание возможного провала переговоров с Англией и Францией. По-видимому, именно в это время – между 28 и 29 июля – Сталин решил начать переговоры о соглашении с Германией.

2 августа 1939 г. Риббентроп пригласил к себе Астахова и заявил ему: «Никаких серьезных противоречий между

нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться». На следующий день Шуленбург повторил то же самое Молотову. Немецкие дипломаты намекнули, что возможно разграничить интересы Германии и СССР при помощи секретного протокола.

Советское правительство не сразу ответило согласием. 7 августа Молотов телеграфировал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе». 8 августа 1939 г. Астахов написал Молотову письмо, в котором, перечислив различные экономические и административные вопросы, вызывавшие разногласие между Германией и СССР, добавил: «Фраза об отсутствии противоречий "на всем протяжении от Черного моря до Балтийского" может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами». Именно на это письмо Астахова Молотов 11 августа ответил приведенной выше телеграммой со словами: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует».

Переговоры продолжались еще несколько дней, вплоть до 21 августа 1939 г., но очевидно, что принципиальное решение уже было принято. Дальнейшая судьба Г.А. Астахова, через которого велись основные переговоры между Германией и СССР, была трагической. В феврале 1940 г. его арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и шпионаже (почему-то в пользу Польши, а не Германии) и отправили в концентрационный лагерь, где он и умер.

Историков давно занимал и продолжает занимать вопрос, какими соображениями руководствовался Сталин и его окружение, принимая такое решение? «Традиционалисты»

вслед за авторами «фальсификаторов истории» считают, что это было «вынужденное решение советского правительства» с целью обеспечить безопасность СССР, ограничить «продвижение германских армий к границам СССР», вернуть «государства и территории, ранее входившие в состав России, отнятые у нее после первой мировой войны», а главное – «не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии»; предотвратить возможность соединения Германии, Англии и Франции в общую антисоветскую коалицию.

«Критики» утверждают, что «советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не был вынужденной акцией с советской стороны; в Кремле настойчиво стремились именно к такому соглашению с Берлином». По их мнению, «международная стратегия сталинского руководства как была, так и осталась заданной марксистскими парадигмами» (Наджафов Д.Г. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова-Риббентропа // Война и политика. 1939–1941. М., 2001, С. 90); ее суть определялась «расчетом на подрыв капитализма в новой мировой войне».

Резко осуждая «экспансионистскую политику» Сталина, они полагают, что осуществление его «экспансионистской политики было возможно только с опорой на нацистскую Германию, а не на западные державы». Высказывалась даже весьма экстравагантная точка зрения, согласно которой, заключая договор о ненападении с Германией, Сталин «стремился усилить военную мощь третьего рейха и тем самым добиться затяжной войны на Западе, которая обескровила бы обе стороны, дав, тем самым, возможность выиграть время для лучшей подготовки СССР к неизбежной войне в будущем».

К сожалению, все эти точки зрения основываются не столько на документах, сколько на более или менее вероятных умозаключениях и предположениях, потому что Сталин редко говорил о своих тайных замыслах, и они далеко не всегда находили отражение в документах.

Представляется, что наиболее надежным документом для понимания намерений и опасений советского руководства является оперативный план возможных военных действий Красной Армии на 1938- 1939 гг. Этот сверхсекретный документ, написанный от руки начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым в единственном экземпляре, носил название «Записка начальника Генштаба Красной Армии Наркомму обороны СССР, маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР». План был представлен правительству 24 марта 1938 г., утвержден Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем 19 ноября 1938 г. и не пересматривался вплоть до августа 1940 г. Из оперативного плана видно, что руководителей СССР больше всего беспокоила опасность войны на два фронта: на Западе – против Германии, на Востоке – против Японии. Оговорившись, что «документальными данными об оперативных планах (возможных противников. – В.С.) как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб РККА не располагает», Шапошников писал: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок – Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Высказывая предположение, что в случае войны Литва будет изолирована Германией, Шапошников отмечал: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нару-

шении Германией их нейтралитета, нужно считаться с появлением германских войск на их территории».

Практический вывод состоял в следующем: «Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии». Генеральный штаб особо подчеркивал: «Главные противники и главный театр военных действий на Западе, поэтому здесь должны быть сосредоточены и главные силы». Обращает на себя внимание, что главным противником Советского Союза считался «фашистский блок» и прежде всего Германия. Включение Польши в число союзников «фашистского блока» и предположение, что она может оказаться на стороне Германии в войне против СССР по-видимому объясняется тем, что во время и после Мюнхенской конференции Польша выступала вместе с Германией, требуя территориальных уступок от Чехословакии. Возможность выступления на стороне Германии так называемых «лимитрофов» (то есть прибалтийских стран) связывалась с нарушением Германией их нейтралитета, то есть «косвенной агрессией».

В оперативном плане не было никаких упоминаний о возможных союзниках СССР, хотя все еще существовал советско-французский договор о взаимной помощи. Очевидно, Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Англию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран.

Судя по оперативному плану, главная цель советской внешней политики состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта, которая казалась советским руководителям не только возможной, но и близкой.

В мае 1939 г. войска Японии и контролируемого Японией государства Маньчжоу-Го вторглись на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол, утверждая, что эта территория будто бы принадлежит Маньчжоу-Го. Советский Союз с 1936 г., связанный с Монгольской Народной Республикой договором о взаимной помощи, направил в район конфликта свои войска. Военные действия между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками продолжались более 3 месяцев и закончились только в середине августа 1939 г. разгромом японских войск. По сравнению с гигантскими битвами Второй мировой войны масштабы военных операций на реке Халхин-Гол были сравнительно невелики: с обеих сторон в них участвовали по несколько дивизий. Однако летом 1939 г. невозможно было предвидеть, останутся ли бои на Халхин-Голе только локальным вооруженным конфликтом или они перерастут в полномасштабную войну между СССР и Японией?

Тем временем на Западе назревал еще более опасный конфликт. После захвата Чехословакии Германия предъявила территориальные претензии к Польше и потребовала передать ей город Данциг, который до Первой мировой войны входил в состав Германии. 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал «Белый план» нападения на Польшу. От своей разведки Сталин получил информацию, что немецкое нападение на Польшу произойдет, скорее всего, в августе 1939 г.

В сложившейся обстановке советское руководство могло выбирать одну из трех возможностей: соглашение

с Германией, союз с Англией и Францией, или строгий нейтралитет. Соглашение с Германией сулило Советскому Союзу большие территориальные приращения и возможность на время остаться вне войны, грозившей начаться в ближайшие дни. Соглашение с Англией и Францией, которые поддерживали Польшу, обеспечивал СССР мощных союзников в борьбе с Германией, но предполагало немедленное вступление в войну в случае нападения Германии на Польшу, причем такой вариант не сулил СССР никаких территориальных приращений. Некоторые историки высказывали мнение, что СССР мог бы «сохранять статус подлинно нейтрального государства», не вступая в соглашения ни с Германией, ни с Англией и Францией, а «выигрывая время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне».

Вряд ли бы это спасло Польшу от разгрома, но, несомненно, не позволило бы Советскому Союзу расширить свою территорию. В случае союза СССР с Англией и Францией опять, как во времена Мюнхена, неизбежно вставал вопрос: как Советский Союз, не имевший общей границы с Германией, мог бы развернуть наступление против Германии, если Польша и Румыния отказываются пропустить его войска через свою территорию? Возникал и другой, очень важный для Советского Союза, вопрос: какую помощь окажут ему Англия и Франция, если СССР вступит в войну с Германией в результате ее нападения на Польшу? Советский Союз, естественно, был заинтересован в том, чтобы Англия и Франция направили против Германии максимально крупные силы.

Советские представители предлагали заранее согласовать их численность и планы возможных военных действий, однако Англия и Франция уклонялись от каких-либо конкретных обязательств и не готовили никаких планов совместных

военных операций. Обе стороны не доверяли друг другу и взаимно подозревали своих партнеров в самых коварных замыслах. Советская разведка раздобыла «информацию об инструкциях, которые были даны правительствами Англии и Франции военным делегациям на переговорах в Москве». Теперь эти инструкции опубликованы, и мы знаем, что там написано. Английская военная миссия должна была вести переговоры «очень медленно» и не принимать на себя «какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при всех обстоятельствах». На важнейший вопрос о пропуске советских войск через Польшу или Румынию предписывалось отвечать уклончиво и в крайнем случае сослаться на необходимость получить дополнительные указания от своего правительства.

Инструкции французской военной миссии касались, главным образом, возможных поставок советских военных материалов и сырья Польше и Румынии, а также поддержания морских и воздушных коммуникаций между СССР и западными державами. Особо указывалось, что Польше и Румынии «следует дать заверения относительно их восточных границ», то есть, против их возможного изменения в пользу СССР. Зная это, в советском руководстве опасались, что, заключив союз с СССР, Англия и Франция, вероятно, объявят войну Германии в случае ее нападения на Польшу, но вряд ли предпримут крупные наступательные операции, оставив Советский Союз один на один с Германией. Когда стали доступными французские архивы, историки выяснили, что французский Генеральный штаб действительно намеревался придерживаться в начале войны оборонительной стратегии. Его начальник генерал Гамелен говорил на заседании высшего военного руководства 25 ноября 1938 г.: «В начале конфликта наша пози-

ция может быть выжидательной; мы особенно нуждаемся в обороне. Только когда военные усилия англичан достигнут достаточного уровня, мы сможем подумать о том, чтобы атаковать Германию». В начале войны именно этот план и проводился в жизнь. После нападения Германии на Польшу ни Англия, ни Франция не оказали ей сколько-нибудь серьезной военной помощи, хотя Франция обязалась на 15 день войны развернуть наступление против Германии «главными силами». Трудно вообразить, чтобы в случае участия в войне СССР, Англия и Франция действовали иначе.

Все советские и большинство российских историков придавали очень большое значение тому факту, что английское правительство во время московских переговоров летом 1939 г. тоже вело «двойную игру». Участвуя в переговорах о союзе с Францией и СССР против Германии, оно одновременно тайно обсуждало с Германией возможность заключения пакта о ненападении и о разграничении сфер влияния. Впервые это стало широко известно из «Фальсификаторов истории» и трофейных немецких документов, в разное время опубликованных в СССР. В ходе московских переговоров в июне, июле и августе 1939 г. английский министр по делам заморской торговли Р. Хадсон и советник Чемберлена Г. Вильсон (готовивший в 1938 г. встречу Чемберлена с Гитлером), встречались с прибывшим в Лондон немецким уполномоченным по четырехлетнему плану Г. Вольтатом и немецким послом в Англии – Г. Дирксенем. Один из лидеров лейбористской партии Ч. Бакстон также имел доверительную беседу с Дирксенем. Согласно записям Дирксена, Вильсон заявил, что в случае широкого англо-германского соглашения и пакта о ненападении между Англией и Германией «ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Поль-

ша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Гораций Вильсон определенно сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши». Еще дальше пошел Бакстон, который 29 июля 1939 г. сказал Дирксону, что в обмен на обещание Германии «не вмешиваться в дела британской империи», Англия «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе». В этом случае она могла бы отказаться от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов», и действовала бы «в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе».

Что это было: дипломатический зондаж или нечто большее? Российский историк В.Я. Сиполс, работавший в английских архивах, обнаружил там запись выступления Чемберлена на заседании правительства «в те дни» (т. е., видимо, в июле или августе 1939 г.). Чемберлен тогда сказал: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас». Ссылаясь на эти данные и на сведения о будто бы намечавшейся на 21 августа 1939 г. поездке Геринга в Англию, В.Я. Сиполс приходит к выводу: Это была «попытка заключения с Гитлером нового соглашения Мюнхенского типа теперь за счет Польши и других стран Восточной Европы, которые Англия была готова признать сферой господства Германии».

Ценная информация о планах Сталина содержится в его беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г.М. Димитровым, которая состоялась в присутствии Молотова и Жданова 7 сентября 1939 г. (через неделю после

нападения Германии на Польшу), но была опубликована только 60 с лишним лет спустя.

Сталин тогда сказал Димитрову: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и за это ничего не платить. Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше, ничего не получая». Пойти, по выражению Сталина и Жданова, «в батраки», разумеется, означает взять на себя главную тяжесть войны против Германии, но что значит «ничего не получая»? На какую плату рассчитывал Сталин? Скорее всего, примерно на такую, какую он получил от Германии по «дополнительному протоколу».

Оправдывая уже предпрешенный «дополнительным протоколом» раздел Польши, Сталин назвал ее «фашистским государством», которое «угнетает украинцев, белорусов и т. д.». По его мнению, «что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?».

Беседа Сталина с Димитровым показывает, что были правы и те историки, которые усматривали в его действиях намерения столкнуть две коалиции капиталистических государств, а самому остаться в стороне. Сталин говорил Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Не плохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше

разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону».

Вопрос о мотивах действий сталинского руководства тесно связан с вопросом о политической, правовой и моральной оценке советско-германского пакта о ненападении и секретных советско-германских протоколов. Он до сих пор остается предметом ожесточенной полемики. «Критики» указывают, что секретные советско-германские протоколы самым вопиющим образом нарушали международное право; что они явились непосредственной причиной Второй мировой войны, привели к разделу Польши и ликвидации польского государства; к нападению СССР на Финляндию; к присоединению к СССР прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины вопреки воле их народов. Для них это «сговор» советского и нацистского вождей; «заговор» двух тоталитарных государств «против пяти суверенных государств с целью лишить их независимости и территориальной целостности». По их мнению, Германия воспользовалась соглашением с СССР «более эффективно, чем Советский Союз», для которого это соглашение означало «фактическое участие СССР до середины 1941 г. в войне на стороне Германии против западных союзников».

«Традиционалисты» отвечают, что секретные соглашения о разделе чужих территорий вовсе не новость в практике международных отношений. Достаточно вспомнить секретное англо-французское соглашение Сайкс-Пико 1916 г. о разделе азиатских владений Турции; тайные договоры о будущих территориальных приращениях, заключенные Англией, Францией, Италией и Россией во время Первой мировой войны, а в более позднее время – «процентное соглашение» Сталина

с Черчиллем о разграничении «сфер влияния» на Балканах и ялтинское соглашение Сталина, Черчилля и Рузвельта о передаче Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов. С этой точки зрения «дополнительный протокол» не был каким-то исключительным, невиданным ранее событием. Конечно, Советский Союз заключил секретное соглашение с нацистской Германией, действия которой вызывали осуждение общественного мнения, но и Мюнхенская конференция была соглашением Англии и Франции (хотя и не секретным) с тем же нацистским государством. «Традиционалисты» подчеркивают, что после Мюнхена, когда Англия и Франция, по существу, отказались от политики коллективной безопасности, Советский Союз должен был защищать только свои, а не чужие национальные интересы. По «дополнительному протоколу» Германия и СССР (как когда-то Пруссия, Австрия и Россия) разделили между собой Польшу, и это было для нее страшной трагедией, но разве Советский Союз был обязан защищать Польшу, которая и не думала о защите интересов СССР?

Следуя за «Фальсификаторами истории», где было написано, что пакт о ненападении с Германией «явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке», «традиционалисты» доказывают, что «решение советского правительства заключить договор о ненападении с Германией было при тех обстоятельствах фактически вынужденным, но вполне естественным и обоснованным в условиях, когда добиться создания эффективной англо-франко-советской коалиции не удалось». Соглашение с Гитлером позволило Советскому Союзу вернуть территории, которые когда-то принадлежали России, и расширить свои пределы, что, с геополитической точки зрения, всегда считалось важнейшей целью любого государства. Бла-

годаря пакту с Германией, СССР смог «на какое-то время гарантировать страну от войны» и избежать грозившей ему войны на два фронта. Пакт с Германией исключил возможность возникновения коалиции Германии, Англии и Франции против СССР, дал Советскому Союзу возможность выиграть время и почти два года оставаться вне войны; а когда она все же началась, встретить войска агрессоров немного дальше от своих границ.

Некоторые авторы добавляют, что важным результатом договора СССР с Германией было «определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться».

Доводы «традиционалистов» встречают серьезные возражения. Осенью 1939 г. Германия еще не имела конкретных планов нападения на СССР. Они начали составляться только после поражения Франции летом 1940 г. Следовательно, до этого времени Советскому Союзу не грозила война на два фронта. Англо-франко-германская коалиция против СССР была очень маловероятной из-за непримиримых противоречий между этими государствами. Секретные англо-германские переговоры летом 1939 г. ни к чему не привели. Советский Союз действительно около двух лет оставался вне войны и встретил войска агрессоров значительно западнее своих прежних границ, но это задержало агрессоров всего на несколько дней, и не спасло СССР от тяжелейших поражений. Зато пренебрежение международным правом и фактический, хотя и кратковременный, союз с нацистской Германией нанесли Советскому Союзу большой моральный и политический ущерб.

Советский Союз действительно вернул себе территории, которые раньше принадлежали России, да еще и Северную Буковину, которая в состав России никогда не входила, но все эти приобретения оказались непрочными. Насильственные методы их присоединения и последующая насильственная «советизация» породили у их населения сильное недовольство, которое стало одной из причин распада СССР. «Как показали последующие события, – пишет А.О. Чубарьян, – тактические успехи обернулись стратегическими просчетами».

Действительно, соглашение СССР с гитлеровской Германией, нарушавшее нормы международного права и суверенитет соседних стран, было выгодно Советскому Союзу с точки зрения его ближайших геополитических и военно-стратегических интересов в конкретных условиях осени 1939 г., но оно имело очень серьезные негативные последствия в более широкой исторической перспективе.

Иногда утверждают, что советско-германский пакт о ненападении подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и стал причиной Второй мировой войны. В наиболее отчетливой форме эта точка зрения выражена в книгах бывшего советского разведчика В.С. Резуна, писавшего под псевдонимом «Суворов». Началом войны он считал речь Сталина, которую тот будто бы произнес 19 августа 1939 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), объясняя причины заключения пакта с Германией. Хотя странно считать началом войны день, когда никаких военных действий не велось, точка зрения Резуна встретила поддержку у некоторых российских историков.

Так, например, один из них, ссылаясь на ту же «речь Сталина» написал, что Сталин – «провокатор Второй мировой войны». По его словам, «Сталин не только помог Гитлеру развязать ее, но инициативно, в собственных интересах развязал

ее сам» (Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // Другая война. С. 63–64).

подавляющее большинство современных российских историков отвергают такую точку зрения, потому что еще на Нюрнбергском процессе главных военных преступников было установлено, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил «Белый план» нападения на Польшу, а 3 апреля наметил его дату – «не позднее 1.09.1939 г.». Мнение о том, что Гитлер не решился бы напасть на Польшу, не заключив предварительно соглашения со Сталиным, относится к области предположений, которые невозможно проверить. Заметим только, что к лету 1939 г. подготовка Германии к войне завершалась, оперативные планы разработаны, Гитлер был полон величайшего презрения к руководителям Англии и Франции и нисколько не сомневался в своей победе.

Что касается пресловутой «речи Сталина 19 августа 1939 г.», то С.З. Случ показал, что она, по-видимому, носит апокрифический характер и не заслуживает доверия в качестве исторического источника. Разумеется, советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» значительно облегчили Гитлеру изоляцию и разгром Польши, но их нельзя считать ни причиной нападения Германии на Польшу, ни причиной второй мировой войны (Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические документы и материалы. Т. 1. М., 1973, С. 359.; Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // «Отечественная история». 2004. № 1.).

Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО-Университета. 2009. С. 185–203.

Советско-германский договор о ненападении 1939 г. Историография вопроса

Вторая мировая война стала одним из главных событий XX столетия и во многом определила облик послевоенного мира. Самый жестокий и кровопролитный вооруженный конфликт в истории человечества закономерно вызывает профессиональный интерес историков, различным аспектам войны посвящена обширная научная литература. При этом появление разнообразных публикаций и усиление интереса обычно приходится на юбилейные годы начала войны. Одной из главных проблем в осмыслении истории мировой войны является вопрос о виновниках развязывания глобального вооруженного конфликта. В этой связи в работах отечественных и зарубежных исследователей занимает вопрос о месте и роли советско-германского договора о ненападении, который с легкой руки публицистов именуют вопреки его официальному названию «пактом Молотова–Риббентропа» по имени лиц поставивших свои подписи на этом документе.

Эта проблема выходит за рамки научной и имеет ярко выраженную общественно-политическую значимость. Тема договора о ненападении не принадлежит к числу неисследованных, напротив, изучением обстоятельств его заключения занимались и занимаются не только отечественные, но и зарубежные авторы, ему посвящена не одна сотня различных публикаций, без анализа или даже простого упоминания этого события не обходится ни одна серьезная работа по проблематике кануна Второй мировой войны.

Представляется в этой связи небезынтересным рассмотрение сложившейся на протяжении свыше 70 лет ситуации с осмыслением проблемы советско-германского договора в научной литературе. Тема заключения советско-германского

договора широко использовалась в идеологическом противостоянии во время «холодной войны». Реакция на публикацию в США сборника документов «Нацистско-советские отношения 1939-1941 гг.» была немедленной и симметричной. Сборник увидел свет в конце января 1948 г., а уже в середине февраля в государственном издательстве политической литературы появилась брошюра «Фальсификаторы истории (историческая справка)», которая являлась прямой отповедью на опубликованный американцами сборник документов. В исторической справке «фальсификаторами истории» было названо политическое руководство США, которое в сотрудничестве с правительствами Великобритании и Франции подготовило публикацию сборника тенденциозно подобранных «непроверенных и произвольно надерганных записей гитлеровских чиновников» после чего в США и поддерживавших их странах «поднялась новая волна травли и разнузданной клеветнической кампании по поводу заключенного в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав». Авторы справки отмечали, что истинная цель публикаторов американского сборника – «исказить действительную картину событий, обогатить Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза, как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил». В справке подчеркивался вынужденный характер советско-германского договора о ненападении заключенного после провала переговоров англо-франко-советской военных миссий. Отмечалась безальтернативность договора – либо подписание и «продление мира на известный срок» с целью лучшей подготовки для отпора при возможном нападении агрессора, либо отклонение и возможность «прово-

каторам войны» втянуть СССР в войну с Германией в условиях полной изоляции. Выбор советского правительства был очевиден, он явился «дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики» в значительной степени предопределившим благоприятный для СССР исход Второй мировой войны.

Установки из «Фальсификаторов истории» на долгие стали для советской историографии советско-германского договора и советско-германских отношений 1939-1941 гг. основополагающими методологическими принципами.

В многочисленных публикациях западные исследователи стремились доказать факт сговора Сталина с Гитлером в августе 1939 г. и последовавшего за ним территориального раздела Польши, отстаивали мысль о нежелании советского руководства заключать реальный союз с Великобританией и Францией, а «пакт» о ненападении рассматривали как решающий фактор позволивший Гитлеру развязать войну. Вопрос об инициаторах советско-германского сближения в западной историографии являлся дискуссионным. Инициаторами разные ученые называли и Гитлера, и Сталина, отмечалась их взаимное стремление пойти навстречу друг другу. Нетривиальная позиция была высказана И. Фляйшхауэр, которая доказывала, что сближение двух стран и договор являлись итогом совместной деятельности профессиональных дипломатов работавших в МИД Германии и германском посольстве в Москве – Э. Вайцеккера, Ф. Шуленбурга, Ю. Шнуре, Г. Хильгера и др. напуганных авантюризмом и фанатичным стремлением Гитлера к развязыванию мировой войны.

В ряде капитальных обобщающих трудов по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, истории дипломатии, советской внешней политики, в статьях и монографиях советских историков-международников советско-

германский договор и обстоятельства его заключения неизменно трактовались в русле концепции его вынужденного характера. Подчеркивалось очевидное нежелание правящих кругов Великобритании и Франции заключать совместную декларацию, которая должна была связать руки Германии, по причине закулисной «игры» Чемберлена с Гитлером. В вопросе о том, с чьей стороны исходила инициатива нормализации отношений и заключения договора советские исследователи были единодушны – первой на контакт пошла Германия, а советское руководство использовало договор в своих целях.

В концентрированном виде основные положения советской историографии до конца 1980-х гг. состояли в следующем:

– СССР в условиях международной изоляции и враждебного окружения избежал реальной опасности войны на два фронта – с Японией на Дальнем Востоке, где в августе 1939 г. вооруженный конфликт с участием советских войск с японцами вступил в кульминационную фазу, и с Германией готовившейся напасть на Польшу. Договор привел к разногласиям и недоверию между Германией и Японией – союзниками по «Антикоминтерновскому пакту»;

– был сорван план создания империализмом единого антисоветского фронта посредством объединения враждебных СССР планов «европейских мюнхенцев»: Германии, Великобритании и Франции. Поэтому война началась как противоборство между двумя империалистическими группировками, а не как война фашистского блока против СССР при поддержке остального империалистического лагеря;

– дипломатические решения августа 1939 г. были непосредственно связаны с выходом СССР из внешнеполитической изоляции после нападения Германии на Советский Союз, поскольку в 1941 г. западные державы и СССР в силу наличия

общего врага оказались по одну линию фронта, что предопределило их союзнические отношения;

– в результате заключения договора о ненападении Советский Союз избежал войны в 1939 г. и получил около двух лет для укрепления обороноспособности страны.

При анализе советской историографии договора о ненападении следует отметить два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, эта тема в период «холодной войны» имела отчетливую политико-идеологическую составляющую, связанную с попыткой западных ученых обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны и, вместе с тем, снять с Великобритании и Франции немалую долю ответственности за соглашательскую политику накануне войны. Советские историки в свою очередь пытались аргументировано противостоять подобным попыткам, выступая с обстоятельной критикой ревизионистских концепций «буржуазных фальсификаторов» и доказывая исключительно миролюбивый характер предвоенной советской внешней политики. Тем самым эта тема имела особое значение не только для установления научной истины, но и для международного престижа СССР. Научная полемика переместилась в идеологическую плоскость, история стала заложницей политики.

Во-вторых, советские историки вплоть до 1989 г. пребывали в неведении относительно существования секретного дополнительного протокола к договору, что, безусловно, ставило оппонирующие стороны в заведомо неравное положение, т. к. на Западе протокол был опубликован еще в 1948 г. Он служил дополнительным аргументом зарубежным специалистам для обвинения СССР в сговоре Сталина с Гитлером и развязывании войны.

Ситуация с научным осмыслением проблемы договора о ненападении кардинальным образом изменилась в 1988-1991 гг. В условиях т. н. «перестройки» начался пересмотр устоявшихся положений касавшихся результатов подписания этого договора, его положительных и отрицательных итогов для СССР и Германии, роли во Второй мировой войне. Дискутировалась альтернативность и мотивы подписания договора для советского руководства. Дискуссии обрели широкую общественно-политическую огласку, тем более что в 1989 г. отмечался полувек юбилей начала Второй мировой войны.

Договор и секретный дополнительный протокол широко обсуждались на заседаниях I съезда народных депутатов СССР, результатом чего явилось создание комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора под председательством А.Н. Яковлева. Итогом полугодовой работы комиссии стало принятое 24 декабря 1989 г. II съездом народных депутатов постановление осуждавшее секретный дополнительный протокол как недействительный и неправомочный с момента его подписания. При этом съезд отметил отсутствие подлинников данного протокола. Однако сам договор о ненападении не вызвал нареканий ни у членов комиссии Яковлева, ни у подавляющего большинства депутатов. В резолюции было отмечено, что договор не выходил за пределы обычной договорной практики предвоенных лет. Это обстоятельство в известной степени повлияло на развернувшуюся научную полемику между критиками договора и их оппонентами. Все это свидетельствовало о начале принципиально нового этапа в научном осмыслении проблемы советско-германского договора о ненападении.

В эти годы начали высказываться аргументированные критические оценки договора, принципиально расходившиеся

с прежней историографической традицией. Оформилось направление т.н. «ревизионистов» советско-германского договора. Критики подвергали сомнению целесообразность подписания договора, оспаривали положения о его выгодности для СССР, полагали, что от договора выиграла только Германия, существенно увеличившая военно-экономический потенциал, тогда как Советский Союз в силу природы сталинской административно-командной системы не сумел эффективно воспользоваться отведенными 22 месяцами до гитлеровского нападения. К числу отрицательных последствий договора критики относили падение международного престижа СССР, который оказался изолированным от внешнего мира, удар мировому коммунистическому и рабочему антифашистскому движению. В СССР «сговор двух диктаторов» вызвал определенное замешательство и недоумение, настроения самоуспокоения среди советских людей, притупление бдительности военного руководства.

Секретный дополнительный протокол подвергался жесточайшей критике, поскольку олицетворял тайный «сговор» Сталина и Гитлера, деливших «сферы интересов» вопреки нормам международного законодательства. Сам договор этими учеными расценивался как крупнейший внешнеполитический просчет Сталина, дорого стоивший стране в 1941 г. К числу критиков-ревизионистов принадлежали В.М. Кулиш, М.И. Семиряга, В.И. Дашичев, О.Ф. Сувениров, Г.Л. Розанов, Н.Д. Смирнова, Н.В. Загладин, М. Буроменский, украинские историки-международники В.С. Коваль и А.Ф. Трубайчук, литовский историк Р. Жюгжда, эстонский исследователь Х. Арумяэ. Эти авторы отмечали, что заключенный Сталиным договор представлял собой «явный отход от ленинской внешней политики» и «забвение ленинских принципов интернационализма».

Критикам оппонировали т. н. «традиционалисты» отстаивавшие в своих трудах каноническую версию обстоятельств заключения договора о ненападении. Основной рефрен этой позиции был сформулирован в конце 1987 г. в статье Д. Проэктора с характерным названием «Незачем переиначивать историю», в которой были подвергнуты жесткой критике любые попытки пересмотра советско-германского договора о ненападении, вызванные, по мнению автора, сугубо конъюнктурными соображениями. С опровержениями позиции ревизионистов выступили А.О. Чубарьян, В.М. Бережков, Ф.Н. Ковалев, О.А. Ржешевский, В.М. Фалин, В.Я. Сиполс, А.С. Орлов, С.А. Тюшкевич, А.М. Майоров, В.И. Прибылов, С.В. Волков, Ю.В. Емельянов и др. Они подчеркивали сложность и драматизм международной обстановки кануна войны, очевидное нежелание англо-французской военной миссии заключать военное соглашение с Советским Союзом, развивавшийся в районе р. Халхин-Гол вооруженный конфликт с Японией – союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту, полная готовность Гитлера начать агрессию против Польши, что предопределило вынужденное и продиктованное чрезвычайной обстановкой решение советского руководства выразившееся в заключении договора о ненападении с Германией.

Исследователи отмечали безальтернативность этого шага, вызванного «суровой необходимостью», подчеркивали, что эта была единственная оставшаяся возможность избежать немедленного вовлечения в войну на два фронта, с Германией и Японией. Говоря о мотивации сталинского руководства заключить договор с Германией «традиционалисты» указывали на стратегические соображения необходимости защиты безопасности СССР, отмечали прагматизм советской дипломатии в деле отстаивания национальных интересов и стремления из-

бежать войны. По выражению В.М. Фалина при заключении договора о ненападении в Москве «возобладали прагматизм и политический цинизм почти буржуазного покроя».

Результаты договора трактовались традиционно:

– была устранена угроза нападения Германии на СССР при Англии, Франции и США в позиции «третьих радующихся» и выжидающих крушения Советского Союза;

– договор нанес значительный невосполнимый стратегический урон Германии и позволил СССР заняться укреплением обороны на «выдвинутых вперед рубежах»;

– он привел к фактическому расколу Антикоминтерновского пакта, вызвал устойчивое недоверие Японии к Германии;

– экономические договоренности с Германией дали возможность приобретать необходимые стратегические материалы, технологии и оборудование недоступные в то время на других рынках, что способствовало ускоренному развитию советской военной промышленности;

– СССР продемонстрировал наличие собственных национальных интересов и готовность отстаивать внешнеполитический курс в мировой политике, тем самым он выступил полноправным субъектом международного права и заставил европейские державы считаться с собой.

Не подвергая сомнению необходимость договора, «традиционалисты» резко критиковали и осуждали секретный дополнительный протокол, отмечали его сомнительность в нравственном отношении, заявляли о прямом отступлении Сталина и Молотова от «ленинских принципов внешней политики», т. е. воспроизводили оценки комиссии Яковлева и постановления II съезда народных депутатов. Полемизируя «критики» и «традиционалисты» оставались в рамках совет-

ской историографической парадигмы, отсюда их заявления о «ленинской внешней политике».

Новый постсоветский современный этап научного осмысления советско-германского договора начался в Российской Федерации в начале 1990-х годов. В его основе лежало использование методологических подходов на основе привлечения и исследования новых исторических материалов. В начале 1993 г. были опубликованы и снабжены научным комментарием обнаруженные в архиве ЦК КПСС оригиналы секретных протоколов к советско-германскому договору о ненападении 1939 г. на русском и немецком языках. Тем самым был положен конец дискуссии историков о наличии и подлинности секретного протокола.

Усиление исследовательского интереса к советско-германскому договору обозначилось с публикацией в России в 1992-1995 гг. публицистических книг В. Суворова «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?», «День-М. Когда началась Вторая мировая война?» и «Последняя республика. Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну?», ставшими своеобразными детонаторами научной полемики. В этих работах автор доказывал, что патологически одержимому идеей мировой революции Сталину Гитлер был нужен как «ледокол», который поработит европейские страны, а Сталин выступит их «освободителем».

Заклучив «пакт» о ненападении Сталин руками Гитлера развязал Вторую мировую войну. Отвергался тезис о «вынужденном» характере советско-германского договора для советской стороны, напротив, отмечалось, что именно Кремль настойчиво стремился к такому соглашению с Германией. Таким образом, в отечественной историографии в середине 1990-х годов сформировалось и существует до настоящего времени

направление историков-ревизионистов, в той или иной степени разделяющее и развивающее выводы концепции В. Суворова о Сталине как агрессоре и инициаторе мировой войны.

Эту точку зрения разделяют и некоторые западные ученые. Особый упор исследователи делают на т. н. «речи Сталина от 19 августа 1939 г.», в которой излагались истинные намерения сталинского руководства накануне мировой войны и мотивы заключения договора о ненападении, направленные на вооруженное столкновение двух группировок капиталистических держав с целью их взаимного ослабления для последующего захвата мира и распространения коммунизма. Критики расценивают пакт как преступный, от реализации которого выиграл Сталин, захвативший все восточноевропейские страны и навязавший им тоталитарные режимы. Это направление представлено в работах Т.С. Бушуевой, А.А. Пронина, Д.Г. Наджафова, В.Л. Дорошенко, И.В. Павловой, Р.Ч. Раака, И. Хоффмана.

При оценке действий сталинского руководства при заключении договора о ненападении указанные исследователи ставят во главу угла имперские амбиции и идеологическую одержимость Сталина, помышлявшего о создании коммунистической империи в европейских странах. Такая позиция встретила решительное неприятие части российских историков, что стимулировало появление работ, опровергавших данную концепцию. На протяжении 1990-х гг. полемика сводилась главным образом к критике книг В. Суворова.

Ситуация изменилась в 2000-е гг., когда в ряде различных работ была сформулирована концепция т. н. «прагматизма» во внешней политике. Ее последователи полагают возможным говорить о доминировании геополитических и военно-стратегических соображений, а не идеологических постулатов во внешнеполитическом курсе СССР, в основе ко-

того лежало стремление максимально обезопасить границы, укрепить обороноспособность, преодолеть международную изоляцию, не дать вовлечь себя в войну и в условиях международного кризиса и начавшейся Второй мировой войны отстаивать национально-государственные интересы. В этой связи договор о ненападении рассматривается как несомненный и крупный успех советской дипломатии, сумевшей добиться со стороны Германии значительных уступок, обеспечить поставку в страну стратегических промышленных технологий, оборудования и материалов. В сложнейшей дипломатической игре накануне мировой войны СССР успешно проводил собственную линию.

Относительно договора о ненападении эти авторы отмечают, что инициатором его заключения выступил Гитлер, при этом подписанный документ не выходил за рамки традиционной для того периода международной договорной практики. Что касается секретного дополнительного протокола, то и он не являлся чем-либо неординарным, подобные секретные протоколы являлись частым дополнением международных договоров. Возражая оппонентам, эта группа авторов критикует версию о «сговоре двух диктаторов» и отвергает обвинения в адрес СССР как инициатора развязывания Второй мировой войны. Эта позиция отражена в работах Е.Н. Кулькова, М.Ю. Мягкова, О.А. Ржешевского, М.И. Мельтюхова, А.В. Шубина, В.Э. Молодякова, Н.А. Нарочницкой, А.О. Чубарьяна, А.Р. Дюкова, В.М. Фалина, А.Г. Дульяна, Ю.А. Квицинского, В.С. Макаруча, С.Н. Дрожжина, И.С. Шишкина.

В известной степени позиция этой группы исследователей восходит к постулатам советской историографии, что послужило основанием для обвинений со стороны их оппонентов в реанимации брошюры «Фальсификаторы истории».

Очевидно, что на мнения исследователей продолжают оказывать влияние политико-идеологические предпочтения: для одних догматик Сталин – кровавый диктатор и создатель тоталитарного режима, вступивший в сговор с Гитлером в деле раздела «сфер влияния», попиравшим международное право и независимость третьих стран. Их оппоненты не дают оценочных суждений личности Сталина и стремятся исследовать предвоенную внешнюю политику с позиции наличия у всех европейских игроков собственных интересов, в т. ч. и у СССР. Отставить свои интересы приходилось далеко не всегда безупречными с моральной точки зрения методами, но такое поведение было присуще всем крупным европейским державам. Это обстоятельство является существенным отличием от позиции советской историографии рассматривавшей СССР как едва ли не единственного последовательного проводника миролюбивой политики в условиях нарастающей агрессии со стороны гитлеровской Германии.

Между «ревизионистами» и сторонниками концепции «прагматизма» находится историки, которые хотя и критикуют договор о ненападении как соглашение между агрессивными диктаторами двух тоталитарных государств и называют его временным тактическим выигрышем, но стратегическим просчетом Сталина, нанесшим неизмеримый ущерб стране, но при этом отвергают концепцию В. Суворова и его сторонников о том, что пакт стал «решающим шагом» в развязывании Второй мировой войны. Такова точка зрения С.З. Случа, В.И. Дашичева, З.П. Яхимович, В.П. Смирнова, М.М. Наринского, А.В. Вахрамеева, С.Г. Кулешова, А.Г. Ложкина.

В последние годы активным изучением проблемы советско-германского договора о ненападении занимаются польские историки. Их интерес к проблеме естественен и закономерен. Отмечая, что контакты двух главных диктаторов Европы

сыграли роковую роль в судьбе Восточной Европы и в первую очередь Польши, а заключение договора о ненападении «явилося венцом советских усилий по ликвидации преград, которые могли бы помешать Гитлеру вторгнуться в Польшу», польские авторы, вместе с тем, подчеркивают, что неправомерно возлагать ответственность за развязывание Второй мировой войны в равной степени на СССР и Германию. По мнению С. Дембского: «Гитлер хотел этой войны и стремился к ней. Сталин не намеревался спасти мир в Европе». Следовательно, главная ответственность за начало войны лежала на Третьем рейхе, а роль Москвы была «второстепенной».

Историографический анализ свидетельствует о непрекращающейся полемике российских и западных историков по проблеме советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. в контексте предыстории Второй мировой войны. Научное осмысление проблемы прошло несколько этапов, каждый из которых отличался своеобразием методологических принципов, исследовательских подходов и оценочных суждений. Над ее изучением долгие годы довлела политико-идеологическая конъюнктура, во многом определявшая содержание и выводы исследователей разных стран. Похожая ситуация наблюдается на современном этапе. Едва ли в дискуссиях будет поставлена точка и найден компромисс, однако не подлежит сомнению, что произошло становление диаметрально противоположных историографических направлений, обозначен круг актуальных вопросов в комплексном переосмыслении роли и места СССР накануне войны. Научные дискуссии продолжаются и преждевременно говорить об их завершении.

Грищенко А. Н. Советско-германский договор о ненападении 1939 г. URL: cyberleninka.ru.

Современная германская историография пакта Риббентропа-Молотова

В зарубежной историографии так же длительное время ведутся споры о советско-германском договоре. В данной статье анализируются работы германских историков по данному вопросу, опубликованные в 1980-1990-е гг. Именно в последние два десятилетия XX в. в Германии вновь оживился интерес к изучению обстоятельств, связанных с заключением пакта Риббентропа-Молотова. В связи с 50-летием его заключения в Германии была опубликована свежая подборка документов по данному вопросу.

В Германии в последние два десятилетия XX в. было издано немало работ, специально посвященных истории советско-германского договора о ненападении. Это исследования Р. Ахмана, М. Брозата, Р. Вебера, Х. Герхарда, Э. Оберландера, И. Фляйшхауэр, и др. Для современной германской историографии пакта 1939 г. характерен плюрализм мнений по поводу принадлежности инициативы, этапов германо-советского сближения и интерпретации его отдельных эпизодов.

В современной Германии доминирует консервативная концепция пакта, которая приписывает этот документ к прогерманской ориентации Сталина, наметившуюся либо с осени 1938 г., либо с весны 1939 г. Историки этого направления постоянно подчеркивают ведущую роль Кремля в процессе германо-советского сближения.

Существует несколько причин, с нашей точки зрения обуславливающих существование консервативных взглядов на историю советско-германских отношений в преддверии Второй мировой войны. Одна из них заключается в том, что далеко не все германские историки согласны с тем, что «холодная война» исчерпала-себя и продолжают подливать масло в огонь в ее

топку. Стоит так же прислушаться к авторитетному мнению А.И. Борозняка, который признает, что «в ФРГ, освобождающейся от комплексов, заметно выросло влияние течений в исторической науке и в исторической публицистике, которое можно объединить в рамках понятия «новый немецкий национализм». Он пишет, что «представители «новых правых» от историографии, группирующиеся вокруг Райнера Цительмана, объявляют себя сторонниками «столь желаемой, столь и неизбежной историзации национал-социализма», которую они трактуют как отказ от «черно-белых стереотипов», от «морализирования», от «примата педагогических намерений над научно-историческими условиями».

В большинстве современных исследований проводится консервативная точка зрения на пакт. Э. Топич пишет, что Сталин использовал Гитлера в качестве своего орудия, инструмента в интересах долгосрочной советской стратегии. Х. Альтрихтер считает, что он не может точно сказать, какой аргумент сыграл решающую роль в стремлении Сталина подписать договор о ненападении с Германией, но, однозначно, не опасность войны на два фронта. По его словам, «договор дал Германии решающее основание для (неотвратимого) запланированного наступления против Польши.

Х.-У. Тамер полагает, что на практике, учитывая планы Гитлера, его пакт со Сталиным вылился в «приглашение к нападению на Польшу». По словам Х.-И. Торке, заключенным пактом СССР «отпраздновал» в преддверии Второй мировой войны «кооперацию с гитлеровской Германией». Автор считает обе эти державы виновниками развязывания Второй мировой войны и полагает, что сразу же после подписания договора обе страны устремились решать свои территориальные проблемы.

А. Хильгрубер трактует пакт как «временное частичное совпадение двух в корне различных политических стратегий», как «пересечение двух линий развития... только на одно историческое мгновение и в одной точке», а именно как заинтересованность Германии в войне против Запада. По мнению историка, интерес Сталина в данном случае заключался не в территориальных приобретениях, а в его намерении косвенно подтолкнуть войну Гитлера с Западом. При этом Гитлер рассматривался в качестве главного действующего лица, которое «обеспечит развязывание войны».

Ряд германских историков критикует данную точку зрения. По мнению И. Флейшхауэр, она имеет «слишком явную идеологическую подоплеку и психологическую потребность переложить ответственность на другую сторону» и обладает тремя недостатками: смешивание общих принципов советской политики «мирного сосуществования» с целенаправленными «предложениями» в адрес Германии; некритическое использование немецких документов в качестве основы; недостаточное различие между заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении, с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния – с другой.

Как реакция на консервативную историографию, в ФРГ появилось направление в исторической науке, возлагавшее вину за заключение пакта исключительно на германскую сторону. По их мнению, в течение весны–лета 1939 г. СССР добивался организации сильного антифашистского союза. Ввиду провала тройственных переговоров советское правительство обратило внимание на Германию, которая с нарастающей активностью

вела зондаж советской стороны на предмет улучшения политических отношений между двумя странами. В качестве аргументов в пользу своей точки зрения эти историки используют многочисленные сообщения современников событий. В начале 1990-х гг., когда советские историки вели очень острую дискуссию о договоре Риббентропа–Молотова, была переведена на русский язык и опубликована в СССР работа И. Фляйшхауэр, в которой очень основательно были рассмотрены не только обстоятельства подписания договора, но и проведен его текстовой анализ. Историк подробно остановилась на вопросах авторства текста договора, исследовала смысловые разночтения между советским проектом и подписанным договором, проанализировала функциональные особенности его отдельных статей (Флейшхауэр И. Пакт. Гитлер–Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. Пер. с нем. М., 1990).

В.М. Фалин, комментируя данную работу, писал, что автор «не подлаживается ни к каким "историческим школам"». По словам Л.А. Безыменского, И. Фляйшхауэр «продемонстрировала способность соотносить свои суждения не с установившимися стандартами, давно принятыми на Западе, а с выверенными фактами». Автор возлагает всю ответственность за заключение пакта всецело на германскую сторону.

И. Фляйшхауэр инициативу заключения пакта связывает преимущественно с Берлином, полагая, что она была проявлена уже осенью 1938 г. Автор считает, что «ее стали проявлять непосредственно после подписания Мюнхенского соглашения с целью создания такой внешнеполитической ситуации, которая исключила бы повторение осложнений масштаба судетского кризиса со всеми возможными в подобном случае катастрофическими последствиями. По ее мнению, «двигателем» инициативы германских дипломатов являлась

их убежденность в невозможности для Германии вести войну на два фронта. И. Фляйшхауэр пишет, что «при подобном стечении обстоятельств Гитлер и в самом деле мог на рубеже 1938-1939 гг. (а точнее, пожалуй, после переговоров с Бекком, состоявшихся 5-6 января, и новогоднего приема 12 января) решить, что наступает время для такого альянса с СССР, который ему уже давно представлялся в виде временного «союза для войны».

Автор считает, что «государственный интерес Сталина при заключении германо-советского пакта состоял в политике умиротворения, сам пакт являлся, прежде всего, инструментом советской политики умиротворения. Политики, продиктованной, в первую очередь, побуждением предотвратить войну, в которой народам социалистического Советского государства пришлось бы, как и в первой мировой войне, проливать кровь за чужие интересы».

К аналогичным выводам приходит Б. Пьетров на основе анализа всей внешней политики Сталина в 30-е гг. Она отмечает, что руководство в Москве в течение всего предвоенного десятилетия проявляло заинтересованность в планах, направленных на сдерживание Гитлера. Она пишет, что советское правительство заключило этот пакт «с целью избежать участия СССР в европейской войне».

В. Айхведе рассматривает договор как результат «созданной собственными руками слабости» сталинской политики. Г. Юбершар считает, что пакт был для Гитлера лишь вспомогательным средством для достижения поставленных целей. По его мнению, война против Польши была лишь первым шагом в агрессивных намерениях Гитлера и пакт от 23 августа 1939 г. можно рассматривать как договор, направленный против Советского Союза.

Крупную работу о пакте издал Р. Ахман. Он считал, что еще в середине августа 1939 г. у Сталина было несколько альтернативных вариантов, и среди них возможность, не проявляя собственной инициативы, пустить на самотек или замедлить германо-советские переговоры и переговоры между СССР и западными странами. Автор полагал, что именно Сталин предложил немцам советский проект договора о ненападении и тем самым обязательство полного нейтралитета. По утверждению Р. Ахмана, Гитлер с самого начала намеревался нарушить договор о ненападении с Советским Союзом, и этот договор был для него пактом о «пока ненападении».

Германские историки попытались определить круг тех людей, которые сыграли наиболее активную роль в подготовке и «проталкивании» договора. И. Фляйшхауэр критикует утверждение Риббентропа о том, что именно Сталин «уже на первой стадии переговоров заявил, что желал бы поднять вопрос об определении конкретных сфер интересов». Он считает, что инициатива подписания секретного дополнительного протокола исходила от германской стороны, и его автором являлся сотрудник МИД Германии Гаус.

Г.Х. фон Биттенфельд подчеркивает активную роль посла в Москве графа фон Шуленбурга в германо-советском сближении. Часть современных германских историков придерживается сбалансированного подхода, согласно которому поиск путей сближения осуществлялся обеими сторонами и каждая из них постоянно подталкивала процесс улучшения отношений между ними. Некоторые из них пишут о том, что главной целью Москвы являлось намерение избежать изоляции, ради чего советское правительство готово было заключить договор с любой из соперничающих группировок капиталистических держав.

По мнению Р. Вебера, Сталин и Гитлер постепенно и осторожно продвигались навстречу друг друга. Автор писал, что за «советскими авансами Германии» в мае 1939 г. последовала решающая «германская инициатива» в июле 1939 г. Г.-А. Якобсен считает, договор отвечал интересам, прежде всего, Германии, однако именно Москва деликатно давала понять, что она заинтересована в улучшении взаимоотношений. С точки зрения А. Хильгрубера и К.Хильдебранда пакт отвечал интересам, как Германии, так и СССР, будучи «пересечением двух линий развития»: заинтересованности Сталина в том, чтобы локализовать войну против Польши и сталинской политикой избегания соглашений с капиталистическими странами о сохранении статус-кво в Восточной и Центральной Европе.

Камынин В. Д. Нет пророка в своем отечестве! Современная германская историография пакта Риббентропа-Молотова.

Ленд-лиз в исторической литературе

Динамично развивающееся направление отечественной историографии связано с изучением торгово-экономических отношений между СССР, США и Великобританией в годы войны. Первое место здесь занимает ленд-лиз.

О роли ленд-лиза в годы Великой Отечественной войны до сих пор существуют различные, зачастую противоречивые мнения. В годы «холодной войны» западные историки стремились всячески преувеличить значение ленд-лиза для победы над фашизмом. Так, например, бывшие гитлеровские генералы В. Швабодиссене и К. Уэбе (сразу после войны поселившихся в США и занявшихся историческими изысканиями), заявляли, что помощь западных союзников по ленд-лизу в 1941 г. обеспечила советским вооруженным силам «способ-

ность продолжать свое сопротивление» и «предотвратила взятие немцами Москвы». Некоторые американские историки писали: именно союзные поставки сделали возможной подготовку наступления под Сталинградом. Между тем этим авторам, разумеется, известно, что как раз в июле 1942 г., когда вермахт развернул широкое наступление на южном участке советско-германского фронта, США и Англия прекратили на пять месяцев транспортировку грузов в СССР через Северную Атлантику (в данный период резко сократились и перевозки грузов по трансиранскому маршруту).

В годы «холодной войны» в Советском Союзе стремились если не замолчать вообще, то по крайней мере по максимуму ограничить упоминания о ленд-лизе и его значении для Победы. Стремление обеих сторон изобразить в выгодном для себя ключе англо-американские поставки в СССР проявилось уже в годы самой войны. Тогда же случились и первые коллизии на этой почве. В марте 1943 г. посол США в Москве У. Стэндли на пресс-конференции подверг советскую сторону резкой критике за то, что та, по его мнению, не выражала должной благодарности Соединенным Штатам за ленд-лиз. «Российские власти, – заявил он, – по-видимому, хотят скрыть факт, что они получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ, что Красная Армия сражается в этой войне одна». Полагают, что посла подвигло на подобное выступление то, что в приказе Верховного главнокомандующего И.В. Сталина по случаю годовщины создания Красной Армии не нашлось места упоминанию о помощи СССР со стороны англосаксов. Советский лидер констатировал, что «ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны». И далее опять упоминание о собственных усилиях: «Советский Союз все более и более развертыва-

ет свои резервы и становится сильнее». Такая постановка вопроса была не удивительна. Москва считала себя обманутой в вопросе об открытии второго фронта в 1942 г., а действия англосаксов в Северной Африке никак не могли считаться ему заменой и не шли ни в какое сравнение по масштабам и значимости со Сталинградской битвой, завершившейся буквально за месяц с небольшим до того, как американский посол высказал свою «обиду».

Вскоре после войны была опубликована книга первого заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», которая во многом задавала тон тому, как в последующем советская сторона подходила к оценке ленд-лиза. Автор этого труда отметил, что «военные усилия Соединенный Штатов Америки и Англии... вместе с Советским государством... служили делу освободительной войны», а в большом числе произведенная на американских заводах военная техника «облегчила разгром немецкого империализма». Что же касается военно-экономического сотрудничества трех ведущих держав антигитлеровской коалиции, то в книге указывалось, что в Советском Союзе «в период военной экономики... импорт товаров увеличился почти в пять раз». Причем «увеличение импорта товаров (преимущественно сырья и материалов) произошло за счет поставок союзников СССР... Однако, если сравнить размеры поставок союзниками промышленных товаров в СССР с размерами производства промышленной продукции на социалистических предприятиях СССР за тот же период, то окажется, что удельный вес этих поставок по отношению к отечественному производству в период военной экономики составит всего лишь около 4 %». В другом разделе книги Вознесенский довольно

пространно рассуждал о том, что военная экономика гитлеровской Германии опиралась на эксплуатацию производительных сил почти всей порабощенной Европы. В противовес этому он подчеркнул «технико-экономическую независимость социалистической экономики от капиталистических стран», никак не упомянув при этом о масштабных поставках ленд-лизских товаров в СССР и их роли в обеспечении экономической победы над врагом. Первоначально автор предполагал дать несколько более развернутую характеристику военно-экономической помощи со стороны союзников: «Бесспорно, что вооружение, стратегические материалы и продовольствие, полученные Советским Союзом от союзников, содействовали успешному завершению войны против общего врага – гитлеровской Германии. Однако разгром гитлеровской Германии Советской Армией осуществлен в основном отечественным советским оружием и отечественной военной техникой». Впрочем, эти два предложения в книге не сохранились. Сталин, по просьбе Вознесенского заранее прочитавший его труд, внес свою правку, надо полагать, под воздействием резко охладевших отношений со вчерашними союзниками. Он вычеркнул упоминание о продовольствии, а затем отчеркнул весь текст и написал на полях: «Не-то» (Об этом рассказано в воспоминаниях экономиста и публициста Л.А. Вознесенского, племянника Н.А. Вознесенского (Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004. С. 96-97). Так что в итоге в книге остался единственный вышеприведенный пассаж с прямым указанием на поставки в СССР (но без упоминания термина «ленд-лиз»). С тех пор содержащаяся в этом пассаже и ставшая классической формула – «всего лишь около 4 %» – неизменно упоминалась в Советском Союзе, когда речь заходила о ленд-лизе. Надо, однако, отметить следующее. Очень часто цифрой 4 %

обозначают долю всех поставок в СССР по отношению к его собственному производству. Не уточняется, какое «производство» имеется в виду. Только промышленное? Или еще и сельскохозяйственное (ведь в годы войны американцы поставляли в СССР продовольствие)? Встречаются и другие варианты, например, 4 % «всех расходов» СССР на войну. Между тем Вознесенский упомянул 4 % применительно к поставкам в СССР промышленных товаров, а по сырью и материалам специально отметил пятикратный рост их импорта из союзных стран. Вслед за названными в конце 40-х гг. 4 % в зарубежной, а затем и в отечественной литературе появились в два-три раза более высокие показатели. Сравнивать эти разные цифры сложно, а то и невозможно, т. к. речь порой идет о разных вещах, при том, что зачастую неизвестны данные, на основе которых делались выводы, и использовавшиеся при этом методики подсчета. Остается надеяться, что более 100 сотрудников Госплана, которые готовили статистические данные для книги Вознесенского (как указано в аннотации на ее современное переиздание), не зря ели свой хлеб.

Помимо канонических 4 % в советское время было принято называть следующие данные: из 46 млрд. долл. общих расходов США по ленд-лизу на долю СССР пришлось 9,8 млрд долл. (тогда как Британская империя, например, получила 30,3 млрд. долл.). В современной литературе встречаются другие оценки. Общая стоимость поставок из США в СССР определяется в 11,3 млрд. долл. Кроме того, от Великобритании по ленд-лизинговой схеме было получено товаров на 1,7 млрд долл., а из Канады – на 200 млн долл. Итого общая сумма всех поставок в СССР по ленд-лизу составила 13,2 млрд долл. Удельный вес ленд-лиза в общем объеме промышленного производства в Советском Союзе составил не

менее 7 % (с учетом инфляции в СССР и США в 1942 г.). При этом надо учитывать качество западной техники и наличие узких мест в советской экономике. Вообще разноречивой в цифрах, который может смутить читателя и породить сомнения в правильности подсчетов, совсем не обязательно исходит их чьего-то желания преувеличить или преуменьшить значение ленд-лиза и, соответственно, раздуть некий миф о нем. Надо четко определить, что считать (заказанное, произведенное, принятое, отгруженное, полученное), за какой период (включать ли, например, поставки до распространения на СССР режима ленд-лиза), из каких источников (только из США или еще из Великобритании и Канады). И не забыть по англосаксонскую систему мер и весов (длинные, короткие тонны и т. п.).

Присущее советской эпохе стремление не подчеркивать, а скорее принижать значение ленд-лиза не означало, что о военно-экономической помощи со стороны западных держав в СССР вообще ничего не знали. Не только потому, что в послевоенные десятилетия оставались миллионы живых свидетелей этой помощи. О ленд-лизе писалось и в многотомных трудах по истории второй мировой войны, и в ряде монографических и других изданий. Тем не менее в советское время имели место (и до сих пор встречаются) искаженные представления об этой проблеме, которые можно назвать мифами. Рассмотрим некоторые из них.

Вопрос кто, кому и сколько должен и сколько в итоге заплатил очень политизирован и вызывает весьма эмоциональную реакцию. Оставим в данном случае в стороне сюжет о послевоенных расчетах. Подчеркнем, что во время войны за ленд-лиз никому ничего платить не надо было. И после войны уничтоженные, утраченные и использованные в ходе боевых действий материалы оплате не подлежали. Оставшееся иму-

щество могло быть возвращено американцам по их требованию, причем пригодное для гражданских целей предполагалось полностью или частично оплатить на основе выданных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов. Некоторая оговорка может быть сделана только насчет так называемого «обратного ленд-лиза», то есть предоставления США нужных им товаров и услуг от стран-получателей помощи по ленд-лизу. Но в случае с СССР этот «обратный ленд-лиз» (поставки марганцевой и хромовой руды и некоторых других традиционных предметов советского экспорта, обслуживание американских судов в советских портах и т. п.) выражался относительно небольшими величинами, в отличие, например, от Великобритании. СССР оплачивал наличными или золотом поставки из западных стран, заказанные до введения режима ленд-лиза или помимо него. Разговоры о «советском золоте», видимо, подпитываются историей с британским крейсером «Эдинбург». Этот корабль в составе конвоя QP11 вышел из Мурманска, имея на борту около 5,5 тонн золота. Полагают, что частично оно предназначалось для оплаты советских закупок помимо программы ленд-лиза, частично – это был как раз «обратный ленд-лиз»: сырье для золочения контактов различного телефонного, радио и навигационного оборудования, производимого по советским заказам. Крейсер был атакован немцами и 2 мая 1942 г. затонул в Баренцевом море. В 80-е гг. в два приема почти все золото с «Эдинбурга», было поднято и поделено между СССР, Великобританией и английской фирмой, осуществлявшей подводные работы.

Еще один расхожий миф о ленд-лизе – главный, если не единственный маршрут поставок в СССР – северный, через арктические моря. Этот путь через северные моря в Архангельск и Мурманск благодаря художественной литературе,

кинематографу, а также воспоминаниям участников конвоев, является, безусловно, наиболее известным широкой общественности, но отнюдь не главным по объему перевезенных грузов. Основные маршруты поставок в СССР грузов по ленд-лизу Тихоокеанский, Трансиранский, Арктические конвои, Черное море, Советская Арктика.

Арктические конвои еще называются «северными», «полярными», «мурманскими» или «союзными» конвоями. Этот путь был самым коротким, самым быстрым, но и самым опасным. Он проходил в сложных для плавания акваториях, но главное – приходилось обороняться от постоянно атакующего противника. Формировались конвои поначалу в Шотландии или в Исландии. Ответственность за охрану и проводку конвоев несло британское адмиралтейство. Караваны торговых судов в сопровождении эскорта из боевых кораблей обычно летом шли между кромкой льда и островом Медвежий, зимой – южнее этого острова. Затем конвои вступали в операционную зону советского Северного флота, который, несмотря на свои весьма скромные возможности, подключался к охранению грузовых судов. Через 10-14 суток конвои приходили в Мурманск, Архангельск или Молотовск (совр. Северодвинск). Эти северные (равно как и дальневосточные) порты пришлось срочно реконструировать для переработки огромного вала грузов. Далее по железной дороге ленд-лизовские материалы доставлялись на фронт и в тыловые районы СССР, а разгрузившиеся транспортные суда опять собирались в конвои для обратного пути. Только в 1941 г. арктический маршрут оказался на первых позициях, обеспечив примерно 40 % всех поставок. С 1942 г. основной поток грузов пошел через Тихий океан и Персидский залив. Первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа 1941 г.

До конца года пришли еще шесть конвоев, и все без потерь, поскольку немцы – вопреки распространенным представлениям – поначалу не проявляли в Арктике особой активности. Но в 1942 г. гитлеровцы развернули настоящую охоту за союзными караванами, потопив 69 транспортов из 85, которых им удалось уничтожить в этом районе за всю войну. Известна печальная история конвоя PQ-17. По труднообъяснимой причине англичане отозвали свой эскорт, и в итоге из 36 судов было потоплено 23. Большие потери спровоцировали англичан на прекращение отправки конвоев до наступления полярной ночи. С марта по ноябрь 1943 г. конвои снова не ходили. В обоих случаях это вызывало серьезную напряженность в межсоюзнических отношениях, поскольку северным путем быстрее всего можно было доставлять оружие в СССР. И случались эти перебои как раз в периоды особого напряжения на советско-германском фронте. Никакие объяснения британцев в глазах советского руководства не выглядели убедительными. Всего в 1941 – 1945 гг. на север СССР пришли 811 судов в составе 40 конвоев. Количество потопленных судов – 98. Союзниками потеряно 16 боевых кораблей. Погибло свыше 3 тыс. моряков.

Самым большим по объему перевезенных грузов (почти половина) оказался тихоокеанский маршрут, о котором, однако, известно было до недавнего времени не так уж и много. Геостратегическое положение СССР на Тихом океане тогда было крайне невыгодным. Япония контролировала все проливы, ведущие к портам советского Приморья. Туда приходилось идти мелководными, забитыми льдом узкими проливами в обход минных полей. После начала полномасштабной войны на Тихом океане в декабре 1941 г. ситуация с перевозками грузов в СССР намного осложнилась. Теперь здесь

могли ходить только суда под советским флагом с советскими экипажами. За 18-20 суток суда с западного побережья США по одному без какой-либо охраны добирались до дальневосточных портов СССР. Нехватка у советской стороны собственного тоннажа в значительной мере была компенсирована за счет поставок из США по ленд-лизу 38 судов типа «Либерти» – типовых транспортных судов, строившихся поточным методом. Доставленные по морю грузы – в основном машины и оборудование, продовольствие, нефтепродукты – далее по Транссибирской магистрали везли в Европейскую часть СССР. Зачастую при этом использовался подвижной состав, полученный по ленд-лизу из США. Советские суда на Тихом океане много раз подвергались досмотру и задержанию со стороны японцев. Такая участь постигла 178 советских судов, причем некоторые из них удерживались месяцами. 8 судов были потоплены японцами. Несколько транспортов были уничтожены неопознанными подводными лодками, а около десятка погибли при невыясненных обстоятельствах.

Еще один маршрут назывался Трансиранский, или «южный», или «Персидский коридор». Через Иран и Каспий был организован безопасный маршрут для поставок в Россию. Для этого можно было использовать Трансиранскую железную дорогу, которая имела выход к Персидскому заливу и к Каспийскому морю. Эту тему англичане и русские стали обсуждать буквально с первого дня Великой Отечественной войны. К этому добавлялась необходимость предотвратить сползание Ирана в лагерь держав «оси», для чего требовалось уничтожить германскую «пятую колонну» в этой стране. Два столь важных вопроса создали прочную основу для совместных действий СССР и Великобритании, хотя при этом каждая из сторон не забывала и о других своих интересах в регионе.

Отказ Тегерана нейтрализовать прогерманские силы в стране и нежелание разрешить транзит через свою территорию предназначенного для СССР оружия заставил Москву и Лондон действовать. 25 августа 1941 г. в Иран были введены советские и британские войска. Заметим, что Советский Союз юридически имел на это полное право в соответствии с советско-иранским договором 1921 г. Слабая транспортная инфраструктура Ирана не позволила сразу организовать масштабные поставки в Советский Союз. За ее реорганизацию и расширение поначалу взялись англичане. Но все же Лондону явно не хватало ресурсов. Ответственность за грузовой транзит в Советский Союз в 1942 г. взяли на себя Соединенные Штаты. Численность американских военных и специалистов в Иране в конце войны достигла 30 тыс. человек. Под руководством западных инженеров были реконструированы железные дороги и порты, построены автодороги. Американцы возвели в Иране несколько авто- и авиа-сборочных предприятий. Собранные на этих заводах более 184 тыс. автомашин своим ходом с полным кузовом грузов отправлялись на север, а самолеты с советскими экипажами перелетали на родную территорию. Маршруты движения надо было охранять не только от бандитов и воров, но и от мятежных племен, которые могли быть подкуплены немецкими агентами. Через Персидский залив и Иран в Советский Союз проходило одно из ответвлений трансафриканского воздушного маршрута. Бомбардировщики, взлетевшие с территории США, или истребители, собранные в Западной Африке, через Черный континент и Ближний Восток добирались до Ирана, а оттуда им было уже «рукой подать» до советской границы. Работа на сборочных предприятиях, расположенных на юге Ирана или в Ираке, требовала максимальной отдачи от местных ра-

бочих, от американских и английских инженеров, от советских летчиков, шоферов и сотрудников приемных комиссий. Работать зачастую приходилось с 3-4 до 11 часов утра. Позднее металл раскалялся настолько, что можно было получить ожоги. Пройдя через территорию Ирана, грузы поступали в советское Закавказье или в Среднюю Азию. Значительная часть доставлялась на судах по Каспийскому морю, а когда фронт откатился на запад, то и дальше по Волге. Результат совместных усилий не замедлил сказаться. В августе 1941 г. через «персидский коридор» можно было перебрасывать всего 10 тыс. тонн грузов в месяц, к октябрю 1942 г. – 30 тыс. тонн грузов, а к маю 1943 года – до 100 тыс. тонн в месяц. Минусом Трансиранского маршрута было то, что суда с восточного побережья США вокруг Африки шли до портов Персидского залива около 75 дней, а потом еще необходимо было время, чтобы доставить грузы на советскую территорию. Грузы, отправленные через Персидский залив с 22 июня 1941 года по 20 сентября 1945 года.

Между СССР и США была налажена воздушная трасса, получившая название Аляска–Сибирь (АлСиб). С советской стороны решение о ее организации было принято 9 октября 1941 г., а движение открылось 6 октября 1942 г. Всего за годы войны из США до Красноярска добралось 7908 самолетов. В Фэрбэнксе (Аляска) советские летчики принимали у американцев самолеты и перелетали через Берингов пролив на аэродром в Уэлькале, где им на смену приходили пилоты следующего перегонного полка. И таким «эстафетным» способом через Чукотку, Колыму и Якутию самолеты долетали до Красноярска (всего около 6,5 тыс. км). Обрато на каждом этапе летчиков доставляли на транспортных самолетах. Отбирали для перегона самолетов самых опытных летчиков.

Ведь полеты проходили в крайне сложных природно-климатических условиях: в дождь, снег, туман, в дыму от лесных пожаров, в жесточайшие морозы, при сильном ветре и низкой облачности. Самолеты обледеневали, магнитные компасы работали плохо, точных карт не было. А под крылом самолета – бескрайние тундра, тайга и горы, и надо во что бы то ни стало дотянуть до следующего аэродрома. Иначе почти неизбежная смерть. Не удивительно, что на советском участке воздушной трассы был потерян 81 самолет (по другим данным – 44), погибло 115 советских летчиков. На американском участке погибло 68 самолетов. Из Тихого океана американские грузы Северным морским путем могли попасть в Архангельск и Мурманск, а по дороге часть из них уходила для нужд Сибири и того же Ал-Сиба. Но масштабы перевозок на этом маршруте через Советскую Арктику по понятным причинам были невелики.

В самом конце войны, когда немецко-фашистские оккупанты были изгнаны из Крыма и с Украины, открылся путь через Черное море. В начале 1945 г. в Одессу прибыли первые пароходы с ленд-лизовскими грузами, которые ранее скорее всего пошли бы через Персидский залив. Но война вскоре закончилась.

Поставки, о которых идет речь, представляется необходимым анализировать прежде всего по этим этапам, т. е. в ракурсе выполнения последовательно подписанных протоколов. Рассуждения же о роли поступления ресурсов в Советский Союз в период Великой Отечественной войны в целом – без учета специфики трагического 1941-го, тяжелейшего 1942-го, переломного 1943-го и наступательных 1944–1945 гг. – адекватной картины дать не могут. Летние и осенние месяцы 1941 г. стали для СССР самыми тяжелыми за весь период войны. Германия оккупировала значительные территории

нашего государства, где остались миллионы советских людей, захватила основные объекты промышленности Европейской части страны. Началось перебазирование предприятий из прифронтовой зоны на Урал и в Сибирь. Нехватка стрелкового оружия и тяжелой техники, особенно танков и транспортных средств, поставила Красную Армию и руководство страны в тяжелейшее положение. Именно в это время стране, как глоток воздуха, была нужна помощь извне. Что же мы имели фактически? Первая советская заявка от 30 июня 1941 г., рассмотренная на заседании американского кабинета 18 июля, была удовлетворена на 0,5 %, причем исключался экспорт оружия; в июле 1941 г. экспорт в СССР из США составил всего 6,5 млн долл., а к 1 октября он достиг 30 млн долл. Далее до конца 1941 г. – в критический для советского государства период – страна получила по ленд-лизу из США материалов на сумму 545 тыс. долл. при общей стоимости американских поставок странам антигитлеровской коалиции 741 млн долл., т. е. Советский Союз обрел менее 0,1 % американской помощи. Всего в 1941 г. США и Англия передали СССР 750 самолетов (в том числе 5 бомбардировщиков), 501 танк и 8 зенитных орудий. К тому же первые поставки по ленд-лизу зимой 1941–1942 г. достигли нашей территории очень поздно, и Красная Армия, имея весьма низкую оснащенность вооружением, оказывала героическое сопротивление германскому агрессору, не получая какой-либо заметной помощи со стороны Запада.

Аналогичное положение с поставками по ленд-лизу сохранилось и в 1942 г. Этот год, как известно, также оказался для нас тяжелейшим. Перебазированная на Восток военная промышленность только-только становилась на ноги. Гитлер рвался на Северный Кавказ, к нефтяным месторождениям, и сложившееся на юге страны положение было известно все-

му миру. Тем не менее помощь союзников увеличена не была. Так, за 1941–1942 гг. из США поступило лишь 7 % грузов, а в течение пяти месяцев 1942 г. поставки вообще не производились. Наиболее объективные историки и исследователи делают вывод, что в 1941–1942 гг. Соединенные Штаты и их партнеры, опасаясь лишиться ключевого союзника в войне, оказывали «постоянную» помощь СССР, чтобы не допустить поражения Советского Союза или заключения им сепаратного мира с Германией. До Сталинградской битвы США и Англия руководствовались алгоритмом «помощь обещать, но без особой нужды не форсировать», т. е. проводили пассивно-выжидательную политику, зависящую от исхода сражений на советско-германском фронте. В 1941–1942 гг. материальная помощь Советскому Союзу не соответствовала ни американско-британским возможностям, ни решающему значению этого фронта. В 1942 г. СССР получил 27,6 %, а Англия – 43 % всех поставок США по ленд-лизу. В чем дело? Объяснение очевидно, если вспомнить заявление будущего хозяина Белого дома Г. Трумэна, сделанное 24 июня 1941 г.: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, а если верх будет одерживать Россия, мы должны помогать Германии, и пусть они, таким образом, убивают друг друга как можно больше».

Положение с поставками по ленд-лизу изменилось в 1944–1945 гг., после коренного перелома в ходе войны. Причем здесь нельзя не коснуться сюжета, похоже, упускаемого многими исследователями темы ленд-лиза. Речь идет о связи динамики соответствующих поставок с моментом открытия второго реального военного фронта в Европе. Надо полагать, крупные политики стран Запада хотели, чтобы Советский Союз взял на себя львиную долю человеческих по-

ть, связанных с разгромом фашистской Германии. Согласно логике американского руководства, лучше было отдать крупные материальные ресурсы, «заодно» загрузив бурно развивавшуюся военную промышленность США и повысив (как бы это странно ни звучало в военное время) жизненный уровень населения, чем терять своих граждан в битвах с Германией. В таком духе прямо высказывался Трумэн: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи». В общем, увеличенный ленд-лиз правомерно расценивать как своего рода плату стран коалиции за отсрочку от масштабного участия в боях. Эту свою позицию не скрывали американские президенты Ф. Рузвельт и Г. Трумэн, прямо заявлявшие, что ленд-лиз работает на Америку на русском фронте и что он выгоден США, т. к. позволяет спасти жизни миллионов американцев.

Интересна в данном контексте оценка значения ленд-лиза в период Второй мировой войны, данная рядом английских ученых. Считая, что победа в этой войне зависела главным образом от ресурсов СССР, они показали, что в разные годы роль союзнических поставок менялась. Особенно весомой она была в 1944 г., когда в финансовом отношении доля ленд-лиза составляла 13 % общегосударственных расходов и 25 % расходов на войну, а в валовом национальном продукте равнялась 10–12 %. Многие поставки в соотношении с объемом собственного производства в СССР были невелики и определяющего характера не носили. Но они помогли преодолеть некоторые трудности; неоценимую помощь союзники оказали главным образом экспортом своего автомобильного

транспорта. Представляется весьма плодотворной идея британских аналитиков проследить роль ленд-лиза в разные годы войны, точнее, в каждый год войны, а в идеале – еще и в связи с положением на конкретных фронтах. Действительно, только такая методология и позволит, уходя от излишней идеологизации, приблизиться к исторической правде.

Выше уже затрагивался вопрос об уровне жизни населения страны – главного поставщика материальной помощи. В статье «Соединенные Штаты: Левиафан» профессора истории Канзасского университета Т. Уилсона читаем: «Америка выполнила свои обязательства, связанные с военным производством. Американский народ добился невиданного процветания, и созданное богатство разделила более значительная доля населения. Американская экономика не имела себе равных в мире, разоренном войной. Во время войны значительно увеличилось потребление на душу гражданского населения молочных продуктов (за исключением сливочного масла), мяса, птицы, овощей, бобовых и зерновых культур. Подсчитав все, о жизненном уровне американцев в годы войны можно сказать следующее: потребительские расходы на продовольствие подскочили с 14 млрд долл. до 24 млрд долл., превращая в насмешку различные кампании по сбережению. Распространение переедания было одним из признаков заметного повышения жизненного уровня. Средние еженедельные заработки, с учетом многих часов сверхурочной работы, возросли на 70 %». И далее: «То, что Америка пережила во время войны, в корне отличается от испытаний, выпавших на долю ее главных союзников. Только американцы могли назвать Вторую мировую войну «хорошей войной», поскольку она помогла значительно повысить жизненный уровень и потребовала от подавляющего большинства населения слишком мало жертв».

Сравнительные данные относительно количества произведенного в СССР оружия и соответствующих поставок по ленд-лизу (1941–1945 гг.) показывают, что поставки самолетов составили 13,6 %, танки и САУ 10,3 %, орудия и минометы 0,8 %, пистолеты и пулеметы 0,2 %, снаряды и мины 0,2 %.

Приведенные данные, кроме того, не отражают качественный аспект проблемы. Речь идет о том, что качество некоторых видов поставлявшихся вооружений и боевой техники являлось невысоким, значительно уступавшим лучшим советским образцам или вообще не отвечавшим требованиям фронта. Например, англичане «гнали» отжившие свой век самолеты «харрикейн», уклоняясь от поставок новейших истребителей «спитфайр». Вопрос о низком качестве военных материалов из США и Англии был поставлен И.В. Сталиным в состоявшейся в сентябре 1942 г. беседе с лидером республиканской партии США У. Уилки. В присутствии послов США и Англии Верховный главнокомандующий спросил: «Почему английское и американское правительства снабжают Советский Союз некачественными материалами?» И пояснил, что речь идет прежде всего о поставках американских самолетов «П-40» вместо куда более современных «аэрокобр» и что англичане поставляют никуда не годные самолеты «харрикейн», которые значительно хуже германских; был случай, когда американцы собрались передать СССР 150 «аэрокобр», но англичане вмешались и оставили их себе. «Советские люди, – добавил Сталин, – отлично знают, что и американцы, и англичане имеют самолеты, равные или даже лучшие по качеству, чем немецкие машины, но по непонятным причинам некоторые из этих самолетов не поставляются в Советский Союз». Американский посол не обнаружил осведомленности на сей счет, тогда как английский посол, признав, что он в курсе дела

с «аэрокобрами», заявил: эти 150 машин в руках англичан принесут «гораздо больше пользы общему делу союзников, чем если бы они попали в Советский Союз...».

Проблема низкого качества изделий, поставлявшихся союзниками, конечно, не являлась всеобщей. Она отсутствовала, в частности, в отношении таких крайне важных для страны позиций ленд-лиза, как материалы (и комплектующие) для собственно военной промышленности, а также автомобильная техника. Применительно к первой позиции имеются данные о поставках в СССР (в тыс. тонн): взрывчатых веществ – 345,735; динамита – 31,933; пороха – 127,000; тротила – 123,150; толуола – 107,683; детонаторов – 903,000; химикатов – 842,000. По этому поводу маршал Г.К. Жуков высказался в одном из послевоенных интервью следующим образом: «Американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны...».

Что касается автомобилей, то в 1941–1945 гг. в СССР поступило около 50 моделей от американских, канадских и английских фирм. Самым распространенным, пожалуй, был грузовик «студебеккер» (передано более 100 тыс. штук); всего страна получила по ленд-лизу 312,6 тыс. автомобилей. О том, что поставленный Советскому Союзу автотранспорт сыграл важную роль в годы Великой Отечественной войны, свидетельствует превышение его численностью выпуска автомашин нашей промышленностью (219 тыс.). В 1944 г. «студебеккеры» и «джипы» составляли 70 % парка Красной Армии и являлись основой ее мобильности. Нельзя, в частности, не констатировать: те же «студебеккеры» стали основными шасси для знаменитых катюш (20 тыс. ленд-лизовских автомобилей против 600 грузовиков «ЗИС-6») и в значительной мере заме-

нили конную тягу и тракторы в буксировке артсистем. Хорошие эксплуатационные качества показали также грузовой автомобиль «додж» и легковая машина «виллис» (послужившая надежным средством разведки, связи и управления войсками).

Кроме вышеотмеченных, в номенклатуре ленд-лизовских поставок можно выделить ряд позиций, по которым объем союзнической помощи был близок к объему отечественного производства или превышал его, в том числе кратно – медь, алюминий, олово, кобальт, сахар, мясные консервы, животные жиры.

То, что с конца 1942 г. по ленд-лизу начало поступать американское продовольствие – прежде всего консервированное мясо (свиная тушенка) – в известной мере позволило уменьшить наши внутренние поставки для нужд армии. Всего в 1941–1944 гг. из США и Канады было получено 4,3 млн тонн продовольствия, что составляло примерно 25 % общего тоннажа поставок, или чуть больше 10 % общего расхода для нужд войск за всю войну. Среднегодовой импорт зерна, крупы и муки (в перерасчете на зерно) составлял 2,8 % среднегодовых заготовок зерна в СССР. Поскольку наибольшую трудность составляло обеспечение армии мясопродуктами и животными жирами, их ограниченные ресурсы в значительной мере дополнялись за счет импорта. Так, в 1943 г. было получено 208,4 тыс. тонн импортных мясопродуктов (в переводе на мясо), что составило 33 % общего поступления мясопродуктов на снабжение армии (в основном импортировались мясные консервы, а кроме них, – сало-шпик, яичный порошок и копчености). Вот что сказал А.И. Микоян, во время войны отвечавший за работу группы союзных наркоматов (торговли, заготовок, пищевой, рыбной и мясомолочной промышленности, морского транспорта и речного флота) и с 1942 г. руково-

дивший приемом союзнических поставок по ленд-лизу: «Когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу».

Ввиду больших потерь промышленного потенциала в начале войны и вследствие перевода многих предприятий с гражданской на военную продукцию возникли серьезнейшие проблемы с оснащением техникой и материалами системы железнодорожного транспорта. По некоторым данным, СССР получил по ленд-лизу 622,1 тыс. тонн железнодорожных рельсов (56,5 % собственного производства), 1900 локомотивов (в 2,4 раза больше, чем выпущено за годы войны в СССР) и 11 075 вагонов (в 10,2 раза больше).

Важнейший сюжет анализа роли, которую сыграл в Великой Отечественной войне ленд-лиз, естественно, касается его обобщающей экономической оценки. Исследователи ленд-лиза высказали разные точки зрения, но многие сошлись на том, что объем помощи составил не четыре, а десять-одиннадцать процентов. Дело здесь, по-видимому, все в том же различии временных подходов: в данном случае Вознесенский исходил из совокупного объема производства в 1941–1945 гг., а его зарубежные оппоненты делали упор на годах второй половины войны – 1943-м и особенно на 1944-м. К рассматриваемому вопросу имеет отношение также следующее. Согласно договору объем поставок (соответственно размер их оплаты) определялся по факту не выгрузки (как принято в практике морских перевозок), а отгрузки: американцев не интересовало, попадут ли их самолеты на фронты Великой Отечественной или нет. Советское руководство было вынуждено пойти на такие условия. Кроме того, стоит еще раз

обратить внимание на то, уже упоминавшееся обстоятельство, что объемы ленд-лиза могли и, строго говоря, должны были сопоставляться и с выгодами самого его субъекта. «Поставками в СССР, – отмечал бывший министр торговли США Дж. Джонс, – мы не только возвращаем свои деньги, но и извлекаем большую прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами». Его мнение подтверждает американский историк Дж. Херринг: «Ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы, видимо, представляли выгоды, которые они могут из него извлечь». Не являлись ли эти выгоды сравнимыми с теми 11,3 млрд долл., в которые были оценены ленд-лизские поставки США Советскому Союзу?

В данном контексте, а главное, конечно, с учетом беспрецедентного в мировой истории количества жизней советских людей, отданных за спасение человечества от «коричневой чумы», надлежит подходить к проблеме долгов по ленд-лизу и их погашения. Прежде всего следует еще раз отметить, что еще в ходе войны мы расплачивались за союзнические поставки золотом и стратегически значимым сырьем. Так, на одном только британском крейсере «Эдинбург» (который англичане позволили немцам утопить) находились 5,5 тонны золота, а объемы поставок в США крайне необходимых для военной промышленности марганцевой и хромовой руды составили соответственно 32 тыс. и 300 тыс. тонн. Тем не менее сразу после окончания войны США направили Советскому Союзу (как и другим странам, получавшим помощь по ленд-лизу) предложение вернуть уцелевшую военную технику и погасить долг для получения новых кредитов. Поскольку

вышеупомянутый закон о ленд-лизе предусматривал списание использованного военного оборудования и материалов, американцы настаивали на оплате прежде всего гражданских поставок: железнодорожного транспорта, электростанций, пароходов, грузовиков и прочего оборудования, находившегося у стран-получателей по состоянию на 2 сентября 1945 г. Для согласования итоговой суммы оплаты советской стороной этих поставок (и объемов уцелевшей в ходе войны боевой техники) начались советско-американские переговоры. На переговорах 1948 г. советские представители согласились выплатить лишь незначительную сумму и встретили прогнозируемый отказ американской стороны. Переговоры 1949 г. тоже ни к чему не привели. В 1951 г. американцы дважды снижали сумму платежа, которая стала равняться 800 млн долл., однако советская сторона соглашалась уплатить только 300 млн. Согласно позиции советского правительства, расчет должен был вестись не в соответствии с реальной задолженностью, а на основе прецедента. Этим прецедентом должны были стать пропорции определения долга Великобритании и США, закрепленные еще в марте 1946 г. Соглашение с СССР о порядке погашения долгов по ленд-лизу было заключено лишь в 1972 г., и по нему Советский Союз обязался до 2001 г. заплатить 722 млн долларов, включая проценты. К июлю 1973 г. были осуществлены три платежа на общую сумму 48 млн долл., после чего выплаты прекратились в связи с вводом американской стороной дискриминационных мер в торговле с СССР (речь идет о печально известной поправке Джексона – Вэника). В июне 1990 г. в ходе переговоров президентов двух сверхдержав стороны вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности – 2030 г., и сумма – 674 млн долл. После рас-

пада Советского Союза рассматриваемый долг был переоформлен на Российскую Федерацию, причем по состоянию на 2003 г. она оказалась должна примерно 100 млн американских долларов. Таким образом, из общего объема американских поставок по ленд-лизу в 11,3 млрд долларов СССР, а затем Россией было оплачено 722 млн, или около 7 %. А с учетом инфляционного обесценения доллара эта цифра существенно (в разы) меньше.

Тот факт, что ленд-лиз – уникальный прецедент объединения усилий стран с различным социально-экономическим устройством в борьбе с глобальным злом, общепризнан. Однако до сих пор не прекращаются споры по поводу конкретной роли ленд-лиза в победе СССР, причем некоторые зарубежные и российские авторы используют этот сюжет в самых неблагоприятных целях, пытаясь принизить подвиг советского народа, обесценить его небывалые в человеческой истории жертвы. Так, например, Соколов Б.В. утверждает, что «без содействия Англии и США СССР не мог бы вести войну против Германии, то утверждения советской пропаганды об экономической победе социализма в Великой Отечественной войне и о способности СССР самостоятельно победить Германию – не более чем миф».

Однако большинство западных историков стремится объективно осветить проблемы ленд-лиза. С конца 1970-х в США и Великобритании продолжали публикацию новых архивных документов, в том числе были опубликованы три тома переписки Рузвельта и Черчилля под редакцией и с комментариями профессора Ратгерского университета У. Ф. Кимболла. Большинство американских историков, изучающих ленд-лиз пришли к выводам, которые близки к выводам российских исследователей. Авторы многих работ, вы-

шедших в США, не принижают вклад военной экономики СССР в победу и не идеализируют мотивы помощи США Советскому Союзу и другим странам. Заслуживают упоминания прежде всего монография Д. Херринга. Американский историк оспорил известное заявление Черчилля в палате общин (24 августа 1945 г.) о ленд-лизе как «наиболее бескорыстным» в истории человечества акте. «Это был акт рассчитанного своекорыстия, – утверждает Херринг, – и американцы всегда знали о преимуществах, которые могут быть получены». Правительство США, оказывая помощь СССР, руководствовалось стратегическими соображениями: поддерживать сопротивление русских, а затем – их контрнаступление в Европе. Кроме того, ленд-лиз преследовал цель удерживать Сталина от заключения сепаратного мира с Гитлером, а также компенсировать – вплоть до июня 1944 г. – отсутствие второго фронта. Правомерность решения президента обосновывается в книге напоминанием об опасных последствиях, для Европы и Америки в случае победы Гитлера в 1941–1942 гг. Заслугой этого историка является освещение ленд-лиза в тесной связи с развитием политики, военной стратегии и внутривнутриполитической борьбы в США; он предлагает взвешенные и обоснованные выводы о решениях Рузвельта и Г. Трумэна. Подчеркивание заинтересованности правительств США и Британии в продлении сопротивления СССР.

Другой американский историк, Т. Уилсон, подтверждает, что поощрение борьбы СССР с нацистской Германией, представлявшей главную угрозу для США, соответствовало американским национальным интересам. В отличие от Великобритании, способность которой выстоять зависела от США, Советский Союз, по мнению Уилсона, располагал достаточной мощью для самообороны; американская помощь России

«была реализована, таким образом, на основе не зависимости, а равенства». В своих действиях Рузвельт и Гопкинс, как напомнил ответственный сотрудник американской Администрации ленд-лиза Дж. Хазард, исходили из интересов США. «...Теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу Красной Армии в этой войне».

Американский автор Дж. Джессап в очерке о Советских Вооруженных Силах отметил, что финансовые и материальные затраты СССР на войну оказались меньше тех, которые потребовались бы в случае, если бы западные страны, особенно США, не оказывали ему помощь. С таким замечанием трудно не согласиться. Однако следующая за этим фраза воспроизводит старый, опровергнутый исследователями тезис: «...Поставки, предоставленные на различных стадиях осуществления программы ленд-лиза, стали решающими в достижении победы над Германией». В современной, зарубежной литературе тезис о «решающей роли» ленд-лиза для СССР – все же довольно редкое явление.

Многообразие целей ленд-лиза для СССР отмечает Вэн Тул – автор еще одного монографического исследования этой темы. «Ленд-лиз, – пишет он, – рассматривался американскими чиновниками как политическая мера, направленная на удержание Советского Союза в войне, и одновременно как военная и экономическая мера. США и Британия помогали СССР исходя из собственных интересов». Вэн Тул воссоздает подробную историю осуществления четырех протоколов по поставкам СССР, подвергая критике советских историков за преуменьшение военно-экономических усилий США, а советские бюрократические организации за их практику

сверхсекретности и волокиты, затруднявшую развитие внешнеэкономических связей. «Ленд-лиз, – утверждает он, – способствовал увеличению советского вклада в победу, так же как и масштабов присутствия СССР в Восточной и Центральной Европе». Этот тезис еще в годы холодной войны широко бытовал на Западе.

Мотивы, которыми руководствовалось британское правительство при оказании помощи СССР, раскрывает М. Гилберт в богато документированной биографии Черчилля. Поддержка СССР во имя сохранения советско-германского фронта и предотвращения высадки вермахта на Британские острова стала с лета 1941 г. одной из главных целей военной политики Лондона. Ленд-лиз, заметили также английские авторы Д. Барбер и М. Гарисон, «никогда не являлся актом благотворительности... В то время как Германия контролировала континент Европы от Ла-Манша до Центральной России, русские оставались единственными, кто вел прямую борьбу с немецкими сухопутными силами, и в собственные интересы западных союзников входило оказание им помощи».

Формы, размер и специфика вклада Великобритании в оказание поддержки СССР раскрыты в монографии Ж. Бомонт. Автором приведены подробные статистические данные о британских поставках СССР по четырем протоколам, а также об общем объеме помощи и ее отдельных видах (как военных, так и гражданских), направленных в СССР за период с 1 октября 1941 г. по 31 марта 1946 г. Рассматривая различные аспекты помощи Советскому Союзу в контексте политики и военной стратегии Великобритании и состояния отношений с советским союзником, Бомонт показывает ее преимущественную роль в выполнении Первого протокола (1 октября 1941 г. – 30 июня 1942 г.). «Московский, или Пер-

вый, протокол во многих отношениях был протоколом Британии. Голос ее делегации выделялся при подписании документа в Москве, ее фронт эскортировал конвои в северную Россию, ее армия контролировала доставку грузов через Персидский залив». С начала действия Второго протокола, как подчеркивается в книге, положение изменилось: помощь США, которые оправились от поражения в Перл-Харборе и резко увеличили свои производственные возможности, превзошла по своему объему помощь Британии, причем Америка снабжала Россию целым рядом товаров, не включавшихся в британские поставки. Бомонт, как и другие авторы, подчеркивает чрезвычайную заинтересованность британского военного руководства в удержании СССР в состоянии войны с Германией. «В первой половине 1942 г., – пишет она, – когда Англия точно выполняла свои и даже часть американских обязательств по Первому протоколу, весь северный фланг Британского театра военных действий на Ближнем и Среднем Востоке зависел от того, сдержат ли русские летнее наступление Германии. В апреле этого года специалисты военного планирования доказывали, что Британия «вынуждена делать ставку на успех сопротивления России и должна предпринимать все возможное для оказания ей поддержки». Бомонт полагает, что отправка вооружения в СССР в 1941–1942 гг. не подорвала оборону Британии на Ближнем и Среднем Востоке, поскольку решающая роль в войне принадлежала здесь не авиации, а бронетанковой технике, и она лишь в небольшом количестве передавалась СССР. Серия британских поражений в 1942 г. явилась, по мнению автора, результатом многих факторов, причем помощь Восточному фронту не главный из них. В книге затрагивается и такая не теряющая остроты тема, как отношение СССР к получаемой от Запада

помощи. С конца 1943 г., как следует из приводимых в книге фактов, Советское правительство стало выступать с публичным признанием большой значимости американских и британских военных усилий и экономической помощи; самые громкие похвалы раздавались в мае–июне 1944 г., т. е. во время подготовки и начала операции «Оверлорд». «Конечно, – считает в этой связи автор, – действия русских очищают их от огульных послевоенных обвинений в том, что они никогда не выражали благодарности за союзнические поставки».

Другая отличительная особенность современной западной историографии – подтверждение относительно скромного места ленд-лизских поставок в общих экономических усилиях СССР. Авторы работ о Великой Отечественной войне, изданных на Западе с начала 1980-х гг., в большинстве своем не отрицают, что поставки союзников были не велики по объему в сравнении с итогами промышленного производства СССР за 1941–1945 гг. Как правило, они довольно высоко оценивают эти итоги, также как и степень военно-экономической мобилизации Советского государства, хотя и не закрывают глаза на узкие места и теневые стороны экономики СССР. В прошлом западные авторы не обращались к серьезному анализу относительной степени экономической мобилизации СССР; всякое сравнение с Западом считалось едва ли оправданным. Действительно, различие в экономических системах СССР и западных союзников чрезвычайно затрудняет такое сравнение. Тем не менее попытки сопоставления экономических усилий были недавно предприняты рядом британских экономистов. М. Гаррисон допускает, что СССР мобилизовал на войну не меньшую, чем Британия и Канада, и даже бóльшую в сравнении с США долю национального дохода. Экономический вклад СССР в сочетании

с его военным вкладом он характеризует как уникальную черту советского опыта военных лет. Гаррисон обосновал также следующее соотношение экономического вклада трех союзных государств антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг.: США обеспечили две трети от общего объема вооружения, произведенного этими государствами; СССР – одну пятую, Великобритания – одну седьмую часть. Однако, оговаривает он, производство вооружения в СССР не должно измеряться только количественными показателями, необходимо принимать в расчет его роль в уничтожении боевой мощи Германии на суше.

Сообщая цифры военного производства СССР и союзнических поставок, многие авторы отмечают высокие качества и эффективность советского вооружения. А. Ноув, например, считает бесспорным тот факт, что основная масса лучших самолетов, танков и пушек – советского производства. Огромное большинство русских тяжелых танков, пишет Б. Смит, имело такое высокое качество, что западные поставки бронесилы всегда представлялись несущественным дополнением. При всем при том, давая общую оценку ленд-лиза, западная историография придерживается того мнения, что для экономики СССР он все же значил больше, нежели можно судить по прошлым советским работам. Д. Херринг не принимает на веру цифру 4 %, которой Н. Вознесенский исчислял удельный вес поставок промышленных товаров в общем производстве СССР. Долю ленд-лиза Херринг определяет 10–11 % (эта же цифра фигурировала в расчетах сотрудника Управления военного производства США Р. Голдсмита, согласно которым союзническая помощь СССР не превысила 1/10 доли советского производства вооружения). Дело в том, что советская сторона при исчислении доли (4 %) исходила из объема фактически полученных Советским Союзом поставок.

Американские же данные основываются на количестве отправленных товаров, без учета их потерь по пути следования. Кимболл при объяснении этого расхождения в качестве приемлемой называет цифру в 7 %.

Формула «слишком мало и слишком поздно» безусловно верна, если иметь в виду количественный объем американских и британских поставок в СССР в 1941–1942 годах. (Министерство информации Великобритании в обширном сообщении, посвященном итогам первого года войны в России, отметило, что британская помощь вооружением не значительна по сравнению с тем, что делают сами русские для дела Объединенных Наций). Но у нас эта формула часто распространялась на весь период войны, без признания роли тех или иных видов поставок, в том числе в 1943–1945 годах. Как бы ставился в упрек факт поступления основной помощи только после достижения Советским Союзом коренного перелома в ходе войны. Но даже учитывая сравнительно небольшой объем поставок, полученных вначале от Запада, и их более чем скромный вклад в победу под Москвой и Сталинградом, мы не можем не сказать о большом моральном значении помощи для советского народа в тяжелейшие дни 1941–1942 годы. То же самое относится и к помощи, оказанной в 1943–1945 гг.

Если обратиться к рассмотрению отдельных видов поставок, то трудно не согласиться с выводом Гаррисона об их немаловажном материальном значении для советской экономики и вооруженных сил. Речь идет о поставках Красной Армии продовольствия и одежды, автотранспорта («...джипы и студебеккеры стали основой мобильности Красной Армии»), телефонного провода, авиационного горючего. Что касается самолетов и танков, то, напоминает этот автор, амери-

канские поставки, хотя и значительные, составили гораздо меньшую часть собственного военного производства СССР. Из числа направленных ему промышленных товаров особенно ценными явились поставки легированной стали.

Авторы недавних работ о ленд-лизе, так же как в свое время Р. Джонс, критикуют Рузвельта за предоставление СССР «безоговорочной» помощи и за неодинаковую процедуру ее оказания Советскому Союзу и Британии.

Другие же авторы, отводя эту критику в адрес президента, напоминают, что он при предоставлении СССР «особого статуса» исходил из стремления не чинить излишних препятствий к передаче поставок Советскому Союзу, на который легла основная тяжесть борьбы с вермахтом, и к созданию коалиции против Гитлера. Подчеркивается, к тому же, что СССР, в отличие от Британии, никогда не входил в число традиционных конкурентов США в области внешней торговли; после военные же намерения Британии вызывали неослабленные подозрения, вот почему предоставление ей помощи Вашингтон оговаривал выгодными для себя экономическими условиями. В то же время хорошо известна политика Государственного департамента и деловых кругов США, использовавших ленд-лиз в интересах проникновения на Средний Восток и другие традиционные рынки Британии.

Один из важных вопросов, по которому еще с 1940-х гг. ведется дискуссия в западной историографии, касается окончания американской помощи Советскому Союзу. Напомним следующие акции правительства США: во-первых, директиву президента Г. Трумэна от 11 мая 1945 г. и американскую ноту СССР от 12 мая; во-вторых, американскую директиву от 17 августа 1945 года. В первом случае предусматривалось прекращение поставок Советскому Союзу (на основе прото-

колов) для военных действий в Европе и приостановка отправки ему грузов по Четвертому протоколу, кроме тех, которые предназначались для ведения войны против Японии. Приостановленные поставки вскоре возобновились, но сам принцип «безоговорочной» помощи СССР, применявшийся в течение войны с Германией, не был восстановлен. Во втором случае речь идет о распоряжении Трумэна прекратить всякие поставки СССР с момента подписания официального Акта о капитуляции Японии. Исключение было сделано для товаров, уже находившихся в пути на американских судах. (Последний корабль с грузом по ленд-лизу для СССР отбыл из Америки 20 сентября 1945 г.). Нас в данной связи интересуют не столько объем и процедура предоставления помощи СССР в заключительной фазе второй мировой войны, сколько интерпретация американских решений о прекращении ленд-лиза, в частности, принятых в мае 1945 г. Поверенный в делах СССР в США Н. Новиков, передавая в Москву текст американской ноты от 12 мая, указал, что это – «репрессивное мероприятие», прямо связанное с перепиской Сталина и Трумэна по польским делам. (В воспоминаниях Новиков не касается майской ноты, упоминая лишь об августовском решении американского правительства⁴³.) Именно так – как средство оказания давления на русских с целью сделать их более уступчивыми – Сталин квалифицировал отказ от ленд-лиза в переговорах с Гопкинсом в конце мая 1945 года. Г. Алпровиц и другие историки – «лево-ревизионисты» рассматривали действия администрации США в плане ее перехода к жесткому курсу, направленному на снижение или ликвидацию советского влияния в Европе. Отказ от «безоговорочной» помощи СССР и от протокольной системы в самом деле свидетельствовал о кардинальном изменении позиции США,

на чем, особенно с 1944 г., настаивали У. Стэндли и другие сторонники применения ленд-лиза в качестве рычага дипломатического давления на СССР.

Д. Херринг и Л. Мартел документально раскрыли позицию тех американских дипломатов и военных лидеров, которые считали экономическую помощь «козырной картой» и наиболее эффективным орудием Вашингтона для оказания воздействия на европейскую политику в желательном для США направлении и для противодействия советским гегемонистским замыслам в Восточной Европе и на Балканах. В то же время и «новым левым» они адресовали упрек в упрощенной трактовке развития международных событий в дни после капитуляции Германии и в недооценке внутриполитических факторов при анализе политики США. Приостановка поставок 12 мая 1945 г. объяснялась как стремлением изменить поведение советского союзника, так и желанием «умиротворить» Конгресс США. Обращалось внимание на то, что по мере приближения победы влиятельные группы давления и члены обеих палат все настойчивее требовали сократить масштабы помощи союзникам, ограничить ее ассигнованиями лишь на ведение войны против Японии. В апреле 1945 г. Конгресс принял поправку к закону о ленд-лизе, оговорив, что он является исключительно актом военного времени и окончится с завершением военных действий; фонды ленд-лиза не могут предназначаться для целей реконструкции и восстановления. Указанный принцип претворялся в жизнь в отношении и СССР, и других союзных стран, включая Британию, поставки которой также были приостановлены (21 августа), и она оказалась на грани «экономического Дюнкерка». Правда, в конце 1945 г. Британия получила американский заем, хотя

и на обременительных для нее условиях. Переговоры же с СССР о кредитах не привели ни к чему.

Еще более серьезному сомнению интерпретацию «новыми левыми» политики Трумэна подверг Дж. Гэддис. Р. Поллард, также оспоривший их тезисы, рассматривает директиву от 11 мая 1945 г. как серьезную ошибку, однако не считает ее почему-то преднамеренной политической акцией. Президент Трумэн, полагает он, по-видимому, не осознал дипломатического значения такой меры: «Ленд-лиз явился скорее элементом раздражения в советско-американских отношениях, нежели решающим ускорителем холодной войны». Известно, впрочем, что прекращение ленд-лиза, также, как и затягивание правительством США решения о предоставлении кредита СССР, усилило подозрения Сталина в отношении Запада и подкрепило решимость советского диктатора к консолидации «собственной» сферы интересов.

Итак, американские и британские исследования подчеркивают комплексный характер программы ленд-лиза. Экономические ее цели – содействие созданию материальных основ победы Объединенных Наций, обеспечение предпосылок к усилению влияния и позиций глобализма США в послевоенном мире. Политические цели ленд-лиза – в том, что был отработан новый механизм связей капиталистических стран с СССР, не имевший до того аналогов в мировой практике; что утвердились новые формы международного сотрудничества, которое выходило за рамки только торговых операций. Особенно важно, как это представляется некоторым исследователям политики Рузвельта, что программу «безоговорочной» помощи России президент с первых дней ее принятия считал средством к преодолению недоверия советского руководства и к подготовке послевоенного партнерства. В основе

эта программа, по их мнению, всегда оставалась политической: Рузвельт оценивал ее скорее под углом «доверия», нежели значимости для советских военных усилий.

В отечественной историографии тема ленд-лиза также актуальна. С конца 1980-х годов определенно возрос интерес к военно-экономическим аспектам взаимоотношений СССР с западными союзниками, наметились сдвиги в сторону более объективного освещения программы ленд-лиза. Об этом свидетельствуют появление ряда работ, так же как и внимание к данной теме в мемуарах адмирала Н. М. Харламова и адмирала Н. Г. Кузнецова. Российские авторы начали исследовать вопрос о значимости и удельном весе отдельных, наиболее важных для советской военной экономики видов западных поставок. И. П. Лебедев (член Закупочной комиссии СССР в США в годы войны) представил новые, скорректированные данные российских архивов о соотношении между выпуском самолетов в Советском Союзе и их поставками из США, опровергнув мнение о незначительной роли ленд-лиза в обеспечении советских ВВС боевой техникой. Согласно этим данным в порядке ленд-лиза в СССР поступило во время войны 20 % от общего производства фронтовых бомбардировщиков, от 16 до 23 % от общего производства фронтовых истребителей. Российскими исследователями выдвигается также задача качественного, а не только количественного анализа поставок по ленд-лизу.

Весьма существенное значение американской помощи СССР по некоторым показателям подчеркнул О.А. Ржешевский; им же уточнен вопрос о поставках США на заключительном этапе войны. На международной конференции в Москве (1993 г.), посвященной союзным конвоям на севере, российские участники отметили, что в СССР направ-

лялись остро необходимые ему высокоточные приборы, станки и инструменты, качественные материалы и дефицитное сырье, продовольствие; все это, как и различные типы вооружения и боеприпасов, поставлялось по заказам СССР, по заявкам советских военных специалистов.

В обстоятельной статье А. С. Орлова и В. П. Кожанова затрагиваются многие малоизвестные сюжеты, в том числе такие, как ленд-лиз для советской тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта; подтверждается большое значение поставок автотранспорта, станков, технологического оборудования, нефтепродуктов. Эти и другие аспекты программы ленд-лиза, его роли как дополнительного источника снабжения СССР освещены российскими, американскими и британскими историками в труде «Союзники в войне», опубликованном в США. Русское издание этого труда, подготовленное Институтом всеобщей истории РАН, приурочено к 50-летию Победы. Вклад ленд-лиза в победу, в развитие межсоюзнических отношений обстоятельно проанализирован в сборниках «Северные конвои», в работах российских исследователей: Бутенина Н.В. Ленд-лиз сделка века; Дроговоз И. Танки ленд-лиза 1941-1945; Бережной С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза; Котельников В. Авиационный ленд-лиз; Ефремова С. Архангельск и ленд-лиз в годы войны; Кашеев Л.Б., Реминский В.А. Автомобили ленд-лиза; Хатанзейский А.В. Бронетехника ленд-лиза в битве за Москву.

В заключение подчеркнем необходимость дальнейшей глубокой разработки вопросов о западных поставках СССР в период Великой Отечественной войны: американских, британских, канадских. Хотя тема ленд-лиза в последнее время более полно представлена в отечественной литературе и на

научных конференциях, это не снимает задачи глубокого ее изучения на базе документов российских архивов.

Рыжков Н.И. Фактор ленд-лиза // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 3.

Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 324–339.

Литература

Асташин, В.В. История международных отношений и внешней политики России: учеб. пособие / В.В. Асташин. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 382 с.

Барышников, Н.И. Финляндия: из истории военного времени, 1939–1944 / Н.И. Барышников. – СПб.: Наука, 2010. – 408 с.

Безыменский, Л.А. Третий фронт: Секретная дипломатия Второй мировой войны / Л. Безыменский. – М.: Вече, 2003. – 442 с.

Бережков, В.М. Страницы дипломатической истории / В.М. Бережков. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 614 с.

Война и политика, 1939–1941 / отв. ред. А. Чубарьян, Г. Городецкий. – М.: Наука, 2001. – 495 с.

Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / сост. Е.Я. Трояновская. – М.: Политиздат, 1990. – 558 с.

Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 288 с.

Европа между миром и войной. 1918–1939 гг. / отв. ред. А. Чубарьян. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

История дипломатии: сб. / сост. А. Лактионов. – М.: АСТ, 2009. – 943 с.

История международных отношений: В трех томах: Учебник / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. Т. II: Межвоенный период и Вторая мировая война / А. Ю. Борисов, Н. Е. Клейменова, М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров. – 2017. – 496 с.

Кеннан, Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Дж. Кеннан; пер. с англ. – М.: Центрполиграфмаш, 2002. – 479 с.

Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: Ладо-мир, 1997. – 848 с. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 / И.М. Майский. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 783 с.

Мировые войны XX века: в 4 кн. / ред. кол.: В.А. Золотарев [и др.]. – М.: Наука, 2002. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. – М.: Политиздат, 1957.

Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. – М.: Издательство: Вече, 2020. – 464 с.

Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. – М.: Издательство: Вече, 2016. – 128 с.

Ржешевский О.А., Мягков М.Ю., Кульков Е.Н. Вся правда о великой войне. – М.: Издательство: Алгоритм, 2015 г. 256 с.

Ржешевский О.А. Сталин, Рузвельт и Черчилль. Встречи. Беседы. 1941–1945 г. – М.: Алгоритм, 2020. – 352 с.

Семиряга, М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 / М.И. Семиряга. – М.: Высшая школа, 1992. – 303 с.

Сидоров, А.Ю. История международных отношений. 1918–1939 гг. / А.Ю. Сидоров, Н.Е. Клейменова. – М.: Центрполиграф, 2008. – 656 с.

Сиполс, В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны / В.Я. Сиполс. – М.: Международные отношения, 1989. – 336 с.

Системная история международных отношений, 1918–2000: в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Московский рабочий, 2000. – Т. 2. – 243 с.

Тегеран – Ялта – Потсдам: сб. документов / сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. – М.: Междунар. отношения, 1971. – 416 с.

Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона / А.И. Уткин. – М.: Международные отношения, 1989. – 320 с.

Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов / В. М. Фалин. – М.: «Центрполиграф», 2016. – 311 с.

Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин: Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Г. Фейс. – М.: Центрполиграф, 2003. – 590 с.

Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920-1930-х гг. – Москва–Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 486 с.

Черчилль, У. Мировой кризис, 1918–1925 = The world crisis, 1918–1925 / У. Черчилль; пер. с англ. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 328 с.

Чуев, Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин / Ф.И. Чуев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 736 с.

Ялта-45. Начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010.

Оглавление

Введение	3
Тема 1. Итоги Первой мировой войны. Версальско- Вашингтонская система международных отношений	6
1. Социально-экономические и политические последствия мировой войны	6
2. Планы великих держав по мирному урегулированию и послевоенной организации мира.....	17
3. Парижская мирная конференция.....	30
4. Версальский мирный договор с Германией.....	44
5. Мирные договоры с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией.....	50
6. Русский вопрос на Парижской мирной конференции.....	59
7. Создание и начальный период деятельности Лиги Наций.....	65
8. Вашингтонская конференция 1921-1922 гг. и ее решения	73
9. Противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений	86
10. Оценки решений Парижской конференции советскими и российскими историками.....	91
Самостоятельная работа.....	99
Тема 2. Международные отношения в 1920-е гг.	105
1. Генуэзская конференция. Рапалльский договор.....	105
2. Рурский кризис. «План Дауэса» и «План Юнга»	109
3. Расстановка сил на мировой арене в 1924-1929 гг.	119
4. Проблемы европейской безопасности. Конференция в Локарно	126
5. Проблема разоружения в 1920-е гг.	138

6. Международные отношения на Дальнем Востоке	148
Самостоятельная работа.....	158
Тема 3. Развитие международных отношений и расстановка сил на мировой арене в 1930-е гг.	163
1. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. начало нового этапа в развитии международных отношений	163
2. Проблемы международной безопасности и разоружения в годы мирового экономического кризиса	172
3. Образование новых очагов международной напряженности	182
4. Формирование «оси Берлин-Рим-Токио».....	215
5. Аншлюс Австрии и Мюнхенский договор.....	222
6. Международная обстановка накануне войны. Политический кризис 1939 г.....	240
Самостоятельная работа.....	266
Тема 4. Международные отношения на первом этапе Второй мировой войны (сентябрь 1939 – 21 июня 1941 гг.)	273
1. Причины, периодизация и характер Второй мировой войны.....	273
2. Нападение нацистской Германии на Польшу. «Странная война»	300
3. Присоединение Прибалтики и Бессарабии к СССР	313
4. Советско-финляндская война	329
5. Германская агрессия против Дании и Норвегии. Расширение нацистской агрессии в Северной и Западной Европе. Поражение Франции	335
6. Битва за Британию	340
7. Консолидация блока фашистских держав.....	350

8. Дипломатическая подготовка германского нападения на СССР	358
Самостоятельная работа.....	363
Тема 5. Международные отношения в годы Великой Отечественной войны.....	369
1. Нападение Германии на СССР. Начало складывания антигитлеровской коалиции (июнь 1941-1942 гг.).....	369
2. Антигитлеровская коалиция и проблема второго фронта. Высадка союзников на Сицилии. Капитуляция Италии... ..	386
3. Московская конференция министров иностранных дел 1943 г.....	391
4. Каирская и Тегеранская конференции.....	393
5. Открытие второго фронта в Европе.....	396
6. Антигитлеровская коалиция и польский вопрос. Развал фашистского блока.....	401
7. Конференция в Думбартон-Оксе.....	410
8. Ялтинская (Крымская) конференция	411
9. Завершающий этап войны против Германии.....	417
10. Потсдамская конференция.....	424
11. Капитуляция Японии. Окончание Второй мировой войны.....	430
12. Итоги и уроки Второй мировой войны.....	437
Самостоятельная работа.....	440
Приложение.....	447
Проблемы истории международных отношений в отечественной и зарубежной историографии	447
Советско-финляндская война. Историография вопроса ...	447
Мюнхенская конференция в дискуссиях российских и зарубежных историков.....	468

Советско-германский пакт о ненападении в отечественной и зарубежной историографии	493
Советско-германский договор о ненападении 1939 г. Историография вопроса	520
Современная германская историография о пакте Риббентропа-Молотова	534
Ленд-лиз в исторической литературе	540
Литература.....	578

Учебное издание

Сергеенкова Инна Федоровна

**Международные отношения (1918-1945 гг.)
Актуальные проблемы**

Учебное пособие

Авторская редакция

Компьютерная вёрстка: Ю.Н. Небрачных

Подписано в печать 07.12.2022 Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 34,00. Уч. изд. л. 25,84.

Тираж 38 экз. Заказ № 2203.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18